

ВИТЕБСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ П.М. МАШЕРОВА

Актуальные проблемы сравнительного правоведения: теория и практика

ВИТЕБСК 2017

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Сборник научных статей

Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2017

УДК 340.5(062)
ББК 67.082я431
А43

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 3 от 28.02.2017 г.

Редакционная коллегия:
доктор юридических наук, профессор **В.С. Елисеев** (отв. ред.);
кандидат юридических наук, профессор **А.В. Егоров**;
кандидат философских наук, профессор **А.А. Бочков**; доктор юридических наук, профессор **Э.В. Суслин**; кандидат юридических наук, профессор **И.И. Шматков**; кандидат юридических наук, профессор **А.П. Петров**; кандидат педагогических наук, доцент **Е.Ф. Ивашкевич**; кандидат юридических наук, доцент **П.В. Гурщенков**; кандидат юридических наук, доцент **П.Г. Шеленговский**; начальник центра правовой поддержки и экономического развития ВГУ имени П.М. Машерова **А.В. Губаревич**; координатор проектов центра правовой поддержки и экономического развития ВГУ имени П.М. Машерова **А.А. Федосова**

Р е ц е н з е н т ы :
профессор кафедры права Смоленского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации *Л.В. Виницкий*;
декан юридического факультета Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации *В.Ф. Прокофьев*

А43 **Актуальные проблемы сравнительного правоведения: теория и практика :** сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: В.С. Елисеев (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – 327 с.
ISBN 978-985-517-596-5.

В сборнике представлены научные статьи, подготовленные по итогам международной конференции «Актуальные проблемы сравнительного правоведения: теория и практика» (Витебск, 21–22 апреля 2017 г.), в которых обсуждаются научно-практические подходы к решению проблем сравнительного правоведения в теоретической и практической области.

Адресован научной юридической общественности, практическим работникам, преподавателям, студентам юридических факультетов, а также всем, кто интересуется вопросами компаративистики.

УДК 340.5(062)
ББК 67.082я431

ISBN 978-985-517-596-5

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2017

УДК 347.232

КЛАССИФИКАЦИЯ БЕСХОЗЯЙНЫХ ВЕЩЕЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

О.А. Абрамович, старший преподаватель кафедры теории права и гражданско-правовых дисциплин Барановичского государственного университета

Аннотация. В работе проанализировано правовое положение бесхозяйных вещей. Автором предложена классификация бесхозяйных вещей, а также выявлены некоторые особенности правового режима движимых и недвижимых бесхозяйных вещей.

Введение. По справедливому замечанию Г.Г. Харченко, любое субъективное право предполагает привязку к определенному объекту [1, с. 142]. Без объекта существование такого права становится невозможным. Для вещных прав таким первоначальным объектом, без сомнения, является сама вещь. Особое место в системе объектов гражданских прав занимает категория бесхозяйных вещей. Следует отметить, что вопросам определения понятия, сущности данной правовой категории не уделено должного внимания.

Таким образом, в рамках данного исследования считаем целесообразным рассмотреть некоторые аспекты правового режима бесхозяйных вещей в гражданском праве.

Основная часть. В соответствии со ст. 226 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) бесхозяйной является вещь, которая не имеет собственника или собственник которой неизвестен, либо вещь, от права собственности на которую собственник отказался [2].

Понятие бесхозяйных вещей в действительности является собирательным, охватывающим такие понятия как: вещи, от которых собственник отказался (ст. 227 ГК); находка (ст.ст. 228 и 229 ГК); безнадзорные животные (ст.ст. 231 и 232 ГК); клад (ст. 234 ГК); антикварное, историческое оружие и боеприпасы, иное вооружение или военная техника (ст. 234^1 ГК), археологические артефакты (ст. 234^2 ГК) и т.д. Во всех случаях речь должна идти о возможности приобретения права собственности на вещь, которая не имеет собственника или собственник которой неизвестен, либо вещь, от права собственности на которую собственник отказался.

Вместе с этим, следует учитывать то обстоятельство, что в том случае, если собственник недвижимого имущества умер, имущество не может быть признано бесхозяйным, поскольку у умершего собственника могут быть наследники, независимо от того, было ли открыто наследство и вступили ли в наследство наследники. Отказ собственника от вещи должен выражаться в совершении определенных действий, заключающихся в устранении от владения, пользования и распоряжения этой вещью без дальнейшего сохранения прав на нее.

Понятие бесхозяйной вещи охватывает несколько видов вещей, обладающих различным правовым режимом. Так, с юридической точки зрения вещи следует классифицировать на движимые и недвижимые.

В этой связи представляется также целесообразным классифицировать бесхозяйные вещи на движимые и недвижимые.

В свою очередь, к движимым бесхозяйным вещам следует отнести:

– движимые вещи, от которых собственник отказался;

– находка;

– безнадзорные животные;

– клад;

– бесхозяйное антикварное, историческое оружие и боеприпасы, иное вооружение или военная техника;

– археологические артефакты.

Правовой режим движимых и недвижимых бесхозяйных вещей строится по-разному [3, с. 222]. В этой связи наличие у бесхозяйной вещи статуса недвижимой влечет определенные особенности в ее правовом режиме.

Так, в частности бесхозяйные недвижимые вещи принимаются на учет организациями по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним по заявлению соответствующего государственного органа, если иное не предусмотрено законодательными актами.

Право коммунальной собственности на бесхозяйную недвижимую вещь может быть признано судом.

Бесхозяйная недвижимая вещь, не признанная по решению суда поступившей в коммунальную собственность, может быть вновь принята во владение, пользование и распоряжение оставившим ее собственником либо приобретена в собственность в силу приобретательной давности (ст. 235 ГК).

Также следует отметить, что в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 23 февраля 2012 г. № 100 «О мерах по совершенствованию учета и сокращению количества пустующих и ветхих домов в сельской местности» в целях совершенствования учета и сокращения количества пустующих и ветхих домов с хозяйственными и иными постройками или без них в сельской местности на основании выписки из регистра учета пустующих домов, находящихся в сельской местности, и заключения исполнительный комитет базового территориального уровня либо по его поручению исполнительный комитет первичного территориального уровня не позднее одного месяца со дня включения жилого дома в данный регистр обязан подать в суд по месту нахождения пустующего дома заявление:

– о признании пустующего дома бесхозяйным и передаче его в собственность соответствующей административно-территориальной единицы;

– о прекращении права частной собственности на земельный участок, если земельный участок находится в частной собственности;

– о расторжении договора аренды земельного участка, находящегося в государственной собственности, и прекращении права аренды на него, если земельный участок находится в аренде и право расторжения до-

говора аренды в одностороннем порядке не предусмотрено данным договором [4].

При наличии в пустующем доме движимого имущества, которое не имеет собственника или собственник которого неизвестен, либо имущества, от права собственности на которое собственник отказался, одновременно с подачей заявления, указанного выше, в суд подается заявление о признании этого движимого имущества бесхозяйным и передаче его в собственность соответствующей административно-территориальной единицы.

Таким образом, по итогам проведенного исследования следует сделать вывод о том, что бесхозяйные вещи представляется возможным классифицировать на движимые и недвижимые. Особенностью правового положения недвижимых бесхозяйных вещей является необходимость их учета организациями по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним по заявлению соответствующего государственного органа, если иное не предусмотрено законодательными актами.

Список цитированных источников

1. Харченко, Г.Г. Особенности правопонимания вещи в гражданском праве / Г.Г. Харченко // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – № 2. – С. 142–147.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 янв. 2017 г. № 14-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Горбачева, Л.Н. Гражданское право : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / Л.Н. Горбачева. – М. : Академический Проект : Фонд «Мир», 2005. – 800 с.

4. О мерах по совершенствованию учета и сокращению количества пустующих и ветхих домов в сельской местности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 23 февр. 2012 г., № 100 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2017.

УДК 340.11

РЕЦЕПЦИЯ РИМСКОГО ПРАВА

С.М. Алексеенко, старший преподаватель кафедры истории и теории права Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Аннотация. В статье расскрывается римское право как исключительный по своим особенностям и значению предмет юридического изучения. Римские юристы разработали и переосмыслили многие стороны правовой жизни общества, многие юридические проблемы и казусы, что предопределило рецепцию римского права.

Введение. Римские юристы создали науку римского права, которая по праву пользуется заслуженным авторитетом с древности по настоящее время. Это была первая в истории человечества юридическая наука с абстрактными нормами светского права.

Основная часть. Римское право продолжает активно использоваться в современном мире, оно влияло и влияет на развитие законодательства и правовой науки. Это влияние прослеживается в различных отраслях права - от уголовного до гражданского. Терминология, основные принципы римского права содержатся в любой правовой системе мира.

Целью данного исследования является анализ понятия рецепции римского права, ее видов, проблемы влияния римского права на современную правовую действительность.

Основу методологии познания проблемы рецепции римского права, составили как общенаучные методы познания (диалектика, анализ, синтез), так и частнонаучные методы познания (формально-юридический, сравнительно-правовой, правовой аналогии и др.). Теоретическую основу исследования составили труды ученых в сфере истории и теории государства и права, в частности работы И.С. Перетерского, Д.В. Дождева, Новицкого И.Б.

В последние десятилетия возрастает научный интерес к римскому праву в разных странах мира. Это связано с переходом экономики ряда европейских стран на рыночные отношения. Именно здесь актуальными становятся идеи о роли и месте частного и публичного начал в праве, основы которых заложило римское право.

Рыночные отношения же напрямую связываются с римским правом, в котором центральное место занимает учение о праве собственности.

Само понятие рецепция означает, использование положений римского права другими государствами более позднего периода. Рецепция бывает двух видов:

– первичная, при которой нормы римского права выступали как непосредственный регулятор общественных отношений или как основание для законодательной деятельности;

– вторичная – нормы римского права рецитированы одной правовой системой, заимствовались в таком модифицированном виде другой правовой системой.

В разрешении проблем рецепции римского права нуждается современное правоведение, так считает С.В. Ткаченко в своей работе «Рецепция западного права в России: проблемы взаимодействия субъектов» [4]. Особое значение такое разрешение имеет для частного права.

Современные цивилисты испытывают необходимость в разработке на основе римского права теории права собственности и иных вещных прав, теории владения, теории обязательственных правоотношений, теории правопреемства и пр.

По мнению профессора П. Пишона, римляне были не единственными, кто смог в период Античности создать развитую правовую систему [3]. Достаточно вспомнить о законах Хаммурапи (1750-е гг. до н. э.) или о правовых реформах Солона в Афинах (594 г. до н. э.). Но, именно римляне первыми превратили право в настоящую науку. Особенность римского права состоит в его способности сократить конкретную пробле-

му до одного или двух тезисов, выведя затем из них универсальный закон. Рецепция римского частного права пронизывает большинство сфер общественной жизни, например, привычная возможность обменять бракованный товар в течение срока действия гарантии производителя, происходит из Римской империи. Она существовала еще на рынках Рима и касалась рабов и домашних животных. Если они оказывались бракованными, у покупателя было право объявить договор купли-продажи ничтожным или хотя бы в течение года потребовать скидку в цене. Этот принцип был затем при византийском императоре Юстиниане (годы правления 527-565 гг. н. э.) распространен вообще на все договоры купли-продажи. После краха Западной Римской империи, на территориях, ранее в нее входивших, продолжали действовать те или иные фрагменты римского права, которые сосуществовали параллельно с местным обычным правом. При этом в сфере юрисдикции Восточной Римской империи римское право продолжало полноценно применяться и действовать. В 528 году, византийский император Юстиниан приказал полностью пересмотреть римское право, в результате чего появились три основные составляющие римского права («Дигесты», «Кодекс Юстиниана» и «Институции»), которые были завершены в 534 г. В 554 году Юстиниан ввёл использование своих законов в Италии. Один рукописный экземпляр «Дигестов», найденный позднее в Пизе, был использован в конце XI-го века для возрождения исследований римского права в Болонье. Это вылилось в создание первого Университета и первого юридического факультета в Европе. С этого момента римское право распространилось на всю католическую Европу, продолжая постоянно развиваться и совершенствоваться, оставаясь в этой связи ценным источником для изучения и использования.

Заключение. Когда-то римское право называли «писаным разумом». Разумеется, современное частное право ушло далеко вперед в регламентации сферы имущественных отношений, особенно торгового (коммерческого) оборота. Однако и многие новейшие юридические конструкции складываются из основных, элементарных понятий и категорий, разработанных именно в римском праве. С этой точки зрения римское право продолжает оставаться основой для изучения гражданского законодательства и базой для подготовки квалифицированных юристов.

Список цитированных источников

1. Дождев, Д.В. Практический курс римского права.: учебно-практич. пособие / Д.В. Дождев. - М.: «Норма», 2015. - 576с.

2. Новицкий, И.Б. Римское частное право: учеб. для вузов / И.Б. Новицкий. – М.: ИКД: «ЗЕРЦАЛО - М», 2015. - 560с.

3. Римское частное право: учебник / И.С. Перетерский, В.А. Краснокутский, Е.А. Флейшиц и др; под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. - М.: «Юрайт», 2016. – 608 с.

4. Ткаченко С.В. Рецепция западного права в России: проблемы взаимодействия субъектов: монография / С.В. Ткаченко. – Самара, 2009.- 12,8 п.л.

УДК 343.98

ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЫСКА

И.А. Алхимина, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Аннотация. В статье раскрывается сущность обыска в контексте его технико-криминалистического обеспечения. Формулируется авторская дефиниция понятия «технико-криминалистическое обеспечение обыска».

Введение. Улучшить качество раскрытия и расследования преступлений на современном этапе возможно только путем поиска новых средств и методов борьбы с преступностью в наиболее приближенном к практической деятельности направлении технико-криминалистического обеспечения следственных действий, теоретическая разработка которого целенаправленно сказывается на эффективности расследования преступлений [1, с. 92]. Вопросы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений в разное время рассматривали Л.А, Винберг, Г.И. Грамович, Р.С. Белкин, А.Ф. Волынский, В.А. Волынский, П.Т. Скорченко и др. Технико-криминалистическому обеспечению следственных действий посвящены исследования Д.Ю. Гостевского, И.П. Кочневой и др. Между тем, тема технико-криминалистического обеспечения обыска исследована недостаточно, без учета комплексности и современного состояния технико-криминалистических средств и технологий, что указывает на необходимость ее дальнейшего изучения. Цель исследования заключается в конкретизации сущности обыска в контексте его технико-криминалистического обеспечения, формулировании авторской дефиниции «технико-криминалистическое обеспечение обыска».

Основная часть. Для достижения цели расследования преступлений законодательством Республики Беларусь предусмотрено многообразие следственных действий, из которых следователю (лицу, производящему дознание) необходимо своевременно и правильно сделать выбор для реализации криминалистических задач конкретного преступления. Наиболее полно эти задачи в контексте проведения следственных действий отражает понятие технико-криминалистического обеспечения и сопровождения расследования преступлений, под которым понимается комплексная организационно-функциональная система, направленная на создание условий постоянной готовности служб и подразделений правоохранительной системы к быстрому и эффективному решению технико-криминалистических задач и на практическую реализацию этих условий в целях получения, накопления, обработки криминалистически значимой информации и ее использования в процессе раскрытия и расследования преступлений [2, с. 253]. Обыск является неотложным, принудительным следственным действием, заключающимся в обследовании помещений, участков местности или живых лиц с целью обнаружения, фиксации и

изъятия орудий преступления, предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела, а также отыскания разыскиваемых лиц и трупов [3, с. 236]. Обыск – одно из трудоемких следственных действий, поскольку сочетает в себе оперативность и тщательную его подготовку, что соответственно требует как умственных, так и физических затрат для правильной организации и проведения данного следственного действия. Однако при профессиональных действиях следователя (лица, производящего дознание), специалиста обыск является важным источником получения, накопления, обработки криминалистически значимой информации для ее использования в процессе расследования преступлений. Криминалистическая сущность обыска заключается в принудительном обследовании различных объектов, связанном с вторжением в законные права частных лиц или организаций [4, с. 315]. На наш взгляд, обыск имеет много общего с осмотром места происшествия, а именно: 1) основной целью обыска, как и осмотра является обнаружение, фиксация, изъятие следов преступления и иных объектов, имеющих значение для расследуемого события; 2) в ходе обыска, как и в ходе осмотра, обстановка их места следы преступления и другие объекты воспринимаются и фиксируются следователем и специалистом в первоначально неизмененном виде, такими, какими они оставались к моменту их обнаружения; 3) субъекты и формы фиксации (путем фотографирования и описания в протоколе следственного действия) идентичны в обоих рассматриваемых следственных действиях; 4) и т.д. В связи с отмеченными сходными целями, задачами, субъектами, особенностями данных следственных действий, представляется возможным адаптировать к обыску и технико-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия, под которым нами понимается функциональная система, направленная на практическую реализацию организационной, технологической и оценочно-контрольной деятельности определенного круга субъектов, основанная на использовании специальных знаний и современных технико-криминалистических средств при осмотре места происшествия в целях получения, накопления, оценки, обработки криминалистически значимой информации для ее дальнейшего использования в процессе раскрытия и расследования преступлений [5, с. 34].

Очевидно, что в структуре системы технико-криминалистического обеспечения обыска, также как и осмотра места происшествия, «технологии применения технико-криминалистических средств отражают механизм деятельности субъекта данной системы по использованию конкретных методов, способов, приемов и средств в определенной последовательности» [6, с. 279]. При этом под технико-криминалистическими средствами мы понимаем систему «специально изготовленных либо приспособленных приборов, устройств, приспособлений, инструментов, материалов, информационных поисковых, идентификационных и иных систем, а также криминалистических технологий их применения в целях обнаружения, фиксации, изъятия, исследования, учета, анализа и оценки

следов преступления и других вещественных доказательств, а также осуществления иных действий по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений» [7, с. 195]. На наш взгляд, данная система технико-криминалистических средств осмотра места происшествия, подразделяющихся на применяемые для: 1) обнаружения следов преступления, 2) их фиксации, 3) изъятия следов преступления [8, с. 44], хорошо корреспондируется с таким следственным действием, как обыск, и позволяет говорить о криминалистических технологиях применения технико-криминалистических средств [6, с. 282], в основном, для фиксации данного следственного действия.

Заключение. Таким образом, технико-криминалистическое обеспечение обыска – это функциональная система, направленная на практическую реализацию организационной, технологической и оценочно-контрольной деятельности определенного круга субъектов, основанная на использовании специальных знаний и современных технико-криминалистических средств в ходе обыска в целях получения, накопления, оценки, обработки криминалистически значимой информации для ее дальнейшего использования в процессе расследования преступлений. Данное понятие имеет большое значение для правильной оценки события преступления, выбора необходимой последовательности действий, ориентированных на эффективное расследование преступления.

Список цитированных источников

1. Дмитриева, Т.Ф. Сущность и содержание технико-криминалистического сопровождения осмотра места происшествия / Т.Ф. Дмитриева // Право.by. – 2011. – № 2. – С. 92–96.

2. Дмитриева, Т.Ф. О соотношении понятий «технико-криминалистическое обеспечение» и «технико-криминалистическое сопровождение» раскрытия и расследования преступлений / Т.Ф. Дмитриева // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. D, Экон. и юрид. науки. – 2010. – № 4. – С. 251–255.

3. Дмитриева, Т.Ф. Криминалистика : конспект лекций / Т.Ф. Дмитриева. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – 334 с.

4. Ищенко, Е.П. Криминалистика для следователей и дознавателей: науч.-практич. пособие. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Юрид. фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2014. – 699 с.

5. Дмитриева, Т. Ф. Технико-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия : монография / Т. Ф. Дмитриева ; под науч. ред. Е. И. Климовой. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова», 2013. – 303 с.

6. Дмитриева, Т. Ф. Технологии применения технико-криминалистических средств при осмотре места происшествия / Т. Ф. Дмитриева // Вестн. Орловского гос. ун-та. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2014. – №5 (40). – С. 278–283.

7. Дмитриева, Т. Ф. О соотношении понятий «технико-криминалистические средства» и «научно-технические средства» / Т. Ф. Дмитриева // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. D, Экон. и юрид. науки. – 2013. – № 5. – С. 191–197.

8. Дмитриева, Т.Ф. Система технико-криминалистических средств, используемых при осмотре места происшествия / Т.Ф. Дмитриева // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2013. – № 1. – С. 42–45.

УДК 341.96

ГОСУДАРСТВО КАК СУБЪЕКТ ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В.А. Барышев, доцент кафедры истории и теории права Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Аннотация. В статье рассматривается проблема участия государства в отношениях промышленной собственности. Для более эффективного использования объектов интеллектуальной собственности, созданных за счет государственного финансирования, предлагается восстановить правосубъектность Республики Беларусь, предоставив государству право на получение патента на изобретение, полезную модель и промышленный образец.

Введение. Проблема участия государства в качестве субъекта промышленной собственности имеет особую значимость, поскольку практически все развитые страны мира финансируют научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.

Основная часть. В Республике Беларусь регулирование деятельности государства в сфере промышленной собственности основывается на Указе Президента Республики Беларусь от 4 февраля 2013 г. №59 «О коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности, созданных за счет государственных средств» [1]. Указ содержит также и Положение с аналогичным названием. Указ и Положение устанавливают, что результаты научной и научно-технической деятельности, созданные полностью или частично за счет средств республиканского или местных бюджетов, а также государственных внебюджетных фондов подлежат обязательной коммерциализации в течение трех лет со дня получения охранного документа на объект интеллектуальной собственности. Вызывает определенные вопросы п. 1.2 Указа, в котором установлено, что при необеспечении государственным заказчиком обязательной коммерциализации результатов НТД в порядке и сроки, установленные в Положении, государственные средства, за счет которых созданы данные результаты, считаются использованными с нарушением бюджетного законодательства и подлежат взысканию в соответствующий бюджет с начислением процентов в размере ставки рефинансированию. По смыслу приведенного пункта получается, что государственный заказчик, получивший деньги из бюджета на НИОКР, в случае необеспечения коммерциализации их результатов, должен бюджетными деньгами (других у него нет) возместить в пустую использованные государственные средства, к тому же еще с процентами. Позитивным следует признать создание государственного реестра прав на результаты научной и научно-технической деятельности, предусмотренный п.2 Указа, что необходимо в любом случае, независимо от того, кому принадлежат патенты – государству или организациям, являющимся распорядителями средств республиканского или местных бюджетов.

С участием государства как субъекта правоотношений интеллектуальной собственности связано и регулирование иммунитетов государства, содержащееся в Европейской конвенции об иммунитете государства [2] и Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности [3]. Данные конвенции регулируют правоотношения, в которых государство является владельцем «патента на изобретение, чертежа или промышленной модели, производственного или товарного знака, фирменного наименования или другого аналогичного права» (ст. 8 Европейской конвенции). В Конвенции ООН также говорится об авторском праве или любой другой форме интеллектуальной или промышленной собственности, пользующейся правовой защитой (ст.14). Содержание приведенных статей свидетельствует о том, что государство рассматривается как потенциальный субъект правоотношений интеллектуальной собственности, в которых оно не пользуется иммунитетом.

Возникает вопрос: почему белорусское государство не становится обладателем патентов на объекты интеллектуальной собственности, созданные за счет государственного финансирования? Очевидно, что это явилось результатом переоценки возможностей рыночной экономики, сложившейся в 90-е гг., когда казалось, что рынок сам все отрегулирует без участия государства.

Представляется, что для более эффективного использования объектов интеллектуальной собственности, созданных за счет государственного финансирования, они должны быть зарегистрированы как принадлежащие государству. С этой целью в Республике Беларусь необходимо создать специальный орган, который по образцу ФАПРИД в России, имел бы полномочия распоряжаться государственными объектами промышленной собственности, передавая их на льготных условиях всем субъектам хозяйствования, заинтересованным в их использовании. Такой государственный орган может быть создан при Государственном комитете по науке технологиям (как вариант выполнение функций может быть возложено на одно из действующих подразделений ГКНТ).

Заключение. На основании изложенного предлагается дополнить Гражданский кодекс Республики Беларусь и Закон «О патентах на изобретения, полезные модели и промышленные образцы» статьей следующего содержания:

«1. Право на получение патента и исключительное право на изобретение, полезную модель или промышленный образец принадлежат Республике Беларусь, если изобретение, полезная модель или промышленный образец явились результатом выполнения научно-технических работ по государственным программам, которые осуществлялись за счет бюджетного финансирования.

2. Если государственный орган по распоряжению объектами промышленной собственности не подаст заявку на получение патента Республикой Беларусь в течение шести месяцев со дня его письменного уведомления исполнителем о получении результата интеллектуальной дея-

тельности, способного к правовой охране в качестве изобретения, полезной модели или промышленного образца, то право на получение соответствующего патента получает исполнитель.

3. Если право на получение патента и исключительное право на изобретение, полезную модель или промышленный образец принадлежит Республике Беларусь, исполнитель обязан путем заключения соответствующих соглашений со своими работниками и третьими лицами приобрести все права либо обеспечить их приобретение для передачи соответственно Республике Беларусь.

4. Если исполнитель, получивший патент на изобретение, полезную модель или промышленный образец в соответствии с п. 2 настоящей статьи на свое имя, примет решение о досрочном прекращении действия патента, он обязан уведомить об этом государственный орган по распоряжению объектами промышленной собственности и по его требованию передать патент на безвозмездной основе Республике Беларусь».

Список цитированных источников

1. О коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности, созданных за счет государственных средств: Указ Президента Респ. Беларусь, 4 февр. 2013 г. № 59 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2013. – № 1/14056.

2. Европейская конвенция об иммунитете государств, заключена в г. Базеле 16 мая 1972 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Конвенция Организации Объединенных Наций «О юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности» (принята резолюцией 59/38 Генеральной Ассамблеи 2 декабря 2004 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://un.org/ru/documents/decl_conv/c. – Дата доступа: 02.09.2017.

УДК 347.63(476)+342.7-053.2(476)

ПРЕЗУМПЦИЯ ОТЦОВСТВА КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ РЕБЕНКА

Е.И. Басалай, старший преподаватель кафедры гражданского права Белорусского государственного университета

Аннотация. Презумпция отцовства в законодательстве о браке и семье Республики Беларусь установлена в целях охраны интересов ребенка и его матери. На основании анализа литературных источников и действующего законодательства в статье рассматривается сущность презумпции отцовства как средства защиты прав и законных интересов ребенка, затронута проблема конфликта презумпции бывшего и настоящего мужа матери и сформулировано предложение по решению указанной проблемы.

Введение. Семья является наиболее благоприятной средой для рождения и воспитания ребенка. Ребенок рожденный в браке относится к категории наиболее защищённого, поскольку в данном случае отцом признается муж матери, т.е. действует так называемая презумпция отцовства.

Основная часть. Презумпция отцовства известна правовым системам многих зарубежных государств и является способом защиты прав и законных интересов ребенка. Согласно классической презумпции отцовства, ее действие обусловлено моментом зачатия ребенка (Венгрия, Италия, ФРГ и другие государства). Момент зачатия как основной элемент презумпции отцовства имеет юридическое значение и тех государствах, где действует разновидность презумпции отцовства — презумпция законнорожденности (Япония)[10, 91].

Так, согласно Гражданскому кодексу Японии законнорожденным будет являться ребенок, родители которого состояли в зарегистрированном браке на момент его зачатия, рождение ребенка должно произойти спустя не менее 200 дней после заключения брака или 300 дней после расторжения или аннулирования или признания недействительным брака. Таким образом, ребенок, зачатый в браке, но родившийся после его расторжения, считается законнорожденным, в то время как ребенок, родившийся в браке, но зачатый до его заключения, таковым являться не будет. Иными словами, презумпция действует только в случае, когда родители ребенка состояли в зарегистрированном браке на момент зачатия ребенка [1, с. 91].

Н. Ф. Качур относительно презумпции законнорожденности отмечает, что если супруги сами не желают ставить под сомнение происхождение ребенка по отцовской линии, то нет никаких оснований отказываться от ее применения и в данном случае. Поэтому закон при регистрации рождения ребенка не требует установления момента его зачатия, достаточно, чтобы ребенок родился после регистрации брака [1, 92].

Белорусский законодатель в ст. 51 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь (далее – КоБС)допускаепременение двух критериев: момента зачатия и (или) рождения [2]. Это позволяет сделать вывод, что белорусское законодательство закрепляет смешанную модель презумпции отцовства.

Презумпция отцовства может быть опровергнута, однако оспорить ее (или отступить от нее) на этапе записи об отцовстве невозможно. Ее действие предполагает, что отцом ребенка в актовой записи в книге регистраций и в свидетельстве о рождении ребенка будет указан муж матери ребенка даже в случае его несогласия с такой записью в момент ее совершения, и (или) несогласия с ней матери или фактического отца ребенка. Н. Н. Тарусина отмечает, что, в настоящее время презумпция отцовства в браке на этапе совершения записи об отцовстве не предоставляет никакого выбора ни матери, ни фактическому отцу ребенка - каждый из них вправе оспорить эту запись лишь в судебном порядке и установить отцовство [3, с.43].

Запись об отце ребенка, произведенная органами, регистрирующими акты гражданского состояния (далее – органы загс), является доказательством происхождения ребенка от данного лица и может быть опровергнута (оспорена) только в судебном порядке (ст. 48 КоБС). До вступления в законную силу судебного решения, которым был удовлетворен иск об оспаривании отцовства, отцовство супруга матери ребенка является действительным.

В литературе высказывается мнение о том, что существует необходимость корректировки положений о презумпции отцовства в белорусском законодательстве с учетом современных реалий. По сути, сегодня возникает коллизия в применении норм, закрепляющих презумпцию отцовства супруга в отношении ребенка, с одной стороны, и предоставляющих право на установление отцовства в добровольном порядке при рождении ребенка у лиц, не состоящих между собой в браке, с другой стороны. В такой ситуации закономерным является вопрос с позиции обеспечения прав и интересов ребенка, кому отдать предпочтение, отцовству, базирующемуся на браке, или отцовству, основанному на кровном родстве[4, с.39].

В случае прекращения брака в соответствии со ст. 51 КоБС в течение 10 месяцев продолжает действовать презумпция отцовства мужа матери ребенка (бывшего мужа). Это же правило распространяется и на случаи признания брака недействительным, так как признание брака недействительным не должно влиять на объем прав детей, рожденных в недействительном браке. Анализположений ст. 51 КоБС позволяет сделать вывод, что при осуществлении записи о родителях, указанное правило не может быть изменено по воле матери, либо воле мужа матери. Исключение может иметь место только в случае вступления матери ребенка до его рождения в новый брак. Регистрация рождения ребенка, зачатого в браке, но родившегося после расторжения брака, признания брака недействительным, в соответствии со ст. 209 КоБС, в случае, если до дня рождения ребенка прошло не более десяти месяцев, производится в том же порядке, что и регистрация рождения ребенка, родители которого состоят в браке.

Если мать ребенка заявляет о рождении ребенка от другого лица (но не бывшего супруга), то запись об этом лице может быть сделана только в случае добровольного установления отцовства (при одновременном согласии матери ребенка, бывшего супруга матери ребенка и отца ребенка) либо на основании решения суда об установлении отцовства. В случае отсутствия заявлений указанных лиц в записи акта о рождении отцом ребенка будет записан бывший супруг матери ребенка. Бывший супруг матери ребенка, а также лицо, желающее признать отцом ребенка, наделены правом впоследствии оспорить соответствующую запись о родителях. Таким образом, законодатель позволяет фактическим родителям ребенка исключить действие презумпции отцовства супруга (бывшего супруга) матери ребенка. Однако законодатель, защищая права ребенка, не позволяет женщине по своей инициативе не указывать бывшего супруга в качестве отца ребенка.

На практике встречаются случаи, когда ребенок рождается в законном браке, заключенном в течение действия презумпции отцовства бывшего супруга матери ребенка (например, в течение десяти месяцев со дня расторжения брака). КоБС не выделяет приоритет какой-либо презумпции. Необходимо отметить, что в некоторых странах, например во Франции, женщина не вправе вступать в другой брак в течение срока действия презумпции. Необходимо законодательно урегулировать данный вопрос

и установить приоритет определенной презумпции. Например, в случае рождения ребенка в зарегистрированном браке, заключенном в течение десяти месяцев с момента расторжения брака, приоритет может быть предоставлен факту рождения ребенка в зарегистрированном браке

Заключение. Таким образом, закрепленная в ч. 4 ст. 51 КоБС презумпция отцовства может порождать на практике конфликт презумпции бывшего и настоящего супруга матери, и привести к искусственному увеличению числа дел об установлении отцовства, не смотря на то что, закрепляя данное правило, законодатель исходил, в первую очередь, из интересов детей.

Анализ основных подходов, сложившихся в науке при решении конфликта презумпции бывшего и настоящего мужа матери, свидетельствует о необходимости легального закрепления преимущества одной из них, отдав предпочтение действительному мужу матери, основываясь на приоритете семейного воспитания ребенка.

Список цитированных источников

1. Максимович, Л. Б. Презумпция отцовства: законодательство и практика применения / Л. Б. Максимович, Т. В. Шершень. //Законы России. –2009. – № 11. – С. 90 – 94.

2. Кодекс о браке и семье Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1990 г., № 425-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. с изм. и доп. по состоянию на 24 дек. 2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Тарусина, Н.Н.Семейное право: Учебное пособие / Н.Н.Тарусина. – М.: Проспект, – 2001. –142 с.

4. Матвеева, Н. А. Презумпция отцовства и проблемы ее опровержения / Н. А. Матвеева // Семейное и жилищное право. – 2014. – № 4. – С. 39–41.

УДК 340.1

МЕТОДОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

А.А. Бочков, декан юридического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, профессор кафедры истории и теории права, кандидат философских наук, доцент

Аннотация. В статье рассматриваются новые подходы, методологии юридической науки: синергетический, герменевтический, плюралистический.

Введение. Юридический метод «как путь юридического познания» – это путь, ведущий от объекта к предмету, от первичных (чувственных, эмпирических) знаний о праве и государстве до теоретического, научно-юридического (понятийно-правового) знания об этих объектах. С помощью юридического метода осуществляется юридизиация (юридическое логарифмирование), познаваемой объективной действительности [1, с. 12]. При этом, он имеет две функции: 1) получение юридических знаний; 2) построение теоретической (научной) системы юридических знаний [1, с. 13].

Основная часть. Методология (учение о методе) – это совокупность принципов, методов и способов исследования действительности. Некоторые ученые (например, российский профессор Марченко М.Н.) кроме принципов и методов, выделяют также и 4 уровня научного исследования: описание, классификацию, объяснение, критику результатов исследования [2, с.12]. Таким образом, методология юридической науки – это обусловленная философским мировоззрением система теоретических принципов, логических приемов и специальных методов исследования, которые применяются для получения новых знаний, объективно отражающих государственно-правовую действительность. Методология также включает способы построения, систему правил и нормативов познания, а также учение об этой системе. Предметом ее является специальная теория рефлексии, философское осмысление принципов организации, регуляции познавательной деятельности, выделения в ней условий, структуры, содержания знаний, путей ведущих к истине [3, с. 365]. «Первоначально методология была явно представлена в практических формах взаимоотношений людей с объективным миром. В дальнейшем она вычленяется в специальный предмет рационального познания и фиксируется как система социально апробированных правил и нормативов познания действия, которые соотносятся со свойствами и законами действительности» [3, с. 365].

Методология включает в себя определенную технику, средства, тактику (принципы, приемы, способы, методы, правила), стратегию (планирование, прогнозирование, направление исследований), методику (процедуры), объединенные в единое целое [4]. Методология – это открытая система, динамично развивающаяся вслед за развитием объекта исследования или опережающая его. От степени развитости методологии зависит уровень развития науки в целом. Уровень развитости методологии обусловлен местом и ролью науки в обществе, престижем ученного, наличием у него сформированных профессиональных, гражданских и нравственных позиций.

В постклассической парадигме (конец XX – начало XXI вв.) субъект, выступает в качестве необходимого, активного участника государственно-правовых отношений. Человек – это онтологический и гносеологический центр реальности [5]. Социальную реальность нельзя считать объективной, потому что она интерсубъективна, т.к. создается индивидами в процессе коммуникативных взаимодействий, поэтому общество и его институты – это конструкции, закрепляемые в различных знаковых системах. Поэтому «законы истории» не носят объективный характер, а являются вторичным, побочным продуктом деятельности исторического процесса [6, с.64]. Следует согласиться с Н.В. Разуваевым, что становление постклассической теории права еще далеко от своего завершения, а отсутствие необходимого философско-методологического фундамента правовых исследований выступает одной из причин кризиса, который переживает теория права [6, с. 64-65]. Сторонники коммуникативной парадигмы права (В.А. Поляков, И.Л. Честнов, Н.В. Разуваев и др.), ставят в основу права не принудительность, а убедительность и коммуникатив-

ность, настаивая на том, что право (трактуемое как коммуникация), не нуждается в подпорке позитивистских или естественно-правовых схем. С их точки зрения, идея коммуникации является самодостаточной [7, с. 21].

Современная постнеклассическая наука, основываясь на диалогическом подходе, акцентируется на решении глобальных проблем, пытается осмыслить разрыв между техническим, информационным развитием общества и отставание его нравственной, духовной, правовой составляющих, как проявление конфликта культуры и цивилизации. При этом на процесс познания в определенной степени влияют такие иррациональные формы как неявное знание, метафора, ракурс, интуитивное бессознательное, абсурд, алогизм, бессмыслица, эмоции и т.д. [8, с. 53], что согласуется с идеями синергетики и герменевтики [8, с. 54]. Поэтому важную роль в изучении государственно-правовых явлений играет синергетическая [9] и герменевтическая [10] методология.

Синергетика (Г. Хакенен, И. Пригожин) – это наука о самоорганизации, совместном действии взаимосвязанных подсистем. Она объединяет усилия различных наук, имеющих различные предметы исследования, но единый объект – государство и право, благодаря чему знания синтезируются, ассимилируются и дополняются. Синергетика как междисциплинарное направление включает в сферу своей методологии средства системно-структурного подхода, обобщенной термодинамики, кибернетики, теории информации, теории вероятности, теории бифуркации, теории катастроф, теории групп и другие, выражающие сущность процесса самоорганизации [4]. В основе данной теории лежат принципы системного единства, развития, иерархичности, обратной связи.

Право и государство являются открытыми, в значительной степени нелинейными, самоорганизующимися системами, где большую роль, особенно на переломных для общества этапах нестабильности, играют вероятностные, случайные связи. Находясь в точке бифуркации [11] (перелома), под влиянием не только внутренних, глубинных, но и внешних факторов, флуктуации [12] (воздействия) она может революционным путем коренным образом изменить траекторию своего движения. При этом направление – многообразно, непредсказуемо, малоуправляемо, а результат оказывается неожиданным, отличным от планируемой цели, предыдущего пути развития (распад СССР, «цветные революции» в странах СНГ и Восточной Европе, процессы интеграции и дезинтеграции, происходящие в мире). Синергетическая методология рассматривает государство и право как сложные, открытые, самоорганизующиеся системы, обладающие такими признаками как целостность, единство, компонентность, структурность, соединенность, интегрированность, соотношение целого и частей, изменяемость, развитость, зависимость, управляемость, функциональность, целеустремленность. Данный подход требует учитывать организационные и дезорганизационные процессы в обществе, стабильность и динамизм, новации и традиции, детерминированность и случайность, необратимость и вероятность [4].

Герменевтическая методология (Гермес – бог красноречия, вестник богов, покровитель глашатаев, послов) – берет свое начало в философских учениях о понимании (конца XIX – начала XX вв.) и связанна с именами В. Дельтея, Г. Гадамера, Ф. Шлейермахера, П. Риккера. Данное направление уделяло особое внимание грамматическому исследованию языка, изучению исторических реалий, вскрытию намеков, смысл которых со временем стал непонятным. Понятие «текст» в герменевтике трактуется довольно широко: рукописное творение авторов, произведения искусства, исторические события, факты и т.д. Необходимо через текст пробиться к духовной жизни автора, а через нее к особенностям исторической эпохи. Герменевтика, как философский метод анализа текста, отказывается от изучения только путем внешнего наблюдения и отдает предпочтение самонаблюдению, путем личностного «в чувствования», «вживания» в объект, посредством сопереживания субъекта.

Герменевтический подход требует знаний правил образования языка и его связей с историческими, национальными и культурными особенностями эпохи, страны, региона. Он предполагает интерсубъективное проникновение в суть литературных образов, аллегорий, метафор, выяснение соотношения различных стилей и диалектов, изучение грамматической, семантической структуры языка и его литературных особенностей. При этом необходимо строго руководствоваться особенностями изучаемой эпохи и не стараться модернизировать, осовременить исторические артефакты.

Заключение. Современная герменевтика активно разрабатывает вопросы интерпретации, объяснения, формально-логического расчленения с целью анализа правового материала.

Методологический плюрализм проповедует применение различных методов, многообразие подходов и точек зрения различных авторов при изучении отдельных явлений, с разных сторон и в разных аспектах. Термин методологический плюрализм впервые применил дореволюционный российский ученый И.А. Ильин, который настаивая на многообразии подходов и методов, отрицал единый, универсальный способ изучения права. Методологический плюрализм основан на открытости познавательного процесса, его целостности, необходимости изучения его в контексте междисциплинарных связей, взаимодополняемости поступающей информации. Его черты антифундаментализм, гипотетичность научных знаний, отрицание возможности установления абсолютной (окончательный) объективной истины, наличие альтернативных подходов. При этом следует согласиться с О.В. Мартышиным, что плюрализм хорош, если он опирается на солидные культурные традиции, сочетается с серьезной борьбой идей, полемикой, нетерпимостью к непрофессионализму, псевдонаучности, халтуре, «самовыражению», продиктованную желаниям славы или корыстными соображениями…, иначе свобода мысли оборачивается разнузданностью, всеядностью и вседозволенностью, что ведет к падению культуры исследования [13].

Только комплексный и всесторонний подход дает объективную истину, подлинную научную картину государственно-правовых явлений.

Список цитированных источников

1. Проблема общей теории права и государства: учебник для вузов / Под общ. ред. члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук проф. В.С. Нерсесянца. – М.: Издательская группа Норма-инфра, 1999. – 832 с.
2. Теория государства и права: учебник / Под ред. М.Н. Марченко. – М.: Издательство «Зерцало», 2009. – 848 с.
3. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
4. Шишкин, В.В. Синергетический подход в теории права: диссертация … кандидата юридических наук: 12.00.01 / В.В. Шишкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dslib.net/teoria-prava/sinergeticheskij-podhod-v-teorii-prava.html. – Дата доступа: 19.01.2017.
5. Что, безусловно, может привести к индивидуалистическому эгоизму.
6. Разуваев, Н.В. Три парадигмы правового познания: к юбилею профессора А.В. Полякова / Н.В. Разуваев // Управленческое консультирование. – Москва: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ., 2015. – №3. – С.64-65.
7. Поляков, А.В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права / А.В. Поляков // Российский ежегодник теории права. – 2008. – №1. – Спб.: Юрид. книга, 2009. – С.21.
8. Понкратова, О.А. Рациональные и иррациональные как взаимодополняющие компоненты познания / О.А. Понкратова // Теория и практика общественного развития. – 2013. – №11. – С.53-54.
9. Синергетика или теория сложных систем междисциплинарного направления науки основана на изучении принципа самоорганизации.
10. Герменевтика (от греч. hermeneutikos – разъясняющий, истолковывающий) – искусство толкования, интерпретации текстов (классической древности, религиозных памятников и т.п.), учение о принципах их интерпретации.
11. Бифуркация – от лат. bifurcus, раздвоение, разделение, разветвление чего-либо.
12. Флуктуация, флюктуация от лат. fluctuation – колебание.
13. Мартышин, О.В. Об особенностях философско-правовой методологии / О.В. Мартышин // Государство и право. – 2016. – №6. – С.21.

УДК 343.237

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

Е.В. Бошукова, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Аннотация. В статье анализируются понятие и признаки приготовления к преступлению. Автором рассматриваются объективная и субъективная стороны приготовления к преступлению, а также вопросы ответственности за приготовление к преступлению.

Введение. Приготовлением к совершению преступления является стадия осуществления задуманного преступления, которая охватывает этап создания условий для совершения этого преступления.

Основная часть. Правовая регламентация условий и пределов ответственности за приготовление содержится в ст. 13 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее - УК).

В соответствии с ч. 1 ст. 13 УК приготовлением к преступлению признается приискание или приспособление средств или орудий либо иное умышленное создание условий для совершения конкретного преступления [1].

Приготовление к преступлению имеет место только в случае прерванности приготовительных действий по независящим от лица обстоятельствам.

Поэтому законодатель указывает, что общественно опасное деяние, прерванное в силу объективных причин, является незавершенным. Так как приготовительные действия во времени отдалены от окончания преступления, их прерванность по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного, должна быть доказана.

С объективной стороны приготовление к преступлению может выражаться в следующих деяниях:

- приискании орудий и средств совершения преступления;
- приспособлении средств и орудий совершения преступления;
- изготовлении средств и орудий совершения преступления;
- сговоре на совершение преступления;
- ином умышленном создании условий для совершения конкретного преступления.

Приискание средств и орудий преступления – это приобретение предметов, которые планируется в дальнейшем использовать в процессе преступления. Способы их получения во владение и правомерность приобретения не имеют значения. Например, покупка, похищение или приобретение иным способом оружия для совершения убийства.

Приспособление средств и орудий совершения преступления - это изменение орудий и средств для придания им определенных свойств, которые позволят использовать их в процессе совершения преступления. Например, подгонка ключа для открытия замка.

Кроме видоизменения средств и орудий совершения преступления, возможно, также их полное изготовление. Например, изготовление ключа для открытия замка.

Иное умышленное создание условий для совершения преступления может выражаться в разных действиях:

- сбор информации для совершения преступления;
- планирование совершения преступления;
- устранение препятствий, мешающих совершению преступления;
- подыскание соучастников преступления;
- соглашение между соучастниками;
- создание условий для сокрытия следов, а также предметов, орудий, средств совершения преступления и т.п.

Следует отметить, что в ч. 1 ст. 30 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК Российской Федерации) определено, что приго-

товлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам [2].

Проведя сравнительный анализ понятия приготовления к преступлению, которое содержится в УК Республики Беларусь и в УК Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что данные понятия схожи, однако в УК Российской Федерации понятие приготовления к преступлению дано более точно. Целесообразно расширить, уточнить понятие приготовления к преступлению в УК Республики Беларусь.

Субъективная сторона приготовления характеризуется наличием умысла, так как создаются условия для совершения преступления. При этом умысел должен быть только прямой. Виновный сознает, что путем определенных действий он создает условия для последующего совершения преступления. Воля виновного прямо направлена на достижение общественно опасных последствий. Нельзя готовиться к причинению вреда, наступление которого лицо не желает, а только допускает возможность его наступления [3, с. 115].

В основном приготовление к преступлению осуществляется в форме действия, однако приготовление к преступлению может быть выражено и в форме бездействия (например, не подключение объекта к охране).

Приготовление к преступлению может состоять как из одного, так и из нескольких подготовительных действий. Однако объем осуществленных приготовительных действий, а также их длительность значения для квалификации не имеют.

Приготовление подлежит квалификации по статье Особенной части УК, предусматривающей ответственность за преступление, к которому лицо готовилось, со ссылкой на ст. 13 УК.

Следует отметить, что возможны случаи совершения иного преступления в процессе приготовительных действий к совершению задуманного преступления. Указанные действия квалифицируются по совокупности преступлений по статье, предусматривающей ответственность за совершенное при приготовлении преступление, и как приготовление к задуманному преступлению.

Если состав задуманного преступления содержит в себе признаки совершенного в процессе приготовления преступления, то ответственность наступает только за приготовление к задуманному преступлению. Наказание за приготовление к преступлению назначается с учетом требований, содержащихся в ст. 67 УК.

Согласно ст. 67 УК при назначении наказания за неоконченное преступление учитываются характер и степень общественной опасности действий, совершенных виновным, степень осуществления преступного намерения и обстоятельства, в силу которых преступление не было доведено до конца [1].

Барков А.В. отмечает, что наказание за приготовление к преступлению, хотя и назначается в рамках санкции статьи УК, предусматривающей ответственность за оконченное преступление, но, как правило, оно минимальное [4].

Заключение. Таким образом, первой стадией совершения преступления являются приготовительные действия, которые создают условия совершения преступления. Общественная опасность приготовления к преступлению состоит в том, что, будучи стадией реализации преступного умысла, обеспечивает в дальнейшем окончание преступления. Выделение стадии приготовления к преступлению необходимо для правильной правовой оценки совершенных деяний, а также для индивидуализации уголовной ответственности.

Список цитированных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь, 09.07.1999 г., № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 19.07.2016 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электрон. ресурс] / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. – Минск, 2017.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63 – ФЗ: принят Государственной Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.: текст Кодекса по состоянию на 07.02.2017 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. Уголовное право. Общая часть: конспект лекций / Э.Ф. Мичулис, В.В.Горбач, Е.Н.Горбач и др.; под общ. ред. Э.Ф. Мичулиса. – Минск: Изд-во МИУ, 2008. - 272 с.
4. Барков, А.В. Правовая регламентация назначения наказания / А.В. Барков // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электрон. ресурс] / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. – Минск, 2017.

УДК 342

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРОЕКТА ЗАКОНА «О НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»

Г.А. Василевич, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Аннотация. Статья посвящена анализу проекта закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», который находится на рассмотрении в Парламенте. Обращено внимание на некоторые пробелу и упущения проекта. Вносятся предложения по его совершенствованию.

Введение. В настоящее время в беларуском Парламенте продолжается работа по доработке проекта нового закона "О нормативных правовых актах Республики Беларусь". Зарубежный опыт свидетельствует, что нормативные правовые акты относятся к одним из самых многочисленных источников национального права. В англосаксонсколй правовой семье некоторую конкуренцию им могут составить судебные прецеденты. Однако и здесь можно наблюдать опрпределенную конвергенцию право-

вых семей. В одних республиках бывшего СССР действуют аналогичные законы, в других, как например, в Российской Федерации, такого рода акта нет, хотя его разработкой занимались солидные научные учреждения.

Основная часть. Изучение проекта названного закона показывает, что по ряду направлений он учел некоторые недостатки ныне действующего аналогичного закона от 10.01. 2000г. Вместе с тем по вышеназванному проекту закона имеется первоочередных замечаний и предложений, которые следует учесть при его доработке. Так, проектом следовало бы ввести в оборот такое понятие как «программные законодательные акты». Это можно сделать в статье 2 проекта закона, предусмотрев в ней новый пункт следующего содержания: «Программные законодательные акты – программные законы и директивы Президента, являющиеся указами программного характера». Кроме того, в этой статье следует дать определение государственных программ подготовки проектов и соответствующих планов, о чем идет речь в ст.37 проекта. В качестве возможного рабочего варианта определения программы ее можно было определить следующим образом – «программа подготовки проектов нормативных правовых актов – это утвержденный Президентом Республики Беларусь либо по его поручению Советом Министров Республики Беларусь юридический документ, в котором определяются перечень проектов нормативных правовых актов, сроки и ответственные за их подготовку, ожидаемые результаты от реализации указанных актов». В этом ее отличие от плана, в котором не фиксируются ожидаемые результаты. Можно было бы подумать и об определении концепции развития законодательства. Например, «концепция развития законодательства – это утвержденный Президентом Республики Беларусь юридический документ, в котором анализируется состояние законодательства, определены направления и сроки его дальнейшего совершенствования на перспективу, ожидаемые результаты от такой деятельности».

В пункте втором статьи 3 **с**реди нормативных правовых актов указаны, в частности, решения, принятые республиканским референдумом, и постановления палат Парламента. К нормативным правовым актам, на наш взгляд, следует относить то решение референдума, которое облечено в соответствующую форму – закона (как, впрочем, и решение иного субъекта власти). Кроме того, надо иметь в виду, что наряду с императивными могут проводиться консультативные референдумы. Тем более, что юридическую силу референдума определяет субъект власти, его назначивший (см. пункт 7 ст. 23 проекта).

Практика других стран показывает, что при проведении реорганизации государственных органов, в том числе и самого уровня, ранее принятые ими нормативные правовые акты сохраняют свою юридическую силу. В этой связи в проекте надо вести речь не только о законах Республики Беларусь», но и сохраняющих юридическую силу нормативных постановлениях Верховного Совета Республики Беларусь. Обратим внимание на необходимость решения вопроса в проекте о месте и роли актов орга-

нов межгосударственных образований, в которые входит Республика Беларусь. По этой причине нами предлагается определить юридическую силу специальных законов: они обладают верховенством по отношению к иным законодательным актам, включая кодексы, программные законы, директивы.

Практика функционирования межгосударственных образований, например, Европейского Союза, Совета Европы, свидетельствует, что принимаемые на основе учредительного договора о создании соответствующего образования его органами акты обладают более высокой юридической силой, чем акты органов национального уровня.

Как уже отмечалось выше, не все решения, принятые путем референдума, обладают императивным характером действия. Поэтому в пункте 14 статьи 2 это необходимо учесть.

Требует научного осмысления вопрос о том, какие постановления палат Парламента можно относить к нормативным правовым актам. В статье 3 слова «постановления Палаты представителей и Совета Республики» заменить словами «регламенты Палаты представителей и Совета Республики», так как это единственного исключение, когда наряду с законом иной акт палат Парламента нормативного правового характера облекается в форму постановления. Все иные постановления палат – это ненормативные правовые акты. Если же есть желание у разработчиков подчеркнуть, что речь идет не о постановлениях об избрании руководства палат и т.п., а о принятии Палатой представителей, одобрении Советом Республики законов, то это и следует указать в части второй ст.3. Можно было бы пойти еще дальше и внести некоторые коррективы в закон «О Национальном собрании Республики Беларусь». Так, в статье 71 названного закона Палата представителей указано, в каких случаях, как считает законодатель, принимаются постановления распорядительного и контрольного характера. Это, в частности, постановления об избрании и досрочном освобождении от должности Председателя Палаты представителей и его заместителя и т.п.; о делегировании депутатов Палаты представителей в состав объединенных постоянно действующих делегаций и рабочих групп Национального собрания, представляющих Национальное собрание при осуществлении двусторонних либо многосторонних парламентских контактов или в международных парламентских организациях; о даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении депутата Палаты представителей, на привлечение его в качестве подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу, возбужденному в отношении других лиц либо по факту совершенного преступления, а также на его задержание и иное лишение личной свободы; о назначении выборов Президента Республики Беларусь; о даче согласия Президенту Республики Беларусь на назначение Премьер-министра Республики Беларусь; об одобрении или отклонении программы деятельности Правительства Республики Беларусь; о доверии Правительству Республики Беларусь; об отставке Президента Республики Беларусь; о досрочном освобождении от

должности или смещении с должности Президента Республики Беларусь; об обращении в Конституционный Суд Республики Беларусь с предложением о проверке конституционности нормативных правовых актов; о повестке дня сессии Палаты представителей; о рассмотрении проектов законов в первом или во втором чтении; о создании согласительной комиссии в случае отклонения проекта закона Советом Республики; о повторном рассмотрении проекта закона, отклоненного Советом Республики; о рассмотрении закона, возвращенного Президентом Республики Беларусь с возражениями, или возражений Президента Республики Беларусь на отдельные положения закона, возвращенные для повторного голосования; о рассмотрении временных декретов Президента Республики Беларусь; об отмене распоряжений Председателя Палаты представителей.

Вместе с тем в порядке постановки научной проблемы и ее возможного обсуждения, к постановлениям нормативного характера, помимо регламентов, можно было бы относить те из них, которыми оформлено одобрение или отклонение программы деятельности Правительства Республики Беларусь; решение о повторном рассмотрении проекта закона, отклоненного Советом Республики; о рассмотрении закона, возвращенного Президентом Республики Беларусь с возражениями, или возражений Президента Республики Беларусь на отдельные положения закона, возвращенные для повторного голосования; о рассмотрении временных декретов Президента Республики Беларусь.

Белорусская и зарубежная практика свидетельствуют, что очень важно осуществлять прогноз последствий принятия законов и других нормативных правовых актов. Поэтому в статье 6 следует выделить в качестве самостоятельного (в силу его важности) принцип прогноза последствий правовых, общественно-политических, финансово-экономических, демографических и иных последствий принятия (издания) нормативных правовых актов. Важно восстановить ранее активно осуществляемую практику обсуждения проектов нормативных правовых актов. Это помогает власти заранее почувствовать реакцию людей на предлагаемый к принятию акт, учесть возможные его недочеты и подготовить общественное сознание к его исполнению. Пункт 3 ст.7 предлагаем изложить в следующей редакции: «Порядок проведения публичного обсуждения законопроектов определяется регламентами палат Национального собрания Республики Беларусь. Порядок обсуждения иных проектов нормативных правовых актов определяется Президентом Республики Беларусь либо по его поручению Советом Министров Республики Беларусь».

Еще в период работы в Конституционном Суде автор настоящей статьи обращал внимание на необходимость соблюдения формы акта, в том числе при ее выборе в случае толкования акта, его отмены и др. Полагаем, что в частях второй и третьей пункта 5 статьи 33 надо предусмотреть, что признание утратившими силу актов Главы государства осуществляется актами того же вида, что и признаваемый утратившим силу акт. Жела-

тельно также исходить из того, что и в случае признания утратившим силу временного декрета он все равно подлежит рассмотрению в Парламенте. Это обусловлено тем, что его действие могло привести к определенным правовым последствиям.

Ранее некоторыми чиновниками предлагалось установить в законе срок, в течение которого не допускается повторное внесение изменений и дополнений в закон или иной акт. Полагаем, что надо идти не по этому пути, а по пути повышения качества нормотворческой деятельности. Поэтому статью 35, предусматривающую в качестве общего правила запрет в течение года после принятия закона, внесения в него изменений, дополнений новых корректировок. Кроме того, проект закона предусматривает принцип прогноза последствия принятия актов. Поэтому следует ориентироваться не на формальный срок (в данном случае почему-то установлен года, но может быть и полгода или два года и т.п.), а на потребности общественного развития и качественную работу по подготовке нормативных актов.

В статье 36 (пункты 1 и 2) следует скорректировать последовательность стадий: нормотворческая и законодательная инициатива реализуются не вообще (абстрактно), а путем внесения проекта. Поэтому вначале – планирование подготовки проекта, его подготовка и затем инициатива на внесение уполномоченному органу. Полезно было бы в этих пунктах положения об опубликовании дополнить словами «и введение его в действие». Кроме того, до подписания закона Президентом указать на такую стадию, как «предварительная проверка Конституционным Судом Республики Беларусь в установленном порядке закона на соответствие Конституции Республики Беларусь».

В юридической литературе, в том числе учебной, довольно часто пишут о том, что нормотворческая инициатива выражается не только во внесении проекта акта, но и в высказывании предложения вообще о принятии акта. Считаем такое определение инициативы ошибочным. В ст.40 слова «или мотивированное предложение» предлагаем исключить: считаем, что нормотворческая инициатива должна выражаться во внесении проекта, а не в высказывании «необходимости принятия какого-то акта вообще». Таких «предложений» может быть множество.

Конституции обычно закрепляют перечень субъектов, обладающих правом законодательной инициативы. Сделано это и в нашей (ст.99 Основного Закона). В проекте закона указано, что Президент нашей республики реализует законодательную инициативу как самостоятельно, так и через уполномоченные им органы. Однако Конституция не позволяет расширять круг этих субъектов или делегировать такое право кому-либо еще. Поэтому в пункте 3 статьи 41 слова «или через уполномоченные им органы» исключить. Это обусловлено тем, что следующее предложение раскрывает механизм действий Главы государства посредством назначения докладчика по его законопроекту, но что касается самого права законодательной инициативы, то оно принадлежит исключительно Главе государства.

В статье 46 целесообразно исключить отсылочные нормы на «иные акты законодательства», максимально включив в нее содержащиеся «в иных актах» положения. Среди документов, направляемых на согласование, надо предусмотреть документ, отражающий прогноз последствий принятия акта (включить данное требование в абз. 3 части второй пункта 2 статьи 46.В статье 47 проекта среди документов, представляемых на экспертизу, должен быть документ о прогнозе последствий принятия нормативного правового акта. Аналогично – в статьей 50. В пункте 2 ст. 47необходимо иначе расставить акценты критериев оценки проекта акта: слова «соответствие Конституции Республики Беларусь» заменить словами «соответствие Конституции Республики Беларусь, общепризнанным принципам и нормам международного права, международным обязательствам Республики Беларусь». В статье 52 следует предусмотреть срок, не позднее которого проект должен быть рассмотрен. Например, по общему правилу – «не позднее трех месяцев со дня поступления в нормотворческий орган, а в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь – не позднее одного года». Статью 53 дополнить частью второй следующего содержания «Решение об удовлетворении ходатайства об отзыве проекта нормативного правового акта принимается нормотворческим органом». В части третьей пункта 1 статьи 55 слово «пределы» заменить словами « предмет и пределы». Абз.2 ст. 57 дополнить словами, если иное не предусмотрено частью второй настоящей статьи». В абз. 4 этой статьи слова «местного исполнительного и распорядительного органа» заменить словами «местного Совета депутатов». Это потребует также корректировки ст. 127 Избирательного кодекса. В ст. 60 следует предусмотреть, что по меньшей мере акты органов, указанных в части четвертой пункта 2, всегда публикуются в периодических печатных изданиях. (Полагаем, что и по отношению к актам более высокой юридической силы еще рано было ограничиваться размещением только на Национальном правовом Интернет-портале). По этой причине слова «органами, и (или) по их решению» в части четвертой пункта 2 заменить словами «органами. Наряду с этим по их решению». Аналогичный подход следует обеспечить и в части пятой.

На практике возникает много недоразумений и споров по поводу того, как надо относиться к разъяснениям содержания, порядка применения нормативных правовых актов. Нередко происходит так, что должностное лицо органа государственной власти дает разъяснение на поступивший от гражданина, хозяйствующего субъекта, а затем контролирующие органы, не согласные с данным разъяснением привлекают к ответственности тех, кто действовал строго в соответствии с данным разъяснением. Полагаем, что такая практика неприемлема для правового государства. Поэтому в части третьей пункта 2 статьи 69, где идет речь о таких разъяснениях слова «носят рекомендательный характер» заменить словами «носят обязательный характер».

Заключение. Нормотворческая деятельность является одной из главных функций государства. Точная и выверенная работа в этой сфере

обеспечивает развития нашего государства как правового. В то же время пробелы, неточности и другие дефекты законодательства умаляют авторитет власти, ослабляют доверие к ней граждан. Вот почему лица, занятые подготовкой проектов нормативных правовых актов, должны проявлять профессионализм и ответственность.

УДК 340

ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЛЯЩЕЕСЯ ПРАВОНАРУШЕНИЕ

С.Г. Василевич, доцент кафедры конституционного права Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье анализируется проблема квалификации длящихся административных правонарушений. Обращается внимание на особенности привлечения к административной ответственности за его совершение. Используется белорусский и российский опыт.

Введение. На практике достаточно часто возникают вопросы по поводу привлечения к административной ответственности за длящиеся административные правонарушения. Например, человек проживает без регистрации. Несмотря на выявление этого факта, составление протокола о правонарушении он не принимает мер к регистрации по месту жительства. Когда возможно повторное привлечение его к административной ответственности? Подобных и иных примеров много.

Основная часть. Согласно статье 2.6 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях длящимся административным правонарушением признается деяние, предусмотренное названным Кодексом, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на физическое или юридическое лицо актом законодательства под угрозой административного взыскания. Длящееся административное правонарушение начинается со дня совершения указанного деяния и заканчивается вследствие действий лица, его совершающего, свидетельствующих о прекращении им продолжения административного правонарушения, или с наступлением событий, препятствующих дальнейшему совершению административного правонарушения.

В силу недостаточного освещения данного вопроса в нашей правоприменительной практике обратимся к опыту Российской Федерации. Позиция Верховного Суда Российской Федерации следующая. Так, в соответствии с п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. N 5 "О некоторых вопросах, возникших у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" длящимся является правонарушение (действие или бездействие), которое выражается в длительном непрекращающемся невыполнении или ненадлежащем выполнении обязанностей, возложен-

ных на нарушителя законом. Днем обнаружения длящегося административного правонарушения считается день, когда должностное лицо, уполномоченное составлять протокол об административном правонарушении, выявило факт его совершения. Согласно части второй ст. 4.5 КоАП Российской Федерации при длящемся административном правонарушении сроки давности привлечения к административной ответственности начинают исчисляться со дня обнаружения административного правонарушения. Привлечение к ответственности прекращает правонарушение. Если лицо, привлеченное к административной ответственности, не выполняет обязанности, возложенные на него законом или иным нормативным правовым актом, или делает это ненадлежащим образом, то возможно повторное привлечение его к ответственности. При этом следует учитывать характер обязанности, возложенной на нарушителя, и срок, необходимый для ее исполнения. Моментом начала течения указанного срока является вступление в законную силу ранее вынесенного постановления по тому же составу административного правонарушения.

Согласно статье 7.6 КоАП Республики Беларусь за совершение длящегося административного правонарушения административное взыскание может быть наложено не позднее двух месяцев со дня его обнаружения либо прекращения в случае, когда такое правонарушение было прекращено до его обнаружения, если иное не предусмотрено настоящей статьей. В Российском Кодексе об административных правонарушениях также предусмотрены сроки привлечения к административной ответственности. Общий срок – два месяца. Однако за административные правонарушения, влекущие применение административного наказания в виде дисквалификации, лицо может быть привлечено к административной ответственности не позднее одного года со дня совершения административного правонарушения, а при длящемся административном правонарушении - одного года со дня его обнаружения (ст. 4.5). При этом в случае отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела, но при наличии в действиях лица признаков административного правонарушения сроки, предусмотренные частью первой ст. 4.5, начинают исчисляться со дня совершения административного правонарушения (при длящемся административном правонарушении - со дня его обнаружения).

Но, конечно, и после этого, если не применены меры пресечения, неправомерные действия могут продолжаться. Поэтому Верховный Суд Российской Федерации указал, что если лицо, привлеченное к административной ответственности, не выполняет обязанности, возложенные на него законом или иным нормативным правовым актом, или делает это ненадлежащим образом, то возможно повторное привлечение его к ответственности. При этом следует учитывать характер обязанности, возложенной на нарушителя, и срок, необходимый для ее исполнения. Таким образом, в данном случае идет речь уже о новом правонарушении.

Полагаем, что применение за одно правонарушение основного и дополнительного наказания не может рассматриваться как нарушение ука-

занного принципа. Обычно получает негативную оценку применение двух или более основных и дополнительных мер.

Заключение. Таким образом, реализация в законодательстве и на практике принципа недопустимости повторного привлечения к ответственности за одно и то же правонарушение имеет важное значения для становления нашего государства как правового и демократического, в котором уважаются права и свободы граждан, обеспечивается их право на справедливое правосудие. Его следует закрепить в уголовном, административном, трудовом законодательстве, иных актах законодательства, имеющих базовое значения при решении вопросов юридической ответственности. В качестве возможного варианта решения данного вопроса могло бы быть закрепление данного принципа в готовящемся к принятию Парламентом законе о правовых актах Республики Беларусь.

УДК 342.7

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ В ЦЕННОСТНОЙ ПАРАДИГМЕ ОСНОВНОГО ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

И.В. Вегера, декан юридического факультета Полоцкого государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье раскрывается сущность и особенности категории конституционных прав и свобод. Автором анализируются критерии отнесения определенного комплекса прав и свобод к конституционному уровню. Определяется значение данного института для развития отраслевого законодательства. Обозначается необходимость рассмотрения прав и свобод, не закрепленных в Конституции, но предусмотренных в обязательных для Беларуси международных правовых актах, в качестве конституционных.

Введение. Конституционно-правовое закрепление прав и свобод человека юридически зафиксировало моральную идею о ценности человека и рассмотрении его прав как главной цели государства. Права и свободы стали центральной категорией конституционного права, на которой должна строиться вся система взаимоотношений государства, общества и индивида. Реализация провозглашенных в Конституции Республики Беларусь ценностей в области прав человека является необходимым условием построения правового демократического государства. Данный факт обусловливает важность научного осмысления сущности и особенностей категории конституционных прав и свобод, а также выявления критериев, по которым происходит возведение прав на конституционный уровень.

Основная часть. В содержание правового положения личности включаются права и свободы, регулируемые нормами всех отраслей права. Однако определяющую роль среди них играют те права и свободы, которые установлены Конституцией. Именно они именуются конституционными

или основными правами и свободами и представляют собой центральное звено в системе элементов конституционно-правового статуса личности.

Выделение особой категории прав, закрепляемых на уровне конституции, обусловлено комплексом факторов, особенностей, указывающих на их ведущее место в системе конституционно-правовых ценностей:

- повышенная социальная значимость определенной категории прав и свобод для личности, общества и государства, а также историко-культурные традиции конституционного регулирования данного института;

- прирожденный и неотчуждаемый, универсальный и всеобщий характер прав и свобод;

- обусловленность содержания социально-экономической группы конституционных прав и свобод целями и уровнем развития общества и государства, фактически сложившимися отношениями в обществе, при которых они реально обеспечены и могут быть реализованы;

- влияние международного права. Перечень и содержание конституционных прав, закрепленных в Конституции Беларуси, обусловлены восприятием нашей страной концепции прав человека, признанной международным сообществом в рамках ООН. Большинство прав сформулировано в Основном Законе подобно тому, как это сделано во Всеобщей декларации прав человека и Международных пактах, которые также ратифицированы Республикой Беларусь.

В развитие данного признака важно обозначить необходимость рассмотрения прав и свобод, не закрепленных в Конституции, но предусмотренных в обязательных для Беларуси международных правовых актах, в качестве конституционных. Такой вывод следует из признания Республикой Беларусь приоритета общепризнанных принципов международного права, а также участия страны во многих фундаментальных международных актах в области прав человека. В статье 21 Основного Закона установлена обязанность государства гарантировать права и свободы граждан Беларуси, не только закрепленные в Конституции и законах, но и предусмотренные международными обязательствами страны.

- необходимость особой правовой защиты. Закрепление конституционных прав и свобод актом высшей юридической силы обеспечивает их повышенную защиту, а также стабильность (посредством специальной процедуры изменения Конституции). Особая защита конституционных прав и свобод выводится из высшей юридической силы акта, в котором они закреплены. Она обеспечивается целым комплексом правовых, организационных и иных мер. К правовым, в частности, относятся те нормы Конституции, которые направлены на защиту конституционных прав и свобод. Например, в статье 7 Конституции закрепляется обязанность государства, всех его органов и должностных лиц действовать в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства. Отмечается также, что правовые акты или их отдельные положения, признанные в установленном законом порядке противоречащими положениям Конституции, не имеют юридической силы. Статья 21 Основного За-

кона устанавливает, что государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства. Статья 59 наиболее полно отражает обязанность государства соблюдать и защищать конституционные права и свободы, вплоть до установления ответственности лиц и органов за действия, их нарушающие.

- основополагающий, фундаментальный характер для прав и свобод, устанавливаемых иными нормативными правовыми актами различных отраслей права. Конституционные права и свободы являются определяющими для всех видов прав и свобод, закрепленных в текущем законодательстве. При этом конституционные права не должны находиться в отрыве от отраслевого уровня: взаимная связь конституционных прав с отраслевым законодательством проявляется, с одной стороны, в определении основных направлений развития отраслевых статусов личности, а с другой – в необходимости конкретизации в законодательстве как содержания, так и механизмов воплощения в жизнь конституционных прав и свобод, поскольку это является важнейшей гарантией их реализации при безусловном признании прямого действия конституционных норм;

- высокая степень обобщенности содержания прав и свобод, с одной стороны, и их прямое действие, с другой. Не все конституционные права могут быть подробно раскрыты в отраслевом законодательстве. Отсутствие в нем детальной правовой регламентации характерно, в частности, для тех прав, в основе которых не лежит пользование материальными благами (например, свобода мысли). Применительно к этим правам и свободам текущее законодательство конкретизирует чаще всего основания их неправомерного использования, устанавливая конкретные составы административных правонарушений и преступлений. Однако это не может быть основанием для отказа в защите конкретных действий, которые направлены на реализацию конституционного права, свободы или выполнение конституционной обязанности. Самостоятельная реализация конституционных прав и свобод является таким же правилом, как и осуществление последних через систему отраслевых прав и обязанностей [1, с. 131].

Заключение. Таким образом, отнесение определенного комплекса прав и свобод человека к категории конституционных может быть обусловлено системой взаимоувязанных признаков, указывающих на особую роль данного института в ценностной парадигме Основного Закона Республики Беларусь. Основополагающий характер, неотъемлемость, социальная значимость, универсальный и всеобщий характер прав, реальность и гарантированность, их высокая степень обобщенности предопределяют конституционно-правовой уровень регламентации прав и свобод человека и их особую защиту со стороны государства.

Список цитированных источников

1. Витрук, Н.В. Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук. – М.: Изд-во НОРМА, 2008. – 210 с.

УДК 34(470)

ПРАВО НА ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ

Т.В. Веташкова, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Аннотация. В статье анализируется право на юридическую помощь с позиции содержания, а также исследуются такие аспекты как квалифицированность и эффективность юридической помощи.

Введение. В теоретических исследованиях преимущественно рассматриваются отдельные аспекты юридической помощи, освещаются смежные вопросы, однако комплексного исследования права на юридическую помощь как конституционного права, гарантированного государством и обеспечиваемого специальным правовым институтом – адвокатурой не существует.

Основная часть. Конституция Республики Беларусь провозглашает ряд прав и свобод человека. В этом ряду особое место занимает право на юридическую помощь, однако легального термина «право на юридическую помощь» законодательство не содержит.

Юридические нормы, регулирующие право на получение юридической помощи, являются одними из центральных по значимости с точки зрения обеспечения всех прав и свобод человека и гражданина. Ни одно из предоставляемых Конституцией прав не может быть эффективно осуществлено без права на юридическую помощь, которое может рассматриваться как общеправовая гарантия для всех иных прав.

Согласно абзацу первому статьи 21 Конституции Республики Беларусь [1] «обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства». Эта важнейшая цель государства реализуется, в том числе, созданием и функционированием специального института – адвокатуры.

Статьи 1, 2, абзац 2 статьи 21 Конституции Республики Беларусь [1] предусматривают, что Республика Беларусь – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойный уровень жизни, свободное и достойное развитие личности. Неоспоримо, «достойный уровень жизни» предполагает, наряду с материальной обеспеченностью, благополучием, также и гарантированное право на юридическую помощь.

Представляется, что лицо, не обладающее специальными знаниями в области юриспруденции, не может самостоятельно эффективно реализовать свои права и законные интересы в силу того, что оно не знает об этих правах, не может правильно выбрать и истолковать правовой акт, необходимый для применения, составить документ правового характера, отстоять свои права и интересы перед физическими, юридическими лицами и государственными органами.

Совершенно очевидно, что для этого нужна помощь профессионала – квалифицированного юриста. В связи с этим статья 62 Конституции Республики Беларусь [1] гарантирует каждому право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе – в случаях, предусмотренных законом, – такая помощь оказывается за счет государственных средств; противодействие оказанию правовой помощи в Республике Беларусь запрещается.

Для регулирования права на юридическую помощь в Конституции Российской Федерации характерен акцент на качестве ее оказания, используется термин «квалифицированная» юридическая помощь, что несвойственно для белорусского законодательства.

Так, Конституция Российской Федерации (статья 48) гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи. Закрепление права на квалифицированную юридическую помощь на уровне Конституции свидетельствует об общегосударственном значении данного права и создает гарантии получения юридической помощи любым нуждающимся в ней лицом[2].

В международном праве устоялся термин «эффективная юридическая помощь», а в российском уголовно-процессуальном законодательстве он был трансформирован в термин «квалифицированная юридическая помощь».

В российском законодательстве критерии (стандарты) квалифицированной юридической помощи не определены. В различных государствах критериями квалифицированности являются квалификационный экзамен, наличие юридического образования, стаж работы по специальности, испытательный срок, возрастной ценз и т. д. Квалифицированная юридическая помощь обеспечивается еще и тем, что к субъектам, ее оказывающим, предъявляются повышенные профессиональные, моральные и этические требования. Однако соблюдение данных критериев еще не служит гарантией получения именно квалифицированной юридической помощи, необходимо обеспечение соблюдения всех условий в совокупности.

Таким образом, квалифицированная юридическая помощь должна быть оказана квалифицированными юристами, которые должны отвечать профессиональным и иным квалификационным требованиям и критериям.

Н.С. Амельков полагает, что для определения понятия квалифицированной юридической помощи целесообразно выделить критерии квалифицированности юридической помощи и относит к ним:

- использование законных средств и методов в процессе осуществления деятельности по оказанию юридической помощи;
- системный характер деятельности по оказанию юридической помощи;
- оказание качественной юридической помощи.

• наличие верной правовой позиции, согласованной с доверителем;

• добросовестность осуществления деятельности для достижения ее максимальной эффективности [3, с. 529].

Ученый отмечает, что из приведенного перечня только критерий профессиональности и законности при оказании юридической помощи можно отнести к критериям квалифицированности, поскольку добросовестность и согласованность позиции с доверителем относятся уже к личностным характеристикам конкретного лица, оказывающего юридическую помощь, и предлагает различать понятия «квалифицированная» и «эффективная» юридическая помощь. Так, квалифицированность характеризует субъекта, оказывающего юридическую помощь, то формальную сторону деятельности, деятельность как процесс. Эффективность более ориентирована на результат деятельности, на ее содержательную сторону и указывает на то, что надлежащие действия в необходимом объеме и последовательности реально были совершены, что привело к защите прав, свобод и интересов доверителя.

Так, квалифицированность юридической помощи связана, прежде всего, с субъектом ее оказания, с его деятельностью, а не с достижением положительного результата для доверителя, по которому можно было бы судить о том, квалифицированно она оказана или нет.

В настоящее время в Республике Беларусь отсутствует определенность в вопросе содержания квалифицированной юридической помощи. В ходе проведенного исследования выделены особые признаки квалифицированной юридической помощи:

• деятельность напрвлена на оказание юридических услуг;

• оказывается только определенным субъектом;

• предполагает оказание качественной юридической помощи.

Заключение. Таким образом, под квалифицированной юридической помощью следует понимать деятельность лиц, обладающих специальными знаниями в области права, по оказанию качественных правовых услуг. Представляется, что применение специального указания на квалифицированность оказываемой помощи логично, но несколько излишне, ввиду дополнения термина повторной характеристикой, одной из составляющих его содержание.

Список цитированных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/0.

2. Конституция Российской Федерации: Конституция Российской Федерации, 12 декабря 1993 г. – Издательство «Питер». – СПб, 2016. – 64 с.

3. Амельков, Н.С. Понятие квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве России / Н.С. Амельков // Молодой ученый. – 2013. – № 6. – С. 525-529.

УДК 34.047

ЗАКОН СЛЕДУЕТ ИЗМЕНИТЬ

Л.В. Виницкий, профессор кафедры права Смоленского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. Заслуженный юрист Российской Федерации
Ю.Л. Бурносова, помощник судьи Смоленского областного суда

Аннотация. Законодатель установил порядок, согласно которому, если государственный обвинитель отказался от обвинения, то суд обязан прекратить уголовное дело (уголовное преследование). Такое положение недопустимо, так как лишает суд в указанной ситуации самостоятельности и независимости, превращая его в исполнителя воли прокурора. Мы полагаем, что отказ государственного обвинителя от обвинения не должен иметь для суда обязательного характера, ибо цели правосудия достигаются не непременным согласием суда с доводами обвинителя, а обязательным выслушиванием его.

Введение. В статье 6 УПК РФ сформулировано назначение уголовного судопроизводства, как защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Основная часть. Исходя из назначения уголовного судопроизводства, законодатель предоставил возможность государственному обвинителю отказываться от государственного обвинения при соблюдении условий, указанных в законе.

В частности, в ч. 4 ст. 37 УПК РФ отмечается: «Прокурор вправе в порядке и по основаниям, которые установлены настоящим Кодексом, отказаться от осуществления уголовного преследования с обязательным указанием мотивов своего решения».

Редакция ч. 1 ст. 239 УПК РФ носит обязывающий характер – «...в случае отказа прокурора от обвинения в порядке, установленном частью 7 статьи 246 настоящего Кодекса, судья выносит постановление о прекращении уголовного дела».

В ч. 7 ст. 246 УПК РФ дается разъяснение, согласно которому «если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 2 части первой статьи 27 настоящего Кодекса». Согласно ч.8 этой же статьи государственный обвинитель до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора может также изменить обвинение в сторону смягчения.

И, наконец, в ч. 2 ст. 254 УПК РФ констатируется: «Суд прекращает уголовное дело в судебном заседании в случае отказа обвинителя от обвинения в соответствии с частью седьмой статьи 246 или частью третьей статьи 249 настоящего Кодекса».

Таким образом, можно утверждать, что законодатель установил монополию прокуратуры на поддержание обвинения на стадии судебного разбирательства.

Следует отметить, что позиция законодателя о том, что прокурор может отказаться от обвинения, по нашему мнению, безусловно, прогрессивное явление. Она имеет нравственное значение в деятельности государственного обвинителя, свидетельствует о его объективности и играет большую воспитательную роль, указывая на его беспристрастное исследование и оценку доказательств в ходе судебного следствия, является, в определенных случаях, его обязанностью.

Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что редакция приведенных выше статей явно носит обязывающий характер, предопределяя принятие судом соответствующего решения, несмотря на то, что осуществляя судебную власть суд должен руководствоваться принципом состязательности и основывать свое решение на основе проведенного исследования доказательств по своему внутреннему убеждению.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, "Безусловное следование инициативе стороны обвинения или защиты, заявленному заинтересованным лицом ходатайству, которые всегда преследуют собственный процессуальный интерес, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиции той или другой стороны. Вместе с тем не может рассматриваться как принятие на себя судом не свойственной ему функции обвинения вынесение решения, направленного на исправление допущенных органами, осуществляющими уголовное преследование, нарушений или ошибок, которые могут затрагивать интересы как обвиняемых, так и потерпевших, - иное вынуждало бы его принять решение, заведомо противоречащее закону, что в принципе недопустимо". [1]

В соответствии с ч. 1 ст. 39 УПК РФ, уголовное дело может быть прекращено на предварительном слушании в случае отказа прокурора от обвинения по основаниям, предусмотренным п.п.1 и 2 ч.1 ст. 24 и п.п. 1 и 2 ч.1 ст. 27 УПК РФ. Сказанное проиллюстрируем примером. В. обвинялся и был осужден в том числе за участие в преступном сообществе. В соответствии с обвинительным заключением в преступное сообщество помимо него входили двенадцать человек, с которыми он совершал преступления.

Уголовное дело в отношении В. было выделено из основного дела и рассмотрено в предусмотренном главой 40 УПК РФ порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Подсудимый полностью признал себя виновным в совершении инкриминируемых ему деяний, изобличил других участников организованной группы.

Суд пришел к выводу о том, что были соблюдены положения ст.ст. 317.1 - 317.5 УПК РФ, и постановил в отношении В. приговор, признав его виновным в совершении всех инкриминируемых ему преступлений, в том числе и в участии в преступном сообществе.

После вступления этого приговора в законную силу Свердловским областным судом в общем порядке было рассмотрено основное уголовное дело, из которого выделялось уголовное дело в отношении В.

В ходе предварительного слушания по данному делу государственный обвинитель отказался от поддержания обвинения, предъявленного всем обвиняемым по ст. 210 УК РФ, и постановлением судьи от 9 февраля 2012 г. уголовное преследование в отношении подсудимых по ч. 2 ст. 210 УК РФ прекращено на основании п. 2 ст. 254 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения. [2]

Следует обратить внимание на не единообразную практику суда, когда он приходит к выводу о необоснованности отказа государственного обвинителя от обвинения полностью или в части. Если следовать позиции законодателя, то он должен прекратить уголовное преследование или уголовное дело полностью или в части.

Рассмотрим конкретный пример. Из материалов дела следует, что по факту совершения преступления в отношении потерпевшего Г., органами следствия действия осужденного квалифицированы по п."В" ч. 4 ст. 162 УК РФ.

Государственный обвинитель, выступая в прениях по данному эпизоду, предложил квалифицировать действия осужденного по ч.3 ст. 111 УК РФ, поскольку обвинение по п."В" ч. 4 ст.162 УК РФ не нашло подтверждения.

Суд первой инстанции, не согласившись с мнением прокурора, действия Н. по факту совершения преступления в отношении Г., квалифицировал в соответствии с предъявленным обвинением по п."В" ч. 4 ст.162 УК РФ как разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего.

Президиум Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, изменил судебное решение и квалифицировал деяние осужденного по п."а" ч.3 ст. 111 УК РФ (в редакции Федерального закона от 07.03.2011 г № 26-ФЗ), признав, что судом первой инстанции было допущено существенное нарушение уголовно-процессуального закона. [3, с. 15-16]

Таким образом, в случаях изменения государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения в ходе судебного разбирательства, правоприменительная практика считает, что это предопределяет принятие судом решения в соответствии с данной позицией.

По приговору Батайского городского суда Ростовской области от 16 апреля 2013 г. К. осужден по части 1 ст. 105 УК РФ к восьми годам лишения свободы, а также по другим статьям УК РФ. Государственный обви-

нитель предложил квалифицировать действия К. по ч.1 ст. 109 УК РФ.

Суд первой инстанции с позицией государственного обвинителя не согласился по тем основаниям, что прокурор не дал оценки всем исследованным в ходе судебного разбирательства доказательствам.

Судебная коллегия по уголовным делам Ростовского областного суда 6 августа 2013 г. приговор в части квалификации действий К. по ч.1 ст. 105 УК РФ оставила без изменения, назначенное наказание снизила с восьми до шести лет шести месяцев лишения свободы. Оставляя без изменения приговор в части квалификации действий К. по ч. 1 ст. 105 УК РФ, суд апелляционной инстанции указал, что позиция государственного обвинителя о переквалификации действий осужденного с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 109 УК РФ ущемляет права и законные интересы потерпевшей стороны, а также препятствует восстановлению социальной справедливости.

Постановлением заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 10.11.2014 кассационная жалоба адвоката в защиту интересов осужденного передана вместе с уголовным делом для рассмотрения в президиум Ростовского областного суда.

В кассационной жалобе адвокат просил переквалифицировать действия К. с ч.1 ст. 105 УК РФ на ч.1 ст. 109 УК РФ, поскольку судами необоснованно не была учтена позиция государственного обвинителя, изменившего предъявленное обвинение в сторону смягчения путем переквалификации действий К. с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 109 УК РФ.

Президиум Ростовского областного суда 25.12.2014 кассационную жалобу удовлетворил, указав, что суд первой инстанции принял на себя несвойственную ему функцию обвинения и допустил существенное нарушение уголовно-процессуального закона.[4, с. 45-46].

Представляется, что указание президиума на то, что суд первой инстанции выполнил несвойственную ему функцию спорно, ибо обязанность государства обеспечить осуществление права на справедливую, компетентную и действенную судебную защиту вытекает из являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации Всеобщей декларации прав человека (статья 8), Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 6) и Международного пакта о гражданских и политических правах (статья 2). Предметом рассмотрения суда первой инстанции была правильность квалификации действий подсудимого, которая значилась в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении.

Следует отметить, что приведенная нами позиция соответствует и дореволюционному процессуальному законодательству, и правоприменительной практике советского периода.

Так в ст. 740 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. отмечалось: «Если прокурор находит оправдания подсудимого уважительными, то обязан не поддерживать обвинительного акта, опровергнутого судебным следствием, заявить о том суду по совести».

Выдающийся дореволюционный юрист Розин Н.Н. по этому поводу писал: «Если прокурор вынесет из судебного следствия убеждение о невозможности поддержать обвинение, он, как сторона в процессе, отказывается от обвинения, заявляя о том суду «по совести» (ст. 740 УУС). В этом правиле нашего права отчетливо проводится состязательное начало процесса. Но отказ прокурора от обвинения не освобождает суд от рассмотрения дела, так как не уничтожает обвинительного акта, лежащего в основание судебного следствия и постановки вопросов, и не разрешает других юридических вопросов, которые могут быть связаны с последствиями преступного деяния (ст. Сен. 186, № 78, по делу Леонтьева). Кроме того, согласно взглядам судебной практики, усвоившей традиции розыскного процесса, отказ прокурора от обвинения не обязывает суд принимать мнение прокурора. Нередки, поэтому случаи, когда, несмотря на отказ, суд все-таки, выносит обвинительный приговор» [5, с. 453-454]

Аналогичное положение имелось в ст. 306 УПК РСФСР 1923 г.: «Обвинитель вправе отказаться от обвинения, если придет к убеждению, что данные судебного следствия не подтверждают предъявленного обвинения. Отказ обвинителя от обвинения не освобождает суд от обязанности продолжить дело слушанием и разрешить на общем основании вопрос о правильности предъявленного обвинения и ответственности подсудимого». [6]

В ст. 248 УПК РСФСР 1960 г. указывалось: «Отказ прокурора от обвинения не освобождает суд от обязанности продолжить разбирательство дела и разрешить на общих основаниях вопрос о виновности или невиновности подсудимого» [7]

УПК республики Казахстан и Беларусь также предусматривают возможность продолжения судом рассмотрения уголовного дела.

Ч. 7 ст. 35 УПК РК - Государственный обвинитель, обнаружив в суде обстоятельства, исключающие уголовное преследование, обязан заявить об отказе от обвинения. Заявление государственного обвинителя об отказе от обвинения не препятствует продолжению рассмотрения уголовного дела, если частный обвинитель продолжает поддерживать обвинение.

В случае полного отказа прокурора от обвинения, если от обвинения отказался и потерпевший, суд своим постановлением прекращает дело. Если же потерпевший настаивает на обвинении, суд продолжает разбирательство и разрешает дело в общем порядке. Прокурор в этом случае освобождается от дальнейшего участия в процессе, а обвинение поддерживает потерпевший лично или через представителя (ст.337 ч. 7 УПК РК).

В ч. 2 ст. 18 УПК Республики Беларусь отмечается: «Решение о виновности или невиновности обвиняемого суд выносит лишь на основе достоверных доказательств, подвергнутых всестороннему, полному и объективному исследованию и оценке».

«Производство по уголовному делу подлежит прекращению в судебном заседании при отказе государственного обвинителя от обвинения, если от обвинения отказались также потерпевший, гражданский истец или их представители» (ст.303 ч.1 п. 2 УПК РБ).

«В случае отказа государственного обвинителя от обвинения, если от обвинения отказались также потерпевший, гражданский истец или их представители, суд своим определением (постановлением) прекращает производство по уголовному делу в соответствии с п.2 ч.1 ст. 29 настоящего Кодекса. Если потерпевший, гражданский истец или их представители настаивают на обвинении, суд продолжает разбирательство и разрешает уголовное дело в порядке, установленном настоящим Кодексом. Государственный обвинитель в этом случае освобождается от дальнейшего участия в судебном разбирательстве, и обвинение поддерживают потерпевший, гражданский истец или их представители. Потерпевшему или гражданскому истцу по их ходатайству суд должен предоставить время для приглашения представителя" (ст. 293 ч.1 п.8 УПК РБ).

Заключение. Наш процессуальный кодекс не наделяет потерпевшего правом осуществлять обвинение по делам частно - публичного и публичного обвинения. По этому поводу Конституционный суд РФ отмечает: " в силу особенностей своего статуса потерпевший не наделяется правом предопределять осуществление уголовного преследования по делам публичного и частно - публичного обвинения и его пределы, самостоятельно выдвигать и поддерживать обвинение в суде. В делах данной категории потерпевший осуществляет добавочное (дополнительное) обвинение по отношению к государственному обвинителю, который поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность (часть третья статьи 37 УПК Российской Федерации)".[8]

Представляется, что позиция законодателей Казахстана и Беларуси более убедительна, т.к. представляет возможность вынести судом решение, оценив доказательства по своему внутреннему убеждению, в случае несогласия с утверждением государственного обвинителя, ибо признание лица виновным в совершении преступления составляет исключительную компетенцию судебной власти, представителями которой являются судьи.

Список цитированных источников

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П.
2. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 июля 2013 г № 45-Д13-10. см. Бюллетень Верховного Суда РФ " за 2014 год. Электронный ресурс.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3. 2015 г. Постановление Президиума верховного Суда РФ № 79-1114. Бюллетень/ Верховного Суда РФ № 3. 2016 г. с. 15-16.
4. Постановление президиума Ростовского областного суда от 25.10.2014 г. Бюллетень Верховного Суда РФ № 2 2016 г. С.45-46.
5. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям Н.Н.Розина, ординарного профессора Императорского С-Петербургского Университета. Второе издание, измененное и дополненное. С-Пб. 1914. С. 453 - 454.
6. Утверждено постановлением ВЦИК 15 февраля 1923 г. СУ РСФСР. 1923 г. № 7 Ст. 106.
7. Закон РСФСР от 27.10.1960 г. Об утверждении УПК РСФСР.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 10.03.2016 г. № 457-О.

УДК 340.1

СОСТАВ ФУНКЦИЙ ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А.И. Глинда, аспирант Белорусского государственного университета, магистр юридических наук

Аннотация. В работе на основе анализа научной литературы представлено видение роли и предназначения института юридической ответственности в срезе выполняемых функций. Исходя из понимания одной цели института юридической ответственности, выделяются и рассматриваются во взаимосвязи карательная, превентивная, восстановительная, воспитательная, регулятивная, сигнальная, а также фискальная и правоориентационная функции юридической ответственности.

Введение. Институт юридической ответственности имеет определенное предназначение в праве, которое реализуется в ряде направлений воздействия норм юридической ответственности на общественные отношения правомерного и неправомерного характера. В таких направлениях заключены функции юридической ответственности.

Основная часть. В юридической науке принято считать, что функции юридической ответственности раскрывают ее сущность и социальное назначение[1, с. 90].При этом необходимо различать цели и функции юридической ответственности.

Под целями юридической ответственности понимают то состояние в общественных отношениях, то состояние правопорядка, то состояние обеспечения интересов личности и человека, к которому стремятся при установлении и закреплении института юридической ответственности и отдельных видов юридической ответственности. Функция (функции) юридической ответственности – это миссия, это роль института юридической ответственности в жизни общества и государства [2, с. 571].

Мы придерживаемся позиции о единой цели юридической ответственности – достижение законопослушания, незыблемости закона с использованием метода принуждения, и множества функций, как векторов воздействия во имя достижения указанной цели.

Нельзя сегодня отметить наличия единственного и исчерпывающего перечня функций юридической ответственности. Вместе с тем анализ юридической литературы по данному вопросу позволяет выделять шесть основных признанных функций юридической ответственности, а именно карательная (штрафная), превентивная, восстановительная, сигнальная, регулятивная и воспитательная.

Учитывая целостную природу и единую цель института юридической ответственности, все указанные функции взаимосвязаны и выполняются одновременно, при этом связь отдельных из них между собой выражена в большей степени.

Важнейшей функцией института юридической ответственности является карательная. Она отражает принудительный характер юридиче-

ской ответственности, иллюстрирует воздаяние, кару за содеянное. Данная функция тесно взаимосвязана с превентивной и именно последняя, по нашему мнению, первична, поскольку напрямую соответствует цели юридической ответственности. Через карательное воздействие достигается демонстрация неотвратимости наказания, формируется страх возмездия, что в свою очередь придает нормам об ответственности силу превентивного воздействия.

Восстановительная функция института юридической ответственности, при установлении материальных санкций за правонарушения, выполняется в единстве с еще одной немаловажной, на наш взгляд, функцией – фискальной. Восстановительная функция характеризует юридическую ответственность с позиции необходимости приведения общественных отношений в нормальное состояние, в то время как фискальная обусловлена присутствием финансового элемента института юридической ответственности и состоит в принудительном взыскании в казну государства средств сверх полученной нарушителем материальной выгоды, а зачастую в отсутствии с его стороны материальной выгоды вовсе. Поступившие средства собираются в государственном бюджете и могут быть направлены на финансирование любых запланированных государственных расходов.

Очевидна тесная взаимосвязь восстановительной и фискальной функций, однако фискальная функция не поглощается восстановительной. Так, планируя бюджет на очередной финансовый год и закладывая в него определенные суммы поступлений санкционного характера, законодатель не имеет ввиду восстановление нарушенных общественных отношений, поскольку не может знать, какие из них будут нарушены, а, напротив – планирует затраты на общественно полезные цели.

Следующий блок переплетающихся функций составляют регулятивная, воспитательная, сигнальная и предлагаемая правоориентационная функция.

Регулятивная функция юридической ответственности – это направление правового воздействия норм юридической ответственности, заключающееся в закреплении, регулировании общественных отношений и оформлении их движения путем дозволений, запретов, обязываний и поощрений. Способами осуществления регулятивной функции юридической ответственности являются: определение правового статуса граждан (юридических лиц); фиксация в нормах юридической ответственности составов правомерного поведения путем установления позитивных обязываний, запретов, дозволений, определение условий, при которых субъект должен действовать правомерно. Угроза государственного принуждения участвует в регуляции поведения субъектов в качестве дополнительного (вспомогательного) элемента для тех граждан, которые склонны к совершению правонарушений[3, с. 6].

Воспитательная функция юридической ответственности – это направление правового воздействия норм юридической ответственности на индивидуальное и общественное сознание, заключающееся в форми-

ровании правосознания, правовой культуры и вытеснении из сознания правового нигилизма. Воспитательная функция направлена на формирование уважения к правам и свободам человека и гражданина, социальным ценностям, правовой активности, положительных мотивов поведения, а в итоге на формирование правосознания (как группового, так и индивидуального) и высокой правовой культуры [3, с. 7].

Сигнальная функция – это средство (свидетельство), с помощью которого государство и сообщество могут судить о состоянии законности и правопорядка в обществе и государстве, это средство, с помощью которого можно делать выводы о мерах по улучшению и укреплению правопорядка в государстве и сообществе [2, с. 571].

Рассуждая об указанных направлениях работы института юридической ответственности, остается нераскрытым, с нашей точки зрения, еще один немаловажный аспект – правовая ориентация индивида в пространстве, субъективное различение правомерного и неправомерного поведения.

И воспитательная и регулятивная функции реализуются через воздействие на сознание и поведение индивидов и социальных групп, моделирование правомерного поведения и мышления извне. Правоориентационная же функция – функция индикатора правомерности деяния самим индивидом, ориентир для оценки деликтного статуса поступка.

Если посредством регулятивной и воспитательной функций юридической ответственности законодатель направляет индивида, предопределяет выбор правильного (правомерного) варианта поведения, с помощью сигнальной – определяет сильные и слабые стороны действующего института юридической ответственности, направления совершенствования и развития, то правоориентационная функция – это иной срез, который показывает действие соответствующих правовых норм юридической ответственности в смысле квалификации, оценки совершенного деяния (угрозы его совершения). Особенно ярко данная функция проявляется в ситуациях криминализации и декриминализации какого-либо деяния, когда общественная опасность одного и то же деяния оценивается в обществе по-разному в зависимости от его места в уголовном законе государства. Не всегда в этом смысле и правоприменитель имеет устойчивое убеждение относительно общественной опасности такого состава и использует уголовный закон, как «шпаргалку»для оценки той или иной ситуации действительности.

Заключение. Таким образом, институт юридической ответственности выполняет карательную, превентивную, восстановительную, воспитательную, регулятивную, сигнальную, а также фискальную и правоориентационную функции.

Список цитированных источников

1. Кузьмин, И. А. Юридическая ответственность и ее реализация : учеб.пособие / И. А. Кузьмин. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 219 с.

2. Сільчанка, М.У. Агульнаятэорыя права : вучэб.-метад. комплекс / М.У.Сільчанка. – Гродна :ГрДУ, 2008. – 712 с.

3. Трофимова, М. П. Функции юридической ответственности :автореф. дис. канд. юрид. наук : 12.00.01 /М. П. Трофимова. – Саратов, 2000. - 26 с.

УДК 347.441.87:34.028

МЕДИАЦИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ ВНЕСУДЕБНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ

А.В. Губаревич, начальник центра правовой поддержки и экономического развития, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса юридического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

А.А. Федосова, координатор проектов центра правовой поддержки и экономического развития

Аннотация. В статье анализируются особенности процедуры медиации, рассматриваются основные этапы проведения медиации как альтернативного способа внесудебного урегулирования споров в Республики Беларусь.

Введение. Порядок проведения процедуры медиации зависит от многих факторов: вида данной процедуры, роли и полномочий третьего нейтрального лица - медиатора, природы спора, цели медиации, от того, включена ли медиация в систему деятельности судебных и иных юрисдикционных органов. В доктрине и законодательстве выделяются особенности, характерные для процедуры медиации независимо от вида и сферы ее применения.

Основная часть. Стороны, участвующие в экономическом споре, возникшем из гражданских правоотношений и подведомственном суду, рассматривающему экономические дела (далее - суд), до начала рассмотрения дела по существу могут передать его для урегулирования с участием медиатора[1, ч.1 ст.40-1].

Следует отметить, что в отличие от хозяйственного процесса, в гражданском процессе стороны вправе добровольно урегулировать спор путем применения медиации на любой стадии судебного разбирательства [7, п.3 ст.262].

Для того чтобы перейти из хозяйственного процесса в медиацию, сторонам конфликта необходимо заключить письменное соглашение о применении медиации [1, ч.1 ст.40-1], [2, ч.1 п.1 ст.10].

Такое соглашение может быть заключено несколькими методами.

1. Путем составления одного документа.

2. Путем обмена сообщениями с использованием почтовой связи или иных видов связи, обеспечивающих письменное фиксирование волеизъявления сторон (в т.ч. направление претензии, искового заявления (заявления) и ответов на них), в которых одной стороной предлагается урегулировать спор путем проведения медиации, а другая сторона выражает согласие на это.

3. Путем указания на медиацию в тексте самого договора, из которого возник спор [2, ч.2 п.1 ст.10].

При этом также необходимо помнить, что предложение об урегулировании спора путем проведения медиации может быть сделано по просьбе одной из сторон медиатором [2, ч.3 п.1 ст.10].

Соглашение о применении медиации должно содержать такие существенные условия, как:

1. положение о том, что все или отдельные споры, которые возникли из связывающего стороны правоотношения, подлежат урегулированию путем проведения медиации;

2. сведения о медиаторе (медиаторах);

3. срок проведения медиации;

4. место проведения медиации;

5. сведения о вознаграждении медиатора [2, ч.1 п.3 ст.10].

По согласию сторон в соглашение могут быть внесены изменения и (или) дополнения, а также оно может быть прекращено [2, ч.2 п.3 ст.10].

При заключении соглашения о применении медиации приостанавливается течение сроков исковой давности в отношении требований, вытекающих из прав и обязанностей, составляющих предмет спора сторон, со дня заключения такого соглашения до дня прекращения медиации [2, ст. 11].

При несоответствии соглашения вышеуказанным условиям оно будет считаться недействительным [2, п.4 ст.10]. На это следует обратить внимание, т.к. признание соглашения о применении медиации недействительным повлечет отсутствие приостановления течения срока исковой давности и тем самым сторона утратит право на судебную защиту.

Соглашение о применении медиации не является препятствием для обращения в суд или третейский суд, если иное не предусмотрено законодательными актами [2, п.6 ст.10].

Следует отметить, что медиаторы осуществляют деятельность на основании выданного Министерством юстиции Республики Беларусь свидетельства медиатора. Сведения о медиаторах, имеющих свидетельство, вносятся в Реестр медиаторов. Действия медиатора, противоречащие законодательству и нарушающие права и законные интересы третьих лиц, могут быть обжалованы в судебном порядке [2, ст.6, 9,10].

При переходе в медиацию суд выносит определение об оставлении искового заявления (заявления, жалобы) без рассмотрения согласно правилам, установленным Хозяйственным процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее - ХПК) [1, ч. 2 ст. 40-1, абз. 17 ст. 151]. В соответствии с подп. 1.5 п.1 ст.259 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее - НК) [3] возврат или зачет плательщику полностью или частично уплаченной суммы государственной пошлины производятся в соответствии со ст. 60 НК [4] с учетом особенностей, установленных в ст. 259 НК [3].

Медиация проводится в форме переговоров и включает следующие стадии:

1. открытие медиации (вступительное слово медиатора);

2. представление сторон (исследование обстоятельств спора и интересов сторон);

3. дискуссия сторон по выработке повестки дня и вопросов для обсуждения;

4. индивидуальная беседа медиатора с каждой из сторон (при этом медиатор может проводить такую беседу по своей инициативе или ходатайству сторон (стороны) на любой стадии;

5. выработка предложений по урегулированию спора;

6. подготовка медиативного соглашения и его подписание;

7. завершение медиации.

Медиация происходит в соответствии с Правилами проведения медиации[5], а также Правилами этики медиатора [6].

Неявка сторон или их представителей без предварительного уведомления медиатора может являться основанием для инициирования медиатором прекращения медиации.

В ходе проведения медиации стороны:

определяют наиболее существенные проблемы, возникшие в их отношениях, вызвавшие наличие спора;

при желании излагают свое понимание причин возникновения спора, пути его разрешения и желаемый результат переговоров.

определяют и формулируют круг спорных вопросов, требующих рассмотрения и обсуждения;

выражают свое мнение и позицию по поводу возникшей спорной ситуации;

выделяют основные вопросы, решение которых является наиболее важным для них [5, п.32-34].

Существует несколько вариантов завершения медиации.

1. При заключении сторонами медиативного соглашения - со дня его подписания. Медитативное соглашение заключается в письменной форме (в том количестве экземпляров, которое необходимо для каждой из сторон), подписывается сторонами и медиатором и должно содержать: сведения о сторонах, медиаторе; предмет спора; принятые сторонами обязательства, направленные на урегулирование спора; сроки выполнения обязательств.

Как и в случае с заключением соглашения о применении медиации, полномочия представителя стороны на заключение медиативного соглашения должны быть специально оговорены в доверенности [2, ч.2 п.2 ст.15].

Не подлежат исполнению медиативные соглашения [2, ст.15]:

- не утвержденные судом в качестве мировых соглашений по спорам, находящимся на разрешении суда, в порядке, предусмотренном гражданским процессуальным законодательством;

- не отвечающие требованиям хозяйственного процессуального законодательства о мировом соглашении;

- заключенные с участием медиатора, не включенного в Реестр медиаторов.

2. По письменному заявлению одной, нескольких или всех сторон, направленному медиатору, об отказе от продолжения медиации - со дня направления соответствующего заявления [5, п.43].

3. По истечении срока проведения медиации - со дня его истечения [5, абз.4. п.43].

Медиативное соглашение не должно: противоречить требованиям законодательства; нарушать права третьих лиц.

В случае неисполнения добровольно медиативного соглашения, соответствующего требованиям ХПК о мировом соглашении [1, ст.121-123], суд выдает исполнительный документ на принудительное исполнение медиативного соглашения [1, ч.3 ст.40-1].

Заинтересованная сторона вправе подать заявление о выдаче исполнительного документа в суд по месту нахождения или месту жительства (месту пребывания) должника либо по месту нахождения имущества должника, если место нахождения или место жительства (место пребывания) неизвестны. Заявление и прилагаемые к нему документы можно подать в т.ч. в электронном виде [1, ч. 1, 4 ст. 262-1].

В заявлении необходимо указать [1, ч.2 ст. 262-1]: наименование суда, в который оно подается; фамилии, собственные имена, отчества (наименования) сторон медиативного соглашения, их место жительства (место пребывания) или место нахождения и контактные телефоны; фамилию, собственное имя, отчество медиатора, его место нахождения и контактные телефоны; требование о выдаче исполнительного документа.

К заявлению прилагаются [1, ч.3, ст.262-1]: оригинал медиативного соглашения; доказательства, подтверждающие факт неисполнения другой стороной медиативного соглашения в срок, установленный в нем; доверенность, подтверждающая полномочия представителя лица на подписание заявления.

Заявление может быть подано в течение шести месяцев со дня окончания срока добровольного исполнения медиативного соглашения. Если оно подано по истечении данного срока или с нарушением требований к его форме и содержанию, то заявление возвращается (о чем суд не позднее пяти дней со дня поступления заявления выносит определение, которое может быть обжаловано). Срок подачи заявления может быть восстановлен в случаях и порядке, предусмотренных ХПК [1, ч.5-8 ст.262-1].

Заявление рассматривается в срок не более одного месяца со дня его поступления в суд (включая срок на вынесение определения). Стороны извещаются о времени и месте проведения судебного заседания, но их неявка не препятствует рассмотрению. По результатам суд выносит определение, которое может быть обжаловано в установленном порядке [1, ст.262-2].

Суд может отказать в выдаче исполнительного документа, если установит, что условия медиативного соглашения противоречат требованиям ХПК о мировом соглашении. Такой отказ не препятствует обращению в суд [1, ст.262-3].

Недостижение медиативного соглашения по результатам медиации не препятствует проведению примирительной процедуры в суде [1, ч. 4 ст. 40-1].

Заключение. Особенность процедуры медиации, позволяющая отделить ее от иных способов разрешения спора, - процедурная гибкость, а также принцип автономии воли сторон.

Процедурная гибкость позволяет адаптировать процедуру медиации под особые потребности участников спора. Принцип автономии воли сторон является одним из основных критериев, с помощью которых можно отличить процедуру медиации от иных способов разрешения споров с участием иного лица. На современном этапе, когда наблюдается сближение медиации с иными способами разрешения споров и появление комбинированных методов, особую актуальность приобретает идентифицирующий характер принципа автономии воли сторон, который позволяет относить ту или иную процедуру к медиации.

В связи с этим полагаем необходимым включить принцип автономии воли сторон в перечень законодательно закрепленных принципов медиации, а также в законодательную дефиницию медиации.

Список цитируемых источников

1. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь от 15.12.1998 г. №219-З (в ред. Законов Республики Беларусь от 09.01.2017 №19-З) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. О медиации: Закон Республики Беларусь от 12.07.2013 г. №58-З (в ред. Закона Республики Беларусь от 05.01.2016 №355-З) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Налоговый кодекс Республики Беларусь (особенная часть) от 29.12.2009г. №71-З (в ред. Закона Республики Беларусь от 09.01.2017 №15-З) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Налоговый кодекс Республики Беларусь (общая часть) от 19.12.2002 г. №166-З (в ред. Закона Республики Беларусь от 18.10.2016 №432-З) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Об утверждении правил проведения медиации: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 28.12.2013 г. №1150 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

6. Об утверждении правил этики медиатора: Постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 17.01.2014 г. №15 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

7. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 г. №218-З (в ред. Закона Республики Беларусь 09.01.2017 №14-З) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 343.57:351.761(476.5)

СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ

М.Н. Гуминский, старший оперуполномоченный по особо важным делам Управления по наркоконтролю и противодействию торговле людьми Управления внутренних дел Витебского облисполкома

Аннотация. В статье анализируется наркологическая ситуация в Витебской области, оценивается состояние преступности в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков, раскрываются некоторые пробелы законодательства, позволяющие лицам, совершившим преступления в сфере незаконного оборота наркотиков избегать уголовной ответственности, вносятся предложения по совершенствованию законодательства.

Введение. Республика Беларусь является единственной страной в Европе, где удалось снизить уровень наркопреступности и количество наркозависимых, во многом, благодаря эффективным мерам противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов.

Основная часть. Однако появляются новые тенденции и проявления преступности в области незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов.

Управление по наркоконтролю и противодействию торговле людьми Управления внутренних дел Витебского облисполкома осуществляет в пределах своей компетенции функции по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (далее - наркотики), разрабатывает и реализует меры, направленные на осуществление наркоконтроля, выявление и пресечение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, участвует в реализации государственной политики в области наркоконтроля и противодействия торговле людьми и выполняет иные задачи.

Следует отметить, что принятые всеми субъектами профилактики меры позволили снизить количество лиц, состоящих на учете у врача-нарколога (с 1094 по итогам 2015 г. до 962 по состоянию на 01.01.2017 г.), из которых 32 – несовершеннолетние (на 01.01.2017 г. – 58). Доля наркозависимых лиц, по отношению к общему количеству населения области, составляет 0,081%.

Основную массу потребителей наркотических веществ по-прежнему составляет возрастная группа до 35 лет - 87%. Наибольшее распространение употребления наркотиков по-прежнему отмечается в крупных городах области (Витебске, Орше, Полоцке, Новополоцке) и некоторых районах (Оршанском, Толочинском, Поставском, Чашникском, Городокском, Витебском).

По распространенности среди наркотиков в Витебской области, как и в целом в Беларуси, по-прежнему лидируют наркотики опийной группы (опий, героин, метадон).

На территории Витебской области по состоянию на 09.03.2017 г. выявлено 117 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков – ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее - УК) [1], в марте 2016 г. – 184. По 44 преступлениям действия виновных лиц квалифицированы как сбыт наркотиков (в март 2016 г. – 71). 23 факта сбыта остаются нераскрытыми. Раскрываемость составила 47,7 % (в март 2016 года – 53,5%).

Доля раскрытых фактов сбыта наркотиков по областям составляет: Брестская -76,7%, Гомельская - 72,9%, Гродненская -70,3%, Минская - 56,7%, Могилевская -6 1,3%, г. Минск -38,6%.

В текущем году правоохранительными органами Витебской области ликвидировано 4 помещения, оборудованных для выращивания наркосодержащих культур.

На территории области зарегистрировано 2 преступления, предусмотренных ст.329 УК «Посев или выращивание запрещенных к возделыванию растений или грибов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» (за аналогичный период 2016 года – 0). В этих случаях преступниками на территории Витебского района выращивалась конопля (CANNABIS) с целью дальнейшего сбыта.

В других областях республики выявлено 6 преступлений, предусмотренных ст.329 УК. Из них в Брестской – 3, Гомельской - 1; Гродненской и г. Минске – по 2; Могилевской и Минской – 0.

Повторное появление в общественном месте в состоянии опьянения, вызванного употреблением наркотиков предусматривает уголовную ответственность по ст. ст.328-2 УК. Так, на территории области зарегистрировано 2 таких преступления (за аналогичный период 2016 г. -1).

В других областях республики зарегистрировано 13 преступлений, предусмотренных ст. 328-2 УК, из них в Брестской – 4; г. Минске – 4; Гомельской – 3; Гродненской – 2; Могилевской – 2; Минской – 0.

Сотрудниками подразделений по наркоконтролю и противодействию торговле людьми области выявлено и изъято 14 крупных партий наркотических средств, психотропных веществ. Всего за 2016 г. из незаконного оборота изъято более 102 кг. наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (99,2% от изъятой массы составляет марихуана).

В сфере легального оборота наркотических средств выявлено 4 преступления (март 2016 года – 4).

Целенаправленная деятельность по выявлению и пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков осуществляется Управлением по наркоконтролю и противодействию торговле людьми Управления внутренних дел Витебского облисполкома в сети Интернет.

Так, в 2016 году сотрудниками управления выявлена и пресечена преступная деятельность 14 интернет-магазинов, осуществляющих интернет-торговлю наркотиками.

Остается тревожной ситуация из-за так называемых дизайнерских наркотиков – психоактивные вещества, синтетические заменители како-

го-либо натурального вещества, полностью воспроизводящие наркотические свойства последнего, либо близкие, но не идентичные по строению вещества, как обладающие, так и не обладающие сходной фармакологической активностью, которые разрабатываются с целью обхода действующего законодательства.

Управление по наркоконтролю совместно с Государственным комитетом судебных экспертиз следит и за появлением новых наркотиков. С начала 2017 года список запрещённых веществ пополнили более сорока формул.

Заключение. Территориальные подразделения по наркоконтролю и противодействию торговле людьми органов внутренних дел области в своей практической деятельности сталкиваются с проблемами, связанными с необходимостью внесения изменений в действующее законодательство.

Так, существует необходимость внесения изменений в диспозицию ст.328^{-2} УК, так как в настоящее время ею не предусмотрена уголовная ответственность за отказ от прохождения освидетельствования по аналогии со ст.317^{-1} УК, что зачастую приводит к уходу лиц от уголовной ответственности, ввиду отсутствия у медицинских работников, полномочий по принудительному отбору биосред у освидетельствуемых лиц, в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14.04.2011 г. №497 «Об утверждении положения о порядке проведения освидетельствования физических лиц на предмет выявления состояния алкогольного опьянения и (или) состояния, вызванного потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ» [2].

Кроме того, в силу того обстоятельства, что период распада (полураспада) многих психотропных веществ в организме человека не превышает трех суток, существует проблема их своевременного обнаружения при освидетельствовании, так как в соответствии с п.18 постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 09.08.2011 №81 «Об утверждении инструкции о порядке отбора, хранения и доставки на лабораторное исследование биологических образцов, а также определения в них при лабораторном исследовании концентрации абсолютного этилового спирта, наличия наркотических средств, психотропных, токсических или одурманивающих веществ и внесении изменений и дополнения в постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 09.06.2010 №92» [3], срок доставки биосред на специализированное исследование, которое в настоящее время проводится лишь в г.Витебске и г.Полоцке, установлен на уровне до пяти суток. Ввиду данного обстоятельства, объективно существует необходимость сокращения данного срока до 2 максимум 3 дней.

Список цитированных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 года: одобр. Советом Респ. 24

июня 1999 года: в ред. Закона Респ. Беларусь от 19 июля 2016 года. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Об утверждении положения о порядке проведения освидетельствования физических лиц на предмет выявления состояния алкогольного опьянения и (или) состояния, вызванного потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 14 апр. 2011 г. , №497 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Об утверждении инструкции о порядке отбора, хранения и доставки на лабораторное исследование биологических образцов, а также определения в них при лабораторном исследовании концентрации абсолютного этилового спирта, наличия наркотических средств, психотропных, токсических или одурманивающих веществ и внесении изменений и дополнения в постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 09.06.2010 №92 [Электронный ресурс]: постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь, 9 авг. 2011г., №81 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 346.26:347.19:340.115.7

ИНКУБАТОРЫ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

П.В. Гурщенков, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ договорных отношений возникающих в рамках деятельности инкубаторов малого предпринимательства как в Республике Беларусь так и за рубежом.

Введение. В соответствии с ч. 3 ст. 20 Закона Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. «О поддержке малого и среднего предпринимательства» основными задачами инкубатора малого предпринимательства являются создание организационно-экономических условий для развития субъектов малого предпринимательства путем предоставления им помещений и имущества (специально оборудованные под офисы и производство товаров, выполнение работ, оказание услуг помещения и находящееся в них имущество), информационных и консультационных услуг, оказание содействия в поиске партнеров, получении финансовых ресурсов, проведении обучающих курсов, а также осуществление иной деятельности, не запрещенной законодательством и направленной на выполнение основных задач инкубатора малого предпринимательства[1].

Основная часть. В п. 10 Положения об инкубаторах малого предпринимательства конкретизируется, что инкубатор в соответствии с утверждаемым положением о порядке отбора субъектов малого предпринимательства для предоставления площадей в аренду (субаренду), безвозмездное пользование предоставляет помещения в аренду (субаренду), безвозмездное пользование субъектам малого предпринимательства для

размещения офисов и производства товаров, выполнения работ или оказания услуг [2].

Инкубатор предоставляет помещения в аренду (субаренду), безвозмездное пользование при условии, что срок деятельности субъектов малого предпринимательства с даты государственной регистрации не превышает трех лет, а предоставляемые помещения используются для размещения офисов и производства товаров, выполнения работ или оказания услуг. Не допускается предоставление помещений в инкубаторе субъектам малого предпринимательства, которые осуществляют следующие виды деятельности: деятельность в сфере игорного бизнеса; лотерейная деятельность; деятельность по организации и (или) проведению электронных интерактивных игр; деятельность по производству и (или) реализации подакцизных товаров; деятельность по производству и (или) реализации ювелирных изделий из драгоценных металлов и (или) драгоценных камней; деятельность по добыче полезных ископаемых, за исключением общераспространенных полезных ископаемых; риэлтерская деятельность; страховая деятельность.

Органы местного управления предоставляют льготные условия для создания и функционирования инкубаторов малого предпринимательства, амортизационные отчисления, плату за землю и налог на недвижимость.

По практике зарубежных стран инкубатор и инкубируемое предприятие чаще всего подписывают типовой договор аренды и Соглашение о партнерстве или Соглашение об использовании услуг инкубатора, в которых закрепляется ответственность сторон по предоставлению помещения, услуг административной инфраструктуры и правила оплаты [3].

Исходя из задач, осуществляемых инкубаторами малого предпринимательства в соответствии с законодательством, имеющиеся у них помещения и оборудование предоставляются субъектам малого предпринимательства на основании договоров аренды (субаренды) или безвозмездного пользования. Имеет место заключение инкубаторами малого предпринимательства с клиентами договоров безвозмездного и льготного пользования помещениями (производственными, складскими, офисными, вспомогательными) и сооружениями для осуществления предпринимательской деятельности.

Указанные договоры регулируются ГК и другими нормативными правовыми актами. По договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование (ст. 577 ГК). В силу договора безвозмездного пользования (договора ссуды) одна сторона (ссудодатель) обязуется передать или передает вещь в безвозмездное временное пользование другой стороне (ссудополучателю), а последняя обязуется вернуть ту же вещь в том состоянии, в каком она ее получила, с учетом нормального износа или в состоянии, обусловленном договором (п. 1 ст. 643 ГК).

Однако только этим отношения между инкубаторами и субъектами малого предпринимательства не ограничиваются. Инкубаторы осуществляют консультирование по вопросам бизнеса и управления организацией, финансовой и коммерческой деятельности, по выработке стратегии и тактики поведения организации, по вопросам выбора наиболее перспективных направлений кредитования и инвестирования, по вопросам погашения и отражения в учете дебиторской и кредиторской задолженности, по вопросам применения трудового и хозяйственного законодательства. Субъектам малого предпринимательства оказывается помощь в подготовке локальных актов, связанных с деятельностью организации (приказов, договоров и т.д.), в определении учетной политики организации; в подготовке аналитических записок по финансово-бухгалтерским вопросам, пояснительных записок к годовому бухгалтерскому отчету; в поиске партнеров, инвесторов и кредиторов; проведении маркетинговых исследований; в поиске рынков сбыта, информации о рынках материалов, ценах на услуги; в оценке и обзоре предпринимательских проектов. Инкубаторы осуществляют при необходимости налоговую оценку финансово-хозяйственной деятельности, отдельных сделок с целью совершенствования первичного, бухгалтерского, налогового, статистического учета; содействуют внедрению современных технологий, укреплению связей научно-исследовательских и учебных учреждений с промышленностью; предоставляют справочную и нормативную информацию; организуют взаимодействие с государственными органами по вопросам создания благоприятного климата для развития субъекта малого предпринимательства; ведут претензионную работу; представляют интересы своих клиентов в суде и в других государственных органах при рассмотрении правовых вопросов. Указанные отношения также строятся на договорной основе.

Предоставление субъектам малого предпринимательства со стороны инкубаторов малого предпринимательства помещений и имущества и одновременно оказание различных услуг не является чем-то новым в мировой практике. Так, в Германии бизнес-инкубаторы предоставляют в течение определенного времени молодым малым предприятиям на выгодных условиях инфраструктуру (помещения и технику) и консультации. Речь идет о своего рода совместном офисе с консалтинговым сопровождением [4] .

На практике некоторые инкубаторы заключают договоры на инкубирование или услуги инкубирования (инкубатора).

Названные услуги инкубатор малого предпринимательства оказывает клиенту на возмездной основе. Порядок расчетов определен в договоре на инкубирование.

Заключение. Как видим, в договоре на инкубирование речь идет о предоставлении имущества в безвозмездное пользование и возмездном оказании услуг. Согласно п. 2 ст. 391 ГК, если иное не предусмотрено законодательными актами, стороны могут заключить договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законода-

тельством. Такие договоры именуются смешанными и в ГК, и в литературе. К отношениям сторон по смешанному договору применяются в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых содержатся в смешанном договоре, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора.

Следовательно, по своей правовой природе договор на инкубирование – это договор возмездного оказания услуг, охватывающий многочисленные услуги.

Список цитированных источников

1. О поддержке малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 1 июля 2010 г., № 148-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Положение об инкубаторах малого предпринимательства [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь от 30 дек. 2010 г., № 1911 «О мерах по реализации Закона Республики Беларусь «О поддержке малого и среднего предпринимательства» // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Hahn, M. Förderinstrumente für Nordosteuropa : ein Handbuch für Klein- und Mittelbetriebe: Estland, Lettland, Litauen, Polen, Slowakei, Tschechien / M. Hahn, A. Gotwald, T. Jungreithmeir. – Wien: Linde, 2008. – 197 S.

4. Garscha, A. Förderung der Eigenkapitalfinanzierung kleiner und mittlerer Unternehmen in Deutschland / A. Garscha. – München : GRIN Verl., 2007. – 108 S.

УДК 352.075:342(476)

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В КОНСТИТУЦИОННОМ СТРОЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Д.М. Демичев, заведующий кафедрой теории и истории права Белорусского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор

Аннотация. В статье проводится анализ местного самоуправление в конституционном строе Республики Беларусь.

Введение. В демократическом обществе самоуправлением можно назвать самоорганизацию всего народа, поэтому в конституциях многих государств местное самоуправление закреплено как важнейший принцип демократической системы управления, гарантирующей местное самоуправление, и, следовательно, существенная составная часть конституционного строя.

Основная часть. Понятие «местное самоуправление» рассматривается как одно из неотъемлемых коллективных прав населения соответствующей территории и отражает сложное и многообразное явление, становление и развитие которого неразрывно связано с историческими, политическими, экономическими, этническими, культурными особенностями и традициями территории.

В большинстве стран самоуправление – это категория конституционного и муниципального права и используется обычно в конституционно-правовом регулировании, особенно в таких понятиях как «народное самоуправление», «местное самоуправление», «территориальное общественное самоуправление». Вместе с тем в ряде стран (Великобритания и др.) вопросы местного управления и самоуправления регулируются нормами административного права.

Современные концепции местного самоуправления базируются преимущественно на идеях теоретических подходов, сложившихся исторически и пересмотренных с учетом современных реалий. Модели взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления достаточно разнообразны. Как самостоятельное явление, местное самоуправление зародилось еще в глубокой древности.

В первой трети XIX в. возникновение проблемы самоуправления в западноевропейской правовой мысли представляло собой теоретический противовес практике абсолютистского государства.

Разработка теоретических проблем местного самоуправления и теории «свободной общины» была осуществлена германскими правоведами Э. Мейером, О. Рёсселом, Р. Аренсом. Положения теории «свободной общины» нашли отражение, в частности, в Конституции Бельгии 1831 г., в которой наряду с классической триадой властей – законодательной, исполнительной и судебной – признавалась особая, «общинная» власть.

Против концепции «свободной общины» выступил знаменитый немецкий теоретик права, профессор Гейдельбергского университета Г. Еллинек (1851-1911 гг.). Он писал: «…какие бы территориальные союзы ни существовали в пределах государства, территория их всегда является в то же время государственной территорией»[1].

На смену теории свободной общины в несколько измененном виде пришла хозяйственная теория местного самоуправления. Её сторонниками были знаменитый немецкий юрист Р. Моль (1799-1875 гг.), российский юрист, председатель Московского юридического общества В. Н. Лешков (1810-1881 гг.), русский писатель и общественный деятель, князь А. И. Васильчиков (1818-1881 гг.). Они полагали, что местное самоуправление имеет свою сферу ведения – хозяйственную, отличную от сферы ведения государства – политической. Таким образом, обосновывался негосударственный характер деятельности органов местного самоуправления. Самоуправление считалось таким же самостоятельным, как и государство, но в пределах ведения собственными делами.

С середины XIX в. господствующей в теоретико-правовой науке становится «государственная теория» самоуправления. Ее основателями признаны германские правоведы Л. Штейн (1815-1890 гг.) и Р. Гнейст (1816-1895 гг.). Основная идея данной теории – любая деятельность по управлению, осуществляемая носителем публичных прав и обязанностей, есть деятельность государственная. Не обособление местного союза от государства, а, наоборот, обеспечение государственных интересов и целей составляет сущность местного самоуправления.

В 90-е годы XIX в. государственная теория организации местного самоуправления в России получает практическую реализацию в Положении о губернских и уездных земских учреждениях (1890 г.) и Городовом положении (1892 г.)[2]. На основании этих документов и других реформ: земства были включены в систему органов государственной власти; члены управ утверждались в должности губернатором; председатели губернских управ утверждались Министром внутренних дел России; выборные лица, занимающие должности в представительных органах земского и городского самоуправления, считались на государственной службе (имели чины, носили мундиры, получали государственные награды, могли подвергаться дисциплинарным взысканиям наравне с государственными чиновниками вплоть до отстранения от должностей).

С конца XIX в. местное самоуправление становится постоянным объектом научного осмысления. Результаты научных исследований в этой области активно используются во многих странах при подготовке и проведении политических, административных и правовых реформ. В той или иной мере они учитывались в ходе государственных реформ в России, Беларуси, Украине и других государствах.

После Октябрьской революции 1917 г. II Всероссийский съезд Советов 25 октября (7 ноября) 1917 г. принял написанное В.И. Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!», где говорилось и о власти на местном уровне: «Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок»[3].

Первые конституционные акты Советской власти «Декларация прав народов России» и «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа» отразили идею самоуправления и полновластия трудового народа. При этом В.И. Ленин обращал внимание на две характерные черты, присущие Советам: Советы – носители всей полноты государственной власти; Советы – орган народного самоуправления.

В 60-е годы XX в. в советской юридической литературе происходит возрождение понятия «местное самоуправление» в контексте общественного самоуправления (работы Б. Лазарева, М. Пискотина и др.). В принятой в 1977 г. Конституции СССР усиливается характеристика государственно-властной природы Советов. Как определил Основной Закон СССР, Советы – это органы государственной власти на местах. Они содержат черты государственного органа и общественной организации.

В период «перестройки», начатой М.С. Горбачевым в 1985 г., после его критики обществоведов за одностороннюю трактовку общественных явлений ученые были сориентированы на разработку теоретических проблем социалистического самоуправления народа (работы Г.В. Барабашева, А.П. Бутенко, О.Е. Кутафина, Б.Н. Топорнина, Ю.А. Тихомирова, В.И. Фадеева и др.).

В принятом 9 апреля 1990 г. Законе СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» впервые в законодательство вводится понятие «местное самоуправление»[4].

В Законе БССР от 20 февраля 1991 г. «О местном самоуправлении и местном хозяйстве Белорусской ССР» также вводится такое понятие [5].

Впервые на конституционном уровне понятие «местное самоуправление» закрепляется в Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. как важнейший неотъемлемый элемент конституционного строя, позволяющий гражданам реализовывать свои права на основе конституционных установлений. Согласно статье 117 Основного Закона Республики Беларусь местное самоуправление (вместе с местным управлением) осуществляется гражданами через местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы, органы территориального общественного самоуправления, местные референдумы, собрания и другие формы прямого участия в государственных и общественных делах [6].

В настоящее время правовые основы местного управления и самоуправления в Республике Беларусь (помимо Конституции и Закона о местном управлении и самоуправлении) регулируются, в частности, такими комплексными нормативными правовыми актами, как Закон от 27 марта 1992 г. «О статусе депутата местного Совета депутатов»[7]; указы Президента Республики Беларусь: от 19 сентября 1995 г. № 383 «О проведении реформы органов местного управления и самоуправления»[8]; от 22 февраля 2011 г. № 66 «О некоторых вопросах местного управления и самоуправления»[9] и др.

Действующая в настоящее время в Республике Беларусь система органов местного управления и самоуправления в целом соответствует сложившейся общественно-политической и социально-экономической ситуации и в принципе в каком-либо кардинальном реформировании не нуждается. Тем не менее, с учетом поставленных Пятым Всебелорусским народным собранием 22-23 июня 2016 г. новых, масштабных задач по повышению уровня жизни народа, продвижению страны к более высоким рубежам в этой сфере было бы целесообразным осуществить комплекс мер по укреплению Советов и исполкомов и тем самым расширить их возможности в решении многих вопросов местного значения.

Как показывает анализ, проблемы повышения эффективности функционирования местных органов в реализации задач социально-экономического развития регионов, органически связаны с необходимостью дальнейшего совершенствования законодательства, регламентирующего деятельность данных органов, ибо правовой статус местных Советов, местных исполнительных органов недостаточно урегулирован конституционным и текущим законодательством.

Заключение. В действующей Конституции Республики Беларусь необходимо дать четкое определение понятию «местное самоуправление». А в ней лишь прописывается, каким образом осуществляется местное управление и самоуправление. Кроме того, в Основном Законе следует более конкретно определить место и роль местных исполнительных и распорядительных органов в системе органов исполнительной власти.

Было бы целесообразным предоставить местным Советам депутатов как основному звену местного самоуправления право законодательной инициативы наряду с другими государственными органами и должностными лицами. Как представляется, это позволило бы законодательному органу лучше учитывать мнения непосредственно с мест.

В дальнейшей оптимизации нуждается количество сельских и поселковых Советов, и, прежде всего, их укрупнение, к которому следует подходить весьма скурпулезно. При осуществлении этого процесса следует учитывать минимальные и максимальные пределы численности проживающего на соответствующей территории населения, программы строительства и размещения агрогородков, схемы развития их производственной и социальной инфраструктуры, что повлечет за собой расширение налоговой базы, улучшение бюджетной обеспеченности укрупненных Советов и исполкомов и позволит активизировать их деятельность.

В контексте реализации стоящих перед органами местного самоуправления новых задач в качестве первоочередных выдвигается проблема укрепления их материально-технической и финансовой базы. Уже в ближайшее время следует принять нормативный правовой акт, который бы определял минимальную налоговую базу Советов и исполкомов первичного территориального уровня, закреплял порядок и доходные источники формирования их бюджета, а также расходные полномочия во взаимосвязи с другими уровнями бюджетной системы.

Поиск новых, более совершенных систем руководства, форм и методов организационно-правовой деятельности органов местного самоуправления является важнейшим резервом повышения их социальной роли в решении вопросов местного значения в сочетании с общегосударственными задачами и интересами. Это позволит органам местного самоуправления повысить свою роль в государстве как важнейшего элемента конституционного строя.

Список цитированных источников

1. Еллинек, *Г.* Общее учение о государстве. – СПб., 1908. – С. 479.

2. ПСЗ-3. – Т. 10. – Отд. 1.– № 6927. – Т. 12. – № 8708.

3. *Ленин, В. И.* Рабочим, солдатам и крестьянам / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Изд. пятое. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1974. – Т. 35. – С. 11.

4. Ведомости Съезда народ. депутатов СССР и Верхов. Совета СССР. – 1990. – № 16. – Ст. 276.

5. Ведомости Верхов. Совета БССР. – 1991.– № 11. – Ст. 122.

6. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/0; 2004. – № 188. – 1/6032.

7. Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. – 1992. – № 13. – Ст. 217; Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 6. – 2/1181; 2009. – № 119. – 2/1566.

8. Собрание указов Президента и постановлений Кабинета Министров Респ. Беларусь. – 1995. – № 27. – Ст. 656; Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 25. – 1/12365.

9. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 25. – 1/12365; Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 29.05.2013. – 1/14286.

УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМПОНЕНТА СИСТЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Т.Ф. Дмитриева, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Аннотация. В статье рассматривается один из путей повышения эффективности криминалистического обеспечения осмотра места происшествия – создание информационно-прикладного интерактивного тренажера (ИПИТ). В качестве его первой ступени автор предлагает криминалистическую технологию формирования организационного компонента такого автоматизированного продукта и раскрывает его структуру.

Введение. Современный этап научно-технического прогресса выступает важнейшим источником совершенствования криминалистических средств и технологий проведения следственных действий в рамках расследования преступлений. Повышение эффективности криминалистического обеспечения осмотра места происшествия во многом связано с отысканием средств устранения разрыва между высоким уровнем имеющихся научных разработок и объемом знаний, реально используемых в процессе этого следственного действия. Выход из сложившейся ситуации может быть обеспечен в определенной мере посредством технологизации осмотра места происшествия, в частности посредством реализации на практике современных информационных технологий [1, с. 169].

Цель исследования заключается в конкретизации криминалистической технологии формирования первой ступени (организационного компонента) системы криминалистического обеспечения осмотра места происшествия при создании информационно-прикладного интерактивного тренажера (ИПИТ) «Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия».

Основная часть**.** На основе анализа различных точек зрения ученых-криминалистов, предложенной нами системы технико-криминалистического обеспечения осмотра места происшествия [2, с. 33–34] и теоретической модели криминалистического обеспечения следственных действий [3, с. 231], с учетом формально-структурных позиций в соответствии с системой криминалистики, мы ранее определили, что криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия – это динамическая организационно-функциональная система, ограниченная рамками данного следственного действия, включающая два взаимозависимых блока: теоретический и прикладной [1, с. 68]. Именно прикладной блок указанной системы включает организационный компонент (специфическое организационно-криминалистическое обеспечение), имеющий важное значение при реализации криминалистических знаний и полученных в процессе криминалистического образования умений и навыков

по обнаружению, собиранию, исследованию и использованию доказательственной информации для расследования преступлений. Под ним понимается организационная деятельность следователя (лица, производящего дознание) по привлечению к осмотру места происшествия специалиста; выбору совокупности конкретных технико- и тактико-криминалистических средств и технологий, необходимых для использования при его проведении данного следственного действия, и их быстрое развертывание на месте происшествия [1, с. 69]. На современном этапе борьбы с преступностью Республике Беларусь для обеспечения эффективности криминалистического обеспечения осмотра места происшествия, являющегося многогранным сложным следственным действием, жизненно необходимы разработка и использование автоматизированной программы (информационно-прикладного интерактивного тренажера «Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия»), представляющей системный комплекс материализованных знаний о предложенной системе, включающей организационный, технологический и оценочно-контрольный компоненты [1, с. 171].

Понимая под криминалистическими технологиями осмотра места происшествия непрерывный процесс использования комплекса современных технико-криминалистических средств; целесообразных, эффективных способов и методов; тактико-криминалистических приемов и операций в должной последовательности, в условиях дефицита времени, необходимости решения значительного числа сложных мыслительных задач при крайней недостаточности информации о событии преступления [4, с. 87], на основе публикаций М. Г. Муранова, В. И. Елинского и Ф. М. Ашимова о «Виртуальном осмотре места происшествия» [1, с. 171], для структурирования, придания строгой логической формы знаниям о криминалистическом обеспечении осмотра места происшествия, нами предложена технология формирования 3D информационно-прикладного интерактивного тренажера (ИПИТ) «Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия», включающая организационное, технологическое и оценочно-контрольное обеспечение [1, с. 172, 284–305], которая призвана стать средством обобщения имеющихся данных и способом решения познавательной задачи по материальным следам преступления.

Основные составляющие организационного компонента функционирования системы криминалистического обеспечения осмотра места происшествия, непосредственно влияющие на его качество и эффективность, подчинены тактике данного следственного действия на подготовительном этапе и предусматривают осуществление ряда мероприятий. Поэтому предложенная нами технология формирования ИПИТ в части организационного обеспечения включает, во-первых, сбор информации о преступлении (выбор следственной ситуации), подразумевающий выбор следующих элементов: 1) вид преступления; 2) характер изменения обстановки преступников при поиске предмета посягательства; 3) характер предмета посягательства; 4) место проникновения (отхода); 5) способ доступа к месту проникновения;

6) способ преодоления преграды; 7) отношение к инструменту и приспособлениям для проникновения; 8) следы, индивидуализирующие личность; во-вторых, оценку целесообразности и привлечение специалиста к участию в осмотре места происшествия, включающую три уровня технологических алгоритмов оценки ситуационных факторов и принятия решения о привлечении (непривлечении) соответствующего специалиста для участия в данном следственном действии; в-третьих, выбор совокупности конкретных технико-криминалистических средств, необходимых для осмотра места происшествия осуществляется исходя из двух предложенных уровней их применения: по функциональной направленности и в зависимости от объектов, для выявления (обнаружения) которых применяются технико-криминалистические средства [1, с. 284–294].

Заключение. Таким образом, поскольку эффективность криминалистического обеспечения осмотра места происшествия в первую очередь зависит от его организационного обеспечения, это предопределяет необходимоть компетенции и профессионализма лица, реализующего ориентированные на достижение цели каждого конкретного осмотра места происшествия криминалистические технологии комплексно структурированных знаний. Предложенная нами технология формирования организационного обеспечения осмотра места происшествия является первой ступенью материализации криминалистических знаний при создании 3D информационно-прикладного интерактивного тренажера (ИПИТ) «Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия», позволяющего в итоге не только моделировать следственную ситуацию и следовую информацию, но и составлять подробную схему прямо на реальном месте происшествия, реконструировать совершенное преступление, создавая видеоверсию произошедшего, что, естественно, будет способствовать повышению эффективности криминалистического обеспечения не только осмотра места происшествия, но и расследования преступления в целом.

Список цитированных источников

1. Дмитриева, Т. Ф. Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия : монография / Т. Ф. Дмитриева ; под науч. ред. Е. И. Климовой. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2016. – 307 с.

2. Дмитриева, Т. Ф. Технико-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия : монография / Т. Ф. Дмитриева ; под науч. ред. Е. И. Климовой. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2013. – 303 с.

3. Дмитриева, Т. Ф. Теоретическая модель криминалистического обеспечения следственных действий / Т. Ф. Дмитриева // Наука – образованию, производству, экономике : материалы XXI(68) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 11–12 февр. 2016 г. : в 2 т. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2016. – Т. 1. – С. 228–232.

4. Дмитриева, Т.Ф. Конкретизация понятия «криминалистические технологии» осмотра места происшествия / Т.Ф. Дмитриева // XIX (девятнадцатая) науч. сессия преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов: сб. докл. XIX (девятнадцатой) науч. сессии, Витебск, 22 апр. 2016 г. : в 3 ч. Ч. 2 / Витеб. филиал Междунар. ун-та «МИТСО»; редкол.: А. Л. Дединкин (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2016. – С. 85–88.

УДК 340.132.1(476.5)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПУБЛИЧНЫХ ЦЕНТРОВ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ

Л.Н. Дорогова, директор регионального центра правовой информации по Витебской области

Аннотация. В данной статье рассматриваются отдельные аспекты взаимодействия регионального центра правовой информации (РЦПИ) Витебской области и библиотек области по созданию и функционированию публичных центров правовой информации (ПЦПИ).

Введение. Право граждан на получение полной и достоверной информации - основа цивилизованного общества. Одним из базовых необходимых условий для этого является правовая осведомленность, то есть наличие у граждан достаточных знаний о правах, обязанностях, предусмотренных законом нормах.

Основная часть. Возможности получить актуальную достоверную правовую информацию в Республике Беларусь значительно расширились с созданием публичных центров правовой информации (ПЦПИ), которые включены в систему распространения правовой информации.

Создание и обеспечение функционирования ПЦПИ является совместным проектом Национального центра правовой информации Республики Беларусь (НЦПИ) и Министерства культуры Республики Беларусь при поддержке облисполкомов (Мингорисполкома), одобренным Администрацией Президента Республики Беларусь.

Осознавая необходимость дальнейшего развития государственной системы правовой информации (ГСПИ), НЦПИ выступил с инициативой создания ПЦПИ. 18 апреля 2001 г. НЦПИ и Министерством культуры Республики Беларусь подписано соглашение № 8029/2001 о создании ПЦПИ в Республике Беларусь и развитии сотрудничества в области распространения правовой информации.

В развитие решений упомянутого соглашения 13 июля 2001 г. принято Распоряжение Главы Администрации Президента Республики Беларусь № 61ра «О совершенствовании единой государственной системы правовой информации и межгосударственной системы обмена правовой информацией», в котором предложено облисполкомам и Минскому горисполкому совместно с НЦПИ по согласованию с Министерством культуры Республики Беларусь до 1 октября 2001 г. создать в г. Минске и городах областного подчинения публичные центры правовой информации. Этим же распоряжением рекомендовано Республиканской коллегии адвокатов обеспечить участие своих членов в работе ПЦПИ.

Указ Президента Республики Беларусь от 3 января 2002 года № 1 «О внесении дополнений и изменений в Указ Президента Республики Беларусь от 1 декабря 1998 г. № 565 и признании утратившим силу Указа Президента Республики Беларусь от 25 августа 2001 г. № 455» закрепил ини-

циативу государственных органов и самих библиотек по созданию публичных центров правовой информации на базе публичных библиотек [1].

На современном этапе ПЦПИ, согласно Положению о деятельности по распространению (предоставлению) правовой информации, утвержденному Указом Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 712 «О совершенствовании государственной системы правовой информации Республики Беларусь»[2], официально определены как пункты свободного доступа граждан к эталонной правовой информации, создаваемые на базе государственных публичных библиотек, для обеспечения формирования у граждан правовых знаний, навыков правомерного поведения, уважительного отношения к праву и содействия проведению мероприятий по правовому просвещению граждан.

На республиканском уровне координацию и методическое обеспечение функционирования ПЦПИ осуществляют Министерство культуры Республики Беларусь, Национальная библиотека Беларуси и НЦПИ. На областном уровне – управления культуры областных и Минского городского исполнительных комитетов, областные библиотеки и региональные центры правовой информации (РЦПИ), на районном (городском) уровне – отделы культуры районных (городских) исполнительных комитетов, районные (городские) библиотеки.

Осуществляя методическое обеспечение, РЦПИ Витебской области проводит планомерную и последовательную работу по развитию системы ПЦПИ в регионе, оказывая им всяческую поддержку.

Так, на основании разработанных в то время Типовой программы создания и развития публичных центров правовой информации и Положения о публичном центре правовой информации решением Витебского облисполкома от 22 ноября 2001 г. № 698 «О программе создания и развития ПЦПИ в библиотеках Витебской области на 2001–2005 годы» была утверждена региональная программа и Положение о ПЦПИ.

Необходимо отметить, что Витебская область активно поддержала инициативу создания ПЦПИ, тем более, что прототип такого центра был создан еще в начале 1999 года при филиале Новополоцкой ЦБС, расположенном в здании городского исполнительного комитета, который решением Новополоцкого горисполкома от 25 июля 2001 г. № 774 был переименован в публичный центр правовой информации.

Таким образом, первый центр в области появился в 1999 году, а к концу 2005 года в Витебской области уже функционировал 31 ПЦПИ. Областная программа создания и развития публичных центров правовой информации на 2001-2005 годы была перевыполнена.

Отдельные ПЦПИ не ограничились только справочно-информационным обслуживанием, но и активно внедряли новые формы оказания информационных услуг, в том числе консультации по правовым вопросам. Пионером в области проведения публичных консультаций с участием специалистов юридических служб и правоохранительных органов является ПЦПИ при Новополоцкой ЦБС. Здесь первыми внедрили

консультации специалистов, стали привлекать для этого студентов, создали свой банк данных «Сферы жизни нашего города», накопили материал в тематических досье, оформили стенд «Местное управление и самоуправление: документы и факты».

В 2003 году РЦПИ и управление культуры Витебского облисполкома изучили и обобщили опыт работы ПЦПИ г. Новополоцка и направили рекомендации во все ПЦПИ и райисполкомы области.

Необходимо отметить, что наибольших успехов в правовом информировании и просвещении населения в то время достигли центральные городские библиотеки, и в первую очередь потому, что исполкомы утвердили городские программы развития ПЦПИ.

Принятие в 2009 году Программы развития публичных центров правовой информации и правового просвещения населения Витебской области (Программа) на 2010–2015 годы, утвержденной совместно управлением культуры Витоблисполкома и РЦПИ Витебской области положило начало новому этапу развития ПЦПИ в Витебской области. Согласно Программе за 5 лет в Витебской области предполагалось открыть еще 75 новых ПЦПИ.

Придавая особое значение развитию ПЦПИ, распоряжением председателя Витебского областного исполнительного комитета от 8 апреля 2011 г. № 258р ”О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2010 года № 712“ был утвержден план мероприятий по развитию ПЦПИ, в который вошла Программа на 2010-2015 годы и другие мероприятия по материально-техническому обеспечению деятельности ПЦПИ[3].

Благодаря указанным документам, в настоящее время на территории Витебской области создано и функционирует 96 ПЦПИ. Практика показала, что создание центров оказалось своевременным и нужным. Только за 2016 год количество пользователей, посетивших ПЦПИ Витебской области, составило 14043человек, количество посещений составило 38 570, специалистами ПЦПИ выполнено 21 657справок, из них источником выполнения 14 322 справок является электронная копия эталонного банка данных правовой информации Республики Беларусь с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН» (ЭБДПИ с ИПС «ЭТАЛОН»).

Оснащение ПЦПИ ЭБДПИ с ИПС «ЭТАЛОН», который комплектуется правовыми актами, поступающими непосредственно от государственных органов по официальной рассылке, а также сборником правовых актов «Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь» и другими официальными изданиями правовой тематики, позволило придать этому проекту общегосударственное значение. Его реализация создала реальные условия для осуществления конституционного права граждан на доступ к официальной правовой информации, оперативно обеспечивая доступ населения к актуальной правовой информации даже в отдаленных уголках нашей области.

Заключение. С целью дальнейшего развития новых форм и методов работы проводится постоянный анализ деятельности ПЦПИ в Беларуси, сопоставление достигнутых результатов с зарубежным опытом. Наиболее

близкая по организационной структуре и содержанию деятельности система обслуживания населения правовой информацией на базе библиотек функционирует в Российской Федерации.

Следует отметить возрастание социальной полифункциональности ПЦПИ. Это постепенно приводит к тому, что идеологическая работа доминирует над информационно-библиографическим обслуживанием пользователей. Деятельность ПЦПИ способна оказать влияние на рост гражданской позиции граждан Республики Беларусь, их вовлечению в активную общественную жизнь. ПЦПИ уже становятся центрами, в которых граждане не только получают консультации по самым насущным правовым вопросам, но и могут участвовать в семинарах, обмениваться мнениями по вопросам применения действующего законодательства.

Список цитированных источников

1. Кравцов, О.Э. Развитие системы доступа граждан к официальной и актуальной правовой информации в Республике Беларусь / О.Э. Кравцов // Деятельность публичных центров правовой информации по правовому просвещению граждан: материалы Респ. семинара, Гомель, 22–23 сент. 2010 г. [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Электрон.дан. и прогр. – Минск, 2010. – 1 электрон.опт. диск (CD-ROM).

2. О совершенствовании государственной системы правовой информации Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ ПрезидентаРесп. Беларусь,30 декабря 2010 г., № 712// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2016.

3. Дорогова, Л.Н. Сеть публичных центров правовой информации Витебской области: этапы становления и развития / Л. Н. Дорогова // Право.by. - 2015. - № 4. - С. 88-91.

УДК 347.642

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ФОРМАМИ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Т.Н. Дорошенко, доцент кафедры гражданского права и процесса Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена изучению проблем, связанных с формами воспитания детей, оставшихся без попечения родителей в Российской Федерации. В статье приводится анализ федерального и регионального законодательства.

Введение. Главный закон Российской Федерации Конституция закрепляет, что материнство, детство и семья находятся под защитой государства[1]. Семейный кодекс Российской Федерации содержит норму о том, что каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно[2].

Основная часть. Дети, оставшиеся без попечения родителей, а это лица в возрасте до 18 лет, которые остались без попечения единственно-

го родителя или обоих родителей, самостоятельно не могут реализовать свое право на достойное детство. Это задача государства[3] .

Семейный кодекс Российской Федерации, вступивший в силу 1 марта 1996 года, содержит раздел VI «Формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей», согласно которому на сегодняшний день в России дети, оставшиеся без попечения родителей подлежат передаче в семью на воспитание (усыновление (удочерение), под опеку или попечительство, в приемную семью либо в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, в патронатную семью), а при отсутствии такой возможности временно, на период до их устройства на воспитание в семью, передаются в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, всех типов[2].

В Российской Федерации начиная с 2005 года, заметны тенденции сокращения численности детей, оставшихся без попечения родителей. Так, в 2015 году было выявлено 58 168 таких детей, что меньше на 5,6 % по сравнению с 2014 годом [4].

Положительную тенденцию, уменьшения количества детей-сирот, отметила и заместитель Председателя Правительства Российской Федерации О.Ю. Голодец на ежегодном Всероссийском форуме приемных семей, который прошел в октября 2016 года в Сочи [5].

В то же время, на сегодняшний день, проблема сиротства – продолжает оставаться одной из наиболее значимых проблем в обществе, так как в центре ее находятся дети и их благополучие.

Помочь реализовать данную проблему, призвано государство, которое должно иметь хорошо отлаженный механизм поиска новой семьи для таких детей. Согласно российскому законодательству таким институтом, являются формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей.

В соответствии с Семейным кодексом, усыновление признается приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Однако самой распространенной формой является передача детей под опеку (попечительство) на возмездной основе по договору о приемной семье. Так, на семейные формы устройства в 2015 году в семьи российских граждан было передано 59 355 детей, из них 6 649 детей – на усыновление, 52 706 детей - под опеку (попечительство), в том числе 20 707 – на возмездную форму опеки (попечительства) [6].

Усыновление в Российской Федерации признается приоритетной формой воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. Однако ни в Семейном кодексе РФ, ни в других нормативно – правовых актах не определена дефиниция «усыновления». Зачастую ее отсутствие приводит к неправильному пониманию данного института. Также законодательством не определен предельный возраст усыновления детей, оставшихся без попечения родителей. На наш взгляд, установление такого возраста необходимо, так как от него напрямую зависит способность ребенка к адаптации в новой семье. Чем старше ребенок, тем это сильнее сказыва-

ется на его психологическом состоянии. Таким образом, на наш взгляд, необходимо установление предельного возраста усыновления ребенка, оставшегося без попечения родителей.

Юридическим основанием, с которого начинается процесс усыновления ребенка, является согласие его родителей на усыновление. Данное согласие может быть дано как в письменной форме, так и в устной, во время судебного заседания. Законом предусматривается возможность отзыва устного такого согласия до вынесения судом решения об усыновлении. По мнению ряда специалистов, данную норму следует исключить, так как она создает возможность влияния родителей ребенка на исход процесса усыновления, а также шантажирования усыновителей.

Одним из дискуссионных вопросов является - институт тайны усыновления. Одна сторона приводит доводы о том, что тайна усыновления имеет большое значение, вторая говорит, что тайну усыновления нужно отменить, за исключением нескольких случаев.

Приемная семья является формой опеки или попечительства над ребенком или детьми, которые осуществляются по договору о приемной семье, заключаемому между органом опеки и попечительства и приемными родителями или приемным родителем на срок, указанный в этом договоре. Проблемой является отсутствие в российском законодательстве договора о приемной семье. Спорным вопросом среди теоретиков является и природа такого договора. Законодателем установлено, что договор о приемной семье является договором возмездного оказания услуг, а соответственно гражданско – правовым договор. Однако, на наш взгляд договор о приемной семье это самостоятельный договор, который функционирует в рамках отдельного института семейного права – приемной семьи. И соответственно данный договор необходимо считать отдельным видом договора, к которому не могут применяться нормы о договоре возмездного оказания услуг. Такое применение, противоречит самой цели института приемной семьи, а именно воспитание ребенка, оставшегося без попечения родителей.

Крайне важной остается задача как подготовить приемного родителя, чтобы минимизировать проблемы в самой семье и исключить возврат ребенка. Не так давно в ряде субъектов появились областные законы о психологической поддержке и возможности обучения общения с ребенком. Например, с 1 сентября 2012 года в Новгородской области стала обязательной подготовка кандидатов в замещающие родители по 50-часовой программе на базе центров психолого-медико-социального сопровождения[7].Продолжает существовать проблема сопровождения уже сложившийся новой семьи.

Очень проблемным остается вопрос денежных выплат. Согласно ст. 12.2 Федерального закона "О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью выплачивается в размере 8000 рублей. В случае усыновления ребенка - инвалида, ребенка в возрасте старше 7 лет, а также детей,

являющихся братьями и (или) сестрами, пособие выплачивается в размере 100000 рублей на каждого такого ребенка[8].

Суммы выплат в субъектах Российско Федерации определяется региональным законодательством. На сегодняшний день в Новгородской области содержание ребенка в семье опекуна (попечителя) и приемной семье, за исключением ребенка с ограниченными возможностями здоровья, ребенка-инвалида составляет 6776 рублей. А содержание в семье опекуна (попечителя) и приемной семье ребенка с ограниченными возможностями здоровья, ребенка-инвалида - 8131рублей. Так же приемный родитель получает вознаграждение за одного ребенка в размере 5205 рублей. Размер единовременного пособия при усыновлении (удочерении) детей – сирот и детей, оставшихся без попечение родителей составляет 104000 рублей [9].

В связи со сложившейся проблемой возвратов детей, Министерство по поручению Президента РФ, сейчас готовит предложения, которые будут регулировать механизм возврата федеральных единовременных пособий в бюджет в случае отмены опеки или усыновления и возвращения ребенка на полное государственное обеспечение. Большинством регионов Российской Федерации возможность возврата в соответствующий бюджет суммы единовременных пособий поддерживается.

Что касается такой формы воспитания детей как патронатная семья, следует отметить, что на данный момент на федеральном уровне в Российской Федерации отсутствует единый механизм правового регулирования этого института, поскольку федеральным законодательством эта форма отнесена к ведению субъектов. Такие законы существуют в 25 субъектах Российской Федерации.

Проанализировав законы разных субъектов, мы увидим отсутствие единого законодательного регулирования патронатной семьи на территории Российской Федерации. В Московской области данный институт называется «патронат» и выделяют следующие его виды: патронатное воспитание, постинтернатный патронат и социальный патронат. Разграничение данных видов основывается на том, в какой же степени ребенок нуждается в защите и поддержке. Патронатное воспитание – форма устройства, при которой ребенок передается на воспитание и содержание в патронатную семью. Постинтернатный патронат может осуществляться как в отношении ребенка до 18 лет, так и в отношении лиц из числа детей – сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, т.е. от 18 до 23 лет, и сущность данного вида заключается в воспитании и оказании социальной помощи, устанавливается над детьми, находящимися под опекой (попечительством), в приемной семье, детском доме семейного типа, патронатной семье. Социальный патронат призван оказывать социальную помощь и защиту ребенка, его прав и законных интересов без изъятия из кровной семьи, если он признан нуждающимся в государственной поддержке, путем регулярного посещения патронатным воспитателем воспитанника по месту жительства [10].

Таким образом, патронат является весьма гибкой и многопрофильной формой устройства детей в семью, а также по оказанию государственной поддержки и помощи по социализации в обществе. Видится особо необходимым сохранения и развитие форм патроната, когда социальная помощь и государственная поддержка оказывается лицам старше 18 лет, т.е. по действующему законодательству до 23 лет. Ведь таким лицам, которые выпустились из организаций для детей сирот, нужно адаптироваться и социализироваться в обществе, а кто если не профессионально обученный человек, с жизненным опытом поможет, еще неопытному человеку, познать этот мир и попытаться уберечь от совершения ошибок.

При не возможности устройстве ребенка, оставшегося без попечения родителей, в семью органы опеки и попечительства устраивают таких детей в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Согласно пункту 1 статьи 155.1 Семейного кодекса РФ таким устройством является помещение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей под надзор в образовательные организации, медицинские организации, организации, оказывающие социальные услуги или в некоммерческие организации, если это не противоречит целям, ради которых они созданы.

На сегодняшний день политика государства направлена на сокращение, а в дальнейшем на полное закрытие организаций для детей, оставшихся без попечения родителей. Однако при отсутствии анализа о необходимости таких организаций в каждом субъекте, их закрытие может привести к нехватке организаций для детей, оставшихся без попечения родителей в дальнейшем. Поэтому при условии закрытия таких учреждений, должна проводиться сильнейшая государственная поддержка всех форм семейного воспитания в каждом субъекте Российской Федерации.

Следует отметить в России растет популяризация различных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

Вот уже 11 лет в России действует сайт usynovite.ru, который помогает детям обрести новый дом, родителей, веру в будущее. А опекунам и приемным родителям - родительское счастье и новых членов семьи. За время работы сайта количество анкет в банке данных детей-сирот сократилось более чем на 100 000 человек. На 1 марта 2017 года в федеральном банке данных находится 57876 детей.

В России ежегодно с 2013 года проводится Всероссийский форум приемных семей, в рамках которого на государственном уровне обсуждаются актуальные вопросы поддержки замещающих семей, развития форм семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, эффективности реализации программ подготовки кандидатов в замещающие родители и сопровождения замещающих семей [6].

В форуме принимают участие представители приемных семей из всех регионов России, руководители органов исполнительной власти регионов, осуществляющих управление в сфере опеки и попечительства,

образования, социальной защиты и здравоохранения, уполномоченные по правам ребенка и руководители организаций для детей-сирот

С августа 2013 года действует Совет Министерства образования и науки Российской Федерации по вопросам защиты прав и законных интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, который является постоянно действующим совещательным органом, созданным в целях содействия обеспечению условий защиты прав и законных интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (далее – дети-сироты). Основными задачами Совета являются: анализ законодательства Российской Федерации в сфере защиты прав детей-сирот, а также подготовка предложений по его совершенствованию; рассмотрение проектов нормативных правовых актов в сфере защиты прав детей-сирот; анализ сложившейся ситуации и подготовка предложений по повышению эффективности мер, реализуемых в сфере защиты прав детей-сирот; участие в организации и проведении международных и всероссийских мероприятий в сфере защиты прав детей-сирот и др.

Совет формируется из представителей Минобрнауки России, общероссийских, региональных, межрегиональных общественных организаций, некоммерческих организаций, в том числе научных и образовательных организаций. Заседания Совета проводятся по мере необходимости. Так, в сентябре 2016 года на очередном заседании участники обсудили вопросы внедрения института надомных семейных воспитательных групп в порядке расширения сферы применения постановления Правительства Российской Федерации от 24 апреля 2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей», разработки механизмов возврата в федеральный бюджет, бюджет субъекта РФ сумм единовременных пособий, выплаченных из соответствующего бюджета при устройстве ребенка в семью, в случаях отмены опеки (усыновления) ребенка и его возвращения на полное государственное обеспечение. [11].

Так же в Российской Федерации с апреля 2015 года действует Совет семей, воспитывающих детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителе. Он является постоянно действующим совещательным органом, созданным в целях организации взаимодействия Минобрнауки России и граждан, взявших детей на воспитание в семью, по вопросам защиты прав и законных интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Участники совета на одном из последних заседаний обсудили вопросы открытия номинальных счетов опекунов и нового порядка расходования средств подопечного, обеспечение жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в том числе в Республике Крым, проблемы организации психолого-педагогического сопровождения замещающих семей в регионах и др. [12].

Заключение. Таким образом, в зависимости от государственной поддержки форм воспитания детей, проведения мероприятий по профилак-

тике сиротства как в целом в Российской Федерации, так и в каждом отдельном субъекте зависит количество детей, оставшихся без попечения родителей.

В последние годы в науке семейного права формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, стали объектом пристального внимания со стороны ученых. Несмотря на проводимые меры, проблемы, связанные с рассматриваемым институтом продолжают оставаться. На сегодняшний день, среди исследователей не выработаны единые рекомендации относительного эффективного законодательного регулирования форм воспитания детей, оставшихся без попечения родителей.

Список цитированных источников

1. Конституция РФ 1993 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL:. http://www.constitution.ru/ (дата обращения 25.02.2017)

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL:http://www.consultant.ru/ (дата обращения 25.02.2017)

3. Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. N 159-ФЗ "О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей". [Электронный ресурс] – Режим доступа:URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 25.02.2017)

4. Численность детей, оставшихся без попечения родителей, выявленных в течение отчетного года. [Электронный ресурс] – Режим доступа:URL: http://www.usynovite.ru/statistics/2015/1/ (дата обращения 25.02.2017)

5. Всероссийский форум приемных родителей. [Электронный ресурс] – Режим доступа:URL:(http://www.usynovite.ru/1108/)(дата обращения 25.02.2017)

6. Семейное устройство детей, оставшихся без попечения родителей, в 2015 году. [Электронный ресурс] – Режим доступа:URL: http://www.usynovite.ru/statistics/2015/3/ (дата обращения 25.02.2017).

7. Постановление Комитета образования, науки и молодежной политики Новгородской области от 29 августа 2012 года № 10 «Об утверждении Программы подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей». [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL:http://edu53.ru/(дата обращения 25.02.2017)

8. Федеральный закон "О государственных пособиях гражданам, имеющим детей" от 19.05.1995 N 81-ФЗ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL:http://www.consultant.ru(дата обращения 25.02.2017)

9. Областной закон Новгородской области от 28.12.2015 № 888-03 «Об областном бюджете на 2016 год» [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL:http://www.consultant.ru/(дата обращения 25.02.2017)

10. Закон Московской области от 05.07.2003 N 77/2003-ОЗ "О патронате" (принят постановлением Мособлдумы от 18.06.2003 N 16/61-П) / [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 25.02.2017)

11. Совета Министерства образования и науки Российской Федерации по вопросам защиты прав и законных интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL:(http://www.usynovite.ru/structure/sovet/) (дата обращения 25.02.2017)

12. Совет ассоциаций приемных семей. [Электронный ресурс] – Режим доступа:URL:(http://www.usynovite.ru/experience/251120/) (дата обращения 25.02.2017)

УДК 340.5

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ В СРАВНИТЕЛЬНОМ ПРАВОВЕДЕНИИ

В.Н. Дубовицкий, доцент кафедры теории и истории государства и права Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В работе рассматриваются методологические проблемы предмета сравнительного правоведения. Анализируется соотношение понятий «методология», «метод» и «методика» с позиций правовой компаративистики. Излагается авторская позиция решения методологических вопросов при проведении сравнительно-правового исследования.

Введение. Сравнительное правоведение как наука и учебный курс в каждой стране имеет свои особенности. В разных странах применяются неодинаковые доктринальные подходы ученых к предмету сравнительного правоведения, даже в одном и том же государстве нередко существует несколько направлений.

Основная часть. Исследование вопросов природы и предмета сравнительного правоведения невозможно без уяснения понятия «методология», которое в последнее время используется часто произвольно и неадекватно.

Основная часть. Под методологией понимается и «логика познания», и «теория мышления», и «совокупность методов», и отдельные философские трактаты и т.п. Нередко методология сводится к методу или к методике, с чем трудно согласиться. Вместе с тем адекватное представление даже результатов сравнительно-правовых исследований затруднено или невозможно без детального объяснения методологической части познания. Кроме того, в ранг методологических возводятся разработки в области лингвистики, статистики, психологии, специализированных исследований одного метода и т.д. Таким образом, понятие методологии, кроме содержательной многозначности, имеет и свои лингвистические особенности.

Не вдаваясь в глубокий анализ философских проблем методологии, мы будет отталкиваться от того, что методология – это наука о методе или о совокупности методов, а методология сравнительного правоведения – наука (учение) о ее методах и их иерархии, т.е. наука (учение) о системе методов сравнительного правоведения. Однако термин «методология» употребляется также, хотя и реже, в другом значении: как совокупность методов, применяемых в науке или другой отрасли познания.

Не является однозначным и термин «метод». Общеизвестно, специфика любой науки выражается не только в предмете, который отвечает на вопрос, какую область объективной действительности она изучает (т.е. «что»), но и в методе, который выражается в способе его познания (т.е. «как»). Обычно считается, что понятие «метод» - это путь, способ, средство для совершения, осуществления какого-либо действия, для достижения какой-либо цели. Так, применительно к методу познания мож-

но сказать, что он представляет собой способ получения знания. В сущности, поскольку чаще всего речь идет именно о методе познания и само понятие (термин) «метод» употребляется прежде всего в этом смысле, методом обычно считается способ или средство познания. Однако термин «метод» употребляется, когда говорят и о методах деятельности, подразумевая под этим практическую деятельность. Подобное расширение понятия «метод» может привести к некоторым неясностям при его толковании и определении. Следовательно, термин «метод» употребляется в различных значениях и означает иногда средство, иногда – действие, связанное с применением средства, а иногда – способ самого действия.

Сказанное подчеркивает, что термин «метод» может употребляться в различных значениях: для обозначения особого способа мышления, позволяющего постигнуть изучаемую реальность; для характеристики философских позиций и принципов, на которых базируется то или иное исследование; для названия технических приемов, способов, этапов исследования. Еще более разнообразно употребление слова «метод» в обыденной речи: метод изучения иностранного языка, метод скоростного чтения и т.д. Думается, что в подобных речевых оборотах правильнее употреблять слово «методика». По нашему мнению, под методикой следует понимать строгое расписание всех необходимых приемов в их последовательности и полноте, обеспечивающих адекватную реализацию определенного метода исследования, в том числе и сравнительно-правового (например, методики сравнительного обобщения правоприменительной практики, процедуры сравнительного юридического описания действующего законодательства и т.д.). Нередко подобные методики и техники исследований рассматриваются как методы юриспруденции, хотя на данном уровне сложно обнаружить и выделить юридические методы познания права. Вместе с тем, например, тестирование можно рассматривать как специальный метод психологической диагностики, а также как методику разработки и использование тестов для текущего контроля.

В юридической литературе довольно часто понятия «методология» и «метод» употребляются как идентичные, что, на наш взгляд, является неверным. При этом, как правило, под методологией понимается учение о методе, а не учение о совокупности методов и их иерархии, т.е. о системе методов. Методология рассматривается как метод в единственном числе и выделяется в самостоятельный раздел или параграф в учебниках или учебных пособиях и соответственно называется, например, «метод общей теории права». Либо метод правоведения в целом определяется «как исторически сложившаяся система философских, общенаучных и собственно юридических средств правопознания», и который является «основой метода любого юридического исследования» [1, с. 50]. Думается, что такое представление о методе и методологии обусловлено, прежде всего, действовавшим на протяжении длительного времени эффектом методологического монополизма, в основе которого лежал диалектический метод как «абсолютно универсальный принцип познания».

С позиций методологии сложилось несколько подходов к преподаванию сравнительного правоведения (выборочный институционально-проблемный; системно-правовой подход, реализуемый в отношении главных правовых семей; системно-отраслевой; правосистемный и иные подходы).

Что же касается методов, используемых в сравнительном правоведении, то, необходимо отметить, что они представляют собой значительную совокупность. Это и общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция и т.д.), и специальные методы, которые разрабатываются в рамках отдельных (специальных) наук и используются для изучения государственно-правовых явлений, в том числе и в сравнительном правоведении (математические, психологические, конкретно-социологические и многие другие методы). Особые дискуссии среди компаративистов вызывает сравнительный метод. Данный метод используется как в национальном праве, так и в праве зарубежных государств. Сравнительный метод, по мнению известного белорусского компаративиста А.В.Егорова, является доминирующим или «основой для оценки полученных результатов компаративного исследования, которые могут выступать в формах методологического и практического итогов проведенной работы» [2, с. 18]. Указанные обе формы полезны как для самого сравнительного правоведения, так и для других, в первую очередь, отраслевых юридических наук.

Возвращаясь к понятию «методика», как совокупности последовательно необходимых приемов, стадий, которые позволяют отразить реализацию определенного метода, в том числе сравнительно-правового, в литературе указывают на следующие (хотя и не бесспорные) стадии: правильный отбор материалов; дескриптивная стадия (представление ситуаций и явлений в общей форме); критическая научная оценка сравниваемых явлений; позитивное или негативное сравнение; эвристическая и прогностическая стадии [3, с. 133].

Заключение. Научный уровень методики зависит от методологии сравнительно-правового исследования, его целей и задач. Верный выбор методики и техники исследования способствует правильному решению методологических вопросов. Следовательно, методика позволяет связывать воедино общий замысел исследования, его методологические предпосылки с организацией сравнительно-правового исследования. Таким образом, методика является высшей ступенью конкретизации методологии, которая вследствие этого перерастает в соответствующие процедуры и операции сравнительно-правового исследования.

Список цитированных источников

1. Тарасов, Н.Н. Метод и методологический подход в правоведении (попытка проблемного анализа) / Н.Н. Тарасов // Правоведение. – 2001. – № 1. – С. 31-50.

2. Егоров, А.В. Сравнительное правоведение в современном юридическом образовании / А.В. Егоров // Юридическое образование: традиции и новации : сб.ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: Н.В.Сильченко (отв. ред.) [и др.]. – Гродно: ЮрСаПринт, 2011. – С. 16-23.

3. Мещерякова, М.А. Проведение сравнительно-правовых исследований: проблемы методологии / М.А. Мещерякова, С.Б. Нанба // Журнал российского права. – 2012. – № 2. – С. 127-135.

УДК 340.5

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.В. Егоров, ректор Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Определены объект, предмет и метод сравнительно-правовой науки. Рассмотрена категория правовой семьи, как модели сравнительно-правовых исследований. Анализируются роль и значение основания и выводов из правового сравнения. Показан общеправовой, методологический характер правовой компаративистики. Определено системное место сравнительного правоведения в правовой науке.

Введение. Сравнительное правоведение (правовая компаративистика) является самостоятельным направлением правовых исследований. Сравнительный анализ осуществляется в отношении самых различных компонентов правовой действительности. Правовая наука активно использует метод сравнения в качестве средства познания правовой материи.

Основная часть. 1. Сравнительное направление правовых исследований имеет самостоятельный предмет, качественно отличающийся от предмета общей теории права, что определяет самостоятельный научный характер сравнительного правоведения, рассматривавшегося в качестве элемента общеправовых теоретических исследований в рамках науки теории государства и права (общей теории права). Таковым предметом следует признать типичные, всеобщие закономерности возникновения, функционирования и развития правовых элементов, принадлежащих разным правовым системам и рассматриваемых в качестве иностранных правовых элементов относительно друг к другу, исходя из общей компаративной природы правовых компонентов макро- и микро - уровней. Общая теория права может методологически направлять проведение сравнительно-правовых исследований, но не определять характер самих исследований, что гарантируется компаративным характером правового объекта, заложенным в самой природе постоянно функционирующей и развивающейся правовой сферы.

Всеобщность закономерностей, исследуемых сравнительно-правовой наукой, выражается во вненациональном характере любого правового явления и абстрагировании его до уровня общего объекта сравнительного правоведения, который имеет абсолютный компаративный характер и в силу этого определяет научную компаративную природу сравнительного правоведения, что не исключает использование сравнительного метода как общего приема познания другими отраслевыми юридическими науками, исследующими объекты правовой действительности как особенное и единичное по отношению к сравнительно-правовой науке, но рассматривающие данные компоненты в виде собственного предмета отраслевого исследования.

Наличие собственного предмета научных исследований является самостоятельным теоретико-методологическим основанием сравнительного правоведения, что выводит данное направление правовых исследований на самостоятельный научный уровень в системе общеправовых наук методологического характера.

2. Существование множества объектов правовой материи определяет необходимость их качественной и количественной типологии, что привело к необходимости обоснования общей типовой модели сравнительного правоведения в виде правовой семьи (семьи права). Данное теоретическое образование представляет собой универсальную формально-правовую общность определенного однородного множества национальных систем права, источников права при одновременной нормативной однородности сообществ национальных правовых систем, выраженной в степени казуализации или абстрактности правила поведения и порядка его формирования в обществе традиционными способами и при наличии общности правового понятийного фонда, представленного понятийно-категориальным аппаратом, существующем в общей системе компаративных связей на уровне рассматриваемого сообщества – правовой семьи. Данную теоретическую конструкцию определяют факторы исторического формирования всех указанных компонентов формально-правовой общности и тип юридического мышления, способный в отличие от национального правосознания, формироваться и существовать исключительно на уровне данного макрообъекта.

Определение правовой семьи в данном качестве позволяет завершить реализацию выдвинутой сравнительным правоведением идеи трихотомии правовых систем определением и обоснованием существования трех крупных групп национальных правовых систем как территориального, так и персонального характера – романо-германской, англосаксонской (англо-американской) и религиозно-общинной правовых семей. Все множества существующих объектов сравнительно-правовых исследований подлежат предварительной компаративной оценки на предмет принадлежности того или иного конкретного объекта исследования к определенной формально-правовой общности, после чего возможна его качественное научное исследование компаративного характера.

Теоретическая типология правовой семьи в качестве общей компаративной правовой модели, которой соответствуют компаративно значимые для исследователя правовые компоненты представляет собой самостоятельное теоретико-методологическое основание сравнительного правоведения.

3. Объектом сравнительно-правовой науки является компаративный элемент правовой действительности общего уровня, представленный модельными типовыми характеристиками общего абстрактного характера безотносительно к национальной природе сформировавшегося правового компонента. Объект сравнительного правоведения является базовым компонентом компаративного отношения и имеет структуру следующего вида.

А. Правовые системы как объекты сравнительно-правовой науки представляют собой образования формально-правового характера, характеризующиеся наличием общесемейных признаков в отношении компонентов, определяемых типологическими характеристиками правовой семьи, которой принадлежат правовые системы, а также наличием групповых признаков относительно оценки тех же компонентов особым образом, воспринимаемых однородной группой правовых систем, функционирующих в границах своей формально-правовой общности и собственно внутрисистемными признаками, реализующими правовые компоненты общесемейного и внутригруппового характера исключительно в пределах конкретной правовой системы территориального или персонального типа.

Б. Материально-правовые образования как объекты сравнительного правоведения, выступающие в форме отрасли иностранного права, иностранного правового института и нормы иностранного права, представляют собой теоретические компаративные конструкции правового характера в виде нормативных комплексов, отграничиваемых нормативными и социальными рамками своего функционирования, что определяет традиционные виды нормативного и функционального сравнения, обеспечивающие качественное проведение правовой рецепции посредством изучения социальных условий и нормативных особенностей возникновения, функционирования и развития иностранного нормативного комплекса в условиях иной социальной и нормативной реальности.

В. Юридическая практика и правовая доктрина, выступающие объектами сравнительно-правовой науки, представляют собой элементы внешней формы правовой действительности безотносительно к национальной правовой природе конкретных элементов юридической практики и правовых теорий, сложившихся на территории конкретных государств и выглядят в данном компаративном качестве следующим образом: юридическая практика как объективированный компонент любой правовой системы, выражающей свои нормотворческие и право реализующие, включая правоприменительные, качества посредством определенного инструментария и принципов правотворческой и правореализационной деятельности; правовая доктрина как объективно обусловленная, устойчивая и предметно определенная система взглядов на право и связанные с ним правовые явления, что ставит данный элемент в разряд самостоятельных объектов сравнительного правоведения, отграничивая компонент правовой доктрины от системы национального правосознания и понимания определенных юридических теорий, рассматриваемых в рамках других наук правового характера.

Компаративный характер общих объектов сравнительного правоведения, реализуемых в форме сравнительно-правовых конструкций абстрактного характера, представляет собой самостоятельное достаточно важное для реализации компаративного отношения основание правовой компаративистики и определяет предметно ориентированное понимание компаративного отношения, реализуемого в сфере правовой действительности посредством инструментария науки сравнительного правоведения.

4. Помимо объектов компаративного характера, свидетельствующего о всеобщей компаративной направленности возникновения, функционирования и развития всей правовой реальности, компаративное отношение включает основание сравнения, как полное тождество или подобие правовой действительности, на основе чего происходит реализация всего многообразия правовой сферы, а также вывод из сравнения, представляющий определенное новое знание об элементе правовой сферы, реализуемого в условиях конкретных правовых систем посредством научно обоснованной правовой рецепции, представляющей собой высокоорганизованную форму правового заимствования знания об условиях и механизмах возникновения, функционирования и развития компаративного правового объекта в иностранной (инородной) правовой среде.

Заключение. Правовая рецепция – есть волевое приведение в действие механизма правового заимствования, что отличает правовую рецепцию от иных явлений интеграционного правового плана, реализуемых в сфере взаимодействия правовых систем, приводящего к взаимопроникновению правовых компонентов из одних правовых семей права и правовых систем в другие.

Наличие компаративного отношения и его практическая реализация посредством всеобщего метода компаративистского познания правовой материи представляет собой еще одно самостоятельное теоретико-методологическое основание сравнительно-правовой науки

УДК 378.4(476.5)(062)

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНОСТРАННОГО ПРАВОВОГО ЭЛЕМЕНТА В УСЛОВИЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

А.Г. Егорова, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук

Аннотация. В статье рассматривается теория и практика адаптации иностранного права и других правовых компонентов иностранного происхождения в условиях новых правовых систем. Рассмотрены две разновидности реализации правовых компонентов – правотворческая и правоприменительная. Выделяется несколько форм взаимодействия иностранного права с национальными правовыми системами. Дана оценка правовой рецепции как самостоятельной категории правовой науки.

Введение. Иностранный элемент применительно к национальному праву необходимо рассматривать в качестве компонента юридической модели общественного отношения, который сложился за рубежом и может стать основанием для возникновения других правоотношений в иной национальной правовой среде. Данная взаимосвязь представляет собой систему отношений правового характера между различными правовыми системами на макро- и микро уровнях.

Основная часть. 1. В зависимости от принадлежности к определенному типу правовых систем необходимо выделить следующие виды иностранных элементов:

- открытого типа, характерного для романо-германской правовой семьи, позволяющей по причине абстрактности норм воспринимать иностранным субъектам возникшую юридическую модель общественного отношения в целом;

- неопределенного типа, свойственного англо-американской семье права, основанной на прецедентных традициях, порождающих неопределенность правоотношения до момента разрешения дела;

- закрытого типа, детерминированного религиозно-социальными догмами традиционного права, что порождает возможность для иностранного субъекта воспринимать возникшие в религиозно-общинной среде правоотношения только как факт наличия или отсутствия определенного явления или состояния.

2. Взаимодействие национального права с иностранным элементом осуществляется в трех основных формах: юридического признания иностранного элемента в качестве изначально возникшего в другой правовой среде со специфическим правовым режимом; нормативного присвоения регулятивного правового объема иностранного элемента за счет модификации национально-правового характера; компромиссной оговорки альтернативного характера, сложившейся в пользу иностранного или национального права.

Существование и реализация данных форм, основанных на проблеме конкуренции нескольких национальных правопорядков относительно объекта регулирования.

Юридическое признание иностранного элемента необходимо рассматривать как допускаемую национальным правом нормативную возможность функционирования иностранного элемента в соответствии с нормами собственного права, что определяется посредством дефиниций, устанавливающих объем иностранных правовых понятий и коллизий, нормативно отсылающих к праву определенного государства.

Присвоение регулятивного объема иностранного элемента предполагает подчинение его статуса нормам инородного национального режима, способного урегулировать возникшие отношения с иностранным элементом.

Коллизионная оговорка представляет собой результат развития автономной воли определенных субъектов - обладающих властными полномочиями (субъекты правотворчества) и непосредственных участников правоотношения, что находит свое отражение в национальных нормах отсылочного характера.

3. Гарантом качественной реализации форм взаимодействия национального права с иностранным элементом является ограничение присвоения национальным правом регулятивного правового объема иностранного элемента или, напротив, активное внедрение иностранных регуляторов, для чего предлагаются следующие основания и принципы такого ограничения:

а) иностранные правовые нормы не применяются:

- если они противоречат принципам национального права, имеющим конституционное закрепление или международным правовым нормам, признанным национальной правовой системой;
- если они противоречат нормам морали и справедливости, характерным для всего цивилизованного общества;
- если они противоречат коренным интересам государства, что оценивается с точки зрения норм juscogens и с позиций оценки возможного нарушения балансов взаимоотношений государства с другими субъектами международного права;

б) национальные правовые регуляторы не применяются:

- на основании только лишь разницы социально-политических систем, к которым принадлежат иностранный элемент и национальное право;
- если они отрицают иностранное правовое регулирование социального образования или явления, которое осуществляется в виде применения иностранных норм за рубежом.

4. В сфере национального правотворчества иностранный элемент реализуется в трех основных формах: правовой рецепции; создания национальной нормы при учете практики правового регулирования в других системах; создания специальных национальных норм, регулирующих отношения с иностранным элементом.

Правовая рецепция предполагает наличие объекта правового заимствования, под которым предлагается понимать иностранный правовой элемент, создаваемый и рецептируемый из одной правовой системы в другую определенной группы субъектов с целью совершенствования функционирования национальной правовой системы.

Учет иностранной практики правового регулирования схожих общественных отношений обусловлен процессами интегрирования разносистемных правовых основ, к которым предлагается относить: принципы права, правовые принципы, а также отрасли права и правовые институты, традиционные для всех правовых систем.

Создание специальных норм, направленных на регулирование отношений с иностранным элементом в современных условиях должно предполагать не создание унифицированных актов, регулирующих данные отношения, а инкорпорацию этих норм в блоке публично-правового (первичность закрепления в конституциях или конституционных актах) и частно-правового (включение в гражданские кодексы, уложения, нормативные звенья прецедентной системы) характеров. Данный процесс не может обойтись без создания универсальных правовых понятий посредством реализации элементов практики автономной квалификации и использования методологических основ правовой компаративистики.

5. Иностранный элемент в национальной правоприменительной сфере предполагает свою реализацию посредством следующих специфических этапов правоприменения: выбора правопорядка между национальным, иностранным и международным; установления содержания из-

бранного правопорядка; непосредственной реализации нормы, осложненной иностранным элементом.

Юридическим средством выбора правопорядка является коллизионная норма, присущая как частно-правовой, так и публично-правовой сферам регулирования общественных отношений. Данное юридико-техническое средство не должно иметь приоритета в национальной правовой среде перед нормами, обладающими высшей степенью когентности и закрепленными в конституционных актах.

Оценка содержания иностранного права в процессе правоприменения происходит с точки зрения анализа компонентов иностранных правовых систем с учетом принадлежности правовых систем к определенным семьям романо-германского, англо-американского и религиозно-общинного права, а также в виде установления содержания норм иностранного права в рамках конкретной отрасли.

6. Непосредственное применение нормы, осложненной иностранным элементом, предполагает реализацию традиционных для правовых систем стадий правоприменения в виде установления фактической основы дела, определения юридической основы дела и принятия решения по делу, но с учетом специфики, вызванной иностранными характеристиками субъекта, фактом нахождения объекта вне пределов национальной юрисдикции и определением национального правового поля, в рамках которого имело место определенное действие или событие.

Принятие решения по делу не обладает признаком какой-то «иностранности». За исключением адресного вынесения решения, направленного для исполнения иностранному юрисдикционному органу государства, что еще раз доказывает важность развития межсистемных связей правовой действительности на уровне международного взаимодействия национальных правовых систем.

Заключение.1. Взаимодействие национального права с иностранным элементом осуществляется в трех основных формах: юридического признания иностранного элемента; нормативного присвоения регулятивного правового объема иностранного элемента; компромиссной оговорки альтернативного характера, сложившейся в пользу иностранного или национального права.

2. В сфере национального правотворчества иностранный элемент реализуется в трех основных формах: правовой рецепции; создания национальной нормы при учете практики зарубежного правового регулирования; создания специальных национальных норм и нормативных актов, регулирующих отношения с иностранным элементом.

3. Применение нормы, осложненной иностранным элементом, предполагает реализацию стадий правоприменения в виде установления фактической основы дела, определения юридической основы дела и принятия решения по делу, но с учетом специфики, вызванной иностранными характеристиками.

УДК 332.021:631:342.9(470+571)

О РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В.С. Елисеев, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, доктор юридических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы развития сельского хозяйства России в правовом аспекте.

Введение. Стратегия Национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года рассматривает «национальную безопасность» как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» [1].

Основная часть. Важнейшей составляющей национальной безопасности выступает продовольственная безопасность, роль которой особенно возросла в свете определенных политических событий, вследствие чего появилась Доктрина продовольственной безопасности [2].

Следует отметить, что проблема продовольственной безопасности лежит, прежде всего, в области экономических наук. Соответственно данной проблеме уделено достаточно пристальное внимание в работах экономистов [3; 4], среди которых, следует отметить, прежде всего, доклад «Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы», подготовленный учеными Центра агропродовольственной политики Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации [5].

Кроме того, задачи государства по обеспечению продовольственной безопасности, в значительной степени нуждаются в правовом обеспечении, для чего, в первую очередь, необходимо обратиться к пониманию термина «продовольственная безопасность». Такая попытка предпринималась рядом ученых юристов, в том числе Н.С. Нижник [6, с. 131], Е.А. Олейников [7, с. 156], Н.О. Ведышева [8, с. 174], И.П. Лупашко-Стальский [9], Ю.А. Валетова [10, с. 45], Н.С. Посунько [11] и др.

Из определений, которые касаются продовольственной безопасности, с моей точки зрения, наиболее удачным является определение, предложенное А.В. Малхасяном: «Продовольственная безопасность – состояние защищенности личности и государства от внешних и внутренних продовольственных угроз за счет обеспечения внутренних потребностей государства гарантированным производством сельскохозяйственной продукции сельскохозяйственными товаропроизводителями, при котором обеспечивается физический, экономический и социальный доступ к качественным и безопасным пищевым продуктам каждого человека для

активного и здорового образа жизни» [12, с. 10], – данная дефиниция наиболее полно закрепляет необходимые признаки данного экономического явления, и учитывает особенность российского подхода.

Для понимания проблем необходимо обратить внимание на разницу российского и международного подхода к определению продовольственной безопасности: если ФАО (организация при ООН, непосредственно отвечающая за сельское хозяйство) рассматривает «продовольственную безопасность» как «бесперебойное наличие достаточных мировых запасов, жизненно важных продуктов питания для поддержания устойчивого роста потребления продовольствия и погашения колебаний объемов производства и цен» [13], то Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации при аналогичном подходе учитывает еще один важнейший признак – «продовольственную независимость Российской Федерации», что значительно видоизменяет существо категории и ставит перед правовом, впрочем, как и перед экономикой, задачи, которые страной не решались со времен существования СССР.

Схематично укажем блоки продовольственной безопасности, подлежащие правовому обеспечению (схема 1).

Схема 1

Главными формирующими звеньями продовольственной безопасности выступают потребители сельскохозяйственной продукции (читай: «российское общество») и российские сельскохозяйственные товаропроизводители, которые должны находиться между собой в балансе через сельскохозяйственный рынок. Казалось бы, какие проблемы: российский товаропроизводитель производит сельскохозяйственную продукцию и реализует через рынок, в том числе для создания стратегических резервов, а потребность государства и общества в сельскохозяйственной продукции формирует объемы (фактически, речь идет о классическом рынке, в котором спрос порождает предложение), – для правового обеспечения данных отношений достаточно Гражданского кодекса РФ. Но этого для решения проблемы продовольственной безопасности этого недостаточно.

В первую очередь, продовольственная безопасность предполагает обеспеченность продуктами питания за счет российских товаропроизводителей, а она пока не решена: в частности, не достигнуты установленные Доктриной пороговые значения по мясу и мясопродуктам (77,5%, что на 7,5 процентных пункта ниже порогового значения), по молоку и молокопродуктам (76,6%, что на 13,4 процентных пункта ниже порогового значения), по рыбной продукции (78,2%, что на 1,8 процентных пункта ниже порогового значения) и по соли пищевой (58,9%, что на 26,1 процентных пункта ниже порогового значения) [14].

С позиции обеспеченности А.В. Малхасяном предложено выделить «сверхобеспеченную» и «обеспеченную продовольственную безопасность», когда принимаются во внимание только производство российских сельскохозяйственных товаропроизводителей, а также «дополнительно обеспеченную продовольственную безопасность», когда принимается во внимание также производство сельскохозяйственных товаропроизводителей государств-членов Евразийского экономического союза [12, с. 10-11], что имеет прямой смысл в рамках процессов интеграции вокруг России.

Но даже, если обеспечить необходимое количество продуктов питания, а с учетом того, что с/х имеет погодные риски, – требуется определенное превышение минимального количества, то для удержания сельскохозяйственного производства необходима гарантированная реализация данной продукции, производимая российскими аграриями.

И вот здесь возникает две угрозы, которые разрушают возникшую идиллию: во-первых, агропродовольственная монополия, во-вторых, продуктовая экспансия (схема 2).

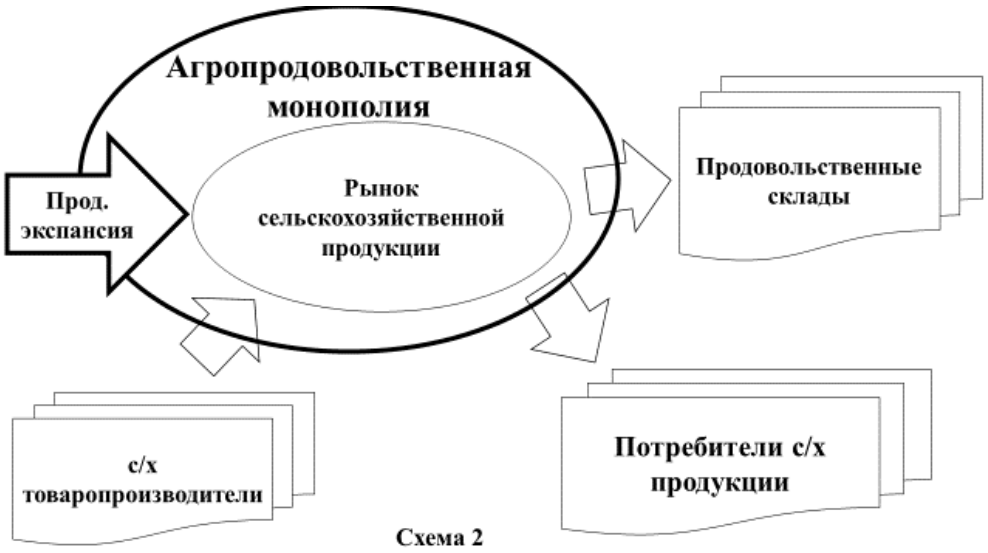

Схема 2

Агропродовольственная монополия выступает основной угрозой российского сельского хозяйства, – она возникла в силу избранной в 90-е годы в России модели приватизации сельского хозяйства, поскольку перерабатывающие мощности во времена СССР строились из расчетов производственных возможностей субъектов сельского хозяйства в каждом районе, что для плановой экономики проблем не вызывало, равно

как это обстоятельство не вызывает проблем в соседней Республике Беларусь, где крупные перерабатывающие центры принадлежат государству. Но с момента перехода в частные руки, как это имеет место в Российской Федерации, перерабатывающие организации стали локальными монополистами, а в дальнейшем на их основе были созданы агропродовольственные корпорации, которые полностью захватили агропродовольственные рынки, в частности московские, устанавливая цены, угнетающие сельскохозяйственное производство и нарушая естественный закон спроса и предложения.

Справедливости ради, необходимо сказать, что при отсутствии внешних потоков продовольствия, агропродовольственные корпорации не были бы заинтересованы в уничтожении российских сельскохозяйственных товаропроизводителей, поскольку именно за счет них они существуют, это обстоятельство в настоящее время влияет на подъем сельскохозяйственного производства в России.

Но картина меняется в худшую сторону под влиянием продовольственной экспансии сельскохозяйственной продукции из-за рубежа, на которые, как на более дешевое зарубежное сырье, перестраиваются агропродовольственные корпорации, тем самым, уничтожая российского сельскохозяйственного товаропроизводителя.

С этих позиций ограничения на ввоз западной сельскохозяйственной продукции является временным фактором подъема российского сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности, поскольку, во-первых, данные потоки постепенно меняются на продовольствие, поступаемое из стран БРИКС, во-вторых, со временем, указанные меры будут отменены и снова потоки продовольствия хлынут из стран Западной Европы, в-третьих, указанные меры полностью противоречат правилам ВТО, членом которой является Россия, что чревато судебными спорами и огромными потерями для российского государства. При этом, как показала история приватизационных процессов в России (2001-2005 гг.), для того, чтобы уничтожить развитое сельское хозяйство, достаточно всего 3-4 года экспансий продовольствия и российский сельскохозяйственный товаропроизводитель не выдержит конкуренции по объективным экономическим причинам.

Проблема усугубляется «подконтрольностью значительной части крупнейших производителей сельхозпродукции и продовольствия иностранным юридическим лицам. Так, в 5 из 10 крупнейших производителей сельхозпродукции в число собственников прямо или через ряд юридических лиц входят компании, зарегистрированные за рубежом (пакеты акций от 36 до 99%). В 5 крупнейших производителей сахара (общий объем производства – более 60% от производства в стране) контрольными пакетами владеют компании, зарегистрированные за рубежом» [5].

Как результат «кооперации» агропродовольственной монополии и внешней продовольственной экспансии сложилось три схемы деятельности агропродовольственных рынков в российских магазинах:

Во-первых, в московских супермаркетах сложилась система проходных плат за доступ к прилавкам: для продажи помидор, выращиваемых в России – 300 тысяч евро, колбасы – от 200 до 300 тысяч долларов, фрукты – 300 тысяч евро и т.п., – и это при том, что магазины не гарантируют реализацию продукции, а только допускают на свои прилавки отечественных аграриев. Очевидно, что такие цены недоступны российским сельскохозяйственным товаропроизводителям, в результате чего их продукция полностью вытеснена зарубежными потоками продовольствия.

Во-вторых, демпинг со стороны иностранных производителей сельскохозяйственной продукции, закупается исключительно импортная продукция и продается в первое время на грани себестоимости российского производства, что приводит к разорению российского товаропроизводителя, а впоследствии расчищается поле для бесконкурентной торговли.

В-третьих, иностранные владельцы крупных сетевых магазинов, отстаивающие антироссийские «национальные» интересы, в частности турецкие, закупают соответствующую продукцию.

Очевидно, что подобные «рыночные саморегуляторы» не способствуют подъему сельскохозяйственного производства и нуждаются в императивном вмешательстве с целью: во-первых, прямого доступа субъектов сельского хозяйства к розничным и оптовым рынкам, во-вторых, исключения (минимизации) количества посредников.

В Российской Федерации пытались создать прямой доступ на «сельскохозяйственные рынки» (в узком понимании данного термина), – но отсутствие необходимой кооперации привело к тому, что они вследствие естественных процессов развития монополизма из рыночной среды стали недоступны для сельскохозяйственных товаропроизводителей, прежде всего мелкого и среднего уровня. Они дают результат только в случаях прямой опеки со стороны государственных или муниципальных органов, что бывает не часто. Необходима система соответствующей опеки, закрепленной законодательно и прозрачной для государства и самих субъектов сельского хозяйства.

При этом возникает проблема низкой эффективности государственного регулирования данных отношений из-за коррупционного фактора, который возникает там, где чиновнику предоставляется рыночное усмотрение. Так, например, в г. Коврове существует два муниципальных с/х рынка: одним управляет Селькохозяйственный кооператив «Фермер», а вторым – Муниципальное предприятие. Если кооператив за три года (с 2011 по 2013 годы) принес в казну города 77 млн рублей, то унитарное предприятие – всего 19 тысяч рублей (за три года, из которых за последние два года –доход отсутствует), хотя общий оборот сельскохозяйственной продукции сопоставим.

В этом смысле полезен опыт фирменных магазинов (фирменных секций, торговых домов и иных механизмов представительства субъектов сельского хозяйства) в Республике Беларусь [15], которые играют все большую роль в продвижении белорусской продукции на рынке: товаро-

проводящая сеть, включающая сейчас несколько десятков прямых поставщиков [16].

Но если пустить фирменные магазины (при их внедрении в аграрную действительность России) в свободное рыночное плавание, то ценности с них будет не больше, чем с сельскохозяйственных рынков, поскольку главное звено эффективности именно в императивности схемы реализации продукции, позволяющей избежать препятствий агропродовольственных монополий при выходе сельскохозяйственного товаропроизводителя на рынок и спекулятивных накруток.

Заключение. Выход из сложившейся ситуации кроется в создании обособленных массивов аграрного законодательства, во-первых, обслуживающего рынки прямого доступа российской аграрной продукции к российскому потребителю, во-вторых, обеспечивающих прямые поставки сельскохозяйственной продукции, производимой российскими сельскохозяйственными товаропроизводителями, организациям государственного сектора экономики (Минобороны, МВД, УИН, МЧС и т.п.) либо за счет государственных субсидий (организации детского, школьного и вузовского питания, больницы Минздрава и т.д.), наконец, в-третьих, общая система реализации сельскохозяйственной продукции, для которой свойственны те пороки, о которых указано выше. Причем первые две позиции нуждаются в значительном усилении императивного законодательства и нуждаются в создании правовых механизмов учета сельскохозяйственных товаропроизводителей, определения объемы производства сельскохозяйственной продукции, механизмов распределения сельскохозяйственных товаропроизводителей по линейкам сбыта (фирменные магазины, фирменные секции, фирменные ларьки) в населенных пунктах, а также по организациям государственного сектора экономики, исходя из объемов, необходимых для обеспечения продовольственной безопасности России.

Список использованной литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

2. Указ Президента Российской Федерации от 30 января 2010 года № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // СЗ 2010. № 5. Ст. 502.

3. О продовольственной безопасности России / Доклад группы экспертов Изборского клуба под руководством академика РАН С.Ю. Глазьева. // http://www.dynacon.ru/content/ articles/1725/ (дата обращения: 30.10.2014 г.).

4. Федоров Н.В. О состоянии продовольственной безопасности России в 2013 году и прогнозе на 2014 год // Выступление на заседании Правительства РФ 27 марта 2014 г. http://government.ru/news/11312 (дата обращения: 30.10.2014 г.).

5. Шагайда Н.И., Узун В.Я. Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы // http://www.ranepa.ru/about-the-academy/consulting-services/scientific-reports.html (дата обращения: 30.10.2014 г.).

6. Нижник Н.С. Национальная безопасность: концептуальные основания и феноменологическая характеристика. СПб., 1991.

7. Олейников Е.А. Экономическая и национальная безопасность. М., 2005.

8. Ведышева Н.О. Правовые проблемы обеспечения продовольственной безопасности РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 174-175.

9. Лупашко-Стальский И.П. Роль международных сельскохозяйственных организаций в обеспечении продовольственной безопасности в странах мира // Информационный бюллетень Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. 2002. № 11.

10. Валетова Ю.А. Международно-правовое обеспечение продовольственной безопасности: дис. …. канд. юрид наук: 12.00.10; МГЮА имени О.Е. Кутафина. М., 2013. 223 с.

11. Посунько Н.С. Агропромышленная интеграция как фактор управления национальной продовольственной безопасности. Сборник докладов Международной конференции «Продовольственная безопасность России». М., 2002.

12. Малхасян А.В. Аграрно-правовые проблемы обеспечения продовольственной безопасности Российской Федераци: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.06; МГЮА имени О.Е. Кутафина.М., 2014. 22 с.

13. Отчет Всемирной конференции по вопросам продовольствия, состоявшейся в Риме 5-16 ноября 1974 г. Нью-Йорк. // http://www.fao.org/about/ru/ (дата обращения: 30.05.2014 г.)

14. Доклад «О мониторинге и состоянии продовольственной безопасности в 2013 году и прогнозе на 2014 год». Электронный ресурс. Доступ для чтения: http://government.ru/quotes/11326 (дата обращения: 30.10.2014 г.)

15. Положение о фирменном магазине предприятия (объединения): утв. Приказом Минторга Республики Беларусь 27.10.1998 №138 // Нац. Реестр правовых актов Республики Беларусь. 199. №19. 8/1419.

16. Белорусские аграрии увеличивают поставки животноводческой продукции на российский рынок // http://www.meat.su/?news/industry/details/941 (дата обращения: 30.10.2014 г.).

УДК 336.225.682:005.322.4

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «АНТИМОНОПОЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО» И «ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О КОНКУРЕНЦИИ»

С.Л. Ермакович, доцент кафедры гражданского права Белорусского государственного университета

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о соотношении понятий «антимонопольное законодательство» и «законодательство о конкуренции», которые в литературе, нормативных правовых актах и практике регулирования конкурентных отношений в экономической сфере часто используются как синонимы. На основе анализа соответствующего зарубежного и национального законодательства обосновывается вывод о неправомерности отождествления вышеназванных понятий.

Введение. Базовым механизмом рыночных отношений является конкуренция, которая не может быть обеспечена нормальным развитием рыночной экономики. Диалектика этого развития такова, что конкуренция неизбежно приводит к появлению монополии [1, с.10], т.е. крупных хозяйствующих субъектов, приобретающих значительную власть на товарных рынках. Монополия является внутренне необходимым, существенным свойством процесса конкуренции. К тому же хозяйствующие субъекты стремятся к приобретению совместной рыночной власти, чтобы усиливать и использовать своё экономическое превосходство, доми-

нировать на рынке. Для усиления своей рыночной власти они могут осуществлять и осуществляют действия, направленные против конкуренции, тем самым навязывая своим конкурентам, а иногда и обществу свои личные интересы [2, с.9]. Поэтому государство использует специальную систему мер, в том числе и правового характера, направленных на защиту конкурентных отношений.

Основная часть. Особое место в защите конкуренции в странах с рыночной экономикой со времени появления и установления рыночного господства монополий отводится антимонопольному законодательству, которое в XX веке было принято в большинстве стран мира. В этой связи постепенно, с течением времени в представлении научной общественности, бизнес-сообщества и правоприменительных органов правовая защита экономической конкуренции стала ассоциироваться исключительно или почти исключительно с понятием«антимонопольное законодательство», которое нередко употребляется в связке с понятием «законодательство о конкуренции», и оба эти понятия без какой-либо аргументации зачастую рассматриваются как идентичные по своему содержанию.

Целью данной статьи является выяснение содержания вышеназванных понятий и установление смыслового соотношения между ними. Антимонопольное законодательство и законодательство о конкуренции: проблема соотношения.

Законодательство, регулирующее рыночное поведение монополий, появляется в конце XIX века, когда на смену совершенной или свободной конкуренции приходит несовершенная конкуренция, характеризующаяся появлением крупных хозяйствующих субъектов, доминирующих на товарных рынках, которые благодаря своей рыночной силе, а также взаимодействию с другими крупными хозяйствующими субъектами приобрели возможность устанавливать свои правила «рыночной игры», создающие исключительно для них преимущества ведения предпринимательской деятельности и одновременно нарушающие права и законные интересы всех остальных субъектов рыночных отношений. Негативными последствиями такой ситуации стали сокращение численности мелких и средних субъектов предпринимательства, их разорение и уход с рынка, диктат монополий и их объединений потребителям (покупателям), безудержный рост потребительских цен, навязывание монополистами обществу и государству своих эгоистических интересов.

Родиной антимонопольного законодательства являются США, где процессы монополизации экономики зашли намного дальше, чем в других развитых капиталистических странах мира, а последствия монополизации проявились для общества самым негативным образом.

Антимонопольное законодательство США называется антитрестовским законодательством. Первым крупным шагом на пути его формирования стало принятие конгрессом в 1887 г. закона о торговле между штатами и в 1890 г. закона Шермана, запрещающего ограничение свободы торговли и попытки монополизации в сфере производства и торговли.

К наиболее важным антитрестовским законодательным актам также относятся закон Клейтона1914 г. и закон Федеральной торговой комиссии 1914 г.

Основная идея антитрестовского законодательства сводится к запрету искусственных ограничений и установлению полной свободы конкуренции.

Впоследствии антитрестовские настроения в американском обществе стали ослабевать. Это было связано с тем, что монополии с помощью антимонопольного законодательства были поставлены под государственный контроль, в результате чего монополистические тенденции в экономике были значительно ослаблены, а возможности конкурентного развития экономики, наоборот, были усилены.

В первой половине XX в. антимонопольное законодательство было разработано и принято в ведущих капиталистических странах мира в интересах защиты прав, свобод и законных интересов немонополизированных субъектов рыночных отношений, а также потребителей. Но опять-таки основным объектом этой защиты, как и в антитрестовском законодательстве США, была названа конкуренция, её развитие, регулирование и защита.

После Второй мировой войны в капиталистическом мире усилились интеграционные процессы в экономике, прежде всего на европейском континенте. Следствием этих процессов стало формирование единого западноевропейского рынка. Это, в частности, потребовало от участников западноевропейской интеграции осуществления общей политики в области конкуренции, которая сегодня является одним из приоритетных направлений деятельности Европейского Союза [3, с. 9-10]. В Лиссабонском договоре, подписанном 13 декабря 2007 г., статьи, регулирующие конкуренцию в Европейском Союзе, объединены в раздел VII «Общие правила о конкуренции, налогообложении и сближении законодательств».

Заметим, что в Лиссабонском договоре речь идёт исключительно об общих правилах конкуренции стран-участниц Европейского Союза, а не о правилах антимонопольной политики и антимонопольного регулирования. В этой связи в литературе подчёркивается, что конкурентное право Европейского Союза включает в себя положения о запрете картелей и злоупотребления доминирующим положением, о слиянии предприятий, а также о государственной помощи (субсидиях) предпринимателям [3, с.11]. Из этого следует, что конкурентное право включает в себя не только положения антимонопольного характера (картельная практика и злоупотребление доминирующим положением), но и другие положения, не связанные с монополистической деятельностью хозяйствующих субъектов (экономическая концентрация и регулирующая роль органов государственной власти и управления). Таким образом, наблюдается очевидная трансформация антимонопольного законодательства, которое из самостоятельной отрасли законодательства, призванного защищать публичные интересы в сфере экономики, и прежде всего конкуренцию, превращается

в составную часть законодательства, обеспечивающего защиту конкуренции не только на основе ограничения антиконкурентного поведения хозяйствующих субъектов-монополистов, но и на основе регулирования иных процессов и поведения иных субъектов конкурентных отношений.

Сегодня в зарубежном законодательстве, регулирующим конкурентные отношения в экономике, помимо непосредственно антимонопольных норм, содержится значительное количество норм, направленных на защиту субъектов малого и среднего предпринимательства, препятствование образованию монопольных структур, поддержание конкурентной среды, достижение эффективного функционирования рынков, недопущение ограничения, устранения конкуренции органами государственной власти и управления. Однако нетрудно заметить, что все эти нормы прямо или опосредовано направлены на обеспечение рыночной конкуренции как необходимого условия эффективного экономического развития.

Зарубежный опыт конкурентного регулирования рыночной экономики был воспринят странами СНГ, в т.ч. и Республикой Беларусь, которые в конце XX века разработали и приняли антимонопольное законодательство с целью развития конкуренции в создаваемой рыночной экономике. Оно так и называется в литературе, официальных документах, специалистами-практиками – «антимонопольное законодательство». Ядро этого законодательства в Республике Беларусь составляет Закон Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – антимонопольный Закон) [4]. Уже из самого названия антимонопольного Закона следует, что законодатель ставит развитие конкуренции в прямую зависимость от противодействия монополистической деятельности, под которой в данном Законе понимается «противоречащие настоящему Закону действия (бездействие) хозяйствующих субъектов, государственных органов, направленные на недопущение, ограничение или устранение конкуренции» (п. 1. 12, ст. 1).

Употребление понятия «антимонопольное законодательство» в национальном праве применительно к защите конкуренции формально оправданно тем обстоятельством, что преобладание государственной собственности на этапе перехода к рынку сдерживает развитие конкуренции. В этих условиях тенденции монополизации товарных рынков ещё более выражены, чем в странах с развитыми рыночными отношениями. Вместе с тем понятие «антимонопольное законодательство», исходя из его первоначального (первородного) содержания (инструмента борьбы с монополизацией рынка) далеко не охватывает сегодня все используемые правовые возможности обеспечения, регулирования и защиты рыночной конкуренции. Возьмём, к примеру, Закон Российской Федерации «О защите конкуренции» [5]. В ст. 1 данного Федерального закона сказано, что он «определяет организационные и правовые основы защиты конкуренции», в том числе предупреждения и пресечения:

1) монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции;

2) недопущения, ограничения, устранения конкуренции федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов органами или организациями, а также государственными внебюджетными фондами, Центральным банком Российской Федерации.

Таким образом, в ст. 1 комментируемого Закона сформулирован его предмет: организационные и правовые основы защиты конкуренции. Ключевым понятием данного Закона является именно конкуренция, а не антимонопольное регулирование, хотя защита конкуренции предполагает также предупреждение и пересечение монополистической деятельности, т.е. злоупотреблений рыночной властью доминирующих хозяйствующих субъектов.

Однако защита конкуренции не ограничивается в рассматриваемом Законе только борьбой с монополистической деятельностью хозяйствующих субъектов. Она осуществляется по многим другим направлениям: запрет на недобросовестную конкуренцию (ст. 14), на ограничивающие конкуренцию акты и действия (бездействие) органов власти (ст. 15), на ограничивающие конкуренцию соглашения и согласованные действия с участием органов власти (ст. 16), пересечение нарушений правил конкуренции на торгах и в ходе конкурентного отбора контрагентов в иных формах (ст. 17-18), осуществление государственного контроля экономической концентрации и ограничивающих конкуренцию соглашений (ст. 26'-35).

Аналогичная разветвлённая система защиты конкуренции закреплена в соответствующем законодательстве других стран СНГ, в том числе и в Законе Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции». В этой системе антимонопольные нормы составляют лишь часть норм, призванных регулировать и защищать рыночную конкуренцию.

В этой связи мы разделяем существующее в литературе мнение о том, что в современных условиях центр тяжести от концепции антимонопольного контроля и регулирования рыночных отношений перенесён в область поддержки и обеспечения конкуренции [6, с. 101].

Заключение. На основании проведённого анализа можно сделать следующие выводы:

1. Изначально антимонопольное законодательство создавалось с целью ограничения рыночной власти возникших монополий, чьи интересы пришли в острое противоречие с интересами потребителей, общества и государства. Объективно антимонопольные нормы способствовали развитию и защите конкуренции.

2. С течением времени антимонопольное законодательство начинает включать в себя специальные нормы по защите конкуренции и недопущению недобросовестной конкуренции, а также нормы, противодействующие ограничению конкуренции со стороны органов государственной власти и управления.

3. В ходе эволюции рыночных отношений, развития международного экономического сотрудничества спектр правовых норм по защите конкуренции всё более расширяется, в результате чего антимонопольное регулирование становится лишь частью данного спектра.

4. В силу вышеназванных обстоятельств понятие «антимонопольное законодательство» трансформировалось в понятие «законодательство о конкуренции», в котором антимонопольные нормы играют важную, но не исключительную роль.

Список цитированных источников

1. Бокарева, М. А. Монополизм и антимонопольное регулирование: опыт, проблемы, решения / М.А. Бокарева, Л.А. Бондарь, В.Ю. Васильева; под науч. ред. Л.А. Бондарь – М.: НИИПИН, 1991. – 147 с. (Препринт / НИИ планир. и нормативов; № 2).

2. Бобрик, В.И. Монополизм в переходной экономике / В.И. Бобрик // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2004. – №2 (23) – С. 9–15.

3. Сидорчук, В.К. Введение в европейское конкурентное право / В.К. Сидорчук; под. ред. Х. Херрманна, С.А. Балашенко, Т. Борича. – Минск: ЗорныВерасок, 2010. – 180 с.

4. О противодействии монополистической деятельности и развитие конкуренции: Закон Респ. Беларусь, 12 декабря 2013 г., № 94-З // // Электронный ресурс: «Бизнес-Инфо»http://www.consultant.ru/, дата доступа: 31.03.2017.

5. О защите конкуренции: Закон Рос. Федерации, 26 июля 2006 г., № 135. ФЗ с изм. и доп. по состоянию на 03.07.2016 г. // Электронный ресурс: www.consultant.ru, дата доступа: 31.03.2017.

6. Князева, И.В. Антимонопольная политикав России : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности : «Национальная экономика» / И.В. Князева. – 5-е изд., перераб. – М. : Издательство «Омега –Л», 2011. – 505 с.

УДК 347.963:346.543.1(476)

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ИНВЕСТИЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

М.С. Запрудская, прокурор отдела по надзору за исполнением законодательства и законностью правовых актов Прокуратуры Витебской области

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты прокурорского надзора за исполнением инвестиционного законодательства.

Введение. Главой государства и Генеральным прокурором Республики Беларусь неоднократно акцентировалось внимание на актуальности прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере экономики, в том числе в области инвестиционной деятельности. Прокурорский надзор в указанной сфере является одним из актуальнейших направлений деятельности, поскольку данная работа напрямую связана с модернизацией производства и внедрением современных технологий в экономику страны, а также направлена на обеспечение экономической безопасности государства.

Основная часть. В соответствии с требованиями Декрета Президента Республики Беларусь от 06.08.2009 №10 «О создании дополнительных

условий для осуществления инвестиций в Республике Беларусь» обязанности по контролю за соблюдением условий инвестиционных договоров возложены на государственные органы, исполкомы, заключившие от имени Республики Беларусь инвестиционные договоры, иные уполномоченные органы. Вместе с тем, данная обязанность не всегда исполняется надлежаще, что влечет невыполнение инвесторами принятых на себя обязательств и недостижение запланированного экономического эффекта от реализации инвестиционных проектов.

К примеру, прокуратурой Витебской области проведена проверка соблюдения законодательства в ходе реализации инвестиционного договора, заключенного между Республикой Беларусь в лице Витебского облисполкома и СООО «Б». Целью инвестпроекта было создание импортозамещающего высокотехнологичного производства пищевой и полиэтиленовой пленки с улучшенными потребительскими свойствами с привлечением прямых иностранных инвестиций в эквиваленте 7 млн. долларов США. Согласно условиям договора инвестор был обязан создать не менее 200 рабочих мест.

Проверка показала, что вопреки требованиям вышеуказанного Декрета договор был заключен с нарушениями порядка и сроков, облисполкомом должный контроль за реализацией проекта не осуществлялся. В нарушение установленных требований за 4,5 года инвестор не выполнил обязанности по вводу объекта в эксплуатацию, из предусмотренных договором 200 рабочих мест фактически создал 10. В дальнейшем облисполкомом не было принято мер по своевременному расторжению договора, что позволило СООО «Б» сменить учредителя и наименование организации, данное обстоятельство в настоящее время негативно сказывается на вопросе возврата государственной поддержки. Прокуратурой области председателю облисполкома внесено представление, виновные лица привлечены к дисциплинарной ответственности. В настоящее время инвестдоговор расторгнут в связи с односторонним отказом Республики Беларусь от исполнения обязательств по договору, инвестору выставлено требование о возврате сумм государственной поддержки.

Аналогичный пример негативной работы установлен прокуратурой области в ноябре 2016 г. в ходе проверки исполнения законодательства при реализации инвестиционного договора, заключенного между Витебским облисполкомом и ООО «Ф» для реализации в г.Витебске инвестиционного проекта, связанного смодернизацией производственного комплекса по производству пищевой продукции на фруктово-ягодной основе. Проверкой установлено, что требования договора по вводу в эксплуатацию объекта инвестором выполнены не были. По результатам проверки прокуратурой области в облисполком и руководителю ООО «Ф» внесено 2 представления, вынесено постановление о возбуждении дисциплинарного производства, в УВД Витебского облисполкома направлено поручение о проведении проверки в порядке ст.174 УПК Республики Беларусь.

Проверка показала, что одной из причин, способствовавших невыполнению инвесторами возложенных на них обязанностей, являлось отсутствие должного контроля со стороны облисполкома за исполнением инвестдоговоров, что в определенной мере обусловлено отсутствием четкой регламентации в законодательстве порядка осуществления контрольной деятельности.

Так, в Декрете Президента Республики Беларусь от 06.08.2009 №10 «О создании дополнительных условий для осуществления инвестиций в Республике Беларусь» не определен механизм контроля за работой инвесторов, не предусмотрены конкретные обязанности государственных органов и инвесторов в указанной сфере. В этой связи на практике деятельность местных органов власти по контролю за реализацией инвестпроектов зачастую сводится лишь к переписке с инвесторами, при этом отчеты инвесторов о проделанной работе не всегда должным образом аргументируются, предоставляются без подтверждающих документов. Посещение производственных объектов должностными лицами исполкомов осуществляется достаточно редко и зачастую представляет собой лишь визуальный осмотр территории и оборудования. Подобная организация работы негативно сказывается на реализации проектов, не способствует своевременному выявлению и устранению возникающих проблемных вопросов, что в отдельных случаях влечет затягивание сроков реализации инвестиционных договоров и способствует снижению экономического эффекта от деятельности инвесторов.

Анализ законодательства Российской Федерации показал, что в данном государстве сфера контроля за реализацией отдельных видов инвестиционных проектов регламентирована достаточно четко. К примеру, постановлением Правительства Российской Федерации от 17.05.2010 №351 утверждено Положение об осуществлении контроля и мониторинга хода реализации проектов, получивших бюджетные ассигнования Инвестиционного фонда Российской Федерации. В данном Положении определены цели, задачи и предмет контроля и мониторинга. Согласно установленным требованиям контроль и мониторинг осуществляются Министерством экономического развития Российской Федерации в виде плановых и внеплановых мероприятий. Плановые мероприятия проводятся на основе годовых и текущих планов, а также графиков. Мероприятия по контролю и мониторингу осуществляются посредством: сбора отчетности и информации о ходе реализации проектов на регулярной основе; запроса у участников проекта необходимой информации в целях проведения анализа хода реализации проекта; плановых и внеплановых проверок хода реализации проекта, проводимых на предмет выполнения участниками проекта и лицами, участвующими в проекте, принятых обязательств по реализации проекта, а также обоснованности, эффективности и целесообразности деятельности данных лиц; иных законных способов получения информации. В данном акте также подробно определена процедура проведения мероприятий по контролю и мониторингу, в том числе поря-

док работы по оформлению результатов контрольной деятельности. Кроме того, приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 30.06.2015 №425 утверждена форма отчетности о ходе реализации проектов.

Изучение приведенных актов законодательства свидетельствует о том, что подобная четкая регламентация работы по контролю за реализацией инвестиционных проектов имеет ряд положительных моментов, связанных с конкретизацией работы и приведением в систему деятельности заинтересованных ведомств, а также снижает риск срыва реализации проектов.

Заключение. С учетом изложенного, представляется необходимым внесение изменений в действующее законодательство Республики Беларусь в части определения механизма контрольной деятельности за соблюдением инвесторами условий инвестиционных договоров, в том числе предусматривающего порядок подготовки и предоставления инвесторами отчетов об исполнении принятых по договорам обязательств, посещения производственных объектов, оформления документации о ходе контрольной деятельности. При подготовке соответствующих нормативных правовых актов может быть использована практика работы государственных органов Российской Федерации в указанной сфере деятельности.

При этом, необходимо отметить, что деятельность по совершенствованию инвестиционного законодательства требует взвешенного подхода, поскольку, с одной стороны, недопустимо чрезмерное вмешательство в работу инвесторов в целях сохранения инвестиционной привлекательности государства, а с другой стороны – необходимо обеспечить соблюдение законодательства на всех стадиях реализации инвестиционных проектов для их эффективного завершения.

Список цитированных источников

1. Конюк А.В. Законность при осуществлении инвестиционной деятельности – одно их направлении прокурорского надзора [Электронный ресурс] / А.В. Конюк, М.А. Семенихин. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017;

2. Конюк А.В. Прокурорский надзор в экономической сфере. Новые вызовы (часть 1) [Электронный ресурс] / А.В. Конюк// КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017;

3. Об утверждении Положения об осуществлении контроля и мониторинга хода реализации проектов, получивших бюджетные ассигнования Инвестиционного фонда Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации, 17 мая 2010, №351 [Электронный ресурс]// КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016;

5. Об утверждении формы отчетности о ходе реализации проекта, получившего бюджетные ассигнования Инвестиционного фонда Российской Федерации: приказ Министерства экономического развития Российской Федерации, 30 июня 2015 г., №425 [Электронный ресурс]// КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016;

6. О создании дополнительных условий для осуществления инвестиций в Республике Беларусь: Декрет Президента Республики Беларусь, 06 августа 2009 г., №10 // Нац. реестр правовых актовРесп. Беларусь. – 2009. – N 188. – 1/10912.

УДК 347.91/.95(075.8)

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНОПРАВОВЫХ СПОРОВ

О.Н. Здрок, заведующий кафедрой гражданского процесса и трудового права Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена актуальному направлению современной компаративистики, связанному с проведением сравнительно-правовых исследований альтернативных судебному процессу способов урегулирования частноправовых споров.

Введение. Сравнительно-правовые исследования, в том числе такое самостоятельное направление компаративистики как сравнительный гражданский процесс, выходят на новый уровень развития с точки зрения как методологии, так и проблематики.

В связи с тем, что процессуальное право в условиях глобализации подверглось значительной интернационализации и согласованию, методология сравнительно-правовых исследований правил отправления правосудия по гражданским делам, как отмечается в литературе, в настоящее время должна быть ориентирована, прежде всего, на изучение общих для всех правовых систем фундаментальных процессуальных ценностей [1, с. 20, 31].

На проблематику исследований в сфере сравнительного гражданского процесса существенное влияние оказывает развитие альтернативных суду способов разрешения гражданско-правовых споров. Несмотря на то, что вопрос об отраслевой принадлежности норм, регулирующих несудебные способы защиты прав и охраняемых законом интересов, в правовой теории остается открытым, разделы, освещающие функционирование данных способов в системе гражданской юрисдикции, включаются в учебную литературу по гражданскому процессу и сравнительному гражданскому процессу (см., например, учебник С.В. Васильева [2]).

Целью настоящей научной статьи является оценка современного состояния сравнительно-правовых исследований в области альтернативного урегулирования споров, определение актуальных направлений и задач таких исследований.

Основная часть. Развитие альтернативных способов разрешения и урегулирования социальных конфликтов и правовых споров (далее – АРС) является одной из ярко выраженных мировых тенденций. Несмотря на высказывания относительно временной моды на АРС [3], опасений, что увлечение ими ограничивает доступность правосудия и подрывает устои гражданского процесса, данное движение приобрело устойчивый характер, имея под собой довольно объективные основания, связанные как с международными процессами, так и переходом от либеральной к новой социальной модели судопроизводства.

По мнению Александра И. Белоглавека, в конце 80-х годов прошлого века в ситуации биполярного политического, военного и экономического разделения глобальной системы, а также ряда неразрешенных политических проблем главная цель АРС, в частности арбитража, заключалась в преодолении коллизий, связанных с признанием и приведением в исполнение решений судов иностранных государств. В современных условиях эта функция утрачивает свое значение, уступая место новым. Прежде всего, получил распространение тезис о том, что АРС призваны решить проблемы современного судопроизводства, связанные с его дороговизной и длительностью. Таким образом, система АРС начинает заменять государственную власть в тех случаях, когда она по каким-либо причинам не может функционировать или быть эффективной [3, с. 5].

В условиях международного экономического сотрудничества (активного товарообмена, иностранных инвестиций, миграции трудовых ресурсов) АРС также призваны обеспечить субъектов трансграничных взаимодействий правозащитными механизмами, которые в качестве альтернативы их национальным судебным системам будут более динамичными и вариабельными в плане оперативного согласования процедуры, а также позволят разрешить спор на основе общих представлений о справедливости, а не юридических норм определенного правопорядка [6].

В глобализирующемся мире, когда правила судопроизводства подвергаются как естественному сближению, так и целенаправленной гармонизации и унификации для обеспечения эффективной судебной защиты субъектов трасграничных общественных отношений, сфера АРС своим многообразием восполняет потребность национальных правовых систем в культурной самоидентификации.

В рамках перехода к новой социальной модели судопроизводства АРС реализуют концепцию «суда со множеством дверей», в основе которой лежит тезис о дифференциации процедуры разрешения споров с учетом их материальных особенностей и потребностей участников.

Новейшие функции системы АРС обусловливают ее расширение, развитие на основе принципа поливариантности, появление массы комбинированных способов за счет сочетания признаков таких базовых способов как переговоры, посредничество, арбитраж. Например, по данным Европейской Комиссии в Европейском Союзе имеется около 750 субъектов, деятельность которых связана с АРС [3, с. 129].

Многообразие способов АРС предопределяет использование при их исследовании, в первую очередь, традиционных методов компаративистики, связанных с единичным описанием или попарным сравнением национальных правовых систем с целью выявления их специфики. Значимость таких исследований нельзя преуменьшать, поскольку юридическая реальность государств, относящихся к одной социальной эпохе, играет для них роль правового эксперимента, результаты которого позволяют заимствовать прогрессивный опыт правового регулирования, выработанный в условиях сходных правовых систем. В частности, в рамках

ЕС в настоящее время осуществляется разработка системы онлайн-урегулирования потребительских споров. Передовой опыт использования дистанционных АРС может быть в последующем воспринят другими странами.

Наиболее актуальной проблемой в сфере АРС выступает поиск средств, стимулирующих субъектов права к изменению традиционных форм поведения в условиях частноправового конфликта и первоочередному обращению к примирительным процедурам как способам их разрешения. Технология поиска эффективных управляющих воздействий для решения задач управления большими социальными системами является весьма трудоемкой, поскольку требует организации исследования на достаточно высоком системном уровне и значительных временных затрат для оценки результатов и их устойчивости в различных моделируемых условиях [4, с. 231-233]. В качестве альтернативы такому исследованию выступает компаративный анализ опыта правового регулирования АРС в различных странах. Например, такие механизмы стимулирования к использованию АРС как досудебный протокол и информационно-оценочная встреча с медиатором, разработанные в Великобритании соответственно в ходе реформы судопроизводства на рубеже XXI века и в рамках программ семейной медиации, рекомендуются на международном уровне к широкой имплементации в национальное законодательство, так как эффективно разрешают противоречие между основополагающим принципом добровольности системы АРС и государственными интересами по введению обязательного досудебного порядка урегулирования спора. Модель досудебного протокола предусматривает право лица отказаться от соблюдения законодательных положений о попытке урегулирования спора до возбуждения дела в суде, и комплементарное ему право суда при вынесении решения принимать во внимание данное поведение стороны, в том числе возлагать на нее судебные расходы независимо от исхода дела в случае необоснованного отказа от использования АРС. Модель информационно-оценочной встречи с медиатором предполагает введение в законодательство правила об обязанности посещения сторонами до возбуждения дела в суде или в ходе производства в силу указания закона или направления суда предварительной встречи с медиатором с целью ознакомления с правилами процедуры медиации и проверки медиабельности спора, что не обязывает стороны по результатам такой встречи заключить соглашение о применении медиации.

Представляет интерес организация и масштабных компаративных исследований АРС (на региональном или глобальном уровне) для выявления складывающихся закономерностей их развития и прогнозирования дальнейших тенденций.

В частности, сравнительно-правовой анализ свидетельствует о том, что в известных правовых традициях подход к АРС концептуально расходится. В континентальной системе права, в отличие от англо-американской, арбитраж, как состязательный процесс разрешения спора,

аналогичный государственному судопроизводству, традиционно не относится к АРС [3, с. 4, 48, 133]. Например, в соответствии с Зеленой книгой Европейской комиссии под АРС понимают любые способы, основанные на привлечении третьего лица, за исключением арбитража [5, с. 7]. Вместе с тем, в последнее время ситуация изменяется – в документах Европейской комиссии от 29 ноября 2011 г. (Сообщение Комиссии об альтернативных способах урегулирования потребительских споров на едином рынке, проект Директивы об альтернативных способах урегулирования потребительских споров) понятием АРС охватываются любые способы урегулирования споров с участием третьего лица [3, с. 127-129]. Данная тенденция может быть связана либо с процессами сближения правовых систем (в ходе которого получает преобладание англо-американский подход [6, с. 21-24]) либо с неудовлетворительными результатами развития медиации (посредничества). В частности, как отмечает Александр И. Белоглавек, арбитраж является, по сути, единственным способом, который в основном прижился в качестве альтернативы судебному разбирательству. Иные, так называемые «неформальные» способы урегулирования споров, в странах Восточной и Центральной Европы, ряде стран Западной Европы, в сущности, отвергаются. Внедрение медиации по различным причинам пока не дает значимых результатов [3, с. 126, 133].

Региональные и глобальные исследования в сфере АРС имеют своей целью также унификацию соответствующего законодательства на международном уровне с целью обеспечения единого механизма защиты прав субъектов трансграничных отношений. В частности, одним из актуальных направлений исследований выступает разработка минимальных стандартов досудебного урегулирования [6, с. 49].

Заключение. Поиск на национальном и наднациональном уровне эффективных механизмов урегулирования и разрешения частноправовых споров, которые бы могли дополнить судебную систему, тем самым облегчив лежащую на ней нагрузку, а также обеспечить потребности субъектов трансграничных отношений, доля которых в современном мире все более возрастает, обуславливает актуальность тематики сравнительно-правовых исследований АРС.

Для решения задач, стоящих перед исследователем в данной сфере, имеют значение как единичные, так и региональные и глобальные исследования. Первые позволяют использовать передовые разработки отдельных стран в сфере АРС для совершенствования национальной правовой системы. Региональные и глобальные сравнительно-правовые исследования способствуют выявлению закономерностей и тенденций развития соответствующих общественных отношений, что служит основой для правового прогнозирования, научно обоснованного моделирования законодательства и правоприменительной практики, внесения адекватных общественным потребностям предложений по совершенствованию правовой системы в целом и системы гражданской юрисдикции, в частности.

Список цитированных источников

1. Треушников, М. Эволюция российского гражданского судопроизводства в начале XXI в. // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: Евразийский контекст / Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права, 18-21 сентября 2012 г., Москва: Сб. докладов / Под. ред. Д.Я. Малешина – М.: Статут, 2012. – С. 28–33.

2. Васильев С.В. Сравнительный гражданский процесс: учебник – М.: Юрлитинформ, 2015. – 352 с.

3. Белоглавек Александр И. Защита прав потребителей в арбитраже. – К.: Таксон, 2012. – 640 с.

4. Новиков Д.А. Структура теории управления социально-экономическими системами // Управление большими системами: сб. трудов. – 2009.- №24. – С. 216–242.

5. Калашникова, С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции / С.И. Калашникова. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – 304 с.

6. Ярков В.В. Развитие цивилистического процесса в России: отдельные вопросы // Вестник гражданского процесса. – 2011. – №1. – С.17–53.

УДК 347.963:343.35

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ КООРДИНАЦИИ ПРОКУРАТУРОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ

М.Н. Зиновик, заместитель прокурора Городокского района Витебской области, прокуратура Витебской области

Аннотация. В статье рассмотрены правовые вопросы организации координационной деятельности прокуратуры, нормативные требования к порядку ее осуществления. Проведено сравнение стратегических моделей противодействия коррупции зарубежных стран и стратегической модели Республики Беларусь. Предложены пути повышения эффективности координирующей роли прокуратуры в борьбе с коррупцией.

Введение. Мировой опыт показывает, что коррупция активно процветает, когда государство испытывает серьезные трудности в развитии, либо находится в стадии модернизации и переходит к новым способам управления экономикой и другими важнейшими сферами жизнедеятельности [1, с. 15].

Изменения в действующем законодательстве, а также опыт правоприменительной практики породили вопросы о роли и месте органов прокуратуры, признании института координации деятельности правоохранительных органов и других государственных организаций в сфере борьбы с коррупцией – определяющим направлением ее деятельности.

Основная часть. Согласно данным проведенного Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь опроса общественного мнения о коррупции в работе правоохранительных и контролирующих органов, судов следует, что почти половина населения Беларусь (47 %) считают, что коррупция присутствует в бело-

русском обществе, это сопоставимо с данными за 2014 год (47,5 %). Большинство участников опроса (71%) положительно оценивают проводимые государством меры по борьбе с коррупцией. Отрицательную оценку дали 17,5 % участников опроса.

Согласно статистическим сведениям с 2014 года в Республике Беларусь наблюдается устойчивая тенденция увеличения количества коррупционных преступлений (2014 год 1883, 2015 год – 2269, 2524 - 2016 год).

При этом остаются актуальными вопросы возмещения ущерба, причиненного коррупционными преступлениями. За 2014 - 2016 годы его реальное возмещение составляло менее 50 %. Возместить материальный вред способствует координируемая прокуратурой работа правоохранительных органов по установлению имущества обвиняемых и наложению на него ареста.

Результаты опроса и вышеприведенные статистические сведения о состоянии преступности свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования координации работы правоохранительных органов, государственных органов и иных организаций, участвующих в борьбе с коррупцией.

Законодателем при наделении прокуратуры функцией координатора деятельности по противодействию коррупции определен приоритет государства на применение наиболее действенной стратегии по организации работы по борьбе с коррупцией – системной стратегии устранения причин коррупции. Из самого названия стратегии не трудно установить, что основной акцент при ее выработке ставится на устранение причин, порождающих коррупцию, а не внешних манифестаций этой проблемы (то есть коррупционеров).

Обязанность прокуратуры координировать деятельность правоохранительных органов вытекает из требований ст. 125 Конституции Республики Беларусь, ст. 4 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь», ст. 7 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», Указа Президента Республики Беларусь от 17.12.2007 № 644 «Об утверждении положения о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией».

Регулирование поставленной задачи по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией находит свое отражение и в приказах и указаниях Генерального прокурора, прокуроров областей и г. Минска, в которых конкретизируются отдельные направления координации, подводятся итоги проведенных мероприятий [1, с. 18].

Так, в соответствии с приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 15.12.2008 № 76 «Об организации надзора и управления в органах прокуратуры» всем прокурорам следует исходить из того, что координация правоохранительной деятельности государственных органов является одним из важнейших направлений деятельности прокуратуры. В связи чем, необходимо уделять особое внимание выработке согласованных мер по противодействию коррупции и организованной преступ-

ности, перекрытию каналов расхищения национального достояния, обеспечению общественного порядка, личной и имущественной безопасности граждан.

В приказе Генерального прокурора Республики Беларусь от 01.07.2016 № 20 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о борьбе с коррупцией» отмечено, что структура, характер и динамика коррупции, ее влияние на социально-экономическое развитие государства и общества в условиях воздействия внутренних и внешних факторов обуславливают необходимость дальнейшего усиления борьбы с этим негативным явлением на системной и комплексной информационно-аналитической основе.

В теории прокурорского надзора существует широкая палитра мнений относительно стоящих перед органами прокуратуры целей и задач при реализации координирующей функции. Некоторые авторы считают, что основные и промежуточные цели координации – способствование согласованными действиями правоохранительных органов снижению количества преступлений и других правонарушений и укреплению законности на территории административной единицы. Сторонники данной позиции полагают, что основные цели (решение частных вопросов, например, улучшение раскрываемости преступлений, выявление и предупреждение ошибок и недостатков в деятельности правоохранительных органов) достигаются путем решения ряда задач: активизации деятельности правоохранительных органов по борьбе с правонарушениями; объединения усилий правоохранительных органов и устранения их разобщенности в борьбе с правонарушениями; устранения параллелизма и распыления сил в деятельности правоохранительных органов по предупреждению правонарушений и обеспечения ее конкретности [2, с. 472–473; 3, с. 86–87; 4, с. 36–37]. Представляется, что основным недостатком рассматриваемого суждения является необоснованное сужение круга субъектов координации, а также отсутствие четкой линии отграничения целей координирующей функции, с одной стороны, и задач координирующей функции, с другой стороны.

Указанные недостатки характеризуют и мнение правоведов, относящих к цели координирующей функции повышение эффективности борьбы с преступностью, а к ее задачам – объединение усилий правоохранительных органов по своевременному выявлению и пресечению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений; устранение дублирования и параллелизма в работе правоохранительных органов; выработку единообразного подхода к применению законов и других нормативных правовых актов, регулирующих сферу борьбы с преступностью; формирование стабильной правоприменительной практики [5, с. 483–484; 6, с. 20].

Ряд ученых утверждают, что основная цель координации состоит в повышении эффективности деятельности правоохранительных органов, которая, в свою очередь, в зависимости от конкретной ситуации и ре-

зультатов анализа информации подразделяется на более частные, конкретные цели (воздействие на какие-либо виды преступлений, получившие наибольшее распространение в данном регионе, среди отдельных групп населения, в отдельных сферах правовых отношений и т.д.). Задачами координирующей функции прокуратуры, по их мнению, является своевременное выявление, пресечение, раскрытие и расследование преступлений; предупреждение преступлений; обеспечение всестороннего анализа состояния преступности; устранение обстоятельств, способствующих совершению преступлений; изучение, обобщение и распространение практики выявления, раскрытия, расследования, предупреждения и пресечения преступлений [7, с. 338–339]. Как представляется, слабой стороной анализируемой позиции является, по существу, отождествление задач, стоящих перед прокуратурой в процессе осуществления координирующей функции с самими компонентами ее содержания.

С учетом вышеизложенного полагаю, что в качестве целей реализации прокуратурой координирующей функции следует признать: определение стратегии и тактики деятельности по борьбе с преступностью и коррупцией с учетом криминогенной ситуации; укрепление законности и правопорядка, снижение количества преступлений и коррупционных проявлений; оптимизацию правоохранительной деятельности посредством согласованного и системного функционирования всех субъектов координации; выработку согласованных мероприятий по своевременному предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию преступлений и коррупционных проявлений; содействие проведению научных исследований в сфере правового, криминологического и криминалистического обеспечения борьбы с преступностью и коррупцией, внедрению их результатов в деятельность субъектов координации.

Эффективное обеспечение целей координирующей функции достигается посредством достижения комплекса задач: повышения уровня борьбы с преступностью и коррупцией; содействия целенаправленности и комплексности осуществляемых мер по борьбе с преступностью и коррупцией; предметного и эффективного использования правоохранительного потенциала органов прокуратуры и каждого субъекта координации; исключения параллелизма, дублирования, разобщенности в процессе борьбы с преступностью и коррупцией, не допущения смешения функций субъектов координации; проведения анализа состояния преступности и коррупции, их структуры и динамики всеми субъектами координации с учетом их компетенции и возможностей; содействия выполнению мероприятий государственных программ в сфере борьбы с преступностью и коррупцией; оценки эффективности деятельности субъектов координации [8, с. 254].

Относительно организации и методов координации, информационно-аналитической деятельности представляется необходимым внести следующие предложения. Во-первых, непосредственное руководство этой деятельностью должно осуществляться прокуратурой в рамках информа-

ционного обеспечения деятельности координационных совещаний. Во-вторых, на координационном совещании с учетом мнений руководителей правоохранительных органов следует определить конкретный круг проблем, подлежащих анализу. При этом непосредственную аналитическую работу должны осуществлять соответствующие рабочие группы координационного совещания под руководством руководителя группы и под контролем ответственного исполнителя. В-третьих, эффективность анализа следует оценивать по следующим критериям: а) указаны ли причины изменения общего состояния дел в данном направлении по сравнению с предыдущим периодом; б) указаны ли причины роста или снижения числа коррупционных преступлений; в) качество анализа (ошибки, упущения, выводы и предложения); г) полнота анализа; др.) соответствие материалов анализа данным официальной отчетности; е) осуществлен ли анализ в установленный срок.

Планирование работы является одним из организующих начал обеспечения деятельности прокуратуры по реализации полномочий, предусмотренных Законом Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь». Аспекты планирования работы прокурорами подробно исследованы учеными- правоведами и практиками. Планирование координационной деятельности прокуратуры строится на следующих принципах: научность, законность, системность, непрерывность и эффективность. Правильно организованное планирование достигается целенаправленностью принимаемых мер по координации усилий правоохранительных органов в борьбе с преступностью, включая преступления коррупционного характера, позволяет рационально использовать потенциал правоохранительной системы, рационально распределять силы и средства на приоритетных направлениях. Важным показателем планирования работы по координации является реальность намечаемых мер. Она обеспечивается тщательным изучением состояния законности в регионе. Прокурор должен проанализировать количество и виды преступлений и правонарушений, включая коррупционные; степень их тяжести и распространенности; определить районы, объекты, наиболее пораженные преступлениями. В итоге прокурор разрабатывает и включает в план наиболее существенные мероприятия, реализация которых принесет максимально эффективный результат в деле укрепления законности и противодействия коррупции. Прокурор при изучении состояния преступности пользуется информацией, находящейся в самой прокуратуре, либо полученной от правоохранительных органов в порядке координации, от администраций различных органов, организаций, учреждений, предприятий, инспекций, контрольно-ревизионных управлений. Тщательное изучение информации является гарантией реальности планирования координационной деятельности [1, с. 58; 9, с. 115].

Современная коррупция – это не элементарный уголовно-правовой феномен, который можно было бы квалифицировать конкретной нормой уголовного закона как отдельный состав преступления. Коррупцию сле-

дует рассматривать как криминологическое, социально-экономическое явление, обладающее многоструктурным и многоуровневым содержанием, в содержательный объем которого входит комплекс неоднородных видов общественно опасных деяний

Вопросам эффективности борьбы с коррупцией посвящено много научных работ, каждое государство имеет свои стратегии по противодействию коррупционным проявлениям. В целях правильного определения стратегического курса в этом направлении считаем целесообразным рассмотреть положительный опыт по борьбе с коррупцией в различных странах. Одной из стратегий по борьбе с коррупцией является Сингапурская стратегия.

Так, получив независимость в 1965 г., Сингапур оказался страной с одним из высочайших уровней коррупции во всем мире, поэтому для борьбы с коррупцией были предприняты следующие шаги. Во-первых, строго регламентированы действия чиновников, упрощены бюрократические процедуры, установлен усиленный надзор над соблюдением высоких этических стандартов. Во-вторых, было создано «Автономное Бюро по расследованию случаев коррупции» («CPIB»), которое занималось расследованием жалоб, содержащих обвинения в коррупции в общественных и частных сферах и случаев халатности, небрежности, допущенных государственными служащими, проводило проверки деятельности, операций, осуществляемых государственными служащими с целью минимизировать возможность совершения ими коррумпированных действий. В-третьих, подверглось ужесточению законодательство, повысилась независимость судебной системы (за счет увеличения заработной платы и привилегированного статуса судей), введены экономические санкции за дачу взятки или отказ от участия в антикоррупционных расследованиях, повысилась заработная плата чиновников, поднялись требования к подготовке квалифицированных административных кадров. Примечательно, что коррупционеры, помимо исполнения обычного судебного приговора, обязаны возместить стоимость полученной взятки. Для тех, кто не в состоянии произвести полное возмещение, выносится более строгий судебный приговор. Если же обвиняемый в коррупционных отношениях уже умер, конфискуется его имущество. Благодаря этой стратегии Сингапур стал одним из наименее коррумпированных государств мира и занимает 8е место в Corruption Perception Index, опубликованным Transparency International.

В шведской стратегии акцент был перенесен на систему стимулов, побуждающих население к противодействию коррупции, в числе которых выделяют: основные инструменты – налоги, льготы и субсидии; свободный доступ к внутренним государственным документам; независимую и эффективную систему правосудия; установление высоких этических стандартов для государственных чиновников и их высокие заработные платы.

Спустя всего несколько лет после начала антикоррупционной кампании честность стала социальной нормой среди чиновников. Что же касается высоких зарплат, то поначалу они превышали зарплату рабочих в

12–15 раз, однако со временем эта разница снизилась до 2–3 раз. На сегодняшний день Швеции присвоен четвертый ранг в Corruption Perception Index. Секрет стратегии кроется в выполнении следующих задач: повышение экономического благосостояния, достижение социального равенства, борьба с бедностью и, что также немаловажно – восприятие честности как нормы поведения чиновника [1, с. 63-64].

Меры по борьбе с коррупцией, перечисленные в этих примерах, в той или иной форме нашли отражение и в стратегии нашего государства, а наиболее эффективными являются комбинированные методы «кнута и пряника»; применяемые по отдельности, они вряд ли приведут к значительным результатам, если и вовсе не ухудшат ситуацию. Об этом надо помнить и белорусским борцам с коррупцией, особенно учитывая, что в 2016 г. наша республика находилась на 80-м месте в индексе восприятия коррупции Transparency International [10].

Для достижения стратегической цели – устранения причин, способствующих коррупции и снижения негативного влияния ее на экономику важным остается реализация поставленных Президентом Республики Беларусь кадровых задач: обеспечение кадровой чистоты государственного аппарата, его юридической и моральной чистоплотности; улучшение работы по подбору и расстановке кадров, принципиальному подходу к решению проблемы кадрового протекционизма, который является верным спутником коррупции и основной из причин совершения коррупционных преступлений государственными служащими [11, с. 123].

Необходимым условием для эффективной координации прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией является разработка и внедрение новых методов работы, позволяющих наносить упреждающие удары по реальной коррупции, оперативное и адекватное реагирование на современные, более изощренные факты коррупции.

Наиболее актуальными и востребованными направлениями в координационной деятельности прокуратуры по борьбе с коррупционными и иными противоправными деяниями выступают следующие:

1) адекватность в оценке реального состояния законности и правопорядка в целом по Республике Беларусь и отдельно в регионах, которая не может быть дана на основании аналитических материалов только одного какого–либо правоохранительного органа;

2) формирование идеологии и стратегии координации правоохранительных органов, их качественного взаимодействия с иными государственными структурами и институтами гражданского общества;

3) определение ближайших (тактических) и долгосрочных (стратегических) приоритетов деятельности названных органов.

Практическая роль прокуроров в повышении эффективности координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупционными проявлениями может совершенствоваться по следующим направлениям.

Во-первых, повышение эффективности координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупционными проявлениями может быть обеспечено посредством кадровой чистоты при подборе кандидатов на должности прокурорских работников, в том числе путем проведения тестирования с целью определения профессиональной, деловой, психолого-физиологической и моральной пригодности, опросов с использованием полиграфа. Такие способы отбора на должности прокурорских работников закреплены в нормативных правовых актах ряда государств–участников СНГ (Азербайджан, Казахстан, Киргизия), регламентирующих прохождение службы в органах прокуратуры.

Во-вторых, кадровая ротация, как необходимое условие постоянного развития организационных и управленческих навыков прокуроров также может стать вектором повышения эффективности координационной деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупционными проявлениями. Так, перемещение по «горизонтали» необходимо в виду того, что длительное пребывание в одной прокурорской должности снижает трудовую мотивацию, прокурорский работник ограничивает свой профессиональный кругозор рамками одного направления (участка) деятельности, зачастую перестает обогащать свою деятельность новыми методами и формами работы.

В-третьих, для более эффективного уровня координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупционными проявлениями следует более широко использовать институты гражданского общества при определении векторов направления усилий в борьбе с названными проявлениями. Данное предложение обусловлено тем, что государственная система административных функций и процедур является сбалансированной и в случае ее сбоя, который в первую очередь обращает на себя внимание общественности, необходимо устанавливать на какой конкретной стадии произошло нарушение с принятием соответствующих мер.

В-четвертых, достаточно эффективным для обеспечения системной и непрерывной работы в рассматриваемом направлении работы органов прокуратуры представляется создание на уровне прокуратур областей постоянно действующих рабочих групп. В состав таких групп целесообразно включать наиболее опытных прокурорских работников, как областных аппаратов, так и прокуратур районов, работников иных субъектов координации, а при необходимости – и представителей научных учреждений и других государственных организаций.

В-пятых, повышению эффективности координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупционными проявлениями будет способствовать расширение перечня вопросов, рассматриваемых на координационных совещаниях всех уровней, включая вопросы выполнения государственных программ модернизационного и инвестиционного характера. Полагаем, что рассмотрение подобного рода вопросов на координационных совещаниях при их проработке и согласовании с соответствующими органами государственного управления позволит за-

благовременно предусмотреть и предотвратить факторы, создающие условия для коррупции при принятии отдельных управленческих решений, создаст благоприятную атмосферу для привлечения инвестиций.

Заключение. В целях повышения эффективности координационной деятельности и усиления ответственности должностных лиц за выполнение принятых по результатам координационных совещаний решений, представляется целесообразным внесение дополнений в ст. 23.1 Кодекса об административных правонарушения Республики Беларусь в следующей редакции: «Неисполнение, ненадлежащее или несвоевременное исполнение должностным лицом, индивидуальным предпринимателем либо иным физическим лицом решения координационного совещания, а равно непредставление информации по запросам субъектов координации, необходимой для подготовки и проведения координационных совещаний – влечет наложение штрафа в размере от двух до пяти базовых величин».

Комплекс предложенных стратегических мер полагаем, существенно снизит коррупционные риски, как в системе государственной службы, так и сфере экономики, что в свою очередь позитивно скажется не только на имидже страны на международной арене, но и позволит создать благоприятные условия для развития бизнесы, в том числе с привлечением иностранных инвестиций, и укрепить белорусский экономический потенциал.

Список цитированных источников

1. Зиновик, М. Н. Координация прокуратурой деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции : магистер. дис.: 12.00.11 / М. Н. Зиновик. – Минск, 2017. – 80 с.

2. Басецкий, И. И. Коррупция: теория и практика противодействия / И. И. Басецкий, А. В. Башан. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – 567 с.

3. Давыденко, Л. М. Организация деятельности районной, городской прокуратуры по профилактике преступлений : учеб. пособие / Л. М. Давыденко. – Харьков : Ин-т Прокуратуры СССР, 1990. – 103 с.

4. Маркелов, Т. Л. Проблема координации в борьбе с правонарушениями / Т. Л. Маркелов // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1977. – Вып. 26. – С. 35–49.

5. Прокурорский надзор : учеб. пособие / В. Н. Григорьев [и др.]. – М. : Изд-во «Элит», 2007. – 512 с.

6. Гриневич, Г. Е. Противодействие коррупции как основная задача обеспечения безопасности личности, общества и государства / Г. Е. Гриневич // Совершенствование деятельности органов государственного управления по предупреждению преступности в экономике и коррупции : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 5–6 нояб. 2003 г. / редкол.: В. М. Хомич (гл. ред.) и [др.]. – Минск : Тесей, 2003. – С. 19–27.

7. Бессарабов, В. Г. Прокурорский надзор : учеб. / В. Г. Бессарабов. – М. : ТК Велби: Проспект, 2006. – 536 с.

8. Сенько, А. С. Теоретические аспекты координирующей функции прокуратуры / А. С. Сенько // Право и демократия : сб. науч. тр. – Вып. 20; редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2009. – С. 249–263.

9. Зинуров, Р. Н. Концептуальные основы и научно-практические проблемы координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: тенденции и закономерности : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.11 / Р. Н. Зинуров. – Уфа, 2003. – 351 с.

10. TI Индекс Восприятия Коррупции 2016 // Центр Антикоррупционных исследований и инициатив [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: http://transparency.org.ru/indeks-vospriiatiia-korruptcii/blog. – Дата доступа: 03.03.2017.

11. Зиновик, М. Н. Взгляд на стратегию координации прокуратурой деятельности по противодействию коррупции в Республике Беларусь / М. Н. Зиновик // Проблемы юридической науки глазами молодых ученых : материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, Махачкала, 24-25 дек. 2016 г. / Юридический институт Дагестанского государственного университета, Управление Федеральной службы исполнения наказаний России по Республике Дагестан, Дагестанский институт развития образования ; под общей ред. проф. А.М. Муртазалиева. – Махачкала, 2016. – С. 123–126.

УДК 340.13

ИСТОЧНИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПУБЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА

Ю.Г. Иванцова, аспирант Белорусского государственного университета, магистр юридических наук

Аннотация. В статье рассматриваются многосторонние и двусторонние международные договоры, регулирующие международные информационные отношения публичного характера. Исследуется количественное соотношение международных договоров и определяются основные направления их правового регулирования.

Введение. Большинство международных информационных отношений имеют публично правовой характер и регулируются нормами, содержащимися в международных договорах (универсального и регионального характера), заключенных Республикой Беларусь. Международные договоры публичного характера вместе с информационным законодательством Республики Беларусь [1], составляют основу механизма правового регулирования международных информационных отношений.

Основная часть. Для регулирования наиболее важных и проблемных международных информационных отношений публичного характера было подписано более двадцати многосторонних универсальных договоров в информационной сфере, которые являются основополагающими для всей системы правового регулирования международных информационных отношений. Данные договоры были приняты по следующим направлениям: в области связи (Устав Всемирного почтового союза от 10 июля 1964 г. и т.п.); в области обмена информацией (Конвенция об обмене официальными изданиями и правительственными документами между государствами от 3 декабря 1958 г.и т.п.); по вопросам пресечения обращения порнографических изданий (Международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими от 12 сентября 1949 г. и т.п.).

Вопросы более тесного сотрудничества в области информации и связи регулируются с помощью региональных многосторонних и двухсторонних договоров.

Рассмотрим основные формы сотрудничества в информационной сфере на региональном уровне, которые имеют важное значение для Республики Беларусь. Указанные договоры заключены в рамках таких меж-

дународных организаций, как Европейский союз (далее – ЕС), Совет Европы, Содружество Независимых Государств (далее – СНГ), Евразийское экономическое сообщество (далее – ЕврАзЭС).

Так, существуют несколько вариантов сотрудничества в информационной сфере Республики Беларусь с ЕС и государствами-членами ЕС:

1. Присоединение Республики Беларусь к многосторонним универсальным договорам, участниками которых являются государства ЕС, направлены преимущественно на: а) регулирование отношений в области укрепления систем международной связи, а именно, электросвязи (телекоммуникаций), космической связи, морской спутниковой связи, почтовой связи и прочее; б) регламентацию специальных учреждений и формирование организаций в информационной сфере.

2. Сотрудничество Республики Беларусь с ЕС как международной организацией по поводу обмена статистическими данными, а также в рамках программ международной технической помощи, трансграничное сотрудничество и прочее.

3. Двусторонние договоры с приграничными (в области архивной деятельности, статистической деятельности, по вопросам связи) и другими государствами ЕС по различным видам информационных отношений.

Фрагментарное сотрудничество Республики Беларусь можно отметить с Советом Европы по некоторым аспектам информационных отношений. Например, осуществляется сотрудничество относительно общих вопросов взаимодействия в информационной сфере (Конвенция стран Черноморского региона о сотрудничестве в областях культуры, образования, науки и информации (6 марта 1993 г.); обмена информацией (Европейская конвенция об информации о зарубежном праве (7 июня 1968 г.) и т.п.

Таким образом, региональные международные организации – ЕС и Совет Европы – уделяют большое внимание информационной сфере в области укрепления систем связи, информационного взаимодействия, обмена информацией и т.п.

В свою очередь, взаимозаинтересованность государств-участников СНГ в совместном регулировании информационных отношений оформляется многосторонними международными договорами (принято более пятидесяти), заключенных по следующим направлениям: создание совместных органов; обмен информацией, информационное обеспечение, информатизация; создание и использование информационных систем, сетей; связь (почтовая, электросвязь); книгоиздание, полиграфия, периодическая печать, фильм о производство; средства массовой информации, реклама; защита информации, обеспечение информационной безопасности; борьба с преступлениями в сфере компьютерной информации и прочим. Как видим, указанные сферы взаимодействия представляют интерес практически для каждого государства-участника СНГ, что дает возможность обозначить данные направления международного многостороннего сотрудничества как направления стратегического характера.

Следующим важным элементом договорно-правового сотрудниче-

ства в рамках СНГ являются международные двусторонние договоры, направленные на углубление и расширение интеграционных процессов в информационной сфере между двумя государствами. Двусторонние договоры заключены по следующим направлениям: в области взаимной защиты секретной информации, обеспечения международной информационной безопасности; в области связи (электрической и почтовой); в области информатизации и информационных технологий, обмена информацией и т.п. Начиная с 90-х годов, Республика Беларусь ведет двустороннее сотрудничество с Китаем, Вьетнамом, Катаром, Бангладеш, Венесуэлой, Объединенными Арабскими Эмиратами, Индией, Кипром и другими государствами. Форма взаимодействия государств – международные договоры, заключаемые по двум направлениям– в области информации и в области почтовой и электрической связи. Всего в рамках двустороннего сотрудничества Республики Беларусь с другими государствами было принято свыше 110 договоров.

Сотрудничество государств в пределах ЕврАзЭС в информационной сфере осуществляется по следующим вопросам: информационное взаимодействие, обмен информацией и прочие. В рамках Союзного государства (интеграционное объединение Российской Федерации и Республики Беларусь) особое место отводится распространению массовой информации, обеспечению деятельности телерадиовещательной организации, созданию единого информационного рынка, разработке информационных систем. Следует также отметить, что одной из приоритетных целей как Союзного государства, так и ЕврАзЭС является развитие единого информационного пространства.

Так, в количественном соотношении преобладает сотрудничество Республики Беларусь на региональном многостороннем и двустороннем уровне, что свидетельствует, как об этом в свое время подчеркивал Н. В. Сильченко [2], о приоритетности в регулировании международных информационных отношений именно данной группы источников правового регулирования. Схематично международные договоры, регулирующие международные информационные отношения публичного характера отображены в диаграмме.

Заключение. Источниками правового регулирования международных информационных отношений публичного характера являются:

– универсальные многосторонние договоры (в области связи; обмена информацией; по вопросам пресечения обращения порнографических изданий и т.п.);

– региональные международные многосторонние и двусторонние межгосударственные, межправительственные, межведомственные договоры Республики Беларусь, принятые в области связи (укрепление систем связи, регламентация специальных учреждений и формирование органов связи и т.п.); информатизации, создания и использования систем и сетей; в области обмена информацией и информационного обеспечения; защиты информации, информационной безопасности; в области печати (книгоиздание, полиграфия, распространение печати и т.п.); в области средств массовой информации и прочим.

Список цитированных источников

1. Иванцова, Ю. Г. Информационное законодательство Республики Беларусь: понятие и место в правовой системе / Ю. Г. Иванцова // Право.by. – №4(42). – 2016. – С. 99-103.

2. Сильченко, Н. В. Количественное соотношение между видами актов и проблемы теории закона / Н. В. Сильченко // Советское государство и право. – 1988. – №2. – С. 13- 21.

УДК 342.384.052

СОВРЕМЕННЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГОСУДАРСТВАХ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е.Ф. Ивашкевич, заведующий кафедрой истории и теории права Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук, доцент

Аннотация. В работе рассматриваются конституционные новеллы последних лет в бывших советских республиках, касающиеся видоизменений в них республиканской формы правления, юридического статуса, роли и функций высших органов государственной власти.

Введение. Более 25 лет назад советские республики после «парада суверенитетов» и распада СССР обрели независимость, встав на путь конституционного оформления государственного суверенитета и территориальной независимости, закрепления на конституционном уровне таких общечеловеческих ценностей, как гуманизм, свобода, равенство, социальная справедливость и других, а также провозглашения демократического правового государства, базирующегося на верховенстве закона, принципе разделения властей, ответственного правления и др. За прошедший период в большинстве конституций этих государств неоднократно вносились как принципиальные изменения содержательного плана с целью совершенствования механизма защиты прав и свобод человека и гражданина, повышения эффективности судебной и правотворческой деятельности, согласованного взаимодействия между высшими органами государственной власти в процессе изменения формы правления, так и изменения технического характера (например, изменения в ст.

65 Конституции Российской Федерации наименований субъектов страны, смена названия Национального банка на Центральный банк в Конституции Азербайджанской Республики и др.).

Однако, в последние годы конституционные процессы значительно активизировались. Фактически не осталось ни одного государства (за исключением Республики Беларусь) на постсоветском пространстве, где бы не подвергались в 2015-2017 гг. конституционному пересмотру статус главы государства, его взаимодействие с парламентом и правительством, в результате которого происходила трансформация республиканской формы правления в сторону той или иной её разновидности. Путём референдума в ряде постсоветских республик были приняты либо новые конституции, либо их новые редакции. Так, 26 сентября 2016 г. прошло всенародное голосование по внесению изменений и дополнений в Конституцию Азербайджана, которое фактически явилось третьим этапом конституционного реформирования независимого Азербайджана. Первые полномасштабные корректуры, насчитывавшие 39 изменений в 24 статьи, прошли в августе 2002 года и были связаны с конституционным закреплением института омбудсмена, предоставлением права гражданам индивидуального обращения в Конституционный Суд, расширением полномочий парламента в вопросах амнистии, назначения судей апелляционных судов по представлению Президента страны и др.

Основная часть. На референдуме в 2009 г. на голосование была вынесена 41 поправка к 29 статьям Конституции, важнейшими из которых стали конституционные гарантии социальных прав, «социальный характер экономической политики как основы деятельности государственной власти», «обеспечение равных прав в отношениях с государственными органами и носителями полномочий государственной власти, которые принимают решения, связанные с правами и обязанностями», расширение гарантий защиты частной жизни, перечня экологических прав, предоставление права народной законодательной инициативы группе из 40 тыс. граждан Азербайджанской Республики и мн. др. Очевидно, что все эти конституционные новеллы были обусловлены членством Азербайджана в Совете Европы, который потребовал введения европейских образцов конституционного механизма защиты прав и свобод личности.

Современные конституционные изменения Азербайджана в 2016 году обусловили явный переход к президентской республике. Предпосылками для данного процесса можно считать конституционные редакционные изменения ст. 101 в 2009 г., в результате которых были отменены формально-юридические ограничения для избрания одного лица Президентом Азербайджана более 2-х раз. Свидетельством усиления президентских полномочий стала возможность отсрочки выборов главы государства, право переноса президентом выборов в представительные органы во время военных действий. Таким образом, военные столкновения в связи с нагорно-карабахским конфликтом позволили бы главе государства откладывать избирательные мероприятия. В настоящее время на

референдуме 2016 г. было принято подавляющим большинством избирателей (от 83,25 % до 91,5 % голосов) 29 поправок, касающихся увеличения срока президентских полномочий с 5 до 7 лет, исключением 35-летнего возрастного ценза, наделением президента правом роспуска и объявления внеочередных выборов Национального собрания, а также введения вместо должности премьер-министра должности первого вице-президента с правом временного исполнения им полномочий главы государства в случае вакантности должности президента (в феврале 2017 года на эту должность была назначена супруга И. Алиева), должностей вице-президентов и др. Все эти новеллы являются признаками классической президентской республики и позволяют предполагать семейную преемственность при осуществлении руководящей роли в стране.

Аналогичные конституционные изменения прослеживаются и в новой редакции Конституции Туркменистана, принятой Меджлисом 14 сентября 2016 года после рассмотрения Советом старейшин. Были включены 24 новые статьи, 4 статьи – полностью в новом редакционном изложении, одновременно внесены изменения и дополнения в 107 статей. В новой редакции Конституции по-прежнему большое внимание уделено закреплению основных принципов нейтралитета, миролюбивой внешней политики Туркменистана, его приверженности международным обязательствам. Как подчеркнул Президент Г. Бердымухамедов, «Туркменистан является единственной страной в мире, в Конституции которой отражены положения резолюции ГА ООН». Особое место уделено концепции прав и свобод человека и гражданина, расширен их перечень и конституционные гарантии. Ряд поправок касался укрепления юридического статуса главы государства: срок полномочий увеличен до 7 лет, сняты возрастные ограничения (70-летний ценз) и ограничение числа сроков пребывания в президентской должности.

В опубликованной на официальном сайте речи Президента говорится о том, что «новая редакция Конституции направлена на усовершенствование государственной власти, повышение ответственности между человеком и государством, обеспечение соответствия государственной экономики принципам рыночной экономики, … мировому и национальному опыту демократии». Напомним, что с 2011 года Г. Бердымухамедова называют «Аркадагом» («покровителем», или «опорой и надеждой всех туркмен»). Таким образом, современная конституционная реформа в Туркменистане представляет собой историко-правовую закономерность, во многом отражая национальные традиции сильной власти главы государства.

Обращаясь к конституционной практике Республики Таджикистан, необходимо отметить, что в результате последних конституционных изменений в 2003 и 2016 годах в Таджикистане также продлен срок полномочий Президента до 7 лет, предусмотрена возможность избираться на пост главы государства неограниченное количество раз, снижен возрастной ценз для кандидатов в президенты до 30 лет, что позволит, по мнению ряда правоведов, участвовать на президентских выборах в 2020 г.

старшему сыну Президента Э. Рахмона. Отдельные пункты ст. 65 Конституции посвящены «Основателю мира и национального единства – Лидеру нации», звание которого получил Э. Рахмон.

В значительной степени подверглась изменениям по инициативе Президента Сержа Саргсяна в декабре 2015 года и Конституция Армении, который выразил мнение, что конституционная реформа «сделает более эффективной взаимодействие различных ветвей власти, создаст основу для более интенсивного развития экономики, повысит уровень защиты прав человека, усилит институциональную роль оппозиции». «Если не осуществить преобразований, будет застой, а власть… будет сосредоточена вокруг одного человека», – отметил президент. Согласно результатам конституционного референдума, несмотря на увеличение срока полномочий главы государства до 7 лет, президент республики сосредотачивает в своих руках лишь ограниченные представительские функции, получая теперь не «всенародный мандат» путём всеобщего и прямого голосования, а избираясь депутатским парламентским корпусом (который также, в свою очередь, переходит от мажоритарной избирательной системы к пропорциональной (многопартийной) системе) всего на один срок на основе принципа «партийной беспристрастности». Фактически, в Основном законе Армении в отличие от Азербайджана закрепляется переход к парламентской форме республиканского правления, предусматривающей парламентский способ формирования правительства с ответственностью его перед законодательным органом. В случае войны главнокомандующим вооружённых сил по действующей конституции становится премьер-министр, а не президент республики. К правительству переходят полномочия и по разработке и осуществлению внутренней и внешнеполитической стратегии государства. Интересно, что сам Серж Саргсян считает, что в ранее действующей конституции наблюдалась «непропорциональность прав и ответственности». «Если бы … в стране действовала чисто президентская система правления, возможно, я не пошёл бы на эти преобразования, поскольку парламентская система имеет свои преимущества, а президентская – свои», – утверждает он. «Полупрезидентская система нежизнеспособна. Возможен конфликт 2-х мандатов – президента и премьера – в условиях полупрезидентского правления при определенных обстоятельствах может представлять угрозу национальной безопасности».

Однако, как анализируют эксперты «настораживает» еще одна конституционная поправка. При отсутствии по итогам выборов стабильного большинства в парламенте, предлагается провести второй этап голосования, в котором примут участие две партии, получившие наибольшее число голосов. По результатам данного тура победившая партия получает дополнительные мандаты, что неизменно приведет к укреплению политической позиции и влияния на государственное управление одной более сильной партии. Данная новелла может нанести значительный «урон» принципу политического плюрализма и отстранить от государственного управления малочисленные альтернативные партии. Ряд авторов пола-

гает, что как глава правящей партии С.Саргсян может занять место спикера парламента и тем самым влиять на кандидатуры будущих президентов и премьер-министров.

Аналогичные процессы наблюдались в Грузии при Президенте М. Саакашвили, партия которого не смогла победить на парламентских выборах в 2010 году, оставшись в оппозиции, что стало примером нестабильности и неустойчивости многопартийной системы, правительственных кризисов в ряде стран с парламентской или парламентско-президентской формой правления на постсоветском пространстве (Молдова, Украина, Кыргызстан после реформ 2010 г).

11 декабря 2016 г. было внесено около 40 поправок в Конституцию Кыргызстана, одной из причин которых было, по мнению А. Атамбаева, удаление конституционных положений, противоречащих национальным интересам страны. В частности, ликвидирована конституционная норма, предусматривающая в ст. 41 восстановление Кыргызстаном нарушенных прав и свобод своих граждан в случае, если международные органы по защите прав человека признали факт таких нарушений. Данный конституционный проект вызвал значительный общественный резонанс и дискуссии в Кыргызстане и за его пределами не только по юридической процедуре его разработки и обсуждения, но и по содержательному контенту. Так, депутат Жогорку Кенеша (парламента) Ч. Джакупова отмечает, что в соответствии со ст. 4 Декрета Временного правительства «О президенте Кыргызстанской Республики на переходный период», который был вынесен на референдум в 2010 году, был наложен запрет на изменение 6 разделов Конституции (за исключением I, II и IX) до 1 сентября 2020 года. Не представлен проект закона о внесении изменений в Основной закон и для заключения Конституционной палаты Верховного суда, не соблюдена процедура его предварительного принятия до референдума депутатами в результате не менее 3-х чтений с перерывами между ними в два месяца (следовательно, референдум должен был проходить весной).

Вместе с тем, по результатам данной конституционной реформы очевидны шаги в сторону укрепления парламентаризма. Например, ст. 72 предусмотрено сохранение депутатского мандата и права голосования на пленарных заседаниях ЖК при назначении на должность премьера или вице-премьера. Одновременно внесены изменения в конституционные формулировки высших ценностей общества и государства (в настоящее время он насчитывает 9 основных пунктов), а также увеличение роли и функций исполнительной власти в лице премьер-министра. Так, по его представлению Президент назначает и отстраняет от должности министров, в случае отказа главы государства премьер-министр может своим решением отстранить от власти членов правительства по согласованию с фракциями, назначать и освобождать глав местных государственных администраций. Он имеет право неограниченно ставить вопрос о доверии правительству перед парламентом (ранее допускалось не чаще одного раза в год), а также фактически отклонять законы о республиканском бюджете,

налогах и ряда других в случае его обращения к Президенту о возвращении таких законов без подписания. Постановление о выражении недоверия Правительству теперь принимается не менее 2/3 голосов от общего состава депутатов парламента (ранее предусматривалось большинством голосов).

Критиками реформ отмечается, что ряд конституционных изменений носит регрессивный характер по сравнению с нормами действовавшей Конституции: предусмотрен отказ от конституционных гарантий невозможности лишения гражданства, неприкосновенности частной жизни некоторых категорий граждан (например, закреплено лишение судей прав на тайну переписки, телефонных переговоров и др.). Законодательно установлена возможность снятия судей с должности президентом по предложению дисциплинарной комиссии при Совете судей (формируется по «смешанной» процедуре высшими государственными органами страны), а членов Верховного суда и Конституционной палаты – парламентом по представлению президента, предусмотрена необходимость согласования своих решений с ЖК и Президентом Конституционной палатой Верховного суда Кыргызстана, что снижает его роль как органа конституционного контроля. Поставлен под сомнение институт срока давности в уголовном праве и мн. др.

В целом, мнения по поводу новой редакции конституции по своему содержанию расходятся от оценки её как «попытки конституционного переворота и захвата власти правящей партией» до необходимости её принятия для обеспечения в дальнейшем защиты основ демократического конституционного строя и предотвращения концентрации политической власти в одних руках после прекращения полномочий Президента А. Атамбаева. Депутаты, представители исполнительных государственных органов, научная общественность, правозащитники, СМИ дискутируют о том, что важнее – неизменность и стабильность конституции или ее «идеальность».

6 марта 2017 года Парламент Казахстана принял 26 поправок в 19 статей Конституции. В основном они касаются перераспределения полномочий между высшими государственными органами. Поправки направлены на усиление роли парламента, повышение самостоятельности и ответственности правительства, уточнение конституционных основ судебной системы и прокуратуры. В документе предложено на конституционном уровне закрепить гарантии неизменности независимости Казахстана, территориальной целостности, унитарности, формы правления.

Предложено в Основном законе отразить статус, принципы и заслуги основателя независимости Казахстана Нурсултана Назарбаева, подчеркнув историческую роль первого президента в развитии страны, так как «ведущая роль Елбасы (лидера нации) Н. Назарбаева, его инициативы обеспечили становление и развитие казахстанской государственности». Предлагается следующая редакция п. 2 ст.91 Конституции «Установленные конституцией независимость государства, унитарность и территориальная целостность республики, форма ее правления, а также основополагающие принципы деятельности республики, заложенные основателем

независимого Казахстана, первым президентом Республики Казахстан Елбасы, его статус являются неизменными». В процессе обсуждения законопроекта вносились предложения об обязанности для кандидата в президенты иметь высшее образование, признании неконституционными действий, способных нарушить межнациональное и межконфессиональное согласие, а также праве главы государства назначать в результате реформы не только министров иностранных дел и обороны, но и главу МВД. В проекте изменений в Конституцию также предусмотрено исключение права 2/3 депутатов каждой из палат делегировать президенту законодательные полномочия не более чем на год.

«Сильная президентская вертикаль нужна была нам в ходе преодоления огромных трудностей становления государства. Она себя в то время оправдала. Все наши достижения были реализованы именно при этой системе…Для президента в новых условиях приоритетами станут стратегические функции, роль верховного арбитра в отношениях между ветвями власти. Глава государства сконцентрируется также на внешней политике, национальной безопасности и обороноспособности страны», – подчеркнул в своей речи Президент Назарбаев. Основными конституционными нововведениями являются усиление роли нижней палаты (мажилиса) при формировании правительства, контроля парламента и палат за деятельностью правительства. С целью повышения ответственности правительства существенными изменениями будет сложение полномочий правительства перед парламентом, а не перед главой государства, упрощение порядка выражения недоверия членам правительства со стороны палат парламента, внесение премьером представления о кандидатах на должности министров после консультаций с парламентом (за исключением кандидатур на посты министров иностранных дел и обороны), исключение права главы государства по отмене или приостановлению действия актов правительства и премьер-министра, передача правительству полномочий по утверждению государственных программ, единой системы финансирования и оплаты труда работников всех органов, содержащихся за счёт государственного бюджета (однако, по согласованию с главой государства), образованию и упразднению центральных исполнительных органов, не входящих в его состав. В соответствии со ст. 72 Конституции Казахстана Н. Назарбаев обратился в Конституционный Совет для рассмотрения указанного закона «на предмет его соответствия установленным конституцией ценностям, основополагающим принципам деятельности и форме правления государства», – говорится в сообщении пресс-службы главы государства.

Заключение. Таким образом, в настоящее время на постсоветском пространстве наблюдаются две прямо противоположные тенденции перехода либо к президентским, либо к парламентским республикам, отказ от так называемых «смешанных», «нечистых» форм республиканского правления. Во многом, на наш взгляд, это иногда обусловлено окончанием в ближайшем будущем президентских полномочий лидеров ряда государств и необходимостью определения своего преемника, который обес-

печил бы преемственность проводимой государственной политики. В последнее время активно обсуждаются возможные конституционные изменения и Основного закона Республики Беларусь.

Список цитированных источников

1. Изменения в Конституции внесут ощутимый вклад в развитие Азербайджана – депутат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.trend.az/azerbaijan/politics/2665762.html. – Дата доступа: 15.02.2017.
2. Мотивы конституционной реформы в Азербайджане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.foreignpolicy.ru/analyses/motivy-konstitutsionnoy-reformy-v-azerbaydzhane/ . – Дата доступа: 10.02.2017.
3. Новая конституция Туркменистана основана на рамках концепции прав человека и нейтралитета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.newscentralasia.net/2016/09/14/ . – Дата доступа: 18.02.2017.
4. Конституция Туркменистана расширила полномочия Бердымухамедова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rus.azattyq.org/a/turkmenistan-berdymukhamedov-konstitytsia/27987812.html. – Дата доступа: 20.02.2017.
5. Изменения и дополнения в Конституцию Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tajembassy.ru/ru/nasha-gordost/53-referendum/368-izmeneniya-i-dopolneniya-v-konstitutsiyu-respubliki-tadzhikistan. – Дата доступа: 19.02.2017.
6. Конституционная реформа в Армении: цели заявленные и реальные [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ritmeurasia.org/news--2015-03-31--konstitucionnaja-reforma-v-armenii-celi-zajavlennye-i-realnye-17315. – Дата доступа: 24.02.2017.
7. Обзор: поправки в Конституцию КР: дискуссии в обществе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: htpp: // www.ca-portal.ru / article: 28931. – Дата доступа: 26.02.2017.
8. Проект новой Конституции Кыргызстана: сравниваем с прежней [Электронный ресурс]. – Режим доступа: htpp:// www. fergananews.com / articles/9045. – Дата доступа: 02.03.2017.
9. Перераспределение власти в Казахстане: На снижение каких полномочий Президента указал Назарбаев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kazpravda.kz/news/prezident1/pererаspredelenie-vlasti-v-kazahstane-na-snizhenie-kakih-polnomochii-prezidenta-ukazal-nazarbaev. – Дата доступа: 06.03.2017.

УДК 343.3/.7

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В РОССИИ И БЕЛОРУССИИ

О.Е. Калпинская, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена изучению уголовно-правовых норм Белоруссии и России, закрепляющих ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Рассматривается проблема дифференциации уголовной ответственности по квалифицированным составам преступления на основе сравнительно-

правового анализа действующего законодательства двух стран. Особое внимание уделено вопросу привлечения к ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения.

Введение. Прежде всего, хотелось бы отметить, что если в результате ДТП с участием пешехода последнему причинены менее тяжкие телесные повреждения – водитель может быть привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 317 УК Республики Беларусь [1]. Причинение менее тяжких телесных повреждений по белорусскому законодательству схоже с причинением среднего вреда здоровью в России.

Напомним, что в соответствии с российским законодательством нарушение правил дорожного движения, повлекшее причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего предусматривает административную ответственность по ст. 12.24 КоАП РФ [2].

При этом, в соответствии с законодательством РБ менее тяжкими считаются повреждения, имеющие хотя бы один из следующих признаков:

- длительное расстройство здоровья - непосредственно связанные с повреждением последствия, продолжительностью свыше 3 недель (более 21 дня);

- значительная стойкая утрата трудоспособности менее чем на одну треть (утрата трудоспособности от 10 до 35%).

Основная часть. Длительность расстройства здоровья определяется не продолжительностью больничного, а временем восстановления нарушенной функции органа или временем восстановления анатомической целостности. То есть в медицине существуют клинические протоколы, которыми определены усредненные сроки заживания определенных ран и сроки восстановления нарушенных функций органов. Продолжительность нахождения потерпевшего на больничном не всегда соответствует данным клинических протоколов, причем как в меньшую, так и в большую сторону. Некоторые потерпевшие вообще не берут больничный, но это не означает, что им нельзя установить степень телесных повреждений, поскольку есть вышеупомянутые клинические протоколы, содержание примерные сроки выздоровления.

Степень тяжести телесных повреждений определяется в ходе судебно-медицинской экспертизы, которая назначается должностным лицом органа, ведущего административный процесс, дознавателем или следователем. Кроме того, можно провести экспертизу телесных повреждений потерпевшего спустя какой-то период времени, например через полгода после ДТП. В этом случае, как правило, экспертиза проводится по медицинским документам, которые истребуются из учреждений здравоохранения, где проходил лечение потерпевший.

Если в результате ДТП потерпевший получили черепно-мозговую травму, то врач, который его осматривает, должен зафиксировать не только ваши субъективные жалобы (головная боль, слабость, головокружение), но и объективные признаки состояния потерпевшего (дрожание век, пальцев рук, зрачков, неустойчивость в позе Ромберга, вспотевание ладоней рук).

При этом, потерпевшего должен осмотреть врач-невропатолог. При отсутствии в подлинных медицинских документах каких-либо объективных признаков той или иной формы ЧМТ судебно-медицинский эксперт не сможет дать оценку степени тяжести телесных повреждений.

Помимо этого, можно оспорить заключение судебно-медицинской экспертизы. Для этого необходимо подать в орган, ведущий уголовный процесс, или в орган дознания аргументированное ходатайство о назначении повторной или дополнительной судебно-медицинской экспертизы с указанием доводов о несогласии с выводами первоначальной экспертизы.

При этом, согласно ст. 33 УК РБ [1], данное преступление относится к преступлениям частного характера. То есть потерпевший в уголовном деле фактически берет на себя функции прокурора (является частным обвинителем) и обязан доказать вину водителя в ДТП.

Поскольку инициатива привлечения водителя к уголовной ответственности передана законом потерпевшему, то именно он выполняет роль обвинителя в уголовном деле и на нем лежит обязанность – доказать вину водителя. Судебное следствие начинается с изложения сущности обвинения частным обвинителем. Обвинитель представляет доказательства, участвует в их исследовании, излагает суду свое мнение по существу обвинения, о применении уголовного закона и назначении обвиняемому наказания, а также по другим вопросам, возникающим во время судебного разбирательства.

Для наступления уголовной ответственности водителя по ч. 1 ст. 317 УК Республики Беларусь [1] недостаточно, чтобы пешеход в результате ДТП получил менее тяжкие телесные повреждения. Кроме этого, пешеход должен написать заявление о привлечении водителя к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 317 УК Республики Беларусь [1]. Без этого заявления привлечь водителя к уголовной ответственности нельзя, поскольку уголовная ответственность по данной статье наступает только по требованию потерпевшего.

Пешеход (частный обвинитель) вправе отказаться от обвинения без указания каких-либо причин.

Кроме того, водитель может быть освобожден от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 317 УК Республики Беларусь [1], если он примирился с потерпевшим.

Для примирения водителя с пешеходом достаточно, чтобы пешеход обратился с письменным заявлением в суд, в котором указал, что он с водителем примирился.

В случае примирения с потерпевшим уголовное дело в отношении водителя подлежит прекращению.

В соответствии с ч. 2 ст. 317 УК Республики Беларусь [1], нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств лицом, управляющим транспортным средством, повлекшее по неосторожности смерть человека либо причинение тяжкого телесного повреждения, – наказывается исправительными работами на срок до двух лет,

или ограничением свободы на срок до пяти лет, или лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения.

Российским законодательством разграничена ответственность за причинение тяжких телесных повреждений и смерти при нарушении правил дорожного движения. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 264 УК РФ [3], максимальное наказание за нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью не может превышать двух лет лишения свободы. Согласно же ч. 3 ст. 264 УК РФ [3], те же действия повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего могут наказываться вплоть до 5 лет лишения свободы.

Анализируя уголовную ответственность по ч. 2 ст. 317 УК Республики Беларусь [1] и по ч.ч. 1, 3 ст. 264 УК РФ [3], рациональным представляется разграничение ответственности за причинение тяжких телесных повреждений и смерти потерпевшему. Поскольку жизнь человека, которая является дополнительным необходимым объектом преступления по ч. 3 ст. 264 УК РФ [3], безусловно является более значимой, нежели, чем здоровье гражданина.

Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 317 УК Республики Беларусь [1], нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц, – наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения.

Согласно же ч. 5 ст. 264 УК РФ [3], аналогичные действия на территории РФ наказываются принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Таким образом, несмотря на то, что верхний предел ответственности является одинаковым и составляет 7 лет лишения свободы, Российское законодательство является более гуманным поскольку, во-первых, предусматривает альтернативные виды наказания, во-вторых, не имеет нижней границы уголовной ответственности.

В соответствии с ч. 4 ст. 317 УК Республики Беларусь [1], рассматриваемые деяния, совершенные в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ наказываются лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Как уже отмечалось ранее, российский законодатель дефференцировал уголовную ответственность за аналогичные деяния в РФ. Согласно

ч. 2 ст. 264 УК РФ [3], за причинение тяжкого вреда здоровью, водитель, находящийся в состоянии опьянения может быть наказан принудительными работами на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Таким образом, данное преступление в соответствии с уголовным законодательством РФ является преступлением средней тяжести.

Однако, согласно ч. 4 ст. 264 УК РФ [3], если водитель в состоянии опьянения нарушил правила дорожного движения и это привело к смерти потерпевшего, то он должен быть наказан лишением свободы на срок от двух до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

В данном случае, видно, что санкция рассматриваемой части ст. 264 УК РФ [3] является суровее, чем санкция ст. 4 ст. 317 УК Республики Беларусь [1], поскольку имеет нижний предел в виде двух лет лишения свободы.

Это так же объясняется дифференциацией ответственности, поскольку жизнь человека, как уже отмечалось выше, имеет больший приоритет защиты, чем здоровье гражданина.

Согласно ч. 5 ст. 317 УК РБ [1], анализируемые действия совершенные в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ и повлекшие по неосторожности смерть двух или более лиц, – наказывается лишением свободы на срок от четырех до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Аналогичная диспозиция содержится в ч. 6 ст. 264 УК РФ [3], однако санкция предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от четырех до девяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Здесь так же можно отметить более мягкое наказание, предусмотренное отечественным уголовным законом, поскольку верхний предел уголовной ответственности за такое преступление ниже на 1 год.

Помимо этого, УК Республики Беларусь содержит ст. 317.1 [1], которая предусматривает уголовную ответственность, за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, либо передача управления транспортным средством такому лицу, а равно отказ от прохождения в установленном порядке проверки (освидетельствования) на предмет определения состояния опьянения.

При этом, ч. 1 указанной статьи в диспозиции указывает, что данные действия должны быть совершены в течение года после наложения административного взыскания. В этом случае, максимальная ответственность предусматривает лишение свободы на срок до 2 лет.

Однако, в ч. 2 ст. 317.1 УК Республики Беларусь [1], указано, что если лицо уже привлекалось к уголовной ответственности по данной статье, то максимальное наказание в виде лишения свободы составит от одного года до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

В УК РФ 31 декабря 2014 года, в соответствии с Федеральным законом N 528-ФЗ, была введена ст. 264.1 [3], которая предусматривает наступление уголовной ответственности за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного частями второй, четвертой или шестой статьи 264 УК РФ либо статьей 264.1 УК РФ [3].

Санкция данной статьи предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 2 лет.

Таким образом, очевидно, что уголовное законодательство Республики Беларусь является более дифференцированным в вопросе привлечения к ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения. Что является вполне рациональным и обоснованным, в связи с тем, что повторное привлечение гражданина к уголовной ответственности должно быть более суровым, чем наказание для лиц, впервые привлекаемых к уголовной ответственности.

Заключение. Резюмируя все вышесказанное можно сделать вывод, что российское законодательство, в вопросах привлечения лиц к уголовной ответственности на нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспорта является немного более гуманным, нежели, чем уголовное законодательство Беларуси. Кроме того, можно отметить более широкую дифференциацию отечественного законодательства при привлечении к уголовной ответственности за рассматриваемые преступления.

Справедливости ради, стоит отметить, что предусмотренная уголовным законодательством Республики Беларусь дифференциация уголовной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения является более детальной и обоснованной и может быть заимствована законодателем в России.

Список цитированных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З/ [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://etalonline.by/ (дата обращения 20.02.2017)

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ/ [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 20.02.2017)

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ/ [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 20.02.2017

УДК 342. 529

ОСОБЕННОСТИ ДЕЛЕГИРОВАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СЕМЬЕ ОБЩЕГО ПРАВА

И.Н. Кирякова, доцент кафедры теории и истории государства и права Полоцкого государственного университета, кандидат юридических наук

Аннотация. В странах, относящихся к разным правовым семьям, существуют свои предпосылки к возникновению института делегированного законодательства, подходы к его определению, имеются особенности в процессе издания делегированных актов, соответственно, данные акты занимают и различное место среди источников права. Вышесказанное объясняет то, что механизм функционирования института делегированного законодательства в той или иной стране обусловлен причинами возникновения данного института, целями, на решение которых направлено его применении, а также местом делегированных актов среди источников права. Автором предлогается изучить особенности института делегированного законодательства в странах семьи общего права на основе сравнительного анализа данного института в странах, относящихся к романо-правовой семье.

Введение. Выявить особенности института делегированного законодательства в странах семьи общего права, позволит сравнительный анализ функционирования данного института со странами, относящимися к романо-германской правовой семье. В отличие от последней, исполнительные органы в странах семьи общего права не наделены правом на издание актов во исполнение закона. По мнению английских юристов, делегированное законодательство исходит не от парламента, а от другого органа. Это объясняет полномочия любого органа на принятие актов делегированного законодательства, а не только правительства.

Основная часть. К актам делегированного законодательства в Англии относятся акты исполнительной власти, издаваемые только на основании и в рамках специальных законов Парламента о делегировании своих полномочий. Такие акты принимаются чаще всего в форме «приказа». Сами приказы различаются по юридической силе, где высшим по силе является «приказ в Совете», который издается Правительством на основе полученных им делегированных полномочий от имени короны и тайного Совета. Наиболее распространенной формой делегированного законодательства являются приказы министров. Характерной чертой английской системы законодательства является сокращение удельного веса законов в общем объеме актов «писаного права».

Конституция США предусматривает, что исполнительная власть в лице Президента принимает исполнительные приказы. В некоторых случаях Президент принимает исполнительные приказы, превышающие полномочия исполнительной власти. Если Конгресс не обращает внимание на это, то делегирование происходит автоматически [1, С. 368].

Одним из видов делегирования Конгрессом США законодательных полномочий является наделение Президента правом издавать реорганизационные планы, с помощью которых Президент проводит реорганизацию в аппарате управления [2, С. 7].

По своей юридической силе акты делегированного законодательства приравниваются к статутам. Однако их равная правовая сила основана на применении судами как законов, так и подзаконных актов. В нормативной иерархии они занимают различные ступени [3, С. 56].

Отличительной чертой субъектного состава делегирования полномочий в США является наделение нормотворческими полномочиями федеральных судов, хотя эта практика занимает незначительное место в правовой системе. Это объясняется тем, что в странах семьи общего права определение актов делегированного законодательства базируется на принципах, которые характеризуют приоритетное значение судов как творцов права. Суды самостоятельно определяют границы допустимого регулирования общественных отношений делегированными актами. Судебной практикой выработаны формы ограничения делегированного законодательства, не допускающие возможности широкого делегирования, подчеркивая необходимость определения принципов, которыми должны руководствоваться органы управления при принятии таких актов.

Институт делегированного законодательства в странах романо-германской правовой семьи предусмотрен как исключение в ситуации, при которой парламент не успевает оперативно реагировать на изменения, произошедшие в обществе, путём принятия соответствующих нормативных актов.

Сравнивая институт делегированного законодательства в странах семьи общего права и романо-германской правовой семьи, следует отметить существующие различия в формах контроля за делегированными актами, что имеет немаловажное значение для функционирования данного института. Особенностью делегированного законодательства в странах семьи общего права является то, что контроль за изданием делегированных актов осуществляется в двух формах: судебной и парламентской. В Англии, кроме парламентского и судебного контроля, применяется административный контроль за делегированными актами. При рассмотрении конкретного дела суды путем толкования вкладывают в делегированные акты иное содержание, чем исполнительные, либо вообще отменяют их.

В романо-германской правовой семье функционирование института делегированного законодательства не связано с деятельностью судов. Основной контроль за делегированным законодательством в большинстве стран приходится на парламент – орган, инициирующий процесс делегирования и определяющий его условия. Средством парламентского контроля является обязательность утверждения делегированных актов парламентом.

В странах семьи общего права признается принцип «парламентского верховенства». Делегированные акты издаются на основании статута,

следовательно, они зависят от него. Это обстоятельство нашло свое отражение в законодательном определении данных актов. В законодательстве Англии делегированные акты обозначались как «правила, издаваемые на основании статута» (Закон 1893 года), «акт, издаваемый на основании статута» (Закон 1946 года).

Конституция США предусматривает, что исполнительная власть в лице Президента принимает исполнительные приказы. Такое делегирование Конгрессом своих полномочий получило название «подчиненное законодательство». Термин же «делегированное законодательство» не получил полного признания.

Своеобразным в семье общего права является подход к рассмотрению делегированного акта как источника права и определению его места в системе нормативных актов [4, С. 68-70]. Делегированные акты издаются на основании статута, что является главной характеристикой данных актов, указывающей на их соотношение со статутами и позволяющей отнести их к источникам права. В свою очередь, признанные источники подразделяются на основные (первичные) и производные (вторичные). Делегированное законодательство представляет собой «производный источник», так как принимается на основании статута.

Заключение. Проведенный автором сравнительный анализ института делегированного законодательства в странах семьи общего права и странах, относящихся к романо-правовой семье позволяет отметить следующие особенности данного института в странах семьи общего права:

1. наличие различных форм, в которых издаются делегированные акты (правила, инструкции, приказы, указы Короля в Совете);
2. многообразие субъектов, которым делегируются законодательные полномочия;
3. наличие различных форм контроля актами делегированного законодательства (судебный, парламентский, административный контроль);
4. место делегированных актов в системе источников права.

Список цитированных источников

1. Чудаков, М.Ф. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебное пособие / М.Ф. Чудаков – Минск: Новое знание, 2001. — 572 с.

2. Асташенко, О.П. Законодательные полномочия Президента США / О.П. Асташенко // Актуальные проблемы государства и права на современном этапе: Материалы международной научной конференции студентов и аспирантов / Белорусский государственный университет; В.М. Хомич и др. – М., 2001 – С. 6-7.

3. Чебуранова, С.Е. Делегированное законодательство в англосаксонской правовой системе / С.Е. Чебуранова / / Проблемы интеграции правовой системы в европейское и мировое пространство: сборник научных публикаций. ГрДУ, Гродно 2002 г. / Гроденский гос. ун-т; редкол.: М.Ч. Сильченко [и др.]. – Гродно, 2002. – С. 56-57.

4. Богдановская, И.Ю. Понятие источника права в правовой доктрине стран «общего права» / И.Ю. Богдановская // Право и политика – 2007. – № 1. – С. 68 – 73.

УДК 342

О ПРОЦЕССЕ ИЗБРАНИЯ ДЕПУТАТОВ ПАЛАТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

М.А. Козак, старший преподаватель кафедры истории и теории права Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению некоторых вопросов правового регулирования выборов депутатов Палаты Представителей Национального собрания Республики Беларусь. Автором проводится анализ норм Избирательного кодекса Республики Беларусь, закрепляющих порядок выдвижения кандидатов в депутаты Палаты Представителей Национального собрания Республики Беларусь. В статье содержатся выводы, касающиеся повышения эффективности проведения предвыборной компании, а также практические предложения по совершенствованию процесса выдвижения делегатов в депутаты и применения норм избирательного законодательства.

Введение. В настоящее время в Республике Беларусь основы формирования всех органов представительной власти уже выработаны, дальнейшее их развитие означает конкретизацию и одновременно расширение аспектов правового регулирования данного процесса в сторону совершенствования. Порядок формирования органа указывает на специфику органа, влияет на его правовой статус, устанавливает его место в государственном правовом механизме. Формирование органа – это постоянно изменяющийся, корректирующийся процесс, с чем соглашаются ряд ученых, утверждая, что «порядок формирования органа – это не застывшая, статичная структура, а статико-динамичная политико-правовая категория» [1, с.4]; [2, с.5].

Необходимо обратить внимание, что формирование органов представительной власти – это особый порядок, включающий избирательный процесс, который состоит из множества стадий, субъектов, средств, методов. От легитимности проведенного процесса выборов зависит дальнейшее функционирование избранного органа.

Основная часть. Избирательный процесс является показателем уровня свободного выражения подлинной воли народа, за законностью которого следят не только национальный, но и международные институты. В период глобализации происходит усиление влияния норм международного права на внутреннее избирательное законодательство, что способствует повышению уровня демократичности, транспорентности и легитимности проводимых выборов. Выбор способа формирования органа представительной власти всецело внутригосударственная прерогатива, но процесс проведения, как показывает практика, должен соответствовать международным стандартам.

Процесс выборов органов представительной власти Республики Беларусь состоит из имплементировавших в себя положений и принципов

документов Организации Объединенных Наций, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Межпарламентского союза и соответствует международным правовым стандартам и требованиям Органы представительной власти формируются с соблюдением основных принципов избирательного права, с отдельными особенностями, присущими процессу выборов каждого органа.

Палата представителей Национального собрания формируется на основе всеобщего, свободного, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. Из-за принципа всеобщности и прямого избирательного права выборы проходят гласно, с активным обсуждением органами государственной власти, международными правовыми сообществами, с приглашением международных наблюдателей, обозрением в СМИ.

Процесс избрания депутатов Палаты Представителей представляет собой классический процесс формирования представительного органа, который постоянно совершенствуется. В состав Палаты Представителей входят 110депутатов, которые избираются непосредственно народом.

Право на выдвижение кандидатов в депутаты обладают политические партии, зарегистрированные Министерством юстиции Республики Беларусь не позднее, чем за шесть месяцев до назначения выборов, трудовые коллективы, а также граждане путем сбора подписей. Последние изменения, внесенные в Избирательный кодекс, расширили возможность политическим партиям выдвигать кандидатов в депутаты Палаты Представителей при отсутствии на территории избирательного округа, административно-территориальной единицы организационных структур таких партий. С предоставлением такого права, политические партии существенно расширили свое поле деятельности в обществе и им оказано большое доверие со стороны народа и государства, а, следовательно, повышается их ответственность. Участие в выборах – это не просто право партий, это их конституирующий признак. Организации, не стремящиеся участвовать в выборах, не являются политическими партиями. Для активизации деятельности политических партий в Республике Беларусь можно было бы закрепить норму о лишении статуса партии тех организаций, которые в течение ряда лет, например, 5 или 6, как в Германии, не участвуют в выборах или отзывают своих кандидатов до процедуры голосования, что все чаще случается в белорусской практике.

Выдвижение кандидатов в депутаты Палаты представителей от политических партий осуществляется высшими органами политических партий. Политическая партия вправе выдвинуть по каждому избирательному округу по выборам в Палату представителей одного кандидата в депутаты из числа членов этой политической партии [3, ст. 62]. Процесс выдвижения кандидатов политическими партиями пока еще не нашел своего закрепления в законодательстве. В Законе Республики Беларусь «О политических партиях» [4] лишь обозначены способы деятельности политической партии – участие в выборах, а также в правах партии упоминается право участвовать в выборах в порядке, установленном законодательством. Таким обра-

зом, процесс участия в выборах регулируется Избирательным кодексом Республики Беларусь, а процесс проведения съездов по выдвижению кандидатов в депутаты регулируется уставами политических партий и другими внутренними документами. Не созданы общие правила реализации права партий на участие в выборах, кроме ст.62 Избирательного кодекса Республики Беларусь, где прописывается только право выдвигать своих кандидатов. Представляется, что закрепление норм, которые координировали бы права и обязанности партии, определяли объем и значение прав, регулирующих реализацию права партий на участие выборах, и самого процесса выдвижения кандидата от партии в Законе Республики Беларусь «О политических партиях» помогло бы политическим партиям в полной мере воспользоваться этим правом без нарушений законодательства, без возможного широкого толкования, обозначило бы четкие границы права на участие в выборах. Внесение на законодательном уровне четких требований в сами уставы и внутренние документы партии к процедуре выдвижения кандидатов, помогло бы Центральной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов и Министерству юстиции Республики Беларусь эффективнее проверять процедуру порядка выдвижения кандидатов. Например, как это было на выборах ПП четвертого созыва, когда в Министерство юстиции Республики Беларусь поступали обращения избирательных комиссий о проверке легитимности съездов политических партий, выдвинувших кандидатов в депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь четвертого созыва [5].

Необходимо отметить, что среди нормативных актов постсоциалистических стран (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, РФ, Украина), регулирующих правовое положение партий, только в РФ в Федеральном законе «О политических партиях» [6] есть глава «Участие политических партий в выборах и референдумах», где прописывается порядок участия и права политических партий в процессе выборов. В законодательстве других государств указывается на «право выдвигать кандидатов в Президенты Республики Казахстан, депутаты Мажилиса Парламента и маслихатов Республики» [7].

Заключение. Таким образом, совершенствование законодательства в сфере выборов об участии в них политических партий с новыми условиями будет способствовать закреплению значимости выборов, усилением роли политических партий в обновлении и демократизации государственного управления и модернизации страны. Такая регламентация позволит политическим партиям структурировать интересы широких слоев избирателей, будет способствовать последовательному расширению возможностей повышения роли и активного участия политических партий в проводимых реформах.

В науке часто поднимается вопрос о необходимости наделения правом выдвижения общественные объединения. Мы придерживаемся мнения, что в настоящее время в Беларуси они еще не стали носителями и выразителями общественно значимых социально-политических интере-

сов. Сами общественные объединения не готовы к такому участию в политической жизни государства.

Список цитированных источников

1 Кешикова, Н.В., Порядок формирования государственных органов: к теории вопроса/ Н.В. Кешикова \\ История государства и права, №11, 2008, с.4-5.

2 Быков, С.В., Порядок формирования Совета Федерации Федерального Собрания России (становление и перспективы развития)/ Быков, С.В., : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007, 23с.

3 Избирательный кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 11 февр. 2000 г. № 370-З : Принят Палатой представителей 24 янв. 2000 г. : Одобрен Советом Республики 31 янв. 2000 г. : В ред. Закона Респ. Беларусь от 25.11.2013 г. № 72-З // ИПС Эталон (6.0) Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4 О политических партиях: Закон Респ. Беларусь от 5 окт. 1994 г. № 3266-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.11.2013 г. // ИПС Эталон (6.0) Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5 .Об изучении Министерством юстиции материалов выдвижения политическими партиями кандидатов в депутаты от 22.08.2008.[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.by/showtext.asp?1219389395577. – Дата доступа: 03.03.2017.

6 .О политических партиях : Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ : в ред. ФЗ от 21.07.2014 г. // Консультант Плюс : Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс» (РФ). – М., 2017.

7 .О политических партиях: Закон Респ. Казахстан от 15 июля 2002 г. № 344 [Электронный ресурс] – 2007. – Режим доступа: http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=02113&all=all. – Дата доступа: 03.03.2013.

УДК 347

КРИТЕРИИ НЕПРАВОМЕРНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В.В. Козловская, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Аннотация. В статье рассматриваются случаи использования товарных знаков третьими лицами в различных формах в сети Интернет. На основе анализа законодательства Республики Беларусь предлагаются критерии для определения правомерности (неправомерности) подобного рода использования.

Введение. Следствием развития информационных технологий стало появление новых форм представления данных в сети Интернет (далее – Интернет, Сеть). Информация может быть представлена не только в виде текста или изображения, размещенного на интернет-странице, но и в других формах. Это прежде всего касается обозначений, охраняемых в виде товарных знаков, так как эти объекты легко преобразуются в электронную (цифровую) форму. В юридической литературе называют сле-

дующие формы использования товарных знаков в Сети: доменные имена, гиперссылки; мета-теги; продажа товарных знаков в качестве ключевых слов; возникающая в окне реклама; «мышеловка»; связывание и кадрирование и др. [1, с. 43], [2, с. 27-28].

Основная часть. Использование обозначения в Интернете может нарушить исключительное право на товарный знак, только если такое использование предположительно имеет место в стране, где этот товарный знак охраняется. Вероятно, не все случаи использования третьими лицами товарных знаков в указанных формах представляют собой нарушение исключительных прав. Но точного ответа на этот вопрос нет, поскольку в разных странах критерии правомерности (неправомерности) использования товарного знака в Сети могут различаться. Возникает вопрос, при каких обстоятельствах появление товарного знака в Интернете может составить использование в определенной форме и явиться нарушением исключительного права на знак.

Поскольку подходы в различных странах могут отличаться, Всемирная организация интеллектуальной собственности (далее – ВОИС) в своем документе «Интеллектуальная собственность в Интернет: обзор проблем» рекомендует выработать международные гармонизированные критерии [1, с.46]. В этой связи возможно два различных подхода: 1) либо выработать критерии неправомерного использования товарных знаков в Сети; 2) либо дать обобщенное определение добросовестного использования, которое каждая страна может рассматривать как допустимое на своей территории.

На основе анализа норм Закона Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. № 2181-XII «О товарных знаках и знаках обслуживания» (далее – Закон) попытаемся выработать критерии неправомерного использования товарных знаков в Интернете, которые, безусловно, не могут рассматриваться в качестве международных, но применимы на территории нашей страны при рассмотрении споров о неправомерном использовании товарных знаков в Сети.

Согласно п. 3 ст. 3 Закона «нарушением исключительного права на товарный знак признается использование товарного знака или обозначения, сходного с ним до степени смешения, без разрешения владельца товарного знака, выражающееся в совершении действий, предусмотренных пунктом 1 статьи 20 настоящего Закона, в отношении однородных товаров, а также неоднородных товаров, обозначенных товарным знаком, признанным общеизвестным в Республике Беларусь» [3]. Соответственно, п. 1 ст. 20 Закона о товарных знаках среди прочих предусмотрены следующие действия, которые могут быть признаны неправомерным использованием товарного знака: использование товарного знака для индивидуализации товаров, в отношении которых зарегистрирован товарный знак, осуществляемого в том числе путем применения товарного знака в глобальной компьютерной сети Интернет (в том числе в доменном имени, при иных способах адресации) [3].

Таким образом, критериями неправомерного использования товарного знака в Интернете являются:

1) размещение в сети Интернет лицом, не являющимся правообладателем, обозначения, зарегистрированного в качестве товарного знака, в какой-либо из следующих форм: доменного имени, ключевого слова, гиперссылки, метатега, фрейма, интернет-рекламы и т.д.);

2) тождественность размещенного в Сети обозначения товарному знаку правообладателя или сходство с ним до степени смешения (за счет имитации или совпадения восприятия обозначений). Зачастую лица, намеревающиеся использовать принадлежащий другому лицу товарный знак недобросовестно, регистрируют доменные имена, сходные до степени смешения с охраняемыми средствами индивидуализации фонетически, но незначительно отличающиеся по написанию. За рубежом такой вид деятельности получил название «тайпсквоттинг» (от англ. type – печатать и squatting – захватывать).

Примерами «доменов-двойников» в белорусском сегменте Сети являются marko.by и marco.by, danone.by и danon.by, milavitsa.by и milavica.by, serge.by и serg.by. В Беларуси для предотвращения недобросовестной регистрации доменных имен обладатели средств индивидуализации, как правило, регистрируют на свое имя одновременно несколько доменных имен, похожих по написанию на их товарный знак или фирменное наименование. Например, схожие до степени смешения доменные имена danone.by и danon.by, milavitsa.by и milavica.by. были зарегистрированы правообладателями товарных знаков «Danone» и «Milavitsa», соответственно.

3) использование товарного знака осуществляется без согласия правообладателя;

4) использование обозначения в гражданском обороте, то есть с целью прямого или косвенного извлечения прибыли;

5) использование обозначения в отношении товаров и (или услуг), для которых товарный знак зарегистрирован или однородных товаров, а также неоднородных товаров, обозначенных товарным знаком, признанным общеизвестным в Республике Беларусь. Так, если доменное имя, содержащее зарегистрированный товарный знак, используется в отношении товаров одного класса, а товарный знак зарегистрирован для другого класса (классов) товаров, доказать нарушение исключительных прав будет затруднительно, поскольку правовая охрана распространяется на товары, для которых товарный знак зарегистрирован или однородные товары. Исключение составляют случаи использования в Сети обозначения, тождественного или сходного до степени смешения с товарным знаком, признанным в Республике Беларусь общеизвестным.

6) использование осуществляется на сайтах, поименованных доменными именами, принадлежащими доменным зонам «by» или «бел». Указанные критерии для установления неправомерного использования товарного знака в Сети могут быть применены в случае, если использование обозначения, тождественного товарному знаку или схожего с ним до

степени смешения, осуществляется в национальном сегменте Интернет.

Для отграничения действий, допускаемых (не запрещенных) законодательством, от неправомерных действий, составляющих нарушение исключительного права, совместно с вышеуказанными критериями можно применять критерий добросовестного использования товарных знаков в Сети. В данном случае добросовестность предполагает честное использование, например, для целей описания или информационных целях [1, с. 46]. Примерами добросовестного использования являются такие случаи использования в Интернете, когда предпринимаются необходимые усилия для того, чтобы у пользователей Сети не возникло предположение о том, что использование товарного знака как-то подтверждается или поддерживается со стороны правообладателя. Добросовестным признается использование товарных знаков в некоммерческом контексте или использование, которое охраняется правом на свободные высказывания, такие как критика товара или услуги со стороны потребителей, выраженная в отношении определенного товарного знака [1, с. 46].

Заключение. Таким образом, в ситуациях, когда невозможно однозначно сказать, является ли действие по использованию товарного знака в Сети неправомерным, можно применить критерий «добросовестности использования». К правомерному использованию товарных знаков в Интернете следует относить те виды действий, которые осуществляются добросовестно.

Список цитированных источников

1. Intellectual property on the Internet: A survey of issues // WIPO. World Intellectual Property Organization [Электронный ресурс]. – 2015. – Режимдоступа:http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/intproperty/856/wipo_pub_856.pdf. – Дата доступа: 07.03.2017.

2. Маевская, Т. В. Формы использования товарных знаков в Интернете / Т. В. Маевская // Юрист. – 2004. – № 1. – С. 27-30.

3. О товарных знаках и знаках обслуживания: Закон Респ. Беларусь, 5 февр. 1993 г. № 2181-XII // Газета «Звязда» от 3 апреля 1993 г.: с изм. и доп.: Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2016 г. № 352-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 14.01.2016, 2/2350.

УДК 351.87(476)+351.87(479.22)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ЮСТИЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКЕ ГРУЗИЯ

С.П. Конопелько, начальник главного управления юстиции Витебского областного исполнительного комитета

Аннотация. Юстиция в буквальном переводе обозначает законность и справедливость. Сфера юстиции является многоуровневой системой, включающей в себя различные органы и учреждения.

Проведение государственной политики в сфере юстиции возлагается на соответствующие министерства юстиции как республиканские органы государственного управления.

Введение. В систему Министерства юстиции Республики Беларусь (далее – Минюст) входят главные управления юстиции облисполкомов и Минского горисполкома; государственные организации, подчиненные Минюсту; отделы записи актов гражданского состояния райгорисполкомов и местных администраций районов в городах; Дома (Дворцы) гражданских обрядов горисполкомов.

Основная часть. Основные задачи и функции, реализуемые в Республике Беларусь в сфере юстиции, определены в Положении о Министерстве юстиции Республики Беларусь, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 октября 2001 г. № 1605 (в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь от 22 февраля 2008 г. № 258)[1].

Так, Министерство юстиции осуществляет реализацию государственной политики в сфере юстиции, в том числе государственное регулирование и управление в сфере архивного дела и делопроизводства; участие в правовом обеспечении нормотворческой деятельности Президента Республики Беларусь, Национального собрания Республики Беларусь и Совета Министров Республики Беларусь, обеспечение скоординированности нормотворческой работы в Правительстве Республики Беларусь (в системе республиканских органов государственного управления, подчиненных Правительству Республики Беларусь); обязательную юридическую экспертизу нормативных правовых актов Национального банка, Комитета государственного контроля, Следственного комитета, Государственного комитета судебных экспертиз, Управления делами Президента Республики Беларусь, Национальной академии наук Беларуси, министерств, иных республиканских органов государственного управления, областных, Минского городского Советов депутатов, облисполкомов и Минского горисполкома; регулирование нотариальной деятельности и руководство нотариатом в Республике Беларусь, контроль за соблюдением нотариусами, Белорусской нотариальной палатой, ее организационными структурами законодательства о нотариате, контроль за деятельностью нотариусов в части соблюдения ими законодательства о предотвращении легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения; руководство регистрацией актов гражданского состояния отделами записи актов гражданского состояния райгорисполкомов и местных администраций районов в городах, Домами (Дворцами) гражданских обрядов горисполкомов, поселковыми и сельскими исполнительными и распорядительными органами, а также контроль за регистрацией актов гражданского состояния этими органами; ведение Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей; материально-техническое, финансовое, организационное и кадровое обеспечение органов принудительного исполнения, повышение квалификации кадров этих органов; представление в пределах своей компетенции интересов Республики Беларусь на международном уровне; также реализует некоторые иные задачи и функции.

С практической точки зрения для любого гражданина наибольший интерес представляют вопросы осуществления функций, связанных с реализацией прав, защитой интересов граждан, то есть тех функций, с выполнением которых каждый гражданин сталкивается хотя бы раз в своей жизни. Это вопросы регистрации актов гражданского состояния, нотариальной деятельности, получения архивных документов и некоторые другие.

В Республике Беларусь постоянно проводится работа по дебюрократизации, совершенствованию работы государственных органов с населением и оптимизации их внутренней деятельности, взаимодействия между ними, сокращению переписки и отчетности. Принят целый ряд мер, призванных обеспечить доступность, простоту, оперативность решения насущных проблем каждого человека. В работу государственных органов и иных организаций, куда гражданам приходиться обращаться для реализации своих прав и законных интересов, в том числе в работу органов загса, нотариата, архивных учреждений, внедрен заявительный принцип работы «одно окно».

Основу реализации принципа «одного окна» составляют административные процедуры, выполняемые государственными органами при обращении граждан за получением справок и иных документов.

Справочно: Согласно статье 1 Закона Республики Беларусь «Об основах административных процедур»(далее – Закон), административная процедура – действия уполномоченного органа, совершаемые на основании заявления заинтересованного лица, по установлению (предоставлению, удостоверению, подтверждению, регистрации, обеспечению), изменению, приостановлению, сохранению, переходу или прекращению прав и (или) обязанностей, в том числе заканчивающиеся выдачей справки или другого документа (его принятием, согласованием, утверждением) (далее – выдача справки или другого документа), либо регистрацией или учетом заинтересованного лица, его имущества, либо предоставлением денежных средств, иного имущества и (или) услуг за счет средств республиканского или местных бюджетов, государственных внебюджетных фондов, из имущества, находящегося в республиканской или коммунальной собственности.

Статьей 15 Закона установлено, что в перечни документов и (или) сведений, представляемых заинтересованными лицами, могут включаться лишь документы и (или) сведения, которые необходимы для осуществления административной процедуры и могут быть представлены только заинтересованным лицом. В указанные перечни не могут включаться документы и (или) сведения, которые имеются в уполномоченных органах или могут быть получены ими от других государственных органов, иных организаций, а также из государственных регистров, реестров, кадастров, списков, каталогов, баз и банков данных, за исключением случаев, когда такие документы и (или) сведения находятся у заинтересованного лица.

Запрещается требовать от заинтересованного лица представления документов и (или) сведений, кроме документов и (или) сведений, вклю-

ченных в перечни документов и (или) сведений, представляемых заинтересованными лицами, за исключением документов:

удостоверяющих личность гражданина;

подтверждающих служебное положение руководителя юридического лица, а также удостоверяющих его личность;

подтверждающих государственную регистрацию юридического лица или индивидуального предпринимателя;

подтверждающих полномочия представителя заинтересованного лица;

подтверждающих согласие заинтересованного лица на представление по запросу уполномоченного органа другими государственными органами, иными организациями документов и (или) сведений, необходимых для осуществления административной процедуры, содержащих информацию, касающуюся заинтересованного лица и относящуюся к коммерческой или иной охраняемой законом тайне, если заинтересованное лицо не представило такие документы и (или) сведения самостоятельно;

подтверждающих внесение платы, взимаемой при осуществлении административной процедуры, за выдачу запрашиваемых уполномоченным органом документов и (или) сведений (за исключением случая, указанного в части третьей пункта 1 статьи 15 Закона), если за их выдачу законодательством предусмотрена такая плата и заинтересованное лицо не представило такие документы и (или) сведения самостоятельно[2].

Заинтересованное лицо при подаче заявления вправе самостоятельно представить документы и (или) сведения, указанные в пункте 3 настоящей статьи.

Таким образом, при обращении для осуществления административной процедуры гражданину необходимо представить только минимальный пакет документов. Остальные документы, необходимые для осуществления соответствующей административной процедуры, запрашиваются специалистом, либо при желании могут быть представлены гражданином самостоятельно.

Реализация заявительного принципа «одно окно» на примере органов загса выглядит следующим образом.

В соответствии с Перечнем административных процедур, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 26 апреля 2010 г. № 200 (далее – Перечень)[3], органы загса осуществляют следующие административные процедуры:

регистрация рождения;

регистрация заключения брака;

регистрация установления отцовства;

регистрация установления материнства;

регистрация смерти;

регистрация расторжения брака по решениям судов, вступившим в законную силу до 1 сентября 1999 г.;

регистрация расторжения брака по взаимному согласию супругов, не имеющих общих несовершеннолетних детей и спора об имуществе (в соответствии со статьей 35^1 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье);

регистрация усыновления;

регистрация перемены фамилии, собственного имени и отчества;

выдача повторного свидетельства о регистрации акта гражданского состояния;

внесение изменений, дополнений и исправлений в записи актов гражданского состояния;

восстановление записей актов гражданского состояния;

аннулирование записей актов гражданского состояния;

выдача справок о рождении и о смерти;

выдача справок, содержащих сведения из записей актов гражданского состояния (о записи акта гражданского состояния, об отсутствии записи акта о заключении брака), и извещений об отсутствии записи акта гражданского состояния[3].

По большинству вопросов, входящих в компетенцию отдела загса, граждане обращаются лично, но есть некоторые административные процедуры, по выполнению которых допускается представительство в порядке, установленном законодательством. Представительство оформляется нотариально заверенной доверенностью.

Для регистрации актов гражданского состояния граждане представляют документы в соответствии с Перечнем, причем их количество минимально, все остальные документы отдел загса запрашивает самостоятельно.

Так, в 2016 году в органы загса области поступило 121.546 заявлений граждан об осуществлении административных процедур, на основании которых выдано 124.470 документов о регистрации актов гражданского состояния, в том числе 3.560 справок, иных документов на основании истребованных органом загса документов из других органов и организаций, что составляет 3 % от общего количества выданных документов. Эта цифра не очень существенна в силу того, что значительное количество в объеме осуществляемых административных процедур и выданных документов составляют выдача повторных свидетельств о регистрации актов гражданского состояния и справок, содержащих сведения из записей актов гражданского состояния (о записи акта гражданского состояния, об отсутствии записи акта о заключении брака), и извещений об отсутствии записи акта гражданского состояния. Для осуществления этих административных процедур, как правило, требуется заявление заинтересованного лица, паспорт или иной документ, удостоверяющий личность, документ, подтверждающий изменение фамилии или иных данных гражданина, – в случае их изменения; документ, подтверждающий внесение платы – при выдаче повторных свидетельств о регистрации актов гражданского состояния.

Заявительный принцип «одно окно» успешно реализуется и в деятельности органов нотариата, и в архивных учреждениях.

По общему правилу, срок осуществления административной процедуры не может превышать пятнадцати дней, а в случае направления уполномоченным органом запроса в другие государственные органы, иные организации – одного месяца, если иной срок не предусмотрен законодательными актами, постановлениями Совета Министров Республики Беларусь. В органах загса срок осуществления административных процедур варьируется от дня обращения до 3 месяцев, в зависимости от вида административной процедуры.

Прием граждан в отделах загса горрайисполкомов области, администраций районов г. Витебска по вопросам осуществления административных процедур организован в соответствии с требованиями Директивы Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2006 г. № 2 «О дебюрократизации государственного аппарата и повышении качества обеспечения жизнедеятельности населения» и начинается в рабочие дни не позднее 8.00 или завершается не ранее 20.00, а также осуществляется по субботам.

Приоритетным направлением взаимодействия при реализации принципа «одного окна» является организация электронного обмена документами и сведениями, касающимися заявителей, что позволяет сократить срок исполнения административной процедуры.

В целях дальнейшего развития процессов автоматизации обмена информацией между государственными органами и иными государственными организациями по выдаче документов и (или) сведений по обращениям граждан в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 февраля 2009 г. № 194 «О внедрении в постоянную эксплуатацию первой очереди программного комплекса «Одно окно» по обращениям граждан» в Республике Беларусь с марта 2009 года поэтапно внедрена в постоянную эксплуатацию первая очередь программного комплекса «Одно окно», разработанного в рамках реализации проекта 11 «Разработка и создание общереспубликанской базы данных для обмена информацией между государственными органами, иными государственными организациями в целях дальнейшей оптимизации работы по обращениям граждан для выдачи справок и других документов на основе заявительного принципа «одно окно» (далее – ПК «Одно окно»)[4].Государственной программы информатизации Республики Беларусь на 2003–2005 годы и на перспективу до 2010 года «Электронная Беларусь», утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2002 г. № 1819 (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2003 г., № 3, 5/11734; 2006 г., № 182, 5/24106).

В Перечне административных процедур, осуществляемых государственными органами, иными государственными организациями на основе заявительного принципа «одно окно» с использованием программного комплекса «Одно окно», в числе иных, указаны и административные процедуры, осуществляемые органами загса (регистрация рождения, реги-

страция заключения брака, регистрация установления отцовства, регистрация установления материнства, регистрация смерти и др.).

В настоящее время на республиканском и местном уровне осуществляются организационные и подготовительные мероприятия для внедрения в практику работы второй очереди программного комплекса «Одно окно».

Наряду с созданием необходимой правовой основы в Беларуси проводится широкомасштабная работа по внедрению в практику нового механизма взаимодействия власти и человека при осуществлении административных процедур на основе принципа одного окна.

В местных органах власти создаются специальные подразделения – службы «Одно окно», которые обеспечивают возможность подачи в одном месте заявлений на осуществление административных процедур в различных сферах.

Таким образом, постоянно принимаются меры, направленные на совершенствование механизмов работы с гражданами по рассмотрению обращений и совершению административных процедур, в том числе и в сфере юстиции.

В то же время интересным и полезным для нас может быть опыт организации работы с гражданами, внедренный в практическую деятельность в Грузии.

Основными функциями Министерства юстиции Грузии являются защита государственных интересов в национальных и международных судах и трибуналах, определение стандартов активных нормативно-правовых актов, приведение законодательства Грузии в соответствии с международными стандартами, формирование Государственного реестра; регулировка процедур эмиграции и миграции; регулирование нотариальных функций, реестра общественного обслуживания, Реестра гражданской службы, поддержание государственного архива; исполнение судебных решений; представление интересов страны в Европейском суде по правам человека[5].

При реформировании Министерства юстиции Грузии обеспечение граждан эффективным и доступным оказанием услуг являлось одной из ключевых задач. Для выполнения указанной задачи была разработана концепция Дома юстиции, который объединяет в одном здании несколько структур: Национальное агентство публичного реестра, Агентство гражданского реестра, Национальный архив, Национальное бюро исполнения, Палату нотариусов.

До формирования Дома юстиции, рядовой гражданин имел представление о государственных структурах и их функционировании, как об огромном бюрократическом аппарате, функционирование которого зависело от действия различных ведомств, а их скоординированная работа слишком осложнялась. Гражданину, желающему получить удостоверение личности, паспорт, свидетельство о рождении или свидетельство о браке, зарегистрировать недвижимое имущество или бизнес, приходилось по-

сещать различные ведомства для получения соответствующих сервисов.

В 2005 году возникла идея – «Принцип одного окошка», что подразумевало получение выданной одним из ведомств справки у одного оператора, в одном месте.

Принцип одного окошка значительно упрощал получение государственных сервисов, но этого было недостаточно. Положение требовало радикально отличающихся и инновационных шагов для быстрого получения окончательного результата.

Соответственно, возникла идея объединения всех структур, работающих по принципу «одного окошка» в одном здании, в одном пространстве, а это пространство должно было быть домом всех граждан, домом юстиции.

Сразу же после возникновения идеи органы государственного управления Грузии начали определять общую концепцию того, каким в принципе должен быть дом юстиции, чтобы несмотря на объединение многих сервисов, процесс работы не потерял быстроту и эффективность, не стал бы причиной появления новой бюрократии. Для этого он должен был основываться на логике ведения бизнеса и ориентированным на максимальное удовлетворение потребителя.

Дом юстиции должен был удовлетворять несколько значительных критериев, из них, охватить максимальное количество государственных сервисов, за короткое время открыть их в больших городах Грузии, предлагать быстрое и комфортное обслуживание, а значительно сокращенное время ожидания проходило бы незаметно для потребителя.

Для этого несколько лет в Грузии создавалась единая государственная база данных на всё население страны, к которой были подключены все государственные службы, объединенные под общим названием «Дом Юстиции». Объединение было не только территориальным, но и идейным, системным.

За самое короткое время, дом юстиции смог удовлетворить все условия. В одном пространстве объединились до 400 видов обслуживания.

В Доме юстиции г. Тбилиси на площади сервис-центра для комфорта потребителей объединено 363 услуги. Граждан Грузии здесь одновременно обслуживают более 400 операторов, что позволяет принять в день в среднем 20 тысяч человек.

В Доме юстиции г.Тбилиси у потребителя имеется возможность получить, в частности, свидетельство о рождении, о браке, удостоверение личности (ID-карту), заверить документ путем его легализации или поставить апостиль, внести заявку на получение гражданства, вида на жительство, визы, оформить регистрацию движимого, недвижимого, нематериальных благ, зарегистрировать бизнес. Потребитель может истребовать из архива справку о рождении, о смерти, о браке, справку о репрессиях и реабилитации, справку, подтверждающую стаж работы, справки генеалогического и биографического характера и другие документы. Кроме того, в Доме юстиции г. Тбилиси производится регистрация публично-

правовых ограничений (ареста, запрета) и налогового залога/ипотеки имущества, кадастровое обслуживание.

Потребителя, пришедшего в Дом юстиции г. Тбилиси, при входе встречает консультант, который оказывает помощь по интересующим вопросам и, при необходимости, направляет к соответствующему оператору.

Зал обслуживания разделен на 3 основные части:

1) пространство самообслуживания;

2) пространство быстрого обслуживания;

3) пространство долгосрочного обслуживания.

Пространство самообслуживания

В пространстве самообслуживания размещены автоматизированные системы. С их помощью потребитель имеет возможность самостоятельно получать различные услуги, каковыми являются выписка об имуществе или о бизнесе, биометрическое фото для паспорта, обналичивание суммы из банкомата, осуществление дистанционных платежей.

Пространство быстрого обслуживания

В пространстве быстрого обслуживания потребитель может получить все те услуги, продолжительность оказания которых в среднем не превышает 5 минут. Например, здесь выдается готовый паспорт, удостоверение личности, документ, заверенный апостилем или путем легализации, регистрационное решение или выписка о недвижимом имуществе или о бизнесе.

Пространство долгосрочного обслуживания

В пространстве долгосрочного обслуживания потребитель может получить услуги, для осуществления которых требуется свыше 5 минут. Например, подача заявки на получение паспорта, получение из архива справки биографического характера и подача заявки на оказание других услуг.

Такое разделение пространства обслуживания значительно снижает риск возникновения продолжительной и хаотичной очереди, делает передвижение граждан более организованным и упорядоченным, а очередность желающих получить услугу регулируется при помощи специально интегрированной электронной системы управления очередью.

Размещенные в зале информационно-рекламные баннеры и путеводители являются еще одним преимуществом, которые максимально упрощают перемещение потребителей внутри здания.

Главный принцип, по которому осуществляется работа в домах юстиции, следующий: документы принимаются в одном месте (Front-office), а решения по ним – в другом (Back-office), расположенном в том же здании, но обособленно, без контакта с гражданами. Это принцип направлен на исключение коррупционной составляющей в осуществлении государственных услуг. Пятерка наиболее востребованных услуг выглядит следующим образом:

1) получение ID-карты (документа, удостоверяющего личность внутри страны);

2) получение паспорта (для выезда за границу);

3) регистрация рождения;

4) регистрация собственности;

5) регистрация брака.

В настоящее время в Грузии функционирует 16 домов юстиции.

Основным отличием Дома юстиции г.Тбилиси от подобных домов юстиции в Грузии стали две инновационные технологии обслуживания клиентов – Just Cafe и Just Drive.

Just Cafe – это форма оказания услуг, суть которой заключается в том, что посетитель получает почти все те же услуги, которые может получить у консультанта, но не в офисе у консультанта, а в кафе, например, за чашкой кофе.

Суть концепции Just Drive сводится к тому, что для получения уже готовых документов можно подъехать на автомобиле к специальному терминалу и получить такие документы, не выходя из автомобиля.

Время работы домов юстиции – с 9-00 до 18-00.

Внедрение все большего количества сервисов, создание лучшей атмосферы, растущий профессионализм персонала, освоение технологического прогресса и его внедрение, принесло успех идее дома юстиции.

Исследования удовлетворенности потребителя показывают, что после открытия домов юстиции показатель удовлетворенности моментально возрос с 10% до 92%. "Совершенно свободный и справедливый", "быстрый и доступный", "потребители получают прозрачное и высококачественное обслуживание", "приветливые и приятные сотрудники" - так характеризуют довольные потребители обслуживание дома юстиции.

Дома юстиции признали самой успешной реформой Грузии 2011 года. За последние годы Грузия оказалась на лидирующих местах в рейтингах Всемирного Банка (World Bank), Европейского Банка Реконструкции и Развития (EBRD) и Международной прозрачности (TI)[6].

Заключение. Таким образом, необходимо отметить, что в настоящее время в Беларуси также проводится работа по упрощению обращения населения в органы власти. Для этих целей в местных исполнительных и распорядительных органах создаются службы «Одно окно», которые призваны обеспечить возможность подачи гражданами заявлений об осуществлении административных процедур через единое окно приема заявлений. Однако численность таких служб крайне незначительна, как правило, от 2 до 6 человек. Количество осуществляемых через службы «Одно окно» процедур в различных регионах существенно отличается и во многих случаях все еще незначительно.

Полагаем, что создание таких служб является лишь первым шагом упорядочения обращения граждан в органы власти. Для повышения эффективности их работы необходимо рассмотреть вопрос о создании их в форме самостоятельных организаций, а также включить в их состав не только сотрудников местных исполнительных и распорядительных органов, но и представителей иных служб и организаций, в которые обращаются граждане за осуществлением процедур (агентств по регистрации недвижимого имущества, подразделений по гражданству и миграции,

налоговых органов, ГАИ и др.)[7].В некоторых случаях можно предусмотреть возможность по выбору заявителя обращаться либо в службу «Одно окно», либо в соответствующее государственное учреждение. Подобный подход, безусловно, требует значительных организационных и финансовых затрат. Однако думается, что в долгосрочной перспективе кумулятивная социально-экономическая выгода от него будет намного превосходить требуемые издержки.

Список цитированных источников

1. Об утверждении Положения о Министерстве юстиции Республики Беларусь Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 31.10.2001 N 1605 (ред. от 02.12.2016) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Об основах административных процедур Закон Республики Беларусь от 28.10.2008 N 433-З (ред. от 04.06.2015) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан Указ Президента Республики Беларусь от 26.04.2010 N 200 (ред. от 14.03.2017) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. О внедрении в постоянную эксплуатацию первой очереди программного комплекса "Одно окно" по обращениям граждан Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14.02.2009 N 194 (ред. от 03.05.2014) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Министерство юстиции Грузии // Электронный ресурс. - Режим доступа http://ru.wikipedia.org/wiki/Министерство_юстиции_Грузии - Дата доступа: 09.03.2017.

6. Дом юстиции Грузии // Электронный ресурс. - Режим доступа http://psh.gov.ge/main/page/7/405 - Дата доступа: 09.03.2017.

7. Саванович Н.А. Обеспечение доступности административных процедур для населения: зарубежный опыт и его использование в Беларуси (ЭТАЛОН).

УДК 343:340.131.6(476)

О НРАВСТВЕННОСТИ В ПРАВЕ (НА ПРИМЕРЕ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Е.А. Котенков, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Полоцкого государственного университета

Аннотация. В статье рассматриваются воззрения на взаимодействие нравственных принципов с нормами современного законодательства. Анализируются вопросы, касающиеся нравственных оснований принципов, целей и задач уголовного закона. Дается нравственная оценка норм уголовного права, на примере института необходимой обороны.

Введение. Право, являясь сложным общественным явлением, имеет множество измерений – нравственное, социальное, культурное, философ-

ское, политическое и т.д. Нравственная оценка того или иного правового явления, нормативного правового акта и права в целом носит основополагающее значение, которое безусловно зависит от иных измерений права. Право, по своей сути, должно служить интересам общества и, в конечном итоге, личности. Оно неотделимо от нравственности, от категории свободы и справедливости, от самоценности личности.[4, с.9]. Анализ законодательных актов, теорий и воззрений, позволяет нам выделить уровни, которые необходимо обозначить для детальной регламентации нравственных оснований в современном праве. Во-первых, это законодательный уровень, который представляет собой закрепление нравственных оснований в конкретных нормативных правовых актах. Во-вторых, это философско-теоретический уровень - оценка взглядов и мнений маститых философов-правоведов. В-третьих, это духовно-культурный уровень, напрямую зависящий от Священного Писания и основ социальной концепции Русской Православной Церкви.

Основная часть. Конституция Республики Беларусь, в ст. 23 закрепляет норму «Ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях предусмотренных законом, в интересах…защиты нравственности…»[13]. Уголовный кодекс Республики Беларусь содержит раздел «Преступления против общественного порядка и общественной нравственности»[14]. При оценке норм уголовного кодекса на содержание нравственных оснований играет большую роль анализ и достоверное толкование оценочных категорий, например «грубое нарушение общественного порядка», «явное неуважение к обществу», при квалификации действий лица по ст. 339 уголовного кодекса Республики Беларусь («Хулиганство»). Важным в контексте исследования является четкое разграничение нравственных оснований норм, и норм, направленных на запрет преступного деяния физического лица, объектом которого является нравственность. Всеобщая декларация прав человека в ч. 2, Ст. 29 зафиксировала норму «…каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом с целью…удовлетворения справедливых требований морали…» [10]. Европейская конвенция по правам человека в ч. 2 ст. 7, которая носит название «Свобода передвижения» закрепляет следующую норму: «…пользование этими правами не подлежит никаким ограничениям кроме тех, которые предусмотрены и необходимы в демократическом обществе…для поддержания…нравственности…» [12].

Говоря о нравственности в праве справедливо отметить воззрение Л. Фуллера о морали, делающей возможным право. К моральным требованиям, относящимся по большей части к законодателю, он относит всеобщность закона, надлежащее обнародование, ясность закона, постоянство закона во времени, согласованность официальных действий с провозглашенным законом [3]. О простоте и ясности уголовного закона писал Ч. Беккариа. «…Язык изложения, его ясность уменьшают произвол…» [5]. Н.С. Таганцев, в своих трудах, анализируя мнения представителей школы естественного права, писал о вопросах отношения морали к обла-

сти наказуемых деяний, выдвигая представления о том, что право есть форма нравственного. То, что в субъективной форме есть нравственность, то в объективной - право [6]. А.Ф. Бернер говорил о преступлении как о виде безнравственного. Если бы законодательство угрожало наказанием за нравственно безразличное или даже за истинно нравственное деяние, то это было бы ниспровержением самой идеи преступления» [7]. С.В. Познышев подчеркивал необходимость обоснования законности уголовного наказания через его нравственность [8, с. 18].

Идея нравственных оснований права, в частности уголовного, изложена в Социальной концепции Русской Православной Церкви. Из анализа норм данного документа можно проследить то, что понятие греха, установленное православными нравственными нормами гораздо шире, чем представление светского права о преступлениях [9]. Исследуя вопросы нравственности, для четкого понимания природы нравственных принципов необходимо обозначить тот факт, что нравственность, как категория, содержащая в себе сущностные понятия добра и зла, справедливости, равенства, свободы, гуманизма и т.д. не «придумывается» людьми на том или ином этапе развития, а является вечным и неизменным, и ее нормы «открываются» по мере духовного развития того или иного общества.

Данное воззрение, основанное на концепции естественного права восходит к трудам П.И. Новогородцева. «…естественному праву свойственно стремление оценивать факты существующего с этической точки зрения….»[2]. Это изречение рождает множество вопросов, касающихся природы типов правопонимания. Для детальной оценки необходимо четко разграничить дискритивно-феноменологический и сущностно – оценочный типы. Идея естественного права есть представления общечеловеческой справедливости, осуществляемой в положительном праве [2]. Суть естественно-правовых концепций заключается в том, чтобы превратить идеальное право в действующее, устранить разрыв между ними [3]. Справедливо мнение Лэтиция Джианформаджио о том, что на современном этапе развития теории права, позитивное право существует само по себе, естественное право – лишь в сопоставлении с позитивным правом [3]. Именно этим и обуславливается актуальность темы данного исследования – оценки уголовного закона сквозь нравственный срез и поиск путей преодоления существующих противоречий, касающихся справедливости, равенства, свободы, гуманизма и т.д. Нравственность формируется не только под влиянием духовно-религиозных воззрений, но и при анализе правовых и философских воззрений маститых научных деятелей прошлого и настоящего. Нравственность представляет собой совокупность норм (нравственных), сложившихся в конкретном обществе и принимаемых его большей частью. В то же время нормы нравственности определяют содержание и направленность норм права, т.к. они составляют исходные начала формирования правовых идей и принципов [12].

Современное законодательство и право Республики Беларусь, стремительно развивается, и отходит от своего советского прошлого, но вме-

сте с тем, глубокого нравственного прочтения заслуживают и отдельные нормы, например Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», согласно которому за хищения грузов на железнодорожном и водном транспорте предусматривался расстрел с конфискацией всего имущества. Данная проблема, как указывает С.В. Тасаков, коренится прежде всего, в построении государственно-организованного внеклассового общества на базе атеистических воззрений. Развитию (духовному возрождению) в настоящее время способствуют возврат к религиозным воззрениям и нравственным ценностям [12]. Безусловно, с этим нельзя не согласиться, но вместе с тем, санкция данной статьи имеет глубокое нравственное прочтение. Цель данной санкции – укрепление технического и индустриального развития страны, что мало прослеживалось до революции. Ярким примером являлась закупка большей части боеприпасов и оружия за границей, что вместе с тем рождало ряд проблем, возникающих в связи с неспособностью разработчиков программ оценить объем и характер предстоящих заказов, а также степень подготовленности к выполнению заказов частных и казенных заводов за рубежом. [22]. На наш взгляд, соотношение наказания тяжести преступления справедливо, т.к. данный вид хищения способен подорвать не только экономический рост страны, но и безопасность жизни населения.

Анализ норм уголовного кодекса Республики Беларусь, позволяет нам выделить основания, по которым структурно можно проследить диалектическую взаимосвязь норм уголовного закона с нравственностью. Во-первых – это принципы уголовного закона, закрепляющие нравственные идеи свободы, равенства и справедливости уголовного права. Во-вторых, уголовно-правовые задачи с вытекающими из них предметом и методом уголовного права, которые в своей совокупности определяют нравственную направленность уголовного закона. В-третьих – нормы и положения, очерчивающие нравственные границы действия уголовного законодательства [16].

Первым блоком исследуемых норм, безусловно, являются принципы в праве, изложенные в ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Исходя из общего понимания термина «принципы в праве» можно представить определение следующим образом. Принципы в уголовном праве – это выраженные в нормах уголовного закона основополагающие идеи, руководящие положения, определяющие содержание и основы отрасли уголовного закона и уголовной ответственности. Уголовный кодекс Республики Беларусь зиждется на следующих принципах: принцип законности (ч.2 ст. 3), принцип равенства граждан перед законом (ч.3 ст.3), принцип неотвратимости ответственности (ч. 4 ст. 3), принцип справедливости (ч. 6 ст.3), принцип гуманизма (ч.7 ст. 3).

Принципы уголовного закона являются оценочными категориями, суть которых раскрывается нравственными социальными регуляторами.

Например, принцип справедливости обеспечивает дифференциацию ответственности и соразмерность наказания тяжести совершенного преступления, что безусловно содержит нравственный критерий, который так же отражен в Социальной концепции Русской Православной Церкви «Совершенное и осужденное по закону преступление предполагает справедливое наказание» [9]. Данный принцип, является необходимой предпосылкой достижения одной из основных целей уголовной ответственности – исправление лица, совершившего преступление [16]. Справедливость характеризует начала «равновестности» в праве и соотносится с его определяющим качеством – бытием и действием права в качестве «равной меры» [17].

Принцип гуманизма, прежде всего, состоит в том, что начала уголовного закона направлены на обеспечение безопасности человека и защиту общечеловеческих ценностей от преступных посягательств, что четко прослеживается в анализе иных норм уголовного кодекса. В частности «особенность уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до 18-ти лет». Принцип справедливости и принцип гуманизма тесно связанные между собой основополагающие начала, базис которых составляют нравственные императивы, которые четко прослеживаются в ст. 5 Всеобщей декларации прав человека: «Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию». Данные императивы можно отыскать и в Социальной концепции Русской Православной Церкви: «Вместе с тем важно, чтобы лица, находящиеся в местах лишения свободы, не испытывали бесчеловечного обращения, чтобы условия их содержания были такими, при которых их жизнь и здоровье не подвергались бы опасности, а на их нравственное состояние не влиял бы пагубный пример других узников…»[9]. Принцип неотвратимости ответственности, зафиксированный в ч. 4 ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь несет в себе прочтение о том, что всякое лицо, вина которого доказана в установленном законом порядке, подлежит наказанию или иным мерам уголовной ответственности, что прямо связано с нравственным принципом справедливости.

Сущность принципа законности, прослеживается в требованиях при квалификации преступлений. Анализ норм Уголовного кодекса Республики Беларусь позволяет нам выделить ряд требований, которые выражают его суть: преступность деяния определяется только УК, применение уголовного закона по аналогии не допускается, нормы УК подлежат строгому толкованию, никто не может быть признан виновным иначе как по приговору суда, признание виновным в совершении преступления осуществляется в соответствии с законом [19, с.7].

Помимо принципов уголовного права нормы нравственности находят свое отражение в задачах и целях уголовного законодательства. Уголовный кодекс Республики Беларусь имеет задачей охрану мира и безопасности человечества, человека, его прав и свобод, собственности, прав

юридических лиц, природной среды, общественных и государственных интересов, конституционного строя Республики Беларусь, а также установленного правопорядка от преступных посягательств. Без указания в качестве задачи данных объектов уголовно-правовой охраны иные нормы уголовного закона потеряли бы свое нравственное прочтение. Всегда необходимо стремиться к тому, чтобы нормы уголовного права основывались на нормах нравственности. Нельзя признавать преступными все безнравственные проступки, но любое преступление должно быть безнравственным [19].

Анализ норм уголовного кодекса Республики Беларусь позволяет нам выделить ряд статей, которые тесно соприкасаются с нравственностью. Примером являются глава 20 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы», Глава 21 «Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних», Глава 22 «Преступления против личной свободы, чести и достоинства». Вместе с тем уголовный закон, устанавливает нравственность как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны, что нашло свое отражение в Главе 30 «преступления против общественного порядка и общественной нравственности». Помимо данных норм, нравственное содержание должно быть основанием и всех иных норм. Разберемся в этом вопросе на примере норм уголовного права о преступлениях против жизни и здоровья человека.

Актуальность рассматриваемого вопроса зиждется на том, что преступное посягательство на жизнь и здоровье человека являются наиболее осуждаемыми и опасными с точки зрения нравственности, так как являются невосполнимыми, и последствия посягательства (на жизнь, причинение тяжких телесных повреждений и т.д.) необратимы. На наш взгляд детальной нравственной оценки заслуживает ст. 143 «Убийство при превышении пределов необходимой обороны» и ст. 152 «Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения при превышении пределов необходимой обороны» уголовного кодекса Республики Беларусь.

По статистике, за 2015 год в Республике Беларусь зарегистрировано 423 убийства, 842 Умышленных причинений тяжких телесных повреждений, 2116 грабежей, 284 разбоя [20]. Современная криминогенная ситуация страны доказывает тот факт, что если государство, в лице уполномоченных органов, не в силах в полной мере защитить законопослушных граждан от преступных посягательств, то оно должно предоставить широкий круг мер, направленных на безопасное существование законопослушного человека. Одной из данных мер является институт необходимой обороны. Необходимая оборона представляет собой защиту от общественно опасного посягательства, иными словами это отражение преступного посягательства. Как доказывает практика, при причинении смерти при необходимой обороне всегда возбуждается уголовное дело, и обороняющееся лицо из правого положения потерпевшего ставится в положение подозреваемого. Вместе с тем, Постановление Пленума Верхов-

ного Суда Республики Беларусь от 17 декабря 2002 г. №9 "О судебной практике по делам об убийстве (ст.139 УК)" в ст. 25 гласит: «Убийство в состоянии аффекта, при превышении пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, не может быть квалифицировано как совершенное при отягчающих обстоятельствах даже при наличии признаков, предусмотренных пп. 1, 2, 3, 5, 6, 16 ч. 2 ст. 139 УК.». Справедливо мнение Б.Л. Спасенникова о том, что в настоящее время, как показывает практика, при решении вопроса о том, находилось ли лицо в состоянии необходимой обороны, учитывается его психическое состояние, вызванное общественно опасным посягательством. Оно же оказывает значительное влияние на сознание и поведение людей, особенно в экстремальных ситуациях. Так же остается открытым вопрос о необходимой обороне, при оскорблении, защите собственности, неприкосновенности своего жилища и т.д. На наш взгляд данный вопрос должен быть детально проанализирован и отражен в постановлении Пленума Верховного суда Республики Беларусь. Например, установка специальных сооружений для защиты неприкосновенности своего жилища. Данный момент является нравственным основанием, т.к. никому не запрещено готовится к необходимой обороне заблаговременно, но вместе с тем, следует учитывать тот факт, что данные технические приспособления не должны причинять вред третьим лицам, то есть законопослушным гражданам, а не лицам, посягающим на собственность. С этим сложно не согласиться. Справедливо мнение А. Шнитенкова, который предлагает дополнить уголовный кодекс следующей нормой: «Применение средств и приспособлений для защиты правоохраняемых интересов в отсутствие обороняющегося, если эти средства и приспособления не создавали опасности для лиц, не совершающих общественно опасные посягательства, признается правомерным при причинении любого вреда лицу, совершившему общественно опасное посягательство» [12].

Заключение. Таким образом, анализируя институт необходимой обороны в уголовном праве Республики Беларусь, можно сделать вывод о том, что несмотря на безусловно нравственное основание, отражение отдельных нравственных принципов не нашло своего детального законодательного закрепления.

Исследования, в рамках отыскания нравственного базиса в праве носит основополагающий характер при нормотворчестве, формировании правовой культуры и развития законодательства. Из всего вышесказанного становится понятным, что современное законодательство шагнуло вперед, по сравнению с социалистическим прошлым. Свидетельством этому служат нравственные основания, которые легли в основу формирования принципов права, наделенных качеством непосредственных нравственных основ уголовного законодательства. Отдельные нормы уголовного кодекса Республики Беларусь, тесно связана с категорией морали и нравственности, а некоторые определяют нравственность в качестве объекта уголовно-правовой охраны. Но, как было отмечено выше,

любая норма уголовного закона заслуживает детальной нравственной оценки, т.к. отсутствие нравственной составляющей в уголовном законе стимулирует всевозможные злоупотребления со стороны субъектов уголовно-правовых отношений, препятствуя осуществлению охраны интересов личности, общества и государства от преступных посягательств, а также предупреждению преступлений[12].

Список цитированных источников

1. Матузов, Н.И. Актуальные проблемы теории права / Н.И. Матузов. – Саратов: Сарат. гос. акад. права, 2003. – 512 с.

2. Новогородцев, П. И. Лекции по истории философии права / П.И. Новопогородцев [электронный ресурс]. – 1914. – Режим доступа: http://avidreaders.ru/read-book/lekcii-po-istorii-filosofii-prava-ucheniya.html. - Дата доступа: 5.07.2016

3. Мартышин, О, В. Метафизические концепции права / О.В. Мартышин [электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: https://pravo33.wordpress.com/2008/10/02/ов-мартышин-метафизические-концепци/. Дата доступа: 17.07.2016

4. Цыбулевская, О.И. Нравственные основания современного российского права: монография / О.И. Цыбулевская; под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004, - 220 с.

5. Беккариа, Ч. О престулении и наказании / Ч. Беккариа [электронный ресурс]. – 1995. – Режим доступа: http://avidreaders.ru/book/o-prestupleniyah-i-nakazaniyah.html. - Дата доступа: 7.07.2016

6. Таганцев, Н.С. Курс уголовного права / Н.С. Таганцев [электронный ресурс]. – 1902. – Режим доступа: http://www.crimpravo.ru/blog/nauka/645.html- Дата доступа: 7.07.2016

7. Бернер, А.Ф. Учебник немецкого уголовного права (Часть общая) / А.Ф. Бернер [электронный ресурс]. – 1867. Режим доступа: http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum3264/print3340.html. - Дата доступа: 3.07.2016

8. Познышев, С.В. Основные начала науки уголовного права / С.В. Познышев. – 2-е изд. - Москва: А.А. Карцев, 1912. – 668 с.

9. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: http://www.patriarchia.ru/db/text/141422. - Дата доступа: 9.07.2016

10. Всеобщая декларация прав человека: декларация от 10 декабря 1948 г [электронный ресурс]. – 1948. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr. - Дата доступа: 25.07.2016

11. Европейская конвенция по правам человека: коненция от 4.11.1950: с изм. и доп.: текст по состоянию на 1 июня 2010г [электронный ресурс]. - 2010. Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf. - Дата доступа: 25.07.2016

12. Тасаков, С.В. Нравственный основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов: автореф. дис. …док. юр. наук: 12.00.08 / С.В. Тасаков; Институт экономики, управления и права. – Казань, 2009.

13. Конституция Республики Беларусь 1994 г.: с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. И 17 октября 2004 г. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. – Минск, 2014

14. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 9 июля 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 23 августа 2016 г. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. – Минск, 2016

15. Герасимов, А.М.Нравственность в уголовном праве России: автореф. дис. …кан. юр. наук: 12.00.08 / А.М. Герасимов; Саратовская государственная академия права. – Саратов, 2006.

16. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф.Ахраменка, Н.А. Бабий, А.В. Барков и др.; Под общ. ред. А.В. Баркова.— Мн.: Тесей, 2003.- 1200 с.

17. Алексеев, С.С. Право - Азбука, Теория, Философия, Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев [электронный ресурс]. – 1998. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/alekseev_s/pravo_azbuka_teoriya_filosofiya_opit_kompleksnogo_issledovaniya/read/. Дата доступа: 17.07.2016

18. Право и демократия: сб. науч. трудов. / БГУ; редкол.: В.Н. Бибило (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2011. – 311 с.

19. Тасаков, С.В. Нравственные начала уголовного закона о необходимой обороне и поиск средств его совершенствования / С.В. Тасаков [электронный ресурс]. – 2006. Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennye-nachala-ugolovnogo-zakona-o-neobhodimoy-oborone-i-poisk-sredstv-ego-sovershenstvovaniya. - Дата доступа: 5.07.2016

20. Преступность в Республике Беларусь: статистические данные [электронный ресурс]. – 2015. Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/pravonarusheniya/godovye-dannye_7/prestupnost-v-respublike-belarus/. – Дата доступа: 10.08.2016

21. Свининых, Е.А. Правовое регулирование закупок вооружения и боеприпасов для нужд русской армии в дореволюционной России / Е.А. Свининых [электронный ресурс]. – 2006. Режим доступа: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Svinnih.pdf . – Дата доступа: 23.09.2016

УДК 346(476)

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВОЙ СТАТУС СУБЪЕКТОВ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СТРУКТУРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

О.М. Куницкая, доцент Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук

Аннотация. В статье исследуются понятие и особенности гражданско-правового статуса субъектов инновационной деятельности. Включая их в состав компонентов национальной инновационной системы, законодатель распространяет на них действие мер государственного регулирования инновационной деятельности. Развитие и повышение эффективности функционирования национальной инновационной системы является одним из направлений государственной инновационной политики Республики Беларусь на основе формирования благоприятной среды для осуществления инновационной деятельности.

Введение. В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 10.07.2012 г. № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» (далее – Закон об инновационной деятельности) [1]инновационная деятельность означает деятельность, направленную на преобразование результата интеллектуальной деятельности, обладающего признаками новизны (новшества), в новую или усовершенствованную продукцию, технологию, услугу, организационно-техническое решение (инновацию). При этом последние

должны быть введены в гражданский оборот или использоваться для собственных нужд. Введение в гражданский оборот –это совершение любых сделок, предметом которых является переход к другому лицу имущественных прав на продукцию, технологию, организационно-техническое решение, в т. ч. имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности, используемые при создании этих продукции, технологии, организационно-технического решения, а также оказание услуг (ст. 1 Закона об инновационной деятельности).

Основная часть. Понимание «деятельности по преобразованию новшества в инновацию» достигается через определение содержания инновационной деятельности, которое регламентирует ст. 19 Закона об инновационной деятельности. Это выполнение научно-исследовательских работ; разработка новой или усовершенствованной продукции и технологии, создание новых услуг, новых организационно-технических решений; выполнение работ по подготовке и освоению производства новой или усовершенствованной продукции, технологии, подготовке применения новых организационно-технических решений; производство новой или усовершенствованной продукции, производство продукции на основе новой или усовершенствованной технологии; введение в гражданский оборот или использование для собственных нужд новых или усовершенствованных продукции, технологии, услуг, организационно-технических решений; иная деятельность, направленная на преобразование новшества в инновацию.

Субъект инновационной деятельности – это физическое лицо, в том числе индивидуальный предприниматель, или юридическое лицо, осуществляющие инновационную деятельность (ст. 1 Закона об инновационной деятельности). Это субъект гражданского права, осуществляющий деятельность по преобразованию новшества в инновацию.

Согласно ст. 1 Закона об инновационной деятельности национальная инновационная система (далее – НИС)представлена как совокупность государственных органов, государственных организаций, регулирующих отношения в сфере инновационной деятельности; юридических и физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, осуществляющих и (или) обеспечивающих инновационную деятельность.

Статья 7 Закона об инновационной деятельности несколько расширяет и детализирует состав НИС, регламентируя ее компоненты: республиканские органы государственного управления, иные государственные организации, подчиненные Совету Министров Республики Беларусь, Национальная академия наук Беларуси, органы местного управления и самоуправления областного территориального уровня, регулирующие в пределах своей компетенции отношения в сфере инновационной деятельности; субъекты инновационной деятельности; субъекты инновационной инфраструктуры; учреждения образования, обеспечивающие подготовку, переподготовку и повышение квалификации кадров в сфере инновационной деятельности; иные юридические и физические лица, в том

числе индивидуальные предприниматели, осуществляющие и (или) обеспечивающие инновационную деятельность.

Учитывая предписания указанного Закона о том, что формирование и комплексное развитие НИС осуществляются на основании государственной программы инновационного развития Республики Беларусь, в целях повышения конкурентоспособности национальной экономики с учетом обеспечения ее интенсивного инновационного развития Указом Президента Республики Беларусь от 31.01.2017 г. № 31 утверждена Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы[2] (далее – Государственная программа).

Следует отметить, что в указанной Государственной программе НИС обозначена как совокупность государственных органов (организаций), регулирующих отношения в сфере инновационной деятельности, юридических и физических лиц, осуществляющих и (или) обеспечивающих осуществление инновационной, научной, научно-технической и образовательной деятельности в пределах национальных границ, а также комплекс институтов правового, финансового и социального характера, обеспечивающих инновационный процесс и функционирование системы в целом. Данное определение полностью соответствует нормам Модельного Инновационного кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств от 28.11.2014 г.[3].

Одним из основных направлений государственной инновационной политики Республики Беларусь на 2016–2020годы является повышение эффективности управления национальной инновационной системой, в ходе которой планируются создание системы государственной поддержки для формирования инновационно-промышленных кластеров в высокотехнологичном секторе; совершенствование системы оценки инновационного развития республики с учетом международных подходов; повышение эффективности индикативного планирования инновационного развития страны на основе усиления регулирующей, координирующей и стимулирующей функций Государственной программы.

Заключение. Таким образом, субъект инновационной деятельности, означающий физическое лицо или юридическое лицо, является компонентом национальной инновационной системы, развитие и повышение эффективности функционирования которой является одним из направлений государственной инновационной политики Республики Беларуси основе формирования рынка научно-технической продукции и благоприятной среды для осуществления инновационной деятельности. Это, в свою очередь, означает, что правовой статус субъектов инновационной деятельности характеризуется соответствующими особенностями, связанными с распространением на них мер государственного регулирования инновационной деятельности, обозначенными в Государственной программе: совершенствование системы финансирования и стимулирования научно-технической и инновационной деятельности; совершенствование системы управления научно-технической и инновационной

деятельностью; стимулирование развития инновационного предпринимательства; развитие инвестиционной деятельности в научно-технической и инновационной сферах; совершенствование системы коммерциализации результатов научно-технической деятельности; развитие инфраструктуры в сферах научно-технической и инновационной деятельности; совершенствование научно-технической сферы и др.

Список цитированных источников

1. О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2012 г., № 425-З, в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.05.2016г., № 364-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Об утверждении Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы[Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 31 янв. 2017 г., № 31// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017
3. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О модельном Инновационном кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств» [Электронный ресурс]: [принято в г. Санкт-Петербурге, 28.11.2014 г.].

УДК 346.6

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗА РУБЕЖОМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Ф.В. Куракин, преподаватель-стажер кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Аннотация. В работе исследуются перспективы введения цифровых валют в гражданский оборот в Республики Беларусь. Показано современное состояние законодательства, регулирующего цифровые валюты в Республике Беларусь. Рассмотрена практика правового регулирования цифровых валют в США и Китае. Вынесены предложения по дополнению отечественного законодательства.

Введение. Использование информационных технологий способно оказать существенное влияние на характер экономических процессов. К технологическим концепциям, способным изменить характер экономических отношений, относится концепция децентрализованной цифровой экономики.

Основная часть. Целями децентрализованной цифровой экономики являются: уменьшение транзакционных издержек за счет совершения сделок сторонами напрямую без посредников; криптографическое недопущение злоупотреблений между сторонами сделки за счет использования распределенных реестров и самостоятельно исполняющихся договоров (умных контрактов); децентрализованный выпуск и использование

цифровой валюты как эквивалента ценности. Практическая реализация концепции децентрализованной цифровой экономики позволяет повысить эффективность экономических процессов.

Использование децентрализованной цифровой валюты как эквивалента ценности является обязательным условием для полноценного функционирования децентрализованной цифровой экономики.

В настоящее время в Республике Беларусь правовое регулирование цифровых валют отсутствует.

В ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь приведен закрытый перечень видов объектов гражданских прав. [1]

Очевидно, цифровая валюта не может быть отнесена к работам, услугам или нераскрытой информации.

Несмотря на нематериальный характер, цифровые валюты не могут быть отнесены к нематериальным благам, т.к. нематериальные блага представляют собой неотчуждаемые и непередаваемые объекты.

Цифровые валюты не могут быть отнесены к имущественным правам, т.к. имущественные права подразумевают относительность правоотношений, когда лицо связано правами и обязанностями с конкретным кругом лиц. Обладание цифровыми валютами схоже с абсолютными правоотношениями, когда лицу противостоит неограниченный круг лиц.

Цифровые валюты не могут быть отнесены к ценным бумагам, т.к., в соответствии со ст. 143 Гражданского кодекса Республики Беларусь, ценные бумаги должны удостоверять какие-либо имущественные или неимущественные права. Факт владения цифровой валютой не удостоверяет право на получение каких-либо ценностей.

Природа цифровых валют близка к природе денег. Цифровые валюты делимы, оборотоспособны, обладают характерными родовыми признаками.

Однако, в соответствии с ч.1. п.1 ст. 141 Гражданского кодекса Республики Беларусь, белорусский рубль – это единственное законное платежное средство, используемое в расчетах на территории Республики Беларусь.

Цифровая валюта не может быть признана иностранной валютой, т.к. в соответствии с п.4 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 22 июля 2003 года № 226-З «О валютном регулировании и валютном контроле», иностранная валюта денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монет, которые находятся в обращении и являются законным платежным средством иностранного государства или группы государств, а также денежные знаки, изъятые или изымаемые из обращения, но подлежащие обмену. Кроме того, иностранная валюта – это находящиеся на счетах в банках и небанковских кредитно-финансовых организациях Республики Беларусь и иных стран средства в денежных единицах иностранных государств и международных денежных или расчетных единицах. [2]

Отсутствие необходимого правового регулирования цифровых валют в Республике Беларусь затрудняет безопасное осуществление сделок с их использованием.

В Республике Беларусь доходы в цифровой валюте не могут облагаться налогом, т.к. цифровые валюты не признаются объектом налогообложения. Объектом налогообложения признаются доходы и источники их получения. Доходом в соответствии с п.1 ст. 34 Налогового кодекса Республики Беларусь признается экономическая выгода в денежной или натуральной форме. Цифровые валюты не относятся к деньгам и не имеют натуральной формы, следовательно, не могут создавать налоговую базу и выступать в качестве дохода. Цифровые валюты нельзя назвать имуществом согласно гражданскому законодательству. [3]

Необходимость сторон в защите нарушенных контрагентами прав при осуществлении сделок с использованием цифровой валюты и стремление государств к взиманию налогов и сборов с операций с использованием цифровых валют привели к попыткам в некоторых странах введения цифровых валют в гражданский оборот. Наиболее успешно данные процессы проходят в США и Китае.

В США цифровая валюта рассматривается одновременно как деньги (их аналог), как собственность и как биржевые товары. На федеральном уровне некоторые компании, работающие с цифровой валютой, должны быть зарегистрированы в качестве операторов по переводу денежных средств в Сети по борьбе с финансовыми преступлениями. На уровне штатов деятельность таких компаний подлежит лицензированию. В качестве собственности цифровые деньги рассматриваются в целях налогообложения. Операции с цифровой валютой облагаются налогом. Например, заработные платы, выплачиваемые работникам в цифровой валюте, являются объектами федерального подоходного налога и налогов на заработную плату.[4]

В Китае цифровая валюта рассматривается регулятором в качестве виртуального товара. Организации, работающие с цифровой валютой, должны быть зарегистрированы в Телекоммуникационном бюро. Налогообложение осуществляется в соответствии со стандартными для товаров правилами: операции с цифровой валютой облагаются налогом на прибыль, подоходным налогом и налогом на прирост капитала, а ее продажа может облагаться налогом на добавленную стоимость. [5, с. 51]

Заключение. В результате сравнительного анализа правового статуса цифровых валют в Республике Беларусь и за рубежом и изучения перспектив правового урегулирования цифровой валюты, можно сделать вывод о необходимости введения цифровой валюты в гражданский оборот Республики Беларусь. Предлагаем расширить существующее в законодательстве Республики Беларусь понятие «товар» включив в него понятие «виртуальный товар», включающее в себя понятие «цифровая валюта». Данная мера позволит ввести цифровую валюту в гражданский оборот Республики Беларусь.

Список цитированных источников
1. Гражданский кодекс Республики Беларусь. Кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 № 218-З в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 № 14-З// Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Воробей А.В., Криптовалюты в зарубежном праве и законодательстве Республики Беларусь / А.В.Воробей // Промышленно-торговое право. – 2016. – № 9.
3. О валютном регулировании и валютном контроле. Закон Республики Беларусь от 22.07.2003 № 226-З в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 № 355-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
4. CFTC Orders Bitcoin Options Trading Platform Operator and its CEO to Cease Illegally Offering Bitcoin Options and to Cease Operating a Facility for Trading or Processing of Swaps without Registering // The U. S. Commodity Futures Trading Commission.
5. Правовое регулирование криптовалютного бизнеса. // URL: http://axon.partners/wp-content/uploads/2017/02/Global-Issues-of-Bitcoin-Businesses-Regulation.pdf (Дата доступа 18.03.20147).

УДК 347.91/.95

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ФАКТА ПОЛУЧЕНИЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ЗА КОНКРЕТНЫЙ ПЕРИОД В ОПРЕДЕЛЕННОМ РАЗМЕРЕ

Т.В. Лобацкая, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Аннотация. В данной работе рассматриваются актуальные вопросы, касающиеся права граждан на пенсионное обеспечение. На конституционном уровне закреплено, что гражданам Республики Беларусь гарантируется право на социальное обеспечение в старости, в случае болезни, инвалидности, утраты трудоспособности, потери кормильца и в других случаях, предусмотренных законом. Государство проявляет особую заботу о ветеранах войны и труда, а также о лицах, утративших здоровье при защите государственных и общественных интересов (ст. 47 Конституции Республики Беларусь). В статье 60 Конституции Республики Беларусь закреплено, что каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки.

Введение. Конституция Республики Беларусь является основополагающим, базовым источником права социального обеспечения является. В статье 1 Основного Закона наше государство провозглашено как социальное и правовое. Конституционное закрепление и гарантирование основных экономических и социальных прав и свобод граждан – необходимое условие для беспрепятственной их реализации.

Основная часть. Говоря о пенсионной системе в Республике Беларусь нужно сказать, что размер пенсии по возраст ставится в прямую зависимость от размера заработной платы работника.

Факт получения заработной платы в определённом размере в соответствии с ч. 9 ст. 57 Закона о пенсионном обеспечении за периоды работы до 01.01.2003 производится по справкам о заработке, выдаваемым работодателем по форме, утвержденной в приложении к постановлению Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 19.11.2007 N 148 "Об утверждении формы справки о заработке для исчисления пенсии". В случае прекращения деятельности работодателя справка о размере заработка выдается его правопреемником, архивом, органом, осуществляющим государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, или организацией, в которой находятся на хранении бухгалтерские документы.

С 1 января 2003 г. вступил в силу на всей территории Республики Беларусь Закон от 6 января 1999 г. "Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе государственного социального страхования" (Далее – Закон об индивидуальном (персонифицированном учете)). Одной из целей учета определено обеспечение достоверности сведений о страховом стаже застрахованного лица, выплатах (доходе), на которые начислены страховые взносы, и о страховых взносах (ст. 3). Фактически размер заработка за периоды работы после 1 января 2003 г. подтверждается только на основании сведений индивидуального (персонифицированного) учета.

При этом стоит отметить, что если граждане не могут получить сведения о размере начисленной и выплаченной им заработной платы, они вправе обратиться в суд с заявлением об установлении факта получения заработной платы за конкретный период в определенном размере.

Однако стоит обратить внимание на то, что Постановлением Пленума Верховного суда Республики Беларусь 18 марта 1994 г. N 1 «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение» (Далее - Постановление Пленума №1) закреплено, что в соответствии с ст. 363Гражданского процессуального Кодекса Республики Беларусь (Далее –ГПК) дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение, подлежат рассмотрению в суде в порядке особого производства только в том случае, если:

а) согласно закону, такие факты порождают юридические последствия (возникновение, изменение или прекращение личных либо имущественных прав граждан или юридических лиц);

б) установление факта не связывается с последующим разрешением спора о праве, подведомственного суду;

в) заявитель не имеет другой возможности получить либо восстановить надлежащие документы, удостоверяющие факт, имеющий юридическое значение;

г) действующим законодательством не предусмотрен иной (внесудебный) порядок их установления.

Так согласно обзору судебной практики рассмотрения, судами дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение судебной колле-

гии по гражданским делам Верховного суда Республики Беларусь установление факта получения заработной платы осуществлялось в судебном порядке в случае невозможности получить сведения о заработной платы во внесудебном порядке. В частности, к таким сведениям относятся: выписка из ЕГР о ликвидации предприятия (организации); справка из архивного органа об отсутствие лицевых счетов, расчетных ведомостей о заработной плате конкретного работника, а также отсутствием указанных документов в архивных учреждениях.

Поскольку на законодательном уровне не установлены какие- либо запреты о средствах доказывания при установлении факта получения заработной платы за конкретный период в определенном размере судами принимаются во внимание любые доказательства, закреплённые в главе 22 ГПК. Так, например, в качестве косвенного доказательства о размер заработной платы работника в конкретной должности может быть выписка из штатного расписания об окладе по соответствующей должности, или в случае ликвидации предприятия в качестве доказательства могут быть представлены лицевые счета по аналогичному предприятию в той же местности и по такой же должности. В качестве доказательств можно отнести данные комсомольского и партийного билетов с отметками об уплате взносов, при этом они служат доказательствами размера зарплаты только за время, за которое имеются отметки о выплате зарплаты. Членские билеты профсоюзов являются доказательствами за время, за которое имелись отметки об уплате членских взносов с зарплаты.

Также суды по данной категории дел могут принимать во внимание и данные, размещенные на официальном сайте Национального статистического комитета Республики Беларусь, - официальные сводные статистические данные о номинальной начисленной заработной плате по республике и ее регионам в разрезе отраслей экономики (начиная с 1990 года).

В практике возникают вопросы относительно включения в предмет доказывания обстоятельств, связанных с уплатой работодателями (нанимателями) обязательных страховых взносов в ФСЗН.

Одни суды устанавливали факт получения зарплаты только за периоды уплаты работодателями (нанимателями) обязательных страховых взносов в ФСЗН, другие устанавливали факт и за периоды, когда обязательные страховые взносы работодателями (нанимателями) не выплачивались. Некоторые судьи при удовлетворении требований заявителей вообще не выясняли обстоятельства, связанные с уплатой обязательных страховых взносов.

Между тем неуплата обязательных страховых взносов в ФСЗН в отношении периодов работы заявителя после 1 июля 1998 г. является основанием для отказа в удовлетворении заявления об установлении факта получения заработной платы за конкретный период в определенном размере[2, с. 20].

Заключение. На основании изложенного можно сделать вывод о том, что для возникновения у граждан права на пенсию в зависимости от ее

вида необходим определенный набор юридических фактов, влияющих на назначение пенсии и ее размер. Поскольку юридические факты формируются в течение длительного периода и не всегда фиксируются в одном документе, существует потребность их закрепления в общедоступном письменном или электронном виде для последующего предоставления в орган по труду, занятости и социальной защиты, который принимает решение о назначение пенсии. Отсутствие у граждан письменных доказательств, подтверждающих вышеуказанные факты, не лишает их права на пенсионное обеспечение, поскольку действующим законодательством при определенных условиях предусмотрено право на обращение в суд с заявлением об установление факта, имеющего юридическое значение, решение которого является основанием для назначения пенсии.

Список цитированных источников
1. Практика рассмотрения судами дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение (по материалам обзора) / Судовы вестнік . – 2013. – №3. – С. 20 – 30.

УДК 347.61

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Е.А. Макарова, доцент кафедры истории государства и права Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена компаративному исследованию теоретико-нормативных основ алиментных обязательств в семейном праве. На основе анализа регламентации алиментных отношений, оснований возникновения и прекращения алиментных обязательств выявлены общие и отличительные особенности российского и зарубежного регулирования.

Введение. На современном этапе развития российского общества алиментные отношения в России регламентируются Семейным Кодексом РФ[1] (далее - СК), в котором прослеживается тесная связь семейного права с моралью. Через наличие моральных установок в законодательстве (например, п. 1 ст. 1 СК) и установленной зависимости осуществления прав и обязанностей в зависимости от моральных качеств лица достигается реализация приоритетности защиты прав и интересов детей и нетрудоспособных членов семьи. В первую очередь это проявляется в четком регламентировании института алиментных обязательств: в статьях раздела 5 закреплены права субъектов алиментных обязательств, процедурные вопросы назначения и выплат алиментов, обязанность участия совершеннолетних детей в дополнительных расходах на родителей и др.

Кроме СК, правовое регулирование алиментных обязательств, в том числе, возникающих между родителями и детьми, осуществляется нормами других нормативных правовых актов, в частности, Гражданским кодексом

РФ, Уголовным кодексом РФ, Уголовно-исполнительным кодексом РФ, Налоговым кодексом РФ (часть вторая), Федеральными законами «Об исполнительном производстве», «О судебных приставах», «О мировых судьях в Российской Федерации», подзаконными нормативными правовыми актами, в частности, Постановлением Правительства РФ №841 «О Перечне видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей», ведомственными нормативными правовыми актами, в частности, Методическими рекомендациями Федеральной Службы судебных приставов РФ №01-16 «Методические рекомендации по порядку исполнения требований исполнительных документов о взыскании алиментов» и другими нормативными правовыми актами.

Основная часть. Сравнительный анализа норм российского и зарубежного законодательства, регулирующих алиментные правоотношения, позволяют выявить как сходные положения, так и отличительные особенности. В зарубежных странах нормы, регулирующие алиментные отношения, относятся также к семейному праву, которое, однако, не всегда составляет отдельную самостоятельную отрасль права, а остается правовым институтом внутри гражданского права (что является характерной чертой континентальной в первую очередь, системы права). Поэтому историческая эволюция нормативного закрепления алиментных обязательств проходила в рамках трансформации гражданских кодексов и других нормативно-правовых актов в данной сфере, которая в свою очередь обогащалась судебной практикой (в особенности, в странах англосаксонской системы права).

Безусловно, законодательная регламентация алиментных отношений в каждой стране имеет специфические отличия. Например, существуют страны с единым семейным правом (ФРГ, Испания, Япония и др.), где применяются одинаковые семейно-правовые положения. В отдельных странах параллельно действует несколько систем семейного права, преимущественно в странах с федеральным государственным устройством (Великобритания, Мексика и др.). Наличие нескольких семейно-правовых систем в некоторых странах обусловливается религиозными причинами (Иран и другие мусульманские страны) [2].

Форма выражения норм семейного права, касающиеся алиментных обязательств, также различны. Правовая традиция континентального права проявляется в закреплении данных положений в гражданских кодексах. Вопросам семейных правоотношений посвящена книга IV Германского гражданского уложения 1896 года [3]. Согласно институциональной структуре Кодекса Наполеона 1804 года во Франции нормы, регламентирующие брачно-семейные отношения, помещены в книгу I (титулы V-IX), а регламентация договорных и законных имущественных отношений супругов - в книге III (титул V) [4]. В восточноевропейских странах алиментные отношения регулируются в специальных законах о браке и семье (Польша, Чехия, Венгрия и др.). В Великобритании отдельные аспекты алиментных отношений регулируются в более чем 15 отдельных законах (некодифицированное законодательство характерно для общего права) [5].

В США правоотношения супругов регулируются законами штатов, соответствующими главами сводов законов или кодексами, принятыми отдельными штатами единообразными законами на основе рекомендованного модельного федерального Единообразного закона о браке и разводе (1970), а также нормами общего права.

Согласно российской семейно-правовой доктрине алиментные обязательства связаны неразрывно с алиментообязанным лицом, что определяет личный характер этих обязательств. Соответственно, невозможно отчуждать или передавать их другим лицам (включая наследование). Они не являются предметом договора дарения и других гражданско-правовых сделок, на них не распространяются правила о переводе долга и об уступке требования, они прекращаются в связи со смертью как обязанного, так и управомоченного лица.

Субъектами алиментного обязательства по СК РФ являются несовершеннолетние дети, совершеннолетние нетрудоспособные и нуждающиеся в помощи дети, родители, супруга и бывшие супруги, другие члены семьи (братья и сестры, дедушки и бабушки, внуки, пасынки и падчерицы, лица находящиеся а фактическом воспитании). В законодательстве стран континентальной системы права (например, Германии) субъекты подразделяются на 2 группы: родственники и супруги [6, с.9]. В ряде восточноевропейских стран (например, Хорватии, Украине) алиментные обязательства могут возникнуть и в тех случаях, когда имело место длительное сожительство, то есть формально брак не заключался [5].

Объектом алиментного обязательства являются действия управомоченного лица по получению алиментов и соответственно действия обязанного лица по их представлению. По законодательству Германии, например, к понятию объекта алиментного обязательства относятся действия обязанного лица по удовлетворению совокупности жизненных потребностей управомоченного лица.

Алиментные обязательства возникают на основе юридических фактов, предусмотренных в СК РФ: наличие между субъектами алиментных обязательств семейных отношений на момент взыскания алиментов (дети - родители) либо до взыскания (бывшие супруги); наличие условий, предусмотренных для возникновения алиментных обязательств законом или соглашением сторон (нетрудоспособность, нуждаемость, невозможность трудоустроиться и др.); решение суда или соглашение сторон об уплате алиментов.

Основаниями прекращения алиментных обязательств по соглашению об уплате алиментов согласно статье 120 СК являются смерть одной из сторон; истечение срока действия соглашения об уплате алиментов; основания, предусмотренные соглашением об уплате, например расторжение брака между супругами. Выплата алиментов, взыскиваемых в судебном порядке, прекращается по достижении ребенком совершеннолетия или в случае приобретения несовершеннолетними детьми полной дееспособности до достижения ими совершеннолетия; при усыновлении

(удочерении) ребенка, на содержание которого взыскивались алименты; при признании судом восстановления трудоспособности или прекращения нуждаемости в помощи получателя алиментов; при вступлении нетрудоспособного нуждающегося в помощи бывшего супруга - получателя алиментов в новый брак; смертью лица, получающего алименты, или лица, обязанного уплачивать алименты.

В отличии от России, в ряде зарубежных стран смерть родителя, который выплачивал алименты не является основанием прекращения алиментных обязательств, если осталось имущество умершего (например, в США) [5]. Алиментным обязательством обременяется имущество, и, соответственно, новый собственник этого имущества (если только им стал не сам ребенок) должен продолжать выплачивать алименты (то есть становится обязанным лицом). Право ребенка на алименты может защищаться в суде в случае отказа наследников выплачивать алименты добровольно. Если ребенок помещен в учреждение, то руководитель органа государственной власти, в подчинении которого находится данное учреждение, имеет право выступить с иском наследникам умершего родителя о выплате содержания на ребенка (исходя из общей стоимости наследуемой массы).

Такой же подход законодателя прослеживается в семейном праве стран континентальной системы права. Так, в Германии, алиментные обязательства переходят к его наследникам (в виде вещного обременения) и не прекращаются со смертью обязанного лица [6, с.11]. Во Франции переживший супруг (родитель) получает узуфрукт на часть наследуемого имущества (как наследник) [4, кн.III]. Также оставшийся в живых супруг может выдвинуть требование установления и выплаты алиментов с наследуемого имущества в течение одного года со смерти наследодателя. Данное обязательство устанавливается на срок до окончания раздела наследуемого имущества. При этом выплата содержания (алиментов) возлагается на весь круг наследников, а также в случает недостаточности - на всех легатариев пропорционально полученному наследуемому имуществу.

Алиментное обязательство возникает «в силу закона». Размер алиментного обязательства определяется исходя из потребностей получателя алиментов (для обеспечения жизнедеятельности) и дохода алиментнообязанного. Устанавливаться произвольно по соглашению сторон или воли третьих лиц не может.

Потребности как отправная точка возникновения алиментных обязательств прослеживается в законодательстве практически всех зарубежных стран. Так, например, в Германском Гражданском Уложении закреплено положение, что алименты предназначены для удовлетворения необходимых потребностей для жизни, а не обогащению, и, исходя из этого, размер выплат должен соотноситься с уровнем жизни в конкретном месте проживания [3, ст.1601].

В зарубежном семейном и гражданском законодательстве понятие «алименты» и «содержание» отождествляются. П.2 ст.80 СК прямо указывает, что в случае, если родители не предоставляют содержание своим несовер-

шеннолетним детям, средства на содержание несовершеннолетних детей (алименты) взыскиваются с родителей в судебном порядке. Также алиментами называются не только взыскиваемые средства, но и уплачиваемые добровольно. Таким образом, СК закон устанавливает презумпцию добровольности уплаты алиментов, и только, если алиментообязанное лицо уклоняется от уплаты алиментов, они взыскиваются в судебном порядке [7, с.123].

Алименты, следовательно, выступают как материальные средства на содержание, которые обязаны предоставлять по закону одни лица другим в силу существующих между ними брачных и иных семейных отношений, и, исходя из данного определения алиментов, алиментное обязательство предстает как имущественное обязательство лиц об их предоставлении. Закон устанавливает презумпцию алиментных обязательств родителей и детей, при этом алиментное правоотношение между указанными лицами возникает в силу конкретных юридических фактов, к которым действующее законодательство относит: указание закона, наличие между субъектами семейных отношений; наступление определенных условий (рождение ребенка, наступление нетрудоспособности и т.д.); соглашение сторон об уплате алиментов или решение суда об уплате алиментов.

Заключение. Таким образом, алиментные обязательства в отечественном и зарубежном семейном и гражданском законодательстве – это имущественное правоотношение, возникающее на основе соглашения сторон или решения суда, в силу которого одни члены семьи обязаны предоставить содержание другим ее членам, а последние вправе его требовать.

Список цитированных источников:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_8982/ - дата обращения - 02.03.2017

2. Зенин И.А. Гражданское и торговое право зарубежных стран: учебное пособие. 5-е изд. Вып. 5 - М.: МЭСИ, - 194 с.. 2005 [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: https://ozon-st.cdn.ngenix.net/multimedia/1009502925.pdf - дата обращения - 02.03.2017

3. Германское гражданское уложение 1896 года (с последующими изменениями) [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/uf/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio63/ - дата обращения - 02.03.2017

4. Французский Гражданский кодекс 1804 года (с последующими изменениями) [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: www.ipsub.udsu.ru/download/kafedra_tiigip/igpzs/documents/fgk.doc - дата обращения – 02.03.2017

5. Правовое регулирование алиментных отношений родителей и детей в зарубежных странах: аналитический обзор //Под ред С.А.Комарова и И.В.Сливкина. М., 2009. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://iam.duma.gov.ru/node/8/4694 - дата обращения- 02.03.2017

6. Костюченко Е.Ю. Алиментные обязательства родителей и детей по законодательству России и Германии: автореф.на соиск.уч.степ.канд.юрид.наук. М., 2007. - 27 с.

7. Комментарий к семейному кодексу Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2013. - 523 с.

УДК 347.45/.47

ЗАКАЗЧИКИ ПО ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМУ ДОГОВОРУ НА ОКАЗАНИЕ УСЛУГ ПО ОЗДОРОВИТЕЛЬНОМУ ТУРИЗМУ

В.В. Максименюк, старший преподаватель кафедры гражданского права Полоцкого государственного университета

Аннотация. Анализируется значение, признаки и соотношение правовых категорий «турист» и «заказчик». Рассматриваются особенности правового статуса заказчика по договору на оказание услуг по оздоровительному туризму по законодательству о туризме Республики Беларусь и Российской Федерации. Приводятся выводы о значении разграничений категорий «турист» и «заказчик». Предлагается внесение изменений в действующее законодательство о туризме в части включения определения понятия «заказчик по договору возмездного оказания туристических услуг».

Введение. Туризм в настоящее время является весьма востребованной областью общественных отношений как за пределами Республики Беларусь, так и в самой Беларуси. В отношении значения понятия «оздоровительный туризм» существуют весьма разнообразные взгляды.

Основная часть. Путешествие с оздоровительными или лечебно-оздоровительными целями практикуются с древних времен, и, вполне естественно, что оздоровительный туризм должен быть определен как самостоятельная разновидность туризма. Это обосновывается таким значимым критерием классификации туризма, как цель путешествия. На основании анализа и сопоставления различных мнений автором предложено определение рассматриваемой категории: оздоровительный (лечебно-оздоровительный) туризм – туристическое путешествие граждан Республики Беларусь, а также иностранных граждан и лиц без гражданства, в санаторно-курортные и оздоровительные организации для отдыха и приобретения санаторно-курортных услуг с целями профилактики и лечения заболеваний, сохранения и восстановления здоровья [1, с. 193].

Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК РБ) в п. 2 ст. 733 «Возмездное оказание услуг» устанавливает, что одной из разновидностей договора возмездного оказания услуг является договор оказания туристических услуг. Сторона, приобретающая услуги, именуется «заказчик» [2].

На основании изложенного обоснованно обратиться к особенностям правового, и, прежде всего, гражданско-правового, статуса заказчиков по договору на оказание туристических услуг оздоровительной направленности.

Для достижения поставленной цели необходимо обратиться к значению, признакам и соотношению правовых категорий «турист» и «заказчик» (как стороны рассматриваемой разновидности гражданско-правового договора).

В гражданском законодательстве не определен круг возможных участников договора оказания туристских услуг, однако учитывая его принадлежность к разновидностям договора возмездного оказания услуг, где стороны именуются исполнителем и заказчиком услуги, наибольшее распространение получила классификация, установленная специальным регулированием. Закон о туризме именует стороны рассматриваемого договора турагент (туроператор), с одной стороны, и, турист, – с другой [3, с. 89].

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь «О туризме», турист – физическое лицо, совершающее туристическое путешествие на период от 24 часов до одного года или осуществляющее не менее одной ночевки в стране (месте) временного пребывания [4]. Закон РФ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» в ст. 1 определяет, что «турист – лицо, посещающее страну (место) временного пребывания в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых, религиозных и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания, на период от 24 часов до 6 месяцев подряд или осуществляющее не менее одной ночевки в стране (месте) временного пребывания» [5].

На проблему разграничения понятий «физическое лицо» и «гражданин» указывал А.Е. Шерстобитов: «...если в норме закона содержится понятие «граждане», то это должно означать, что речь идет только о гражданах РФ, если же закон употребляет понятие «физические лица», то имеются в виду и граждане РФ, и иностранные граждане, и лица без гражданства» [6]. Данное утверждение уместно применить и в отношении туристов в Республике Беларусь.

В определении «турист», приведенном в Законе РФ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» не конкретизировано, какое лицо может являться туристом – физическое или юридическое. На основании мнений различных исследователей, возможно считать, что туристом может быть только физическое лицо, поскольку юридическое лицо как субъект гражданских правоотношений не может являться носителем специальных прав и обязанностей в сфере туризма. Такие цели туризма, как лечебно-оздоровительные, познавательные, религиозные и т.д., могут быть достигнуты через осуществление путешествий только физическим лицом [7, с. 43].

В Законе Республики Беларусь «О туризме» данная проблематика отсутствует, поскольку туристом считается физическое лицо [4].

Таким образом, туристом может быть любое правоспособное физическое лицо. В силу заключения туристом договора о реализации туристского продукта он наделяется определенными правами и обязанностями.

Определяющее значение здесь отводится пространственно-временной характеристике: посещение страны (места) временного пребывания на период от 24 часов или осуществление не менее одной ночевки в стране (месте) временного пребывания. Таким образом, лицо может быть

признано туристом, если оно покидает место жительства (место постоянного или преимущественного пребывания) в целях посещения страны (места) временного пребывания, при этом местом временного пребывания можно считать место, отличное от места жительства [7, с. 42]. Гражданско-правовой статус туриста является достаточно специфическим, так как он одновременно обладает статусом потребителя [8, с. 22].

В новой редакции закона РФ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» появляется субъект, именуемый заказчиком туристского продукта. Им может быть как сам турист, так и иное лицо, заказывающее туристский продукт от имени туриста. В том случае, если турист и заказчик туристского продукта не совпадают в одном лице, заказчик – это посредник между туристом и туроператором (турагентом), не отправляющийся в путешествие, а только заказывающий конкретные услуги от имени и для туриста. Заказчиком может выступать и физическое, и юридическое лицо [7, с. 43]. Зачастую в качестве заказчика выступает работодатель (индивидуальный предприниматель или юридическое лицо) или иное лицо, приобретающее туристское обслуживание для физических лиц. К таким правоотношениям применяются правила ст. 400 ГК РБ о договоре в пользу третьего лица. В таких случаях третьими лицами являются туристы-потребители, имеющие право требовать от турфирмы исполнения обязательств по туристскому обслуживанию в свою пользу [8, с. 22–23]. Законодательство о туризме РФ учитывает такой важный аспект, как заключение договора на туристическое обслуживание законным представителем в интересах несовершеннолетнего подопечного [5].

В законе Республики Беларусь «О туризме» определение понятия «заказчик» отсутствует.

Применительно к путешествию с оздоровительными целями, исходя из предлагаемого автором определения, следует обратить внимание на следующие особенности. Сущность указанного путешествия составляет отдых и приобретение санаторно-курортных услуг, а целями являются профилактика и лечение заболеваний, сохранение и восстановление здоровья.

Очевидно, что в данном случае важно значение имеет разграничение категорий «турист» и «заказчик». Заказчик не преследует указанные цели, а лишь приобретает туристические услуги для будущего туриста (если только они не совпадают в одном лице). В связи с этим, значимой особенностью является медицинские показания для будущего туриста в случае приобретения соответствующих санаторно-курортных услуг. Данное условие следует учитывать заказчикам и исполнителям при заключении договора в пользу третьего лица – туриста.

В такой ситуации видится обоснованным включить в Закон Республики Беларусь «О туризме» дефиницию понятия «заказчик», аналогичную содержащейся в Законе РФ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», но с учетом особенностей развития отношений в туризме в Беларусь.

Заключение. На основании изложенного предлагается дополнить ст. 1 Закона Республики Беларусь «О туризме» следующим предложением: «заказчик по договору возмездного оказания туристических услуг – турист или иное лицо, заказывающее туристические услуги от имени туриста, в том числе, законный представитель несовершеннолетнего туриста».

Список цитированных источников

1. Максименюк, В.В. Понятие и правовая сущность лечебно-оздоровительного туризма / В.В. Максименюк // Вестн. ПГУ. Экономические и юридические науки. – 2016. – Серия D, № 5. – С.187–196.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 января 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. Соловьев, С.Л. Договор возмездного оказания услуг в сфере туристического обслуживания : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С.Л. Соловьев. – М., 2006. – 150 с.
4. О туризме [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 25 ноября 1999 г., № 326-З : с изм. и доп. от 18 июня 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
5. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Закон Рос. Федерации от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ : с изм. и доп. от 28.12.2016 г. // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации. – Режим доступа: http: //www.pravo.gov.ru. – Дата доступа: 12.02.2017.
6. Шерстобитов А.Е. Граждане (физические лица) как участники гражданских правоотношений / А.Е. Шерстобитов // Гражданское право : в 4 т. / редкол.: Е.А. Суханов (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Волтерс Клувер, 2005. – Т. 1. – Гл. 6. – С. 141.
7. Муталиева, А.А. Правовое регулирование туристической деятельности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А.А. Муталиева. – М., 2012. – 181 с.
8. Чененов, Ю.А. Гражданско-правовое регулирование туристской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ю.А. Чененов. – Екатеринбург, 2003. – 190 с.

УДК 347+347.4+341.9+621.039

ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А.И. Малиновская, преподаватель кафедры гражданского права Полоцкого государственного университета

Аннотация. В представленной статье рассматриваются вопросы, относящиеся к лицензированию деятельности, в области использования атомной энергии и источников ионизирующего излучения в Республике Беларусь. Автором рассматриваются наиболее важные положения данного института. Проведен сравнительно-правовой анализ норм Российской Федерации и Республики Беларусь в сфере лицензирования данной деятельности на основании чего предложены пути совершенствования лицензирования деятельности, в области использования атомной энергии.

Введение. Появление института «лицензирования» в праве Республики Беларусь вызвано объективными причинами изменения характера воздействия государства на социально-экономические отношения, происходящие

в нем. Цель лицензирования сводится к тому, чтобы обеспечить такой механизм взаимодействия, при котором не ущемлялись бы частные интересы, но и на должном уровне соблюдались интересы государства. Лицензирование в сфере использования атомной энергией выступает своеобразным гарантом реализации норм Конституции в части обеспечения права граждан на благоприятную окружающую среду, обеспечения безопасности окружающей среды, обеспечение безопасности самих граждан, которую предусматривает ст.46 [1] Конституции Республики Беларусь. Лицензируемые работы и услуги подлежат жесткому контролю со стороны государства, это сказывается в первую очередь на качестве выполняемой деятельности, что сводит к минимуму наступление негативных последствий в процессе осуществления деятельности в области использования атомной энергией. Таким образом, право на осуществление деятельности в области использования атомной энергией является своеобразным применением мер поощрения, наряду с правомерным поведением лицензиата, в процессе надлежащего осуществления им требований [2, с. 11].

Основная часть. Лицензирование связано с охраной государством объектов, имеющих важное значение для функционирования самого государства и для жизни общества. Лицензирование представляет собой один из эффективных методов государственного ограничения прав и свобод человека и гражданина для исполнения обязанностей государства, установленных Конституцией Республики Беларусь. Статья 59 предусматривает, что государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности. Лицензирование является своеобразным рычагом защиты прав и свобод граждан.

Гражданский кодекс Республики Беларусь предусматривает, что деятельность по использованию атомной энергии относится к видам деятельности, создающим повышенную опасность для окружающих, соответственно контроль в сфере лицензирования должен основываться жесткой регламентацией требований и условий в области использования атомной энергии. Вместе с тем существенная особенность деятельности по использованию атомной энергии заключается в том, что в отличие от других видов деятельности, создающих повышенную опасность для окружающих, когда вред причиняется одному лицу или определенному кругу лиц (как правило, носит ограниченный характер), вред от деятельности по использованию атомной энергии может причиняться неопределенному кругу лиц, а последствия такого вреда могут иметь более тяжелый и глобальный характер [3, с. 196]. Данное основание предоставляет возможность объективно оценивать последствия наступления вреда, важнейшим аспектом является то, что вред будет причинен огромному кругу лиц, это является подтверждением того, что нормы, регулирующие осуществление деятельности в данной сфере объективно должны иметь жесткие требования, а в случае их неисполнения - соответствующие санкции.

Органом, который осуществляет лицензирование деятельности в области использования атомной энергии в Республике Беларусь является Министерство по чрезвычайным ситуациям. Основным документом, регулирующим лицензирование данной деятельности является Положение о лицензировании отдельных видов деятельности, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 1 сентября 2010 года. 26 ноября 2015 года подписан Указ Президента Республики Беларусь № 475 «О внесении изменений и дополнений в указы Президента Республики Беларусь», который вносит изменения и дополнения в Положение о лицензировании отдельных видов деятельности.

Данное положение содержит нормы, применительно *л*ицензирования деятельности в сфере использования атомной энергии (гл.13). Дается понятие лицензирования, которое представляет собой комплекс реализуемых государством мер, связанных с выдачей лицензий, их дубликатов, внесением в лицензии изменений и (или) дополнений, приостановлением, возобновлением, продлением срока действия лицензий, прекращением их действия, аннулированием лицензий, контролем за соблюдением лицензиатами при осуществлении лицензируемых видов деятельности соответствующих лицензионных требований и условий. Лицензирование деятельности в области использования атомной энергии и источников ионизирующего излучения осуществляется Министерством по чрезвычайным ситуациям. Содержатся требования и условия, предъявляемые к соискателю лицензии и лицензиату, предусмотрена процедура получения лицензии [4].

Необходимо указать, что данное положение существенно расширяет перечень лицензионных требований, устанавливаются более жесткие требования, которые предъявляются к субъектам хозяйствования, осуществляющим деятельность в области использования атомной энергии.

Предусматривается перечень особых лицензионных требований и условий, нарушение которых будет являться основанием для приостановления действия лицензии. Видоизменен перечень работ и услуг, составляющих деятельность в области использования атомной энергии. Лицензированию будет подлежать выполнение работ и предоставление услуг эксплуатирующим организациям, влияющих на безопасность, включая строительство объектов. В частности, вводится лицензирование строительно-монтажных организаций, осуществляющих работы по сооружению Белорусской АЭС.

Необходимо отметить, что изменены требования по сроку действия лицензий. Ранее срок действия выдаваемых лицензий на право осуществления деятельности в области использования атомной энергии составлял 5 лет. После вступления в силу основных положений Указа лицензии действуют бессрочно. В связи с этим на Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь не возлагается процедура продления срока действия лицензий на право осуществления деятельности в области ис-

пользования атомной энергии и источников ионизирующего излучения. Положением закрепляется порядок проведения периодической оценки и экспертизы соответствия возможностей лицензиата лицензионным требованиям и условиям [5]. Периодическая оценка действий соискателя лицензии является ключевым моментом, который включает в себя соответствие всем требованиям законодательства, предусмотренным для получения соответствующего разрешения.

Следует отметить, что в Республике Беларусь нет самостоятельного нормативного правового акта, который регулировал бы лицензирование деятельности в области использования атомной энергии, для совершенствования нормативно-правовой базы целесообразно принять соответствующий акт, который позволил бы комплексно отображать информацию в рамках лицензирования в данной области, что существенно облегчило поиск информации. Соответствующее положение есть в Российской Федерации, которое содержит условия действия лицензии; перечень документов, предъявляемые соискателем лицензии для ее получения; пошаговая процедура получения лицензии; права и обязанности должностных лиц, осуществляющих лицензирование; содержание лицензии; условия приостановлении действия лицензии [6].

Заключение. Подведя итоги проведенного исследования необходимо отметить, что лицензирование в области использования атомной энергии относится к видам деятельности, создающим повышенную опасность для окружающих, контроль за данной деятельностью должен соответствовать указанным характеристикам специфической деятельности. В процессе анализа законодательства в сфере использования атомной энергии наблюдаются позитивные изменения, вызванные Указом Президента Республики Беларусь № 475 «О внесении изменений и дополнений в указы Президента Республики Беларусь», который вносит изменения и дополнения в Положение о лицензировании отдельных видов деятельности. Однако, на наш взгляд, является целесообразным предпринимать попытки усовершенствования законодательства в области использования атомной энергии. Одним из доказательств тому служит строительство Островецкой АЭС, лицензирование в данном случае выступает важным инструментом, способствующим достижению надлежащих условий эксплуатации, предотвращению аварий, благодаря чему обеспечивается защита работников, населения и окружающей среды.

Список цитированных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005.

2. Малиновская, А.И. Позитивный аспект юридической ответственности / А.И. Малиновская // Труды молодых специалистов «Полоцкого государственного университета». Юридические науки: Выпуск УДК 342(476).- Новополоцк: ПГУ, 2012 – С.10-11.

3. Богоненко, В.А. Транспарентность и ядерная безопасность в атомном праве Республики Беларусь / В.А. Богоненко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. D. Экон. и юрид. науки. – 2009. – № 10. – С. 195.

4. О лицензировании отдельных видов деятельности: Указ Президента Респ. Беларусь, 1 сент. 2010 г., № 450 (с изм. и доп.) // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Департамент по ядерной и радиационной безопасности МЧС Республики Беларусь. – Минск, 2017. – Режим доступа: http://www.gosatomnadzor.gov.by/index.php/ru/ – Дата доступа: 13.03.2017.

6. О лицензировании деятельности в области использования атомной энергии: Постановление Правительства Российской Федерации, 29 марта 2013 г. № 280 (с измен. и доп. от 26.11.2016 г. N 1250) // Москва, 2017. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru – Дата доступа – 10.03.2017.

УДК 349.6:628.4(476)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ

Н.А. Маркина, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

П.В. Акулинский, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Аннотация. Анализируя существующую ситуацию в сфере обращения с отходами в Республике Беларусь, можно сказать о постоянном увеличении их количества, в том числе отходов, содержащих в своем составе опасные вещества, недостаточном внедрении технологий по использованию вторичных материальных ресурсов, что негативно влияет на состояние окружающей среды. Для улучшения обстановки в рассматриваемой области необходимо совершенствование нормативно-правовой базы и государственного регулирования.

Введение. Высокий темп развития всех сфер жизнедеятельности общества обуславливает постоянное усиление антропогенного воздействия на окружающую среду, что приводит к несбалансированности круговорота веществ в природе и нарушение системы биоразнообразия, разрушение локальных биосистем, чрезмерное потребление природных ресурсов, загрязнение окружающей среды вредными отходами производства и потребления. Все вышеуказанные процессы негативно влияют на состояние окружающей среды, на развитие цивилизации, на обеспечение экологической безопасности будущих поколений.

Основная часть. Одним из проблемных блоков в сфере охраны окружающей среды Республики Беларусь является область обращения с отходами. Основным документом, регламентирующим обращение с отходами, является Закон Республики Беларусь от 20.07.2007 г. № 271-З «Об обращении с отходами» (далее - Закон).

Обращение с отходами согласно пункту 13 ст. 1 Закона - это деятельность, связанная с образованием отходов, их сбором, разделением по ви-

дам отходов, удалением, хранением, захоронением, перевозкой, обезвреживанием и (или) использованием отходов [1].

Образование отходов тесно связано с понятием права собственности на отходы, а согласно пункту 30 ст. 1 Закона собственник отходов – юридическое или физическое лицо, в том числе индивидуальный предприниматель, приобретшее право владения, пользования и распоряжения отходами (включая образовавшиеся в результате его экономической деятельности, жизнедеятельности) в порядке, установленном Законом и иными актами законодательства[1].

Юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие обращение с отходами, согласно ст. 17 Закона обязаны:

- обеспечивать сбор отходов и их разделение по видам, за исключением случаев, когда смешивание отходов разных видов допускается в соответствии с техническими нормативными правовыми актами;

- назначать должностных (уполномоченных) лиц, ответственных за обращение с отходами;

- разрабатывать и утверждать инструкции по обращению с отходами производства, а также обеспечивать их соблюдение;

- обеспечивать обезвреживание и (или) использование отходов либо их перевозку на объекты обезвреживания отходов и (или) на объекты по использованию отходов, а также их хранение в санкционированных местах хранения отходов или захоронение в санкционированных местах захоронения отходов;

- обеспечивать подготовку (обучение) работников в области обращения с отходами, а также инструктаж, проверку знаний и повышение их квалификации;

- вести учет отходов и проводить их инвентаризацию в порядке, установленном Законом и иными актами законодательства об обращении с отходами;

- предоставлять в порядке, установленном законодательством, достоверную информацию об обращении с отходами по требованию специально уполномоченных республиканских органов государственного управления в области обращения с отходами или их территориальных органов, местных исполнительных и распорядительных органов, граждан;

- разрабатывать и принимать меры по уменьшению объемов (предотвращению) образования отходов;

- осуществлять производственный контроль за состоянием окружающей среды и не допускать вредного воздействия отходов, продуктов их взаимодействия и (или) разложения на окружающую среду, здоровье граждан, имущество, а в случае оказания такого воздействия принимать меры по ликвидации или уменьшению последствий этого воздействия;

- выполнять иные требования, нормы и правила, установленные Законом и иными актами законодательства об обращении с отходами, в том числе техническими нормативными правовыми актами.

Физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями, обязаны обеспечивать сбор отходов и разделение их по видам, если для этого юридическими лицами, обслуживающими жилые дома, созданы в соответствии с Законом и иными актами законодательства об обращении с отходами, в том числе техническими нормативными правовыми актами, необходимые условия.

Производители отходов производства обязаны:

- обеспечивать разработку и утверждение нормативов образования отходов производства, а также их соблюдение;

- обеспечивать установление степени опасности отходов производства и класса опасности опасных отходов производства, если степень опасности этих отходов и класс их опасности не указаны в классификаторе отходов, образующихся в Республике Беларусь.

Сбор отходов и их разделение по видам осуществляются производителями отходов либо уполномоченными ими юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями, осуществляющими обращение с отходами.

Если производитель отходов не выполнил требования по разделению отходов по видам, то их разделение по видам обязаны осуществить юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, к которым перешло право собственности или иное вещное право на эти отходы.

Хранение и захоронение отходов допускаются только в санкционированных местах хранения отходов и санкционированных местах захоронения отходов.

Санкционированные места хранения отходов производства и санкционированные места захоронения отходов производства устанавливаются в разрешениях на хранение и захоронение отходов производства или в комплексных природоохранных разрешениях, выдаваемых территориальными органами Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. При временном хранении отходов производства в целях накопления количества отходов, необходимого для перевозки, санкционированные места хранения отходов производства указываются в инструкциях по обращению с отходами производства, в которых определяются периодичность вывоза отходов производства и (или) допустимое количество их накопления. Нарушение периодичности вывоза отходов производства и (или) превышение допустимого количества их накопления при временном хранении не допускаются[1].

Перевозка отходов производится с использованием транспортных средств, обеспечивающих предотвращение вредного воздействия перевозимых отходов на окружающую среду, здоровье граждан, имущество, и осуществляется в соответствии с настоящим Законом, гражданским законодательством и законодательством о транспорте, а перевозка опасных отходов, классифицированных как опасные грузы, – в соответствии с законодательством о перевозке опасных грузов.

Отходы в качестве вторичного сырья должны использоваться в соответствии с техническими нормативными правовыми актами. Объекты

по использованию отходов, введенные в эксплуатацию, подлежат регистрации в реестре объектов по использованию отходов в порядке, определяемом Советом Министров Республики Беларусь.

Заключение. Для совершенствования законодательства в сфере обращения с отходами следует разработать нормы, более четко регулирующие ответственность производителей в области обращения с отходами, определяющие порядок возмещения организациям расходов, связанных со сбором, использованием и (или) обезвреживанием отходов, образовавшихся после утраты потребительских свойств товаров отдельных видов, схему сбора таких отходов.

Список цитированных источников

1. Об обращении с отходами [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 20.07.2007 № 271-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.07.2016 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 349.225.6:340.137.2(476:575.4)

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ТРУДОВОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ТУРКМЕНИСТАН

О.П. Михайлова, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Е.А. Беленькая-Гордонова, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Аннотация. В статье проведено сравнительное исследование одного из института трудового права, проведен анализ статей, регулирующих дисциплинарную ответственность по законодательству Республики Беларусь и Туркменистан.

Введение. В юридической науке появилось новое направление – сравнительное трудовое право, изучающее и сопоставляющее национальные системы трудового права, аккумулирующие мировой опыт в области правового регулирования труда. Этот опыт – необходимый и плодотворный компонент изучения и совершенствования национального трудового права с целью более глубокого его понимания, повышения квалификации юристов, их интеллектуального стимулирования.

Основная часть. Анализ трудового законодательства Республики Туркменистан позволяет рассматривать национальный опыт в аспекте международного опыта. Изучая иностранные правовые системы, выясняешь, что определенная проблема в другой стране решена совершенно иначе.

Дисциплинарная ответственность является действенным механизмом, обеспечивающим надлежащее выполнение работником своих обя-

занностей. Кроме того, как и любой иной вид ответственности, дисциплинарная ответственность несет в себе воспитательную функцию. В Трудовом кодексе Республики Туркменистан вопросам, регулирующим дисциплинарную ответственность посвящен 10 раздел «Дисциплина труда», в который включены такие статьи как: статья 160 «Дисциплина труда и правила внутреннего трудового распорядка предприятия»; статья 161 «Порядок утверждения правил внутреннего трудового распорядка предприятия»; статья 162 «Поощрения за успехи в работе»; статья163 «Меры поощрения за труд»; статья 164 «Взыскания за нарушение трудовой дисциплины»; статья 165 «Органы, правомочные применять дисциплинарные взыскания»; статья 166 «Порядок применения дисциплинарных взысканий»; статья 167 «Снятие дисциплинарного взыскания»; статья 168 «Привлечение к дисциплинарной ответственности руководителя предприятия, его заместителей по требованию профсоюзного или иного представительного органа работников»; статья 169 «Особенности дисциплинарной ответственности отдельных категорий работников с особым характером труда»; статья 170 «Обжалование дисциплинарных взысканий».

В Трудовом кодексе Республики Беларусь дисциплинарная ответственность работников выделена в отдельную главу, а не совмещена с трудовой дисциплиной. Законодатель в статье 197 Трудового кодекса Республики Беларусь дает определение дисциплинарного проступка – как противоправное, виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение работником своих трудовых обязанностей»[1]. Что касается Трудового кодекса Республики Туркменистан, то в нем не закреплено определение дисциплинарного проступка.

Дисциплинарная ответственность предусматривается за нарушение работником условий трудового договора и локальных нормативных правовых актов. Изучая и анализируя статьи Трудовых кодексов, которые регламентируют меры дисциплинарной ответственности, можем отметить, что в Трудовом кодексе Республики Туркменистан перечень мер дисциплинарных взысканий значительно шире, чем предусмотренный в Трудовом кодексе Республики Беларусь. Перечень мер дисциплинарной, которые могут применяться нанимателем, содержится статье 198 Трудового кодекса Республики Беларусь, всего их предусмотрено три: замечание, выговор, увольнение. Трудовое законодательство Республики Туркменистан выделяет 4 меры дисциплинарной ответственности, которые содержаться в статье 164: замечание выговор, строгий выговор, увольнение. Необходимо отметить, что перечень мер дисциплинарных взысканий как по трудовому законодательству Республики Беларусь, так и Республики Туркменистана является исчерпывающим, то есть не может быть расширен нанимателем.

При применении к работнику мер дисциплинарного взыскания важным для нанимателя является не только наличие основания, но и безусловное соблюдение процедуры применения дисциплинарного взыскания. Порядок применения дисциплинарных взысканий закреплен в статье 166 Трудового кодекса Республики Туркменистан. Так, согласно части 1

статьи 166 Трудового кодекса Республики Туркменистан «до применения дисциплинарного взыскания от работника должно быть затребовано письменное объяснение о дисциплинарном проступке, отказ работника дать письменное объяснение не может служить препятствием для применения взыскания за совершенный им проступок»[2]. В части 2 статьи 199 Трудового кодекса Республики Беларусь указано, что отказ работника оформляется актом с указанием присутствующих при этом свидетелей. Приказ о дисциплинарном взыскании с указанием мотивов объявляется работнику под роспись в 5-дневный срок[1]. Что касается Трудового кодекса Республики Туркменистан, то в статье 166 определено, что приказ, постановление о дисциплинарном взыскании объявляется работнику под роспись в течение 3-х рабочих дней[2].

Как по законодательству Республики Беларусь, так по законодательству Республики Туркменистан предусмотрено, что за один дисциплинарный проступок может быть применено только одно дисциплинарное взыскание.

Особое внимание необходимо уделить срокам привлечения работника к дисциплинарной ответственности, так как нарушение данных сроков влечет к автоматической недействительности дисциплинарного взыскания. В статье 166 Трудового кодекса Республики Туркменистан, которой регулируется порядок применения дисциплинарного взыскания, закреплены сроки привлечения работника к дисциплинарной ответственности. По законодательству Республики Беларусь, норма регулирующая сроки применения мер дисциплинарного взыскания вынесена отдельной статьей. Так, по общему правилу, дисциплинарное взыскание может быть применено не позднее одного месяца со дня обнаружения дисциплинарного проступка, не считая времени болезни работника и (или) пребывания его в отпуске. При этом днем обнаружения дисциплинарного проступка считается день, когда о проступке стало известно лицу, которому работник непосредственно подчинен[1].

Часть 4 статьи 200 Трудового кодекса Республики Беларусь и часть 3 статьи 166 Трудового кодекса Республики Туркменистан устанавливают максимальные сроки применения дисциплинарного взыскания с момента его совершения – не позднее шести месяцев, а по результатам ревизии, проверки, проведенной компетентными государственными органами, – не позднее двух лет со дня совершения дисциплинарного проступка[1, 2].

Заключение. При рассмотрении вопросов о правомерности привлечения работника к дисциплинарной ответственности обязательному изучению подлежит вопрос о том, имеет ли право лицо, применяющее дисциплинарное взыскание, правомочия на издание соответствующего приказа. Согласно статьи 201 Трудового кодекса Республики Беларусь дисциплинарное взыскание применяется органом (руководителем), которому предоставлено право приема (избрания, утверждения, назначения на должность) и увольнения работников, либо по его поручению иным органом (руководителем). Передача полномочий по применению дисци-

плинарного взыскания оформляется приказом руководителя[1].

По законодательству о труде Республики Туркменистан по требованию профсоюзного или иного представительного органа работников к руководителю предприятия может быть применена дисциплинарная ответственность.

В то время, по трудовому законодательству Республики Беларусь руководитель предприятия может быть привлечен к административной ответственности, а в исключительных случаях даже к уголовной ответственности.

Это заставило автора еще раз проанализировать и оценить данную проблему своего национального трудового права уже под иным углом в новом аспекте, с обогащенным пониманием ее сути.

Список цитируемых источников

1. Трудовой Кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З в ред. Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З // Консультант Плюс: Беларусь [Электроныый ресурс] / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Трудовой кодекс Республики Туркменистан [Электронный ресурс] / Трудовой кодекс Республики Туркменистан. – 2016 г. – Режим доступа: http://www.turkmenistan.gov.tm/_ru/laws/?laws=01cw – Дата доступа 21.02.2017.

УДК 347.775

СОДЕРЖАНИЕ ОБЪЕКТА КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РАЗЛИЧНЫХ СТРАН

Н.В. Мороз, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Аннотация. В статье рассмотрены подходы различных стран, в том числе Республики Беларусь, к определению содержания объекта коммерческой тайны, а также места коммерческой тайны среди объектов гражданских прав. Рассматривается вопрос детализации объекта коммерческой тайны в законодательстве Республики Беларусь.

Введение. Гражданский кодекс Республики Беларусь признает информацию объектом гражданского оборота наравне с другим имуществом [1]. Данное понятие раскрывает содержание информации в широком смысле слова, поскольку информация – это не просто совокупность сведений об окружающем мире, но и мера устранения неопределенности в конкретной области знания. В свою очередь, коммерческая информация представляет собой данные, необходимые для анализа положения хозяйствующего субъекта и принятия рациональных решений.

Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» [2] охватывает собой больший круг сведений конфиденциального свойства, характеризующих специальную сферу общественных отношений. Это отношения не только

в области предпринимательской деятельности, но и информационные отношения в иных областях общественной деятельности, регулируемые другими отраслями права.

Основная часть. Для законодательства других стран характерна определенная детализация содержания объекта коммерческой тайны.

Например, из-за невозможности четко сформулировать понятие объекта коммерческой тайны Конгрессу США пришлось на достаточно долгий срок отложить принятие Закона о защите коммерческой тайны. Одобренный в 1979 году Американской ассоциацией юристов и принятый многими штатами Акт о коммерческой тайне определяет ее объект следующим образом: «Информация, включая формулу, состав, комбинацию, программу, приспособление, метод, технику или процесс, которая: имеет самостоятельную экономическую стоимость (используемую или потенциальную) благодаря тому, что не является общеизвестной или доступной людям, которые могут использовать ее в коммерческих целях, и является объектом разумных при данных условиях усилий по ее защите».

По законодательству Германии информация, составляющая коммерческую тайну, включает в себя сведения, касающиеся торговых отношений фирм. Это организация и размеры оборота, состояние рынков сбыта, сведения о поставщиках и потребителях, сведения о банковских операциях [3, с. 95].

В Финляндии под коммерческой тайной понимаются подлежащие охране сведения о технологии производства, схемы и чертежи отдельных узлов и готовых изделий, круг клиентов, уровень цен и размер скидок с прейскурантных цен, бюджет фирмы и другие данные, которые, попав в руки конкурента или третьих лиц, могут причинить ущерб деятельности фирмы или содействовать успеху конкурента.

В Японии нет ни законов, ни каких-либо других нормативных актов, предусматривающих ответственность за разглашение коммерческой тайны. Там эта проблема решается следующим образом: на департаменты кадров, имеющиеся в каждой японской фирме, возлагается контроль за неукоснительным соблюдением режима секретности, который основывается на кодексе поведения служащих. Автор приходит к выводу, что японский бизнес менее всего страдает от утечки информации. Это связано с присущей этой стране системой «пожизненного найма» и воспитанием у сотрудников чувства патернализма, когда они считают себя членами одной семьи [4, с. 73].

Зарубежное законодательство заметно контрастирует со статьей 140 Гражданского кодекса Республики Беларусь и статьей 139 Гражданского кодекса Российской Федерации, где объект коммерческой тайны определен лишь в обобщенном виде.

В Российской Федерации 29 июля 2004 г. принят Федеральный закон «О коммерческой тайне», в котором акцент сделан на вопросы охраны информации, составляющей коммерческую тайну, однако вопросы конкретизации субъекта прав на коммерческую тайну, определения перечня информации конфиденциального характера рассмотрены лишь фрагментарно.

В 2013 году система гражданских прав Республики Беларусь была пересмотрена в связи с принятием Закона Республики Беларусь от 5 января 2013 г. № 16-З «О коммерческой тайне» (далее – Закон о коммерческой тайне), который определяет коммерческую тайну как сведения любого характера (технического, производственного, организационного, коммерческого, финансового и иного), в том числе секреты производства (ноу-хау), соответствующие требованиям Закона о коммерческой тайне, в отношении которых действует режим коммерческой тайны [5]. Таким образом, формирование перечня и содержания сведений, подпадающих под правовое регулирование в режиме коммерческой тайны, не могут быть в полном ведении собственника или обладателя сведений. Статья 6 Закона о коммерческой тайне устанавливает перечень сведений, по отношению к которым режим коммерческой тайны неправомерен.

Интересно, что в законодательстве Республики Беларусь в настоящее время отражен подход о том, что коммерческая тайна не относится к интеллектуальной собственности. Однако ранее гражданское законодательство Республики Беларусь определяло коммерческую тайну в качестве формы охраны нераскрытой информации, которая в свою очередь являлась объектом права интеллектуальной собственности. Это следовало из статей 140, 980 и 1010 Гражданского кодекса Республики Беларусь в редакции от 28.08.2012 г.

Заключение. Иными словами, в настоящее время под информацией, составляющей коммерческую тайну, можно понимать любые сведения, отнесение которых к такой тайне не запрещено законом и иными нормативными правовыми актами Республики Беларусь.

Думается, указанный подход усложняет гражданский оборот в сфере информации. Представляется необходимым внести дополнения в статью 5 Закона о коммерческой тайне в части детализации объекта коммерческой тайны с разделением данной информации на две группы:

1. Деловая информация: производственные планы, планы выпуска новой продукции данные о цене (стоимости) продукции, услуг, технологии; прайс-листы; стратегия предприятия; списки деловых партнеров; договоры; информация о маркетинге; применяемые формы и методы и т.д.

2. Научно-техническая (технологическая) информация: методы работы; научно-исследовательские проекты; конструкторские разработки для производства продукции; технические параметры продукции; рецептура; незапатентованные изобретения, полезные модели и т.д.

Список цитированных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 января 2017 г. № 14-З // КонсультантПлюс: Беларусь [Электрон. ресурс] /ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Об информации, информатизации и защите информации: Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З в ред. Закона Респ. Беларусь от 11 мая 2016 г. № 362-З // КонсультантПлюс: Беларусь [Электрон. ресурс] /ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Коломиец, А.В. Коммерческая тайна в гражданском праве Российской Федерации // А.В. Коломиец / Рос. Академия государственной службы при Президенте РФ. - М: издательство РАГС, 2000.- 205 с.

4. Ананич, С.М. Коммерческая тайна как объект гражданских прав / С.М. Ананич/ материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию профессора В. Ф. Чигира «Правовое регулирование осуществления и защиты прав физических и юридических лиц». - Минск, 4-5 ноября 2014 г., с. 71-74.

5. О коммерческой тайне: Закон Республики Беларусь от 05.01.2013 № 16-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2017.

УДК 347.943.1

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УЧАСТИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ СВИДЕТЕЛЕЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

О.Л. Мороз, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Аннотация. Способность правильно воспринимать факты и в дальнейшем сообщать о них сведения зависит не только и не столько от возраста, сколько от характера этих фактов и индивидуальных особенностей лица. Правила гражданского судопроизводства в законодательстве различных стран по-разному рассматривают возможность участия малолетних лиц в качестве свидетелей по делу.

Введение. Еще в начале XX в. И.Е. Энгельман отмечал, что способность к свидетельству должна быть признана за всеми не участвующими в деле лицами без исключения. По его мнению, отстранение от свидетельства тогда, когда суд свободно оценивает доказательства по своему убеждению, является уже не ограждением стороны от не заслуживающих доверия свидетелей, а ограничением их возможностей доказывания. «По этой причине, – считал автор, – до допроса нет достаточного основания объявлять кого бы то ни было неспособным к свидетельству и нет повода устранять, от свидетельства ни малолетних детей, ни слабоумных и умалишенных, ни лиц, не заслуживающих доверия. Наличие же этих недостатков должны учитываться судом при оценке свидетельских показаний» [1, с. 302].

Основная часть. Законодательство некоторых государств устанавливает возраст до достижения которого физическое лицо не может свидетельствовать в суде.

В соответствии с § 106 Гражданского кодекса Германии гражданин уже имеет ограниченную дееспособность по достижении им 7 лет. С этого возраста он может быть и свидетелем в суде [2]. Такое же правило установлено в гражданском процессуальном законодательстве Латвии. В соответствии с п.4 ст. 106 Гражданского процессуального Закона Латвийской Республики не могут быть допрошены в качестве свидетелей дети в возрасте до 7 лет [3].

Процессуальное законодательство других государств решение вопроса о допуске малолетних к участию в деле в качестве свидетелей относит на усмотрение суда.

Так, согласно п.4 ст.256 ГПК Республики Эстония суд может отказаться от допроса в качестве свидетелей лиц, не достигший четырнадцатилетнего возраста [4]. Схожая норма присутствует в гражданском процессуальном законодательстве Армении. В соответствии с п.6 ст. 63 ГПК Республики Армения «в исключительных случаях в качестве свидетеля может быть вызвано лицо, не достигшее шестнадцатилетнего возраста» [5].

Сторонники установления возраста, с достижением которого лицо может быть свидетелем есть и среди белорусских авторов. Так, С.С.Сокол полагает, что в гражданское процессуальное законодательство необходимо ввести норму, устанавливающую нижний возрастной предел свидетеля. По его мнению «свидетелем по гражданскому делу может выступать лицо, достигшее семилетнего возраста» [6, с.67].

Однако, по нашему мнению, устанавливать минимальный возраст свидетеля или полностью исключать из числа источников свидетельских показаний несовершеннолетнее лицо нецелесообразно.

Безусловно, в силу ограниченной способности детей к восприятию и воспроизведению многих обстоятельств, а также их повышенной склонности к фантазированию, внушению и самовнушению [7, с. 193] этот источник доказательств видится недостаточно надежным с точки зрения достоверности. Однако, наряду с этим, как отмечают специалисты, психика несовершеннолетнего характеризуется и такими существенными и ценными для установления истины по делу качествами, как обостренное внимание к отдельным деталям события, непосредственность [8, с. 265]. Кроме этого следует учитывать и то важное обстоятельство, что свидетель (в отличие от эксперта) является незаменимым источником доказательства и возможна такая ситуация, при которой несовершеннолетний будет являться единственным очевидцем произошедшего.

В тоже время, заслуживает внимание позиция авторов, полагающих, что участие несовершеннолетних свидетелей в некоторых категориях гражданских дел необходимо ограничить.

Так, Н.А.Чечина считает, что не соответствует требованиям морали отсутствие в процессуальном законе правила, запрещающего допрос несовершеннолетних детей в качестве свидетелей по спорам между их родителями (при выселении в случае невозможности совместного проживания, при разделах совместного имущества и в других случаях) [9, с.66-67]. Такая норма, например, закреплена гражданском процессуальном законодательстве Франции. В соответствии с ч.2 ст. 205 ГПК Франции дети не могут быть допрошены по делам своих родителей при их разводе [10].

По мнению Г.Любарской «прибегать к допросу несовершеннолетнего свидетеля по гражданскому делу целесообразно лишь тогда, когда известные ему факты не могут быть подтверждены с достаточной полнотой другими средствами доказывания…» [11, с.19].

Безусловно, любое лицо, в том числе и несовершеннолетний свидетель, может воспользоваться своим правом, предоставленным ст.27 Конституции Республики Беларусь, ст. 94 ГПК Республики Беларусь, и отказаться от дачи показаний против членов своей семьи [12]. Однако, по нашему мнению, реализация этого права может повлечь за собой определенные негативные последствия. Дело в том, что отказ от дачи показаний против одного родителя может привести к ухудшению отношений несовершеннолетнего с другим родителем. Полагаем, что несовершеннолетний не должен ставиться перед весьма сложным выбором: дать показания, например, в пользу матери и тем самым ухудшить свои отношения с отцом либо отказаться от дачи показаний и, возможно, ухудшить свои отношения с матерью. Считаем, что данная ситуация не соответствует ни моральным, ни этическим принципам. По нашему убеждению процесс установления истины должен соответствовать не только правовым, но и нравственным нормам. Безнравственный процесс не может быть законным.

Заключение. Таким образом, полагаем, что в гражданское процессуальное законодательство Республики Беларусь необходимо внести норму, запрещающую допрос несовершеннолетних свидетелей по спорам своих родителей. Кроме этого полагаем, что несовершеннолетние должны привлекаться для дачи показаний по делу лишь в случаях крайней необходимости с тем, чтобы лишний раз не подвергать их психику негативному воздействию, вероятность которого при участии несовершеннолетнего в процессе в качестве свидетеля достаточно высока.

Список цитированных источников

1. Энгельман, И.Е. Курс гражданского судопроизводства / И. Е. Энгельман. - Юрьев, 1912. – 406 с.

2. Bürgerliches Gesetzbuch // [Электрон, ресурс] / Режим доступа: http://www.gesetze-im-internet.de/bgb. - Дата доступа: 05.03.2017.

3. Civilprocesa likums // [Электрон, ресурс] / Режим доступа: http://www.likumi.lv/Civilprocesa likums. - Дата доступа: 03.03.2017.

4. Tsiviilkohtumenetluse seadustik // [Электрон, ресурс] / Режим доступа: https://www.riigiteataja.ee/akt/102022016008. Дата доступа: 03.03.2017.

5. Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения // [Электрон, ресурс] / Режим доступа: http://www.parliament.am/legislation. Дата доступа: 01.03.2017.

6. Сокол, С.С. Проблемы доказывания в суде первой инстанции по гражданским делам: монография / С.С. Сокол. - Мн.: БИП-С Плюс, 2006. – 101 с.

7. Романов, В.В. Юридическая психология / В.В. Романов. - М.: Юристъ, 1998. – 266 с.

8. Волков, В.Н. Юридическая психология / В.Н. Волков.- Издательство: Юнити-Дана, 2002. – 315 с.

9. Чечина, Н.А. Воспитательная функция советского гражданского процессуального права / Н.А. Чечина. - Л., 1972. - С 66-67.

10. Code de procédure civile // [Электрон, ресурс] / Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070716. - Дата доступа: 01.03.2017.

11. Любарская, Г. Допрос свидетелей по гражданскому делу / Г.Любарская // Советская юстиция. - 1975. - № 22. - С.19.

12. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-З. (в ред. Закона Республики Беларусь от 9 января 2017 г. № 19-З) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электрон, ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2017.

УДК 342.951

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КЫРГЫЗСТАНА

Ш.Р. Муслимов, доцент кафедры ИВТ Кыргызско-российского славянского университета, кандидат технических наук

Аннотация. Рассмотрено современное состояние правового регулирования общественных отношений в информационной сфере. На основании анализа научных точек зрения и законодательства определены проблемы правового регулирования соответствующих отношений и предложены меры по их оптимизации; приведены рекомендации дальнейшего реформирования информационного законодательства.

Введение. В течение последних десятилетий в Кыргызской Республике (КР) осуществляется последовательное развитие информационной сферы как особой системы общественных отношений, возникающих во всех сферах жизни и деятельности общества и государства в результате поиска, использования, распространения и хранения информации, прежде всего в сфере закрепления права человека на информацию и на свободное распространение ее в стране и за рубежом.

Следует отметить, что этим важным проблемам, от решения которых зависит дальнейшее совершенствование национального информационного законодательства и практики его применения не уделяется достаточного внимания учеными-правоведами республики. Многие правовые аспекты этой проблемы остаются недостаточно изученными, кроме того, вступление Кыргызстана в ЕАЭС обусловило появление новых направлений государственной политики в информационной сфере, в частности, в области формирования законодательства по информационной безопасности, в которой наблюдается существенный пробел, хотя надо признать, что в этой же ситуации находятся все страны СНГ. На наш взгляд, данная проблема, возможно, разрешится после принятия Информационного кодекса, для этого предстоит большая работа над Модельным информационным кодексом и в значительной степени после научного его обоснования.

Основная часть. В научной литературе стран СНГ продолжаются дискуссии о сущности, правовой природе феномена информации, необходимости выделения из системы правовых отношений информационных правоотношений. Актуальным является анализ и обобщение накопленного материала научного и законодательного характера, направленного на разработку концепции информации как правовой категории, что позволяет получить целостную характеристику информационных правоотношений и в свете этого выявить особенности и проблемы правового регулирования информационной сферы. Поэтому целью статьи является исследование достижений государственной информационной политики (ГИП) КР, а задачей – определение перспектив дальнейшего развития информационного законодательства.

Поскольку, до сих пор, информационное законодательство не систематизировано, направления информационной политики определяются различными нормативно-правовыми актами, в первую очередь базовым законом КР «Об информатизации» [1].

Следует отметить, что в дополнение данного закона принят закон в новой редакции под измененным названием «Об информатизации и электронном управлении» [2].

В новой редакции произведены некоторые изменения, в частности, признана утратившей силу преамбула прежнего закона «Об информатизации», в ст. 1/1 п.1 закона «Об информатизации и электронном управлении» установлено «Настоящий Закон регулирует основные правовые, экономические и организационные отношения, необходимые для развития процесса информатизации и электронного управления в Кыргызской Республике».

Процесс информатизации определяет все направления ГИП, поэтому изложение «старого» Закона КР «Об информатизации» в новой несущественно обновленной редакции приводит к размышлениям о правоте Цымбалюка В.С.: «Через соответствующие организационные структуры СНГ провести согласования об исключении до минимума разработок и принятии отдельных фрагментарных модельных законов для информационной сферы» [3, с. 18].

В то же время формирование новых общественных отношений в информационной сфере предусматривает создание соответствующего комплекса документов для правового обеспечения. Все элементы общественной жизни, связанные с оборотом информации как ключевого элемента информационного общества, должны быть в необходимой степени урегулированы четко установленными правилами поведения.

Сегодня в КР относительно путей правового регулирования информационных отношений применяется юридическая доктрина легальной систематизации законодательства на уровне кодификации. Это характерно для тех его отраслей, в которых множество правовых норм в определенной сфере общественных отношений достигло критического количества, а потому возникла необходимость проведения научных исследований относительно их систематизации на уровне легальной кодификации.

Вместе с тем на пути развития и упорядочении информационных правоотношений можно выделить ряд проблем:

- отсутствие долгосрочной государственной стратегии по дальнейшему развитию информационной сферы;

- недооценка значения информационно - коммуникационного аспекта в процессе демократизации общества и развития государства;

- несовершенство законодательства об информации;

- попытка субъектов информационных отношений манипулировать общественным мнением путем распространения недостоверной, неполной и предвзятой информации в средствах массовой информации;

- непрозрачность отношений собственности относительно средств массовой информации;

- недостаточный уровень государственной поддержки производства и распространения отечественной информационной продукции;

- злоупотребление правом на свободное получение и распространение информации, в результате чего нарушаются другие фундаментальные права и свободы человека, закрепленные в конституции КР;

- высокая информационная зависимость КР от зарубежных информационных ресурсов и сетей;

По мнению ведущих ученых для решения указанных, а также многих других проблемных вопросов упорядочения информационной сферы требует совершенствования государственная информационная политика, в частности, по улучшению механизма государственного регулирования отношений в сфере обеспечения реализации права каждого на доступ к информации, укрепление материально-технических, финансовых, организационных, правовых и научных основ информационной деятельности, содействие постоянному обновлению, обогащению и хранению национальных информационных ресурсов, защите информационного суверенитета КР.

Как отмечают, прежде всего, российские и украинские ученые, отсутствие системности в подходах к кодификации информационного законодательства является одной из важных проблем реформирования информационного законодательства [4]. Актуальным вопросом также является подготовка и принятие Информационного кодекса КР, который бы соответствовал уровню развития информационных отношений и адекватно регулировал вопросы функционирования информационной сферы.

Заключение. Отражение указанных положений в национальном законодательстве позволит гарантировать реализацию конституционных прав человека на свободное выражения своих взглядов и убеждений как основополагающего элемента демократического общества; обеспечить защиту прав каждого на поиск, получение, использование, хранение информации с любого источника, не запрещенного законодательством, и на распространение ее в КР и за рубежом; обеспечить приоритетное развитие национальных информационных ресурсов; способствовать построению в КР развитого информационного общества как органического сегмента межгосударственного информационного сообщества, внедрению новейших информационно-коммуникационных технологий.

Список цитированных источников

1. ЗАКОН КР от 8 октября 1999 года N 107 "Об информатизации" / Информационно-правовая система «Токтом».

3. Название документа изложено в новой редакции в соответствии с Законом Кыргызской Республики от 22.07.2016 г. №130

4. Цымбалюк В.С. О систематизации институтов информационного права при кодификации информационного законодательства в СНГ // Информационное право. - М.: Юрист, 2013, № 4 (35). - С. 15-18

5. Систематизация и кодификация информационного законодательства / Отв. ред. И.Л. Бачило. Сб. науч. работ. – М.: ИГП РАН – Изд-во «Канон+», 2015 – 216 с.; Цымбалюк В. С. Кодификация информационного законодательства: теория и практика // Информационное право. М., 2013. Вып. 1(32). С. 3 - 5.

УДК 343.26(091)

ГЕНЕЗИС НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ

Н.И. Невмержицкий, заместитель прокурора Чашникского района, прокуратура Витебской области

Аннотация. В соответствии со статьей 25 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Данное право является одним из основных прав человека в любом демократическом государстве современного мирового сообщества. Его соблюдение и охрана являются важной гарантией недопущения «произвола» как в отношении отдельной личности, так и в отношении достаточно больших групп людей.

Введение. Свобода имеет огромное значение для человека. В любом социуме человек не может жить без общения и взаимодействии с другими людьми, редкий индивид может вынести «груз одиночества». Человеку сложно полностью выйти из общественных отношений, отказаться от «обустройства» собственной жизни. Отказаться от возможности завести семью, проживать в государстве, обеспечивающем различные права (право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, труд, образование, культурное развитие и т.д.). К тому же каждый желает иметь право на «реальную свободу», а не только закрепленную на листе бумаги. Получается, что, благодаря закреплению данного права, всегда существует реальная мера свободы. Нельзя не согласиться с тем, что свобода - это зависимость от закона (Цицерон). Но человеку не нравится, когда его в чем-то ограничивают или чего-то лишают. Когда речь идет о существенных ограничениях или лишениях, то это определяется как наказание за совершенное преступление. Но все же ограничение и лишение самых ценных благ, связанных с жизнью и свободой является наиболее суровым. И, если смертная казнь, лишающая жизни осужденного, является достаточно редким наказанием в нашей стране, то наказание в виде ограничения свободы, на сегодняшний день остается довольно распространенным наказанием. Причиной этого является тот факт, что данное наказание является более мягким, чем лишение свободы, менее затратным, чем арест и может быть исполнимым для лица с небольшими доходами.

Так, на практику назначения уголовных наказаний, несомненно, влияют экономические, политические, организационно-управленческие и культурно-воспитательные меры, осуществляемые государством, как и сложившаяся судебная практика, поэтому для определения генезиса наказания в виде ограничения свободы необходимо обратить свой «взгляд в историю».

Основная часть. Существенное влияние на юридическую школу Беларуси, а, следовательно, и на мнение наших правоведов оказало законодательство СССР, в частности уголовный кодекс (далее - УК).

Признаки наказания в виде ограничения свободы (ст. 55, УК 1999 г.) во многом совпадают с признаками предусмотренного в УК 1960 г. услов-

ного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду, введенного в УК в марте 1977 г.

Условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду впервые было введено в уголовное законодательство и судебную практику в 1970 году. Возникновение этого института было обусловлено острой необходимостью привлечения дополнительных трудовых ресурсов на стройки и предприятия народного хозяйства, особенно в тех регионах и в такие сферы производства, где по климатическим и иным причинам было трудно обеспечить необходимое число работников в порядке организованного набора. В то же время в этот период уже разрабатывались меры по дальнейшей экономии уголовно-правового принуждения; проводились исследования совершенствования применения уголовного законодательства с целью сокращения численности контингента ИТУ. Условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду стало мерой, промежуточной между лишением свободы и условным осуждением, объединив в себе наиболее положительные качества каждого из них. Так, осужденный не направлялся в ИТУ, а оставался на свободе, тем самым исключалось его общение с лицами, ранее судимыми. Одновременно осужденный привлекался к труду, проживал в специальном общежитии в условиях надзора за его поведением.

Основанием применения условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду являлась возможность исправления и перевоспитания осужденного без изоляции от общества, но в условиях осуществления за ним надзора. Эта возможность определялась судом на основании всестороннего анализа всех обстоятельств совершения преступления, и прежде всего - личности преступника. Закон устанавливал ряд условий, которые могли свидетельствовать о такой возможности и в своей совокупности обязательно учитывались судом при решении вопроса о применении ст. 231 УК. К этим условиям относились: а) вид и размер назначенного наказания; б) назначение наказания в виде лишения свободы впервые; в) характер и степень общественной опасности совершенного преступления; г) личность виновного; д) иные обстоятельства дела.

В соответствии с УК могло быть применено к лицу, осуждаемому к лишению свободы за умышленное преступление - на срок до трех лет, а за преступление, совершенное по неосторожности - на срок до пяти лет.

При этом, ограничение свободы (УК 1999 г.) - это такой вид наказания, назначаемого только в качестве основного, который состоит в наложении на осужденного обязанностей, ограничивающих его свободу, и нахождении его в условиях осуществления за ним надзора органами, ведающими исполнением наказания.

Ограничение свободы является относительно новым видом наказания, введенным впервые в УК 1999 г. Ограничение свободы устанавливается на срок от шести месяцев до пяти лет и входит в группу наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Оно также представляет собой альтернативу лишению свободы и тем самым призвано содействовать

снижению его применения. Сущность этого наказания заключается в том, что при ограничении свободы затрагивается личная свобода осужденного, возможность распоряжения собой, свобода передвижения, выбора места жительства и места пребывания. Ограничение свободы бывает двух видов: с направлением в исправительное учреждение открытого типа или без направления в исправительное учреждение открытого типа.

Ограничение свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа назначается с учётом личности виновного, характера и степени общественной опасности совершённого преступления, наличия у него постоянного места жительства. Указанная возможность возникла благодаря изменениям, внесенным Законом Республики Беларусь от 9 июня 2006 г. № 122-З «О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь по вопросам совершенствования порядка исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности». Это относительно мягкое наказание, основным «карательным свойством» которого является необходимость соблюдать предписанный распорядок дня и тот факт, что за лицом осуществляется надзор. Важным моментом является возможность осужденного остаться «дома», продолжать трудиться на своей работе, быть с семьёй, родными и друзьями, т.е. остаться в своём круге общения. При этом, оно имеет лишь общие корни со своим «предшественником» и слабо на него похоже, в отличии от нижеуказанного вида наказания.

Ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа отрывает осуждённого от его прежнего социального окружения, семьи, коллег по работе и помещается в исправительное учреждение открытого типа, где на него распространяется принудительный режим и где его поведение регламентируется нормами права. Законодатель установил, что осужденные, как правило, направляются для отбывания наказания в исправительные учреждения открытого типа в пределах области по месту постоянного жительства или осуждения. Лицам, которым ограничение свободы назначено в порядке замены наказания более мягким наказанием, могут быть направлены для отбывания наказания в исправительные учреждения открытого типа другой области. В этом же порядке направляются для отбывания наказания осужденные, по месту постоянного жительства которых отсутствуют исправительные учреждения открытого типа. Карательное содержание этого наказания выражается в том, что осужденный:

- ограничивается в свободе, поскольку в течение установленного судом срока он должен находиться в исправительном учреждении открытого типа, находящемся в пределах области по месту постоянного жительства или осуждения;
- обязательно привлекается к труду независимо от его желания выполнять ту или иную работу;
- в течение срока наказания за ним осуществляется надзор;
- пребывание в исправительном учреждении открытого типа связа-

но с возложением на осужденного обязанностей, невыполнение которых влечет применение мер взыскания.

В период отбывания наказания в виде ограничения свободы осужденные обязаны выполнять «Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений открытого типа» работать по направлению администрации исправительного учреждения, постоянно находиться в пределах границ территории этого учреждения, не покидать ее без разрешения администрации. Они должны проживать, как правило, в специально предназначенных для них общежитиях, участвовать без оплаты труда в работах по благоустройству зданий и территории исправительного учреждения. Осужденным запрещается приобретать, хранить и использовать предметы и вещества согласно установленному перечню. Осужденные и помещения, в которых они проживают, могут подвергаться обыску, а их вещи - досмотру.

В целом порядок отбытия наказания в виде ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение отрытого типа прописан в ст. 47 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее –УИК).

При этом, согласно нормам УК 1960г. осужденные после вступления приговора в законную силу направлялись к месту работы, орган внутренних дел ставил их на учет. На них налагались следующие ограничения: они обязаны были работать там, куда направлены; в случае производственной необходимости осужденные могли переводиться на другую работу (в том числе и в другую местность) без их согласия; осужденные обязаны проживать в специальных общежитиях со специальной пропускной системой; осужденные обязаны периодически регистрироваться в ОВД; осужденные не имели права покидать пределы административного района без специального разрешения.

Вместе с тем для осужденных условно с обязательным привлечением к труду не устанавливалась форменная одежда единого образца (как для лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы в ИТУ), они самостоятельно определяли свой досуг, для них не устанавливаются специальные нормы выработки или заниженные расценки, осужденные питаются за свой счет.

Как в УК 1960 г., так и в УК 1999 г. существуют ограничения для назначения указанных видов наказания.

Так, в ч. 4 ст. 55 УК (УК 1999 г.) содержится перечень лиц, которым ограничение свободы не может быть назначено. Это: военнослужащим срочной службы; иностранным гражданам и не проживающим постоянно в Республике Беларусь лицам без гражданства. Согласно ч.5 ст. 55 УК (УК 1999 г.) ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа не может быть назначено: лицам, не достигшие 18-летнего возраста ко дню постановления приговора; женщинам в возрасте свыше 55 лет и мужчинам в возрасте свыше 60 лет; беременным женщинам; женщинам и одиноким мужчинам, воспитывающим детей в возрасте до четырнадцати лет или детей-сирот; инвалидам; лицам, кото-

рым назначены принудительные меры безопасности и лечения, больные открытой формой туберкулеза, ВИЧ инфицированные, больные СПИДом, либо не прошедшие полного курса лечения венерического заболевания; иностранные граждане и не проживающие постоянно в Республике Беларусь лица без гражданства.

В части 3 ст. 231 УК (1960 г.) предусмотрены обстоятельства, препятствующие применению условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду и связанные с характером и степенью общественной опасности совершенного преступления. Так, этот вид условного осуждения не могло быть применено к лицам, осуждаемым за: особо опасное государственное преступление и бандитизм; умышленное убийство и тяжкое телесное повреждение; изнасилование при отягчающих обстоятельствах; особо злостное хулиганство (ч. 3 ст. 201 УК), но это не означает, что при совершении иных тяжких и особо тяжких преступлений, не указанных в этом перечне, УО (ст. 231 УК) может применяться судом без всяких ограничений, при решении этого вопроса судье необходимо было исходить прежде всего из возможности исправления и перевоспитания осужденного без изоляции от общества. Совершение тяжкого или особо тяжкого преступления свидетельствует о повышенной общественной опасности лица и его «социальной запущенности». Поэтому, по мнению авторов периода действия УК 1960 г. [10, с. 301], следовало, как и при применении "обычного" условного осуждения, с особой осторожностью подходить к решению вопроса об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду в случаях осуждения виновных за тяжкое или особо тяжкое преступление.

Большие требования устанавливал закон и к лицам, в отношении которых суд решал вопрос о применении такого наказания. Так, в соответствии УК 1977 года осужденный должен быть совершеннолетним. Допускалось применение этого вида условного осуждения и к лицам, которые совершили преступление в несовершеннолетнем возрасте, но на момент рассмотрения уголовного дела в суде достигли совершеннолетия.

Кроме того, лицо должно было быть трудоспособным. Особенно тщательно суд оценивал возможность применения условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду в отношении лиц, не признанных инвалидами, но страдающих заболеванием, которое создаст ограничение в их трудовом использовании, а также в отношении лиц, злоупотребляющих алкоголем, занимающихся бродяжничеством и т.п.

Недопустимо было применение условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду (ст. 231 УК) к следующим категориям осужденных: к несовершеннолетним; к лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления; к лицам, в отношении которых может быть применено более мягкое наказание либо должно быть определено лишение свободы; к лицам, которым наряду с наказанием за совершенное преступление назначаются меры принудительно-

го лечения от алкоголизма или наркомании; к лицам, не прошедшим полного курса лечения венерического заболевания; к иностранным гражданам и лицам без гражданства; к инвалидам I, II и III групп; к беременным женщинам и женщинам, имеющем на иждивении детей в возрасте до двух лет; к женщинам в возрасте старше 55 лет и мужчинам старше 60 лет; к военнослужащим срочной службы, совершившим преступления.

Основанием для отмены действия условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду являлось представление об отмене этого вида условного осуждения и направлении осужденного для отбывания лишения свободы. В суд его вносил орган, ведающий исполнением приговора (ОВД). Суд, рассматривая внесенное представление, должен выяснить личность осужденного, характер и причины допущенных им нарушений за период отбывания наказаний в условиях осуществления за ним надзора. Суд при этом выясняет, являются ли нарушения систематическими или злостными, применялись ли к осужденному меры дисциплинарного, административного и общественного воздействия, предусмотренные законом дополнительные ограничения. В зависимости от этого суд принимает решение об удовлетворении представления или об оставлении условно осужденного в спец комендатуре.

Если условно осужденный совершил новое преступление в течение срока лишения свободы (т.е. срока привлечения к обязательному труду), суд назначает ему наказание. При этом не отбытой частью наказания является не отбытая часть обязательного срока работы и время, в течение которого осужденный уклонялся от работы.

В случае, когда условно осуждённый примерным поведением и честным отношением к труду докажет свое исправление, по совместному представлению ОВД, администрации предприятия и наблюдательной комиссии при исполкоме местного Совета к осужденному может быть применено условно-досрочное освобождение от наказания или не отбытая часть его может быть заменена более мягким.

По истечении срока наказания (привлечения к труду) осужденный освобождается из-под надзора; если он не направлялся в места лишения свободы и не совершил нового преступления в течение срока привлечения к труду, судимость у него погашается автоматически.

Согласно УК 1999 г. уклонение осужденного от отбывания наказания в виде ограничения свободы признается преступлением и влечет уголовную ответственность по ст. 415 УК.

Уклонение от отбывания этого наказания определено в ч. 6 ст. 55 УИК. Им признается:

1) неприбытие или невозвращение в установленный срок осужденного к месту отбывания наказания без уважительных причин или его самовольное оставление с целью уклонения от отбывания наказания;

2) нарушение осужденным порядка и условий отбывания данного наказания после вынесения официального предупреждения;

3) отказ от ношения электронных средств контроля своего места

нахождения либо их умышленное повреждение или уничтожение в целях уклонения от отбывания наказания.

При этом, в ч. 5 ст. 55 УИК изложены положения для признания лица злостно нарушающим порядок и условия отбывания наказания.

Порядок направление осужденных в места ограничения свободы осуществляется в двух формах: самостоятельно и под стражей. Лица, осужденные к ограничению свободы следуют к месту отбывания наказания самостоятельно за счет государства. Осужденные, которым не отбытая часть лишения свободы заменена ограничением свободы, могут быть направлены в исправительное учреждение открытого типа под стражей. Решение об этом принимает суд при вынесении определения о замене одного вида наказания другим, более мягким видом наказания. В таком же порядке может быть направлен в места отбывания наказания осужденный к ограничению свободы в случаях его уклонения от получения предписания и о выезде либо невыезде к месту ограничения свободы в установленный срок.

Прием осужденных в учреждение осуществляется дежурным помощником начальника учреждения и работником специальной части учреждения. Прием осужденных, прибывших в нерабочее время, осуществляется дежурным помощником начальника учреждения.

Во время приема осужденных в учреждение работники учреждения проверяют наличие личных дел и устанавливают их принадлежность прибывшим осужденным, проверяют наличие в личных делах необходимых документов.

Прибывшие в учреждение осужденные после уточнения данных подвергаются обыску, а принадлежащие им вещи - досмотру.

Предметы и вещества, которые осужденным запрещается приобретать, хранить и использовать [9, с. 372], по постановлению начальника учреждения изымаются и передаются на хранение, или уничтожаются, или реализуются. Реализация изъятых предметов осуществляется на основании мотивированного постановления начальника учреждения, санкционированного прокурором. Средства от реализации изъятых предметов зачисляются на счет учреждения.

Начало исчисления срока отбывания наказания в виде ограничения своды определяется днем постановки осужденного на учет в исправительном учреждении открытого типа. В срок ограничения свободы на основании ст. 46 УИК засчитывается время содержания осужденного под стражей в качестве меры пресечения и время следования под конвоем из исправительного учреждения в исправительное учреждение открытого типа при замене не отбытой части наказания в виде лишения свободы ограничением свободы из расчета один день пребывания под стражей за два дня ограничения свободы. В срок наказания засчитывается время следования осужденного из исправительного учреждения в исправительное учреждение открытого типа самостоятельно по предписанию, а также время следования осужденного под конвоем в случае его задержания за самовольное оставление места отбывания наказания или неприбытие к месту отбывания наказания из расчета один день за день.

Заключение. В срок наказания не засчитывается время самовольного отсутствия осужденного на работе или по месту отбывания наказания в исправительном учреждении открытого типа свыше одних суток, а также время сверх срока разрешенного выезда.

В учреждениях проверки наличия осужденных осуществляются ежедневно утром и вечером в часы, определенные распорядком дня. При необходимости они могут проводиться в любое время суток. Наличие осужденных проверяется по именному списку, затем их количество пересчитывается.

Следует отметить, что статья 231 УК 1977 г. расположена в Главе 3 Общей части – «О наказании». Это позволило многим ученым считать условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду видом уголовного наказания. Действительно, степень ограничений и лишений, присущих данной мере, делала ее сходной с наказанием. Однако в перечне видов наказаний она не указана, и по формальным признакам ее нельзя считать наказанием. По своему содержанию УО является более строгой мерой по сравнению не только с условным осуждением, но и с иными наказаниями, не связанными с лишением свободы. Это дает основание считать условное осуждение данного вида в действовавшем уголовном законодательстве особой мерой уголовно-правового воздействия, сочетающей карательный характер наказания и элементы условного осуждения. Как можно заметить ограничение свободы унаследовало многие черты своего «предка», при этом, став самостоятельным наказанием. Практика применения положений ст. 231 УК 1977 г. за вычетом некоторых аспектов, с учетом применения средств электронного контроля, как я полагаю, может помочь в совершенствовании наказания в виде ограничения свободы.

Список цитированных источников

1. Конституция Республики Беларусь (с изменениями и дополнениями). Принята на республиканском референдуме 24 ноября 1996. В редакции решения республиканского референдума 17 ноября 2004. //Консультант плюс: Беларусь [Электронный ресурс]. - Минск, 2016.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г.//Консультант плюс: Беларусь [электронный ресурс]. – Минск, 2016.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 27октября1960 г.// Консультант плюс: Беларусь [электронный ресурс]. – Минск, 2016.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г.// Консультант плюс: Беларусь [электронный ресурс]. – Минск, 2016.

5. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь от11 января 2000 г. // Консультант плюс: Беларусь [электронный ресурс]. – Минск, 2016.

6. Закон Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь по вопросам совершенствования порядка исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности»от 9 июня 2006 г. № 122-З//Консультант плюс: Беларусь [электронный ресурс]. – Минск, 2016.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь«О назначении судами уголовного наказания» от 26.03.2002 № 1 // Консультант плюс: Беларусь [электронный ресурс]. – Минск, 2016.

8. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь«Опрактике назначения судами наказания в виде ограничения свободы» от 20.12.2007 № 18 // Консультант плюс: Беларусь [электронный ресурс]. – Минск, 2016.

9. Хомич В.М. Уголовное право Республики Беларусь: учеб. Пособие /В.М. Хомич. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 663 с.

10. Мороз. В.В. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: Учебник / В.В. Мороз, О.А. Безлюдов. - Мн.: БелНИУФЭ, 1997.- 379 с.

УДК 343.237(476)

О НОВОМ ПОДХОДЕ К ПРАВИЛАМ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПРИ ПОВТОРНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

О.О. Новик, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Аннотация. В настоящей статье рассматривается вопрос о том, ведёт ли к усилению уголовной ответственности, совершение лицом нескольких преступлений, предусмотренных одной и той же статёй Особенной части УК?

Сформулировано предложение о внесении в Общую часть УК норм, закрепляющих правила назначения наказаний, усиливающих ответственность при повторности преступлений.

Введение. Повторность преступлений, как форма множественности преступлений в Уголовном кодексе Республики Беларусь выступает в качестве фактора усиливающего уголовную ответственность за содеянное. А именно, данная форма множественности преступлений выступает квалифицирующим признаком, предусмотренным в некоторых статьях Особенной части УК, а также выступает в качестве обстоятельства, отягчающего уголовную ответственность (п. 1 ч. 1 ст. 64 УК). В этом и состоит уголовно-правовое значение данного термина.

Основная часть. В качестве квалифицирующего признака повторность предусмотрена далеко не во всех составах преступлений и редких случаях во вторых частях некоторых статей Особенной части УК

В настоящее время одной из проблем повторности преступлений является вопрос о том, ведёт ли к увеличению наказания, совершение лицом нескольких преступлений предусмотренных одной статёй УК?

По общему правилу, чем больше лицо совершает преступлений, тем соответственно должна увеличиваться степень общественной опасности такого поведения лица и его личности, что в свою очередь должно увеличивать и усиливать наказание. Однако на практике ничего подобного не происходит, поскольку в Особенной части УК в ряде статей повторность, как квалифицирующий признак отсутствует и всё содеянное (независимо от количества совершенных преступлений) будет квалифицироваться по части первой. А если есть квалифицирующая повторность в статье, то,

сколько бы по количеству однородных либо тождественных преступлений не совершалось, всё ровно все эти преступления будут квалифицироваться по содержащейся в статье части за повторно совершаемые преступления. Ввиду этого при такой квалификация реального усиления и вообще усиления уголовной ответственности не происходит.

Рассмотрим вышеизложенное положение на гипотетическом примере.

А. умышлено причинил три раза тяжкие телесные повреждения (ч. 3 ст. 147 УК). Б. причинил два раза умышлено тяжкие телесные повреждения (ч. 3 ст. 147 УК) и один раз умышленно менее тяжкие телесные повреждения (ч. 1 ст. 149 УК).

При анализе санкций ч. 3 ст. 147 УК и ч. 1 ст. 149 УК можно сделать вывод о том, что умышленное причинение тяжких телесных повреждений, совершённые повторно являются особо тяжким преступлением и тем самым более опасным, чем умышленное причинение менее тяжкого телесного повреждения, которое является менее тяжким преступлением.

Соответственно, исходя из принципа справедливости уголовной ответственности (ч. 6 ст. 3 УК) наказание А. должно быть более суровым, чем наказание Б. Однако при назначении наказания получается, что А. должен нести ответственность по ч. 3 ст. 147 (умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, совершенное повторно) и максимальное наказание А. может составлять 15 лет лишения свободы. Б. понесёт наказание по ч. 3 ст. 147 (умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, совершенное повторно) + по ч. 1 ст. 149 УК (умышленное причинение менее тяжкого телесного повреждения) и максимальное наказание Б. может составлять 18 лет лишения свободы (15 лет по ч. 3 ст. 147 + 3 года по ч. 1 ст. 149 УК).

Ещё одним не менее важным проблемным вопросом повторности, выступающим в качестве квалифицирующего признака преступления, является то, что все совершённые тождественные преступления квалифицируются только по части статьи, предусматривающей наказание за повторность преступлений. Так, например, действия лица совершившего два разбоя, на практике подлежат квалификации по ч. 2 ст. 207 УК, как разбой совершённый повторно. Однако, если рассмотреть два совершенных разбоя самостоятельно, то первый разбой подпадает под признаки ч. 1 ст. 207, а второй под признаки ч.2 ст. 207 УК (как разбой, совершённый повторно). И в этой ситуации действия лица уже необходимо было бы квалифицировать как повторность преступлений, не образующих совокупности (ст. 71 УК). Следовательно, если исходить из второго пути квалификации двух разбоев, то квалифицирующая повторность тождественных преступлений оказывается неприменимой.

Даже, если исходить из изложенного порядка квалификации тождественных преступлений по признаку повторности, который применяется на практике, то данных порядок не унифицирован, а применяется лишь только к формам хищения.

Если взять в качестве примера совершения двух убийств, то правила квалификации иные. Так, в абзаце 2 п. 20 постановления Пленума Вер-

ховного Суда Республики Беларусь от 17 декабря 2002 года № 9 закреплено, что если виновный не был осужден за ранее совершённое убийство, подпадающее под действия ч. 1 ст. 139 УК, то это действие подлежит самостоятельно квалификации, а последнее преступление следует квалифицировать по п. 16. ч. 2 ст. 139 УК [2]. И получается, что при совершении двух разбоев действия квалифицируются по ч. 2 ст. 207 УК, а при совершении двух убийств по ч. 1 ст. 139 УК + п. 16 ч. 2 ст. 139 УК.

Заключение. Таким образом, на основании вышеизложенного видится более удачным усиливать ответственность за повторно совершаемые преступления не через санкции статей Особенной части УК, а через нормы Общей части УК. Ввиду чего видится целесообразным ввести в Общую часть УК нормы, закрепляющие правила назначения наказаний, усиливающие ответственность за множественность преступлений. В противном же случае в каждую статью Особенной части УК необходимо будет включить повторность, как квалифицирующий признак.

Список цитированных источников

1. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] 9 июля 1999 г., № 275-З: с изменениями и дополнениями // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. ценр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 17 декабря 2002 г., № 9 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. ценр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 343.237(476)

О СУБЪЕКТИВНОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ УЧАСТНИКАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

О.О. Новик, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

А.А. Ананенко, студент юридического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся субъективной связи между участниками преступления и её влияния на квалификацию.

Введение. Актуальность исследования состоит в том, что до сих пор на законодательном уровне не решён вопрос относительно соучастия при односторонней субъективной связи.

Основная часть. Соучастие как самостоятельный уголовно-правовой институт характеризуется рядом присущих ему объективных и субъективных признаков, выработанных теорией уголовного права. Одним из самых спорных и требующих уяснения является такой субъективный признак, как взаимная осведомленность (субъективная составляющая совместности), под которым в литературе в первую очередь понимается

осознание соучастниками совместности их действий при совершении преступления, т.е. их знание о том, что в совершении преступления, кроме них, участвуют другие лица [1, с. 101].

В зависимости от характера осведомлённости участников совершаемого деяния возможно существование между ними односторонней и многосторонней субъективных связей [2, с. 52].

Односторонняя субъективная связь предполагает оказание умышленного содействия совершению умышленного преступления при отсутствии соответствующей осведомленности у лица, непосредственно совершающего преступление. При многосторонней субъективной связи все соучастники знают о задействованности в преступлении друг друга. Однако, такая осведомлённость бывает не всегда, поэтому, как отмечают некоторые авторы, достаточным для признания деяния совершённым в соучастии является наличие хотя бы двусторонней субъективной связи, предполагающей знание о том, что к усилиям одного лица, направленным на совершение преступления, прикладываются усилия как минимум ещё одного лица независимо от его роли в соучастии [1, с. 101]. Отдельные авторы полагают, что для констатации двусторонней субъективной связи необходима осведомлённость всех соучастников об исполнителе и совершаемом им преступлении [3, с. 43].

В данной ситуации обоснованнее выглядит позиция тех исследователей, которые к двусторонней субъективной связи предъявляют такое обязательное требование, как знание всеми соучастниками именно исполнителя совершаемого преступления. Подстрекатель же и пособник и вовсе могут не осознавать существование друг друга. Так, возможна ситуация, когда подстрекатель склоняет исполнителя к совершению преступления не непосредственно, а опосредованно, т.е. посредством «подстрекательства к подстрекательству». В качестве примера такого явления можно привести следующий случай из практики. Гражданка Л. из-за личных неприязненных отношений со своим супругом решила убить его, о чём она сообщила своему сыну М. и попросила его помочь с поиском исполнителя данного преступления. М., заплатив гражданину Б. определённую денежную сумму, склонил его к совершению преступления – убийства [2, с. 53-54].

Неразрешённым на сегодняшний день является вопрос, касающийся определения возможности соучастия при односторонней субъективной связи между участниками преступления. Некоторые авторы, к примеру В.С. Комиссаров, считают, что при односторонней субъективной связи соучастие возможно [4, с. 407]. Однако, большинство авторов, придерживаются мнения о том, что такой связи между участниками преступления для признания деяния, совершённым в соучастии, недостаточно [1, с. 101; 2, с. 55; 3, с. 253; 5, с. 297].

Такая рассогласованность мнений, как считает И.О. Грунтов, вызвана различным пониманием нормы о соучастии [5, с. 296]. По УК Республики Беларусь соучастие – это умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления (ч. 1 ст. 16) [6]. Точно также соуча-

стие определяется в УК Российской Федерации, Туркменистана, Украины, Грузии, Киргизии, Молдовы, Таджикистана, Армении. Непосредственно отражённый в Законе, такой признак соучастия, как совместность действий соучастников, рассматривается сторонниками возможности соучастия при односторонней субъективной связи сугубо как объективный признак. Полагаем, что совместность действий как признак соучастия имеет «субъективно-объективный характер». Совместность действий должна быть умышленной. Умышленная совместность действий лиц, участвующих в преступлении, характеризуется взаимной осведомлённостью [5, с. 296-297].

Случаи совершения преступления с односторонней субъективной связью в зависимости от того, кто из участников преступления осведомлен о том, что в совершении преступления задействованы усилия не одного, а нескольких лиц можно условно подразделить на две ситуации: первая из них, когда такой осведомленностью обладают только иные, содействующие совершению преступления, лиц, а вторая, когда такой осведомленностью обладает исключительно лицо, выполняющее объективную сторону преступления [7, с. 40].

В качестве примера по первой из таких ситуаций можно привести следующий случай. С. запланировал совершить хищение имущества со склада, заведующим которого является Т. Узнав об этом, Т. для сокрытия допущенной им ранее растраты имущества не устанавливает запорное устройство непреодолимое для С. В данном примере С. как лицо, непосредственно выполняющее объективную сторону преступления, не осведомлено о том, что ему со стороны Т. оказано содействие [8, с. 289].

Вторую ситуацию демонстрирует следующий пример. Продавец продал покупателю, запланировавшему совершить убийство, оружие в обход установленного порядка [7, с. 40]. При такой ситуации, как обычно происходит на практике, не констатируется соучастие, но ответственности подлежит как продавец оружия по ч. 2 ст. 295 УК, так и лицо, совершившее убийство, по ч. 2 ст. 295 УК и ч. 1 ст. 139 УК [6].

Заключение. Совершение преступления с односторонней субъективной связью между участниками преступления породило вокруг себя множество споров, для разрешения которых различные авторы предлагают свои способы. Так, И.О. Грунтов полагает разумным дополнить ст. 16 УК новой частью следующего содержания: «Умышленное предоставление орудий или средств для совершения преступления другому лицу либо иное ему содействие в совершении преступления, если это обстоятельство им не осознавалось, влечет ответственность за приготовление к соответствующему преступлению» [5, с. 297].

Однако, из всех мнений, высказанных для решения этой проблемы, наибольшим интересом и оригинальностью, обладает мнение Н.А. Бабия, предлагающего оценивать деяния тех лиц, которые понимали, что преступный результат достигнут благодаря усилиям нескольких лиц, с применением нормы о соучастии и соответствующей статьи Особенной части УК, а деяния тех лиц, которые не знали этого, только с применением со-

ответствующей статьи Особенной части УК [8, с. 290]. Для такой квалификации необходимо соответствующим образом дополнить статью о соучастии, потому что без этого такая правовая оценка будет означать применение УК по аналогии, что, согласно ч. 2 ст. 3 УК, запрещено [6].

Список цитированных источников

1. Васильев, А.М. Уголовное право. Общая часть (курс лекций): учебное пособие / А.М. Васильев, Н.А.Васильева. – Армавир: РИО АГПА, 2012. – 212 с.
2. Безбородов, Д. А. Соучастие в преступлении: понятие, признаки и юридическая природа: учебное пособие / Д. А. Безбородов. – СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014. – 88 с.
3. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка и др.; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.
4. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. – М.: Статут, 2012. – 879 с.
5. Грунтов, И.О. Субъективные пределы вменения соучастникам юридически значимых обстоятельств совместно совершенного преступления / И.О. Грунтов // Проблемы развития юридической науки и совершенствования правоприменительной практики: сб. науч. тр. / редкол.: С. А. Балашенко (гл. ред.) [и др.] – Минск: БГУ, 2005. – С. 295-309.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (в ред. от 19 июля 2016 г. № 407-З) // КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2017.
7. Шарапов, А.Д. Совместная преступная деятельность без признаков соучастия: прикосновенность к преступлению, участие в преступлении при отсутствии совместности умысла / А.Д. Шарапов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 4 (34). – С. 36-41.
8. Бабий, Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: учебник / Н. А. Бабий. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2013. – 688 с.

УДК 342.4

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОПОДЧИНЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

А.П. Петров, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье исследуются отдельные аспекты источников конституционного права, определяется их иерархия, обосновывается, что после Конституции следуют конституционные референдумы, затрагивающие вопросы норм Конституции. Предлагается после конституционных законов по иерархии относить международные договоры ратифицированные Парламентом Республики Беларусь. В выводах предлагается иерархия источников конституционного права.

Введение. Характерной особенностью источников конституционного права является их взаимосвязь, взаимозависимость и иерархическая соподчиненность. Место конкретного источника в иерархии источников

определяет его юридическая сила, которая устанавливается в первую очередь Конституцией Республики Беларусь.

Основная часть. Проблема источников права вообще и конституционного права в частности, имеет в условиях современной Беларуси не только теоретическую, но и правовую значимость. Реализация принципа верховенства права предполагает наличие научно-обоснованной концепции иерархии источников конституционного права. Именно поэтому вопрос источников конституционного права является актуальным и современным.

Основным Законом жизни общества и государства фундаментов всей государственности и правовой системы Республики Беларусь является Конституция Республики Беларусь.

Принцип высшей юридической силы Конституции, закрепленный в ст.137 Конституции означает, что законы, декреты, указы и иные акты государственных органов издаются на основе и в соответствии с Конституцией Республики Беларусь. В случае расхождения закона, декрета или указа с Конституцией действует Конституция.

Часть 2 ст. 7 Конституции закрепляет принцип верховенства Конституции – государства, все его органы и должностные лица действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства.

Вслед за Конституцией по мнению автора должны идти решения референдумов затрагивающие нормы Конституции исходя из следующего.

Решение референдума – нормативный правовой акт, направленный на урегулирование важнейших вопросов государственной и общественной жизни, принятый республиканским или местным референдумом.

В соответствии с частью второй ст.140 Конституции Республики Беларусь изменения и дополнения Конституции могут быть проведены через референдум, и такой референдум приобретает статус конституционного. Решение об изменении и дополнении Конституции путем референдума считается принятым, если за него проголосовало большинство граждан, внесенных в списки для голосования. И таким правом белорусский народ воспользовался внеся на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. изменения и дополнения в Конституцию (речь идет о народном суверенитете и верховенстве воли народа, закрепленного в ст. 3 Конституции). Таким образом, данные конституционные законы, принятые на республиканских референдумах обладают большей юридической силой, чем иные подконституционные акты. Это вытекает и из ст.77 Конституции закрепившей, что решения, приятые референдумом, могут быть отменены или изменены только путём референдума, если иное не будет определено референдумом. Кроме того, частью третей ст. 140 установлено, что разделы I, II, IV и VIII Конституции могут быть изменены только путем референдума.

Необходимо отметить, что и в законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» от 10.01.2000 г. (с изм. и доп. на 02.07.2009) решения референдумов идут в след за Конституцией.

Конституционные законы – законы о внесении изменений и дополнений в Конституцию, о введении в действие указанных законов, акты о толкования Конституции (ст. 140 Конституции). Могут быть приняты Парламентом, если за них проголосовало не менее двух третей от полного состава каждой из палат Парламента. Они всегда в полном объёме являются источником конституционного права.

В ряде случаев с принятием Конституции принимается и закон о введении её в действие, где предусматривается переходные положения. Этот акт должен быть в форме конституционного закона, в нем могут быть нормы, не соответствующие основному тексту Конституции, но предусматривающие условия для реализации положений Конституции. Такой закон был принят в Республике Беларусь одномоментно с принятием Конституции 15 марта 1994г.

При внесении существенных изменений и дополнений в Конституцию на республиканском референдуме 24 ноября 1996 г. такой закон не принимался, но в самом тексте Конституции появился раздел IX, предусматривающий заключительные и переходные положения.

Учитывая специфику порядка принятия Конституции, его усложненный характер, недопустимо принятие конституционных законов, которые стояли бы по всей юридической силе выше Конституции, как это произошло с Конституцией 1978 года и законом от 25 августа 1991 года о придании Декларации о государственном суверенитете статуса конституционного закона. Конституция Республики Беларусь не предусматривает возможность принятия конституционных законов, имеющих самостоятельный характер.

В качестве самостоятельного правомочия Конституция наделила Парламент давать толкование Конституции. В юридической литературе под толкованием принимается как интерпретация по установлению точного содержания правового акта для его практической реализации. При толковании той или иной нормы Конституции Парламент должен раскрыть истинное содержание нормы, выразить ту мысль законодателя, которая заложена в норме и уточнить формулировку этой нормы.

Акт толкования принимается с учетом действий всех процедур законодательного процесса.

Международные договоры как источник конституционного права имеет свою специфику. Во-первых Конституция не допускает заключения противоречащих ей международных договоров (ч.3 ст.8, ч.4 ст.116 Конституции). В силу этого они носят подконституционный, но надзаконный характер, а следовательно имеют большую юридическую силу по отношению даже к программным законам (их два), кодексам и др. нормативным источникам. Во-вторых следует отметить, что некоторые международные договора имеют меньшую юридическую силу. Например, международные договора межведомственного характера не должны содержать положений, устанавливающих иные правила, чем те, которые содержатся в законах Республики Беларусь, декретах и указах Президента Республики Беларусь,

постановлениях Совета Министров Республики Беларусь, но не урегулированные законами Республики Беларусь, декретами и указами Президента и постановлениями Совета Министров Республики Беларусь.

В законе «О международных договорах Республики Беларусь от 23 июля 2008г. (в ред. Закона Республики Беларусь от 08.01.2014г.» предусмотрена определенная процедура имплементации международных договоров во внутреннее законодательство.

Статья 33 (Исполнение международных договоров Республики Беларусь) указанного закона закрепляет Международные договоры Республики Беларусь подлежат добросовестному исполнению Республикой Беларусь в соответствии с международным правом.

Программные законы – закон, принимаемый в установленном Конституцией Республики Беларусь порядке и по определённым ею вопросам. В полном объеме являются источниками конституционного права.

Законы об основных направлениях внутренней и внешней политики Республики Беларусь, о военной доктрине Республики Беларусь являются программными и считаются принятыми при условии, если за них проголосовало не менее двух третей от полного состава палат (часть четвертая статьи 104 Конституции Республики Беларусь).

Заключение. Таким образом, исходя из вышеизложенного, иерархию источников конституционного права можно изложить следующим образом: Конституция, конституционные референдумы, конституционные законы, международные договоры ратифицированные Парламентом Республики Беларусь, программные законы, кодексы, обычные законы, нормативные акты Президента, постановления Совета Министров, постановление республиканского органа государственного управления и Национального банка Республики Беларусь, регламенты палат Национального собрания, решения Конституционного Суда Республики Беларусь, нормативные акты министерств и иных республиканских органов государственного управления, решения органов местного управления и самоуправления.

УДК 342.7

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ СЛУЖБЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.П. Петров, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент
А.А. Ананенко, студент юридического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Аннотация. В данной статье сквозь призму института альтернативной службы рассматривается право граждан на отказ от службы военизированного типа в Республике Беларусь и Российской Федерации.

Введение. Актуальность исследования состоит в том, что показываются существующие проблемы в области альтернативной службы и предлагаются способы их решения.

Основная часть. На протяжении длительного периода времени исполнение воинской обязанности осуществлялось лишь только посредством воинской службы. Однако, существование такого положения противоречило убеждениям отдельной категории лиц, которые по определённым религиозным, мировоззренческим и иным взглядам, не могли исполнять данную обязанность с оружием в руках.

Реализации личностью своих прав и свобод, ко всему прочему, не должны препятствовать и обязанности, возлагаемые на неё государством. Именно поэтому во второй части ст. 57 Конституции Республики Беларусь предусмотрена возможность замены воинской службы альтернативной.

Помимо Республики Беларусь на конституционном уровне положение об альтернативной службе закреплено в Российской Федерации, где в ч. 3 ст. 59 Конституции записано, что «гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, а также в иных установленных федеральным законом случаях имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой».

Замена воинской службы альтернативной является правом гражданина, воспользоваться которым он может в случае, если принятие военной присяги, ношение, применение оружия, а также использование боевой техники противоречит его религиозным или иным убеждениям.

Стоит отметить, что длительное время в Республике Беларусь конституционное положение об альтернативной службе являлось сугубо декларативным, т.е. остающимся лишь только на бумаге, так как для его реализации необходимо было принятие соответствующего закона. Такой закон был принят только 4 июня 2015 года.

В целом же, Закон Республики Беларусь «Об альтернативной службе» и Закон Российской Федерации «Об альтернативной гражданской службе» имеют много общего, так как при их разработке в первую очередь учитывался Модельный закон для стран-участниц СНГ от 16 октября 1999 года «Об альтернативной (вневойсковой) службе».

Под альтернативной службой, согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об альтернативной службе», понимается общественно-полезная деятельность, «осуществление которой возлагается на граждан Республики Беларусь взамен воинской службы» [1]. В ст. же первой Закона РФ «Об альтернативной гражданской службе» альтернативная служба определяется как «особый вид трудовой деятельности в интересах общества и государства, осуществляемой гражданами взамен военной службы по призыву» [2]. Суть приведённых определений сводится к тому, что альтернативная служба – это трудовая деятельность, которая осуществляет-

ся гражданами взамен воинской (военной – для РФ) службы и характеризуется своей полезной направленностью для общества и государства. Стоит отметить, что именно такая форма альтернативной службы, а именно, носящая исключительно гражданский характер, приносящая общественную пользу и не носящая характер какого бы то ни было наказания является рекомендуемой международным сообществом, о чём, в частности, было заявлялось в пп. 18.4 п. 18 Документа Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ от 29 июня 1990 г. [3].

В целом, подходы к определению понятия в российском и белорусскому законах «альтернативная служба» являются практически идентичными, за исключением определения круга субъектов, имеющих право на прохождение альтернативной службы. Так, в Республике Беларусь воспользоваться правом на замену воинской службы альтернативной при наличии соответствующих оснований могут граждане Беларуси, подлежащие призыву на срочную военную службу или службу в резерве [1, ст. 3]. В Российской Федерации, поскольку там не существует службы в резерве, таким правом при наличии соответствующих оснований обладают только лица, подлежащие призыву на срочную военную службу [2].

Если к определению понятия «альтернативная служба» белорусский и российский законодатели подходят, в принципе, схожим образом, то при установлении оснований, позволяющих отказаться от воинской службы в пользу альтернативной службы наблюдается совершенно иная картина.

Так, в соответствии со ст. 3 Закона «Об альтернативной службе» основанием для замены воинской службы альтернативной является наличие у гражданина Республики Беларусь определённой религиозной убежденности, препятствующей принятию Военной присяги, ношению, применению оружия или непосредственному участию в производстве и обслуживании оружия, боеприпасов и боевой техники [1]. С такой позицией, при которой основанием для замены воинской службы альтернативной является наличие именно соответствующего религиозного убеждения, нельзя согласиться, так как помимо религиозных существуют и иные, например, мировоззренческие, идеологические и иные убеждения, которые препятствуют прохождению воинской службы (например, пацифизм). Именно поэтому в вопросе определения оснований по замене воинской службы на альтернативную службу обоснованнее выглядит позиция, изложенная в российском законодательстве, потому что здесь такими основаниями признаются не только религиозные, но и иные убеждения. Кроме этого, российский Закон предусматривает самостоятельное основание для замены военной службы на альтернативную – принадлежность гражданина к коренному малочисленному народу в случае, если он «ведет традиционный образ жизни, осуществляет традиционное хозяйствование и занимается традиционными промыслами» [2]. Стоит указать,

что поскольку в законе не оговорено какие именно убеждения, кроме религиозных, следует относить к основаниям для освобождения от военной службы с заменой её на альтернативную возникают определённые затруднения, кающиеся того, что следует относить к ним. Показательным в данном случае является следующий случай из практики. Гражданин РФ Суворов, желая оспорить решение призывной комиссии об отказе в замене ему военной службы на альтернативную обратился в Конституционный Суд. Однако, Конституционный Суд РФ оставил жалобу Суворова без рассмотрения, так как доводы заявителя о том, что принцип призыва на военную службу является негуманным и нарушает его права свидетельствует не о наличии у него каких-либо убеждений, которым противоречило бы несение военной службы», а об несогласии с предусмотренным законодательством порядке [4]. Поэтому для исключения таких ситуаций, как представляется, существует необходимость дополнить Закон Российской Федерации «Об альтернативной гражданской службе» положением, уточняющим, что относить к убеждениям, противоречащим несению военной службы.

Заключение. В связи с изложенным полагаем, что в Законе Республики Беларусь «Об альтернативной службе» необходимо дополнить перечень оснований для замены воинской службы альтернативной, включив в него такое основание, как «иные убеждения мировоззренческого, идеологического и подобного характера». Кроме этого, полагаем, что для более точного понимания того, что следует относить к убеждениям, противоречащим несению военной службы, есть необходимость внести изменения в Закон Российской Федерации «Об альтернативной гражданской службе».

Список цитированных источников

1. Об альтернативной: Закон Республики Беларусь, 4 июня 2015 г., № 276-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 № 14-З6 // КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Об альтернативной гражданской службе: Федеральный закон Российской Федерации, 25 июля 2002 г., N 113-ФЗ: в ред. ФЗ Российской Федерации от 28.12.2016 // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Москва, 2017.

4. Документ Копенгагенского совещания конференции по человеческому

1. измерению СБСЕ от 29 июня 1990 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.osce.org/ru/odihr/elections/14304?download=true. – Дата доступа: 17.03.2017.

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июня 2014 г. N 1470-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Суворова Андрея Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 2, пункта 1 статьи 11 и пункта 2 статьи 12 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» – Режим доступа: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision169419.pdf – Дата доступа: 17.03.2017.

УДК 343.233

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБОСНОВАННОГО РИСКА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д.В. Плоскунов, помощник прокурора города, прокуратура города Витебска и Витебской области

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы обоснованности риска по уголовному праву Беларуси и России. Определяется место обоснованного риска в системе уголовного права каждой страны, анализируются условия правомерности риска, обсуждается особенность конструкции нормы об экономическом (деловом) риске в УК Беларуси.

Введение. Актуальность темы сравнительного анализа институтов обоснованного риска в уголовном праве Беларуси и России обусловлена необходимостью установления общих и особенных черт этих институтов в правовых системах двух государств, а также выявления теоретических и прикладных аспектов их правовой регламентации.

Основная часть. Частью 1статьи 41 УК РФ установлено, что не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели[2].

Аналогичная по содержанию норма имелась в ст. 39 УК Республики Беларусь до внесения в нее изменений Законом Республики Беларусь от 05.01.2015 № 241-З, согласно которому название приведенной статьи изложено как «Деяние, связанное с риском», а ее содержание претерпело существенные преобразования. Согласно ч. 1 ст. 39 УК Республики Беларусь в новой редакции не является преступлением деяние (действие или бездействие), причинившее вред правоохраняемым интересам, если это деяние было совершено в условиях обоснованного риска для достижения общественно полезной цели[1].

Таким образом, законодатель существенно изменил подход к определению причины причинения вреда охраняемым уголовным правом интересам: исходя из прежней конструкции правовой нормы, причиняемый вред и обоснованный риск хотя и были взаимосвязаны, однако представляли собой самостоятельные явления, существовали одновременно, в параллельных измерениях. В новой редакции приведенной нормы реализован общефилософский принцип детерминизма, нашло свое отражение причинное основание наступления вреда. Теперь уголовным законом Беларуси конкретизировано, что:

- не только действие, но и бездействие могут признаваться правомерными, при условии их существования в условиях обоснованного риска;

- преступлением является не сам факт причинения вреда, а именно деяние, из-за которого наступает вред. То есть, зафиксирована причинно-следственная связь между причиненным вредом и деянием, повлекшим его наступление;

- вред наступает именно в результате деяния. Причем деяние совершается именно в условиях риска, а не просто существует наряду с ним. Таким образом, подчеркивается разрыв во времени между совершенным деянием и наступившими последствиями;

- расширена сфера интересов, подпадающих под условия непризнания деяния преступлением: ранее речь шла об охране лишь тех интересов, на страже которых стоит уголовный закон, теперь же не признается преступлением деяние, причинившее вред правоохраняемым интересам. То есть, из буквального толкования рассматриваемой нормы следует, что действие норм ст. 39 УК Беларуси не ограничивается предметом уголовного права, из-за чего спектр возможного применения уголовно-правовой нормы необоснованно расширяется;

- достижение общественно полезной цели – это признак деяния, а не обоснованного риска, в условиях которого это деяние было совершено. Согласно ч. 2 ст. 39 УК Республики Беларусь (в новой редакции) риск, в частности, признается обоснованным, если поставленная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями. Таким образом, отношение риска и общественно полезной цели ограничивается их связью посредством совершаемого деяния и не более того. То есть в новой редакции уголовного закона Беларуси признак общественно полезной цели не характеризует риск.

Изложенное позволяет прийти к выводу о том, что обоснованный риск по уголовному праву Беларуси – это наряду с общественной полезностью преследуемой цели лишь одно из условий признания деяния не имеющим преступного характера. Он только характеризует внешнее выражение деяния. Значит, обоснованный риск в настоящее время не является самостоятельным обстоятельством, исключающим преступность деяния. Таким обстоятельством является деяние, связанное с риском.

Таким образом, ч. 1 ст. 39 УК Республики Беларусь закрепляет общие условия правомерности поведения в ситуации риска, в то время как ч. 1 ст. 41 УК РФ – общие требования к тем ситуациям, в которых может иметь место обоснованный риск как самостоятельное обстоятельство, исключающее преступность деяния.

Далее, ч.ч. 2 и 3 ст. 39 УК Республики Беларусь и ч.ч. 2 и 3 ст. 41 УК РФ содержат перечень условий обоснованности риска.

Согласно ч. 2 ст. 41 УК РФ риск признается обоснованным, если указанная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием) и лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам [2].Таким образом, российский законодатель закрепил в данной норме 2 условия правомерности риска.

Первое такое условие содержится в УК Республики Беларусь в несколько ином виде: здесь речь идет о невозможности достижения поставленной цели лишь нерискованными действиями, бездействие не упоминается [1], что не согласуется с формулировкой ч. 1 ст. 39 УК Беларуси.

Что касается второго условия правомерности риска, то белорусский уголовный закон в новой редакции не требует принятия достаточных мер для предотвращения вреда, как УК РФ, а тем более всех возможных мер для его предотвращения, как того требовала прежняя редакция отечественного УК. В настоящее время правовой нормой установлено, что риск признается обоснованным, в частности, если лицо, допустившее его, обоснованно рассчитывало, что предприняло все возможные меры для предотвращения вреда право охраняемым интересам. Таким образом, корректируя данное условие правомерности риска, законодатель сместил акцент с объективной характеристики мер по предотвращению вреда на субъективную. Такой подход представляется оправданным, поскольку рискующее лицо не всегда может принять исчерпывающие меры по предотвращению вреда в силу тех или иных субъективных причин. Когнитивные способности каждого человека не одинаковы, субъекты риска могут иметь различную профессиональную квалификацию и отличаться друг от друга объемом имеющегося у них опыта. Таким образом, прежняя редакция рассмотренного признака правомерности риска по уголовному праву Республики Беларусь отличалась большей строгостью по сравнению с аналогичным признаком по российскому уголовному праву, поскольку требовала принятия не просто достаточных, а всех необходимых мер по предотвращению вреда. Теперь наоборот, приведенный признак в белорусском уголовном праве является более мягким по сравнению с аналогичным в уголовном праве России и предоставляет возможность для оценки правоприменителем фактических обстоятельств произошедшего с учетом субъективных особенностей рискующего лица.

Наряду с приведенными двумя признаками правомерности риска УК Республики Беларусь в ч. 2 ст. 39 устанавливает еще один: совершенное деяние должно соответствовать современным научно-техническим знаниям и опыту [1]. Данное требование существенно сужает перечень субъектов обоснованного риска, ведь только специалист в определенной области обладает соответствующими знаниями и опытом. Из этого вытекает, что субъект обоснованного риска по белорусскому уголовному праву является специальным. УК РФ таких ограничений не содержит, в связи с чем представляется, что субъект обоснованного риска по уголовному праву России является общим.

Еще одно условие правомерности обоснованного риска относится к характеристике причиненного в результате совершения рискованных действий вреда. Такого рода условие оценивается «со знаком «минус», т.к. оно предполагает отсутствие угрозы для указанных интересов. Наличие такой угрозы исключает признание риска обоснованным. Частью 3 статьи 39 УК Республики Беларусь закреплено, что риск не признается обоснованным, если он заведомо был сопряжен с угрозой экологической катастрофы, общественного бедствия, наступления смерти или причинения тяжкого телесного повреждения лицу, не выразившему согласия на то, чтобы его жизнь или здоровье были поставлены в опасность [1]. То есть белорусский уголовный

закон устанавливает 3 варианта возможных последствий, заведомое наступление которых исключает признание риска обоснованным. Первые два из них идентичным образом сформулированы в ч. 3 ст. 41 УК РФ. Несколько по-иному уголовный закон России излагает третье исключение: здесь речь идет о заведомой сопряженности риска с угрозой для жизни многих людей [2]. При этом ничего не говорится о причинении вреда их здоровью. При таком подходе, для признания риска необоснованным, с одной стороны, вовсе не обязательно наступление тяжких последствий в виде гибели многих людей. Достаточно, чтобы возникла угроза таких последствий, рискующий заранее осознавал возможность этого возникновения. С другой стороны, не только угроза, но и наступление смерти одного человека не исключают обоснованности риска по уголовному праву России.

Уголовный закон РФ не называет отдельные виды обоснованного риска. В свою очередь, в результате изменений, внесенных в УК Беларуси Законом Республики Беларусь от 05.01.2015 № 241-З, в ст. 39 УК Республики Беларусь была закреплена ч. 2^1, легально выделившая один из видов обоснованного риска – экономический (деловой) риск [1]. При этом из конструкции названной нормы следует, что она подлежит применению лишь в том случае, если у субъекта-участника экономических отношений была возможность выбора между рискованным и нерискованным вариантом поведения. Если же у субъекта был выбор только между рискованными в различной степени вариантами поведения, то обоснованность его риска подлежит оценке по общим правилам, установленным ч. 2 ст. 39 УК Республики Беларусь. Таким образом, ч. 2^1 ст. 39 УК Беларуси помимо того закрепляет исключение из тех правил, что установлены в ч. 2 ст. 39 белорусского уголовного закона.

Заключение. Таким образом, обоснованный риск по уголовному праву России является одним из обстоятельств, исключающих преступность деяния, а по уголовному праву Беларуси – только одним из условий признания деяния, связанного с ним, не имеющим преступного характера. Уголовным законом Беларуси установлено большее число условий правомерности риска, в результате чего реализован подход, учитывающий субъективные особенности рискующего лица, устанавливающий специальный характер такого лица, охраняющий жизнь и здоровье не только многих лиц, но и отдельно взятого человека. УК РФ предоставляет право на обоснованный риск неограниченному числу субъектов общественных отношений и устанавливает запрет только на угрозу жизни многим лицам. Помимо изложенных различий УК Беларуси выделяет экономический (деловой) риск как один из видов обоснованного риска.

В результате, белорусский уголовный закон обеспечивает более детальную правовую регламентацию условий охраны общественных отношений, существующих в условиях риска, а российский уголовный закон характеризует более либеральный подход к этому вопросу. Поэтому представляется возможным в уголовном законе Беларуси расширить перечень субъектов обоснованного риска, но исключить из предмета оцен-

ки причинение вреда не охраняемым УК интересам, а в уголовном законе России – более детально регламентировать исследуемый институт.

Список цитированных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : с изм. и доп. : текст по состоянию на 8 мар. 2017 г. // ЭТАЛОН / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017. – Дата доступа: 08.03.2017.

2. Уголовный Кодекс РФ, 13 июн. 1996 г., № 63-ФЗ : с изм. и доп. : текст по состоянию на 8 мар. 2017 г. // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – Москва, 2017. – Дата доступа: 08.03.2017.

УДК 347.6

ПРИЗНАНИЕ БРАКА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗА РУБЕЖОМ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Т.В. Преснякова, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

И.М. Шашкова, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Аннотация. Проведенное сравнительное исследование законодательств нескольких стран в части признания брака недействительным, свидетельствует о необходимости совершенствования и доработки национального законодательства Республики Беларусь в сфере брачно-семейных отношений.

Введение. Признание брака недействительным означает, что брака по существу не было. Законодательство всех зарубежных стран предусматривает, что браки, заключенные с нарушением установленных в законодательстве условий, могут быть признаны недействительными. Нарушение одних условий влечет за собой признание брака ничтожным, а нарушение других условий делает его оспоримым. Последствия признания брака недействительным в ряде случаев зависят от добросовестности сторон.

Основная часть. В Италии, в случае признания судом брака недействительным, его действие прекращается с момента вынесения решения, если речь идет о супругах, вступивших в брак добросовестно, а также в случаях, когда один из супругов был принужден дать согласие на брак силой или под воздействием внешних обстоятельств. Действие действительного брака распространяется также на детей, рожденных или зачатых в браке, признанном недействительным, и рожденных до заключения этого брака и признанных впоследствии, кроме случаев, когда брак был признан недействительным по причине полигамии или инцеста.

В Швейцарии в случае признания недействительным брака добросовестных супругов суд может возложить на одного из них обязанность по перечислению средств на содержание другого супруга (в течение не более трех лет). Если недействительным признан брак супругов, один из

которых действовал недобросовестно и по его вине брак был признан недействительным, он обязан уплатить соразмерное возмещение вреда даже при отсутствии доказательств в размере, достаточном для содержания другого супруга в течение трех лет.

В США брак признается недействительным с момента его заключения. Имущество, приобретенное в браке, делится как при разводе, по тем же правилам. Никаких обязательств по содержанию друг друга в этом случае не возникает.

Недействительным признается также фиктивный брак, то есть брак, заключенный без намерения создать семью. Законодательство некоторых стран предусматривает уголовную ответственность за заключение фиктивных браков. В частности, соответствующий закон есть в Германии.

Что касается белорусского законодательства, то основаниями для признания брака недействительным признаются следующие критерии:

1. Не взаимное согласие обоих лиц, достигших брачного возраста;
2. Не достижение брачного возраста;
3. Наличие препятствий, вступление в брачные отношения.
4. Регистрация заключения брака без намерения создать семью (фиктивный брак). Но если лица, зарегистрировавшие этот брак, до рассмотрения дела судом фактически создали семью, то такой брак не может быть признан фиктивным;
5. Сокрытия лицом, вступающим в брак, обстоятельств, препятствующих его заключению, является основанием для признания брака недействительным в судебном порядке [1].

Заключение. Признание брака недействительным производится в судебном порядке. Иск о признании брака недействительным вправе предъявить один из супругов, лицо, права которого нарушены заключением этого брака, органы опеки и попечительства, а также прокурор в случаях, предусмотренных законом. Иск о признании брака недействительным в случае, когда брак с гражданином Республики Беларусь либо иностранным гражданином или лицом без гражданства, постоянно проживающими в Республике Беларусь, заключен иностранным гражданином или лицом без гражданства исключительно в целях получения разрешения на временное проживание в Республике Беларусь или разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь, вправе предъявить органы внутренних дел.

Если при рассмотрении дела о признании брака недействительным суд установит, что отпали обстоятельства, препятствовавшие заключению брака, он вправе по своей инициативе отказать в удовлетворении иска и признать брак действительным с момента отпадения этих обстоятельств.

При рассмотрении дела о признании брака недействительным как заключенного с лицом, признанным недееспособным, к участию в деле должен быть привлечен орган опеки и попечительства.

По вступлении в законную силу решения суда о признании брака недействительным копия этого решения в десятидневный срок направляется судом в орган, регистрирующий акты гражданского состояния, по месту регистрации заключения брака.

Если брак, заключенный с несовершеннолетним лицом, которому брачный возраст не был снижен в установленном порядке, может быть признан недействительным, если этого требуют интересы супруга, вступившего в брак до достижения брачного возраста. Иск о признании брака недействительным по этому основанию вправе предъявить несовершеннолетний супруг, органы опеки и попечительства, а также прокурор в случаях, предусмотренных законом.

Если к моменту разрешения дела несовершеннолетний супруг достиг совершеннолетия, то брак может быть признан недействительным только по его требованию. Если же брак все-таки признается недействительным, то он признается таковым со дня его заключения [1]. Кроме такого, как и у всех юридических действий, есть свои последствия, так и у признании брака недействительным таковые последствия также присутствуют. Если брак признан недействительным, следовательно, взаимных супружеских прав и обязанностей не возникает.

Если один из супругов скрыл от другого, что состоит в браке, то при признании брака недействительным суд вправе взыскать с него средства на содержание лица, состоявшего с ним в недействительном браке, по правилам статей 29 –33, 40 КоБС, а также вправе применить к имуществу, приобретенному этими лицами совместно с момента заключения брака до момента признания брака недействительным, правила, установленные статьями 23–26, 41 КоБС. Супруг, не знавший о наличии препятствий к заключению брака, вправе сохранить фамилию, избранную им при регистрации заключения брака.

Признание брака недействительным не влияет на права детей, родившихся в таком браке, в том числе не исключает возможности заключения Соглашения о детях.

Список цитированных источников

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 3 июня 1999 года № 278-З (в ред. от 12.12.2013 года № 84-З) // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 342

ИСТОЧНИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

А.Н. Пугачев, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Дается общий обзор источников конституционного права в зарубежных странах, показано их своеобразие. Отмечено, что их легальность зависит от специфики правовой системы исторического периода. Указано значение политических факторов. Наличие множественности источников связывается с особенностями учений и научных концеп-

ций. Немаловажным фактором существования тех или иных источников является признание субъективных прав человека и гражданина.

Введение. В Республике Беларусь легальными признаются лишь два вида источников права: нормативный правовой акт и нормативный договор, что свидетельствует об ограниченности средств воздействия на важнейший пласт общественных отношений, коими являются конституционные. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к опыту законодательного регулирования в иных правовых системах.

Основная часть. В зарубежных странах имеют юридическую силу и иные, помимо двух указанных, источники права. Например, в Великобритании и бывших английских колониальных владениях широкое распространение получили конституционные обычаи и соглашения**.** В США и Индии важную роль играют судебные прецеденты Верховных судов. Религиозные нормы являются основным источником конституционного законодательства во многих мусульманских странах (Иран, Кувейт, Йемен). Мусульманская доктрина остается главным источником юридических норм в Саудовской Аравии и Омане, особенно в сфере регулирования правового положения подданных.

Из перечисленных источников особое внимание обратим на допустимость признания обычая в конституционной сфере, рассмотрение его одной из форм создания конституционного права. По этому вопросу неизбежно приходишь к английскому варианту, что всегда интересовало специалистов конституционного права.

Как пишет французский ученый Оливье Бо, «английская конституция придумала без текста парламентский режим, рождение которого основано на так называемых «конституционных конвентах». Под этим выражением понимаются неписанные «соглашения», заключенные между различными политическими действующими лицами, считающими себя связанными такими соглашениями, превращающимися в обязательные для исполнения обычаи. Так, норма, согласно которой кабинет меньшинства в палате общин должен уйти в отставку, вытекает из обычая, а не из письменного документа» [82, с.12] В силу исторических, политических и сугубо юридических причин многие нормы конституционного права трансформировались в «статутное», «законное» право, представленное соответствующими нормативными правовыми актами. Вытесняясь законами и другими формами права, обычное право постепенно приобрело второстепенное значение.

По мнению М. Ф. Чудакова, самостоятельную группу источников образуют акты чрезвычайных органов власти, что имеет место при военных действиях и стихийных бедствиях, а чаще всего – при военных переворотах и революциях. Автор пишет о том, что «нормальная теория конституционного права как бы не должна была признавать такие акты, но в последние десятилетия, особенно в странах Африки, Азии, Латинской Америки, их принятие стало, к сожалению, частым явлением. Как бы нега-

тивно мы не относились к способу принятия подобных актов – это реальные акты конституционно- правового значения» [289, с.21].

В некоторых зарубежных конституциях имеются ссылки на естественное право, которое включается в систему конституционного права. М. В. Баглай отмечает, что «в нынешней Конституции Российской Федерации, например, четко закреплены все основные естественные права (на жизнь, на неприкосновенность личности, на частную собственность, свободу слова и др.). Это значит, что позитивное право все больше сливается с естественным правом» [11, с.19]. В ст. 1 Основного Закона Федеративной Республики Германия также говорится о неотчуждаемых правах человека.

Однако однозначного отношения к самому феномену естественного права в европейских странах не существует. Главный вопрос, на который нет убедительного ответа, - возможно ли существование естественного права как такового вне связи и взаимодействия с позитивным правом? Поэтому в юридической литературе нет единого понятия естественного права и соответствующих ему форм и источников. Очень сложно выработать некие унифицированные подходы относительно» «человеческой природы», «разума человека», «вечного закона добра», «природы вещей» и т.п. явлений, характеристика которых носит во многом субъективно – умозрительную природу. Не следует забывать, что отличительной особенностью естественного права является его в значительной мере идеалистический характер.

На сложную и многогранную природу естественного права как явления обращает внимание в своем фундаментальном исследовании российский ученый М. Н. Марченко. Наличие множественности определений и представлений о естественном праве автор объясняет следующим образом: «Естественное право зачастую вполне обоснованно рассматривается не только в одной какой-либо плоскости, а с разных сторон. А именно – 1) как учение или совокупность концепций, в которых естественное право объясняется как не зависящее от власти и воли законодателя, не выдуманное человеком и в этом смысле естественное; 2) как совокупность принципов и норм, составляющих с точки зрения сторонников той или иной концепции содержание естественного права; и 3) как основное субъективное право человека (гражданина) выражающее объективные требования свободы и безусловные притязания индивида на свободную самореализацию в обществе и государстве»[122, с.80].

Безусловно, указанные факты неизбежно влекут за собой неопределенность и нечеткость в установлении характера естественного права и, как следствие этого, возникновение дополнительных трудностей при определении его форм и источников. Не будем забывать, что под конституционное законодательство многих стран (США, ФРГ, Франция, Российская Федерация и др.) «подведена» доктрина естественного права.

Очень своеобразная система источников конституционного права имела и имеет место в государствах, освободившихся в 60-70 годы XX в. от колониализма. Так, в ряде африканских государств (Алжир, Нигерия, Бурунди) важнейшим источником конституционного права были программные до-

кументы правящих политических партий или правительств. В Конго имел место такой специфический вид источника конституционного права, как документы общенациональных конференций, созываемых для разработки программы перехода от авторитарных режимов к демократии. Конституции некоторых развивающихся стран (Экваториальная Гвинея, Папуа-Новая Гвинея) в числе источников права указывают общие принципы права.

Признание общих принципов права в качестве источников конституционного права имеет место и в развитых европейских правовых системах (Греция, Испания, Франция, Швеция). Они могут «выводиться» как из норм позитивного права, так и из существующего в стране правопорядка, а также естественного права. Какого–либо единого «набора» таких принципов, конечно же не существует.

Например, «общим принципам права» повышенное внимание уделяется во Франции, поскольку они нашли свое законодательное закрепление в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и последующих конституционных актах. Речь, в частности, идет о следующих принципах: «национального суверенитета», «возможности делать все, что не приносит вреда другому», «отчетности должностных лиц перед обществом» и др. Однако общие принципы права не всегда точно нормативно определены, носят достаточно «расплывчатый» характер, неоднозначно трактуются судебной практикой, а поэтому не столь убедительны, как формально – юридические источники права.

К источникам конституционного права российский автор К. В. Арановский относит и акты оккупационного права, которые содержат не только международно-правовые, но и государственно-правовые нормы, так как «органы, осуществляющие оккупационное правление, заняты не только делами государства-оккупанта, но и организацией управления на оккупированной территории. После снятия оккупации нормы оккупационного права могут сохранять свое действие, их включают в национальное законодательство» [9, с.41]. И действительно, в послевоенном законодательстве Австрии и Германии обнаруживаются нормы, заложенные оккупационными властями (прежде всего США и Великобритании) и закрепляющие принципы демократического правления, основы регулирования демонополизированной экономики.

Характеризуя источники конституционного права, следует выделить такой их специфический вид, как договоры, являющиеся одним из средств конституционно-правового регулирования общественных отношений во многих федеративных государствах.

Например, в Российской Федерации довольно распространенными стали договоры между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, между различными субъектами Российской Федерации, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления. Зачастую такие договоры в науке конституционного права называют обобщенно «внутригосударственными договорами». К источникам конституционно-

го права относят те договоры, которые говорят о разграничении предметов ведения и полномочий, о передаче (делегировании) друг другу собственных полномочий, но обязательно содержащие нормы права. В частности, Россия как федеративное государство было оформлено 31 марта 1992г. документом, который вошел в историю страны и в круг источников конституционного права как Федеративный договор.

Как отмечает О. Е. Кутафин [109, с.225], конституционно-правовой договор частично сохраняет черты, которые присущи традиционным договорам (добровольность заключения), но вместе с тем новая сфера использования договора, связанная с регулированием отношений, являющихся наиболее важными для государства и общества, определяет и ряд существенных особенностей таких договоров (особый объект и предмет договора, публичный характер, политическое содержание и др.). Особо обратим внимание на то обстоятельство, что договор может быть заключен по поводу образования или ликвидации федеративного государства. Правда, при образовании нового федеративного государства договор между его участниками первоначально носит международно-правовой характер и только после образования такого государства становится частью его правовой системы и источником конституционного права.

Как показывает зарубежный опыт, круг вопросов, регулируемых конституционно-правовыми договорами, достаточно широк по тематике и включает практически все основные виды отношений, возникающих в процессе функционирования федеративного государства. Самое главное, что участники таких договоров связаны федеральной конституцией и не всегда свободны в выборе вариантов своих действий.

Заключение. Можно прийти к выводу, что современное конституционное право через свои источники призвано прежде всего регулировать систему отношений по линии: личность – коллектив – государство – общество, что предполагает как целостный (комплексный) характер этих отношений, так и соответствующий механизм нормативного регулирования.

Список цитированных источников

1. Исполнительная власть, судебная власть и учредительная власть во Франции: Информационные и учебные материалы / Ж.-Б. Оби, О. Бо, Ж.-М. Бесе и др.; Под ред. М. Верпо. – М.: Издается Французской Организацией Технического Сотрудничества Посольства Франции в Москве, 1993. – № 8. – 118 с.

2. Чудаков, М. Ф. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учеб. пособие. – Минск, ООО «Новое знание», 2001. – 576 с.

3. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для юридических вузов и факультетов. – М.: НОРМА, 2000 – 776 с.

4. Марченко, М. Н. Источники права: учеб.пособие. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 760 с.

5. Арановский, К. В. Государственное право зарубежных стран: учебное пособие. – М.: ИНФРА – М; ИД «ФОРУМ», 2000. – 488 с.

6. Кутафин, О. Е. Предмет конституционного права / О.Е. Кутафин. – М.: Юристъ, 2001. – 444 с.

УДК 349.6

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ КОНТРОЛЕ

А.С. Рудис, преподаватель-стажер кафедры уголовного права и криминалистики Полоцкого государственного университета

Аннотация. В статье рассматривается соотношение понятий «экологический контроль» и «контроль в области охраны окружающей среды, «экологического надзора» и «экологического контроля». Определяются виды контроля в области охраны окружающей среды.

Введение. В условиях современной мировой политики охрана окружающей среды является приоритетным направлением. Создаются все возможные условия для реализации прав граждан на благоприятную окружающую среду. Так Конституция Республики Беларусь в статье 46 провозглашает право граждан на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права [1, с. 12]. В государстве действует такая система управления, при которой задача охраны и защиты окружающей среды решается наиболее эффективно.

Основная часть. В Республике Беларусь имеется широкий спектр организационно-правовых механизмов охраны окружающей среды, среди которых можно отметить контроль в области охраны окружающей среды. Данный вид контроля выступает правовой формой экологической деятельности, одним из механизмов экологического управления, гарантией правового обеспечения экологической безопасности государства.

Необходимо отметить, что контроль в области охраны окружающей среды также в юридической литературе и законодательстве зарубежных стран именуется экологическим контролем. Например, при анализе понятия «контроль в области охраны окружающей среды», закрепленном в Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» от 26 ноября 1992 года № 1982-XII, и понятие «экологический контроль», закрепленном в Законе Российской Федерации «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 г. N 7-ФЗ, можно придти к выводу, что определения данных понятий идентичное. Соответственно на законодательном уровне не делается никаких различий между данными понятиями, они принимаются в качестве синонимов. Зачастую экологический контроль не сводится лишь к контролю в области охраны окружающей среды. Это объясняется тем, что в состав экологического законодательства входят и иные нормативные правовые акты, такие как Земельный кодекс Республики Беларусь, Водный кодекс Республики Беларусь и иные. Соответственно, экологическое законодательство регулирует отношения не только по поводу охраны окружающей среды, но и по использованию природных ресурсов. С учетом выше изложенного экологический контроль можно определить как деятельность уполномоченных субъектов по проверке и обеспечению соблюдения и исполнения требований законодательства по использованию природных ресурсов и охране окружающей среды.

В юридической литературе существует точка зрения, в соответствии с которой контроль в области охраны окружающей среды и экологический

контроль не являются тождественными категориями, а соотносятся как общее и частное [2, с. 41]. В состав контроля в области охраны окружающей среды помимо экологического входит природоресурсный контроль (контроль за охраной и использованием отдельных видов природных ресурсов) [3, с. 10]. По мнению Н. В. Кичигина, критерием разграничения указанных видов контроля является деятельность, оказывающая какое-либо воздействие на окружающую среду. Если данная деятельность воздействует на природные комплексы и объекты вне процесса природопользования, то контролироваться она должна при проведении экологического контроля. В случаях какого-либо воздействия на окружающую среду в процессе природопользования должен производится природоресурсный (лесной, водный, земельный, геологический) контроль [2, с. 5].

В сфере экологических правоотношений также обособилась проблема соотношения понятий «экологический контроль» и «экологический надзор». В немногих работах предпринимаются попытки их разграничения. Так, О.Ю. Ганюхина различает контроль и надзор, исходя из определения предмета этих видов деятельности: «предмет контроля в области охраны окружающей среды и предмет надзора за охраной окружающей среды – специальные, обособленные организационным и правовым обеспечением виды деятельности» [4, с. 7]. Таким образом, О. Ю. Ганюхина относит к предмету контроля в области охраны окружающей среды «деятельность подконтрольных субъектов по фактическому исполнению законов по охране окружающей среды, подзаконных нормативных актов, инструкций, правил, нормативов и стандартов по охране окружающей среды, а также количественные и качественные результаты этой деятельности, целесообразность выбора средств и способов выполнения ими своих природоохранных обязанностей» [4, с. 8]. А предметом надзора она определяет «исключительно исполнение экологического законодательства органами власти, управления и контроля, соблюдения ими, а также коммерческими и некоммерческими организациями гарантированных законом прав человека на благоприятную окружающую среду, в том числе при издании эколого-правовых актов. Надзорным органом оцениваются деятельность, правовые акты поднадзорных субъектов только с точки зрения законности и соответствия экологическим требованиям» [5, с. 216].

В юридической литературе предложены и иные подходы к вопросу соотношения понятий «надзор» и «контроль» в сфере природопользования. Так, Н.А. Гейт с целью «исключить в будущем дублирование действий контрольных и надзорных органов государственной власти Российской Федерации, субъектов Федерации и муниципальных образований в области охраны окружающей среды и природопользования» формулирует и рассматривает соотношение терминов «государственный экологический контроль в сфере охраны окружающей среды» и «государственный надзор в области природопользования» [6, с. 110]. Он пишет о том, что первый термин означает контроль за надлежащим качеством компонентов окружающей среды, а второй – объемной составляющей ис-

пользования компонентов природной среды. Данная позиция автора, по нашему мнению, не вполне обоснована, так как не определены основания разграничения и использования понятий «контроль» и «надзор».

Однако использовать термин «экологический надзор» в белорусском праве не оправдано, так как в Законе «Об охране окружающей среды» говорится исключительно о контроле в области охраны окружающей среды. Государственные органы, осуществляющие надзорные функции в области охраны окружающей среды, которые входят в их компетенцию, не осуществляют отдельный вид надзора. Данный вид надзора не обособился в самостоятельный, использование его является преждевременным.

Важным для экологического права и практики его применения в сфере взаимодействия общества и окружающей среды является вопрос о видах такого контроля. В соответствии с Законом «Об охране окружающей среды» можно выделить следующие виды контроля в области охраны окружающей среды: государственный, ведомственный, производственный [7]. Такой вид контроля как общественный был исключен Законом Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам охраны окружающей среды и природопользования» от 22 января 2013 года №18-З. Например, в соответствии с действующей редакцией Федерального закона «Об охране окружающей среды» в Российской Федерации осуществляются государственный, производственный и общественный контроль в области охраны окружающей среды [8]. В первоначальной редакции данного Федерального закона выделялся еще и муниципальный контроль в области охраны окружающей среды, который впоследствии был исключен законодателем. Что же касается такого вида, как муниципальный контроль в Республике Беларусь, то он никогда не выделялся в качестве самостоятельного вида экологического контроля. Законодатель определил, что контроль, осуществляемый местными Советами депутатов, относится к государственному виду контроля, о чем говорится в статье 87 Закона «Об охране окружающей среды» [7]. На наш взгляд, контроль, который осуществляется местными Советами депутатов, не следует относить к государственному контролю, так как местные Советы депутатов не являются государственными органами. Статус государственного органа местным Советам придает законодатель в Законе Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» [9], что не соответствует природе данного органа.

Заключение. Таким образом, контроль в области охраны окружающей среды и экологический контроль не являются одинаковыми понятиями, а соотносятся как общее и частное. В Республике Беларусь сформировались собственные виды контроля в области охраны окружающей среды.

Список цитированных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. – 6-е изд., стер. – Минск: Национальный центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2010. – 64 с.

2. Савин, А. В. Интерпретация понятия «государственный экологический контроль» в отечественной юридической науке / А. В. Савин // Журнал правовых и экономических исследований. – 2008. - № 4. – С. 41-48.

3. Кичигин, Е. И. Правовые проблемы муниципального экологического контроля: автореф. дис. … канд. юр. наук: 12.00.06 / Е. И. Кичигин ; Рос. акад. наук. – М, 2004. – 42 с.

4. Ганюхина, О. Ю. Правовое регулирование экологического контроля в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юр. наук: 12.00.06 / О. Ю. Ганюхина ; Рос. акад. наук. – Саратов, 2007. – С. 7-8.

5. Савин, А. В. Соотношение понятий «экологический контроль» и «экологический надзор» / А. В. Савин // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2010. - № 6. – с. 215-225.

6. Гнейтс, Н. А. Экологическое право: Курс лекций / Н. А. Гнейтс. – М., 2008. – с. 110.

7. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 26 ноября 1992г., № 1982-XII: в ред. Закона Респ. Беларусь от 24 декабря 2015 года № 333-З // Эталон 6.0 – Беларусь / Нац. Центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2015. – Режим доступа : http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p2=2%2F360. – Дата доступа : - 03.01.2017.

8. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : федеральный закон Российской Федерации, 10.01.2002 г., N 7-ФЗ // КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/. - дата доступа: 01.02.2017.

9. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 31 декабря 2014 г. № 229-З //Эталон 6.0 – Беларусь / Нац. Центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2015. – Режим доступа : http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p2=2/1660. - Дата доступа : 03.02.2017.

УДК 349.227

СООТНОШЕНИЕ ТОЛКОВАНИЯ И КОНКРЕТИЗАЦИИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ В ОСНОВАНИЯХ УВОЛЬНЕНИЯ ПО ИНИЦИАТИВЕ НАНИМАТЕЛЯ

Ю.М. Савкина, заведующий учебной лабораторией «Юридическая клиника», преподаватель кафедры гражданского процесса и трудового права Белорусского государственного университета

Аннотация. Одной из особенностей норм трудового права является наличие в них оценочных понятий. Их толкование и конкретизация происходит, правоприменительными органами с учетом конкретных условий. Автором обосновывается положение о том, что понятия «толкование» и «конкретизация» норм, содержащих оценочные понятия, не являются тождественными. Толкование нормы, содержащей основания увольнения по инициативе нанимателя предполагает использование различных способов и в первую очередь системного толкования. При этом конкретизация, как правило, затрагивает лишь отдельные понятия, в частности оценочные, содержащиеся в норме права.

Введение. Нормы трудового права содержат большое количество оценочных понятий, которые свойственны и другим отраслям права. В литературе содержатся различные определения таких понятий. Боль-

шинство ученых сходятся во мнении о том, что это понятие, обладающее следующими признаками: закреплено в норме права; в наиболее общем смысле характеризует свойства сложных явлений, предметов, действий и процессов; его невозможно отразить в праве с помощью понятия точного значения; конкретизируется управомоченными на то лицами самостоятельно в каждом конкретном случае.

Оценочные понятия включены в большинство пунктов статьи 42 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК), содержащей основания увольнения работников по инициативе нанимателя. К ним в частности относятся: «другая местность», «состояние здоровья, препятствующее продолжению работы», «недостаточная квалификация, препятствующая продолжению работы», «систематического неисполнения работником без уважительных причин обязанностей», «уважительная причина», «грубое нарушение требований по охране труда». Указанные понятия закреплены соответственно п. 1, 2, 4, 5, 9 ст. 42 ТК.

Ввиду того, что правоприменительным органам предоставлено право на толкование и конкретизацию данных понятий следует определиться с их соотношением.

Основная часть. В толковом словаре русского языка глагол «толковать» определяется как «объяснять (изъяснять), давать чему толк, смысл, значение».[1, с. 411] При этом «конкретизация» определяется как «выражение в более наглядной, точной конкретной форме, уточнение».[2, с. 115] Как отмечает А.С. Пиголкин толкование правовых норм в общем виде определяется как установление содержания нормативных правовых актов, направленное на раскрытие выраженной в них воли нормоустановителя.[3, с.66] Конкретизация в значительной степени связана с толкованием правовых норм, однако имеет другую природу, отличную от толкования, что предполагает разграничение указанных явлений. Н.В. Малиновская отмечает, что данная проблема должна решаться путем «сопоставления рассматриваемых явлений и выявления специфических, индивидуальных свойств каждого из них».[4, с.8]

В юридической науке высказываются различные мнения по поводу соотношения понятий «толкование» и «конкретизация» (толкование отождествляется с конкретизацией юридических норм; конкретизация поглощается толкованием; толкование поглощается конкретизацией и рассматривается как форма конкретизации и др.). Одним из самых распространенных является мнение о том, что толкование и конкретизация это два самостоятельных явления, которые, однако, тесно связаны между собой. Так Г.Г.Шмелева разграничивала данные понятия по следующим критериям: цель; логические механизмы и результат.[5, с.11] Так, итогом толкования права по ее мнению являются нормы понимания, а результатом конкретизации выступают относительно новые правила поведения. В юридической литературе также отмечается, что в толковании нуждаются все юридические нормы, если возникает вопрос об их применении, при этом необходимость в конкретизации юридических норм возникает не всегда.[6, с.36]

Мнение о самостоятельности указанных явлений представляется обоснованным и в отношении норм трудового права, в том числе предусматривающих основания увольнения по инициативе нанимателя. Для того чтобы увольнение работников было законным важно уяснить соотношение процессов толкования и конкретизации в этих случаях.

Толкование как процесс и его результат предполагает уяснение и разъяснение нормы, содержащей основание увольнения. В первую очередь следует использовать системный способ толкования, в частности уяснить нормы, закрепляющие классификацию оснований увольнения в целом и их разновидности. Системное толкование помогает выяснить действительное содержание правовых норм за счет выявления структурных и функциональных связей между различными нормами, правовыми институтами, нормативными правовыми актами. Что в частности является необходимой предпосылкой конкретизации оценочных понятий в таких нормах.

При этом следует отметить, что результат конкретизации не содержит разъяснения нормы права в целом. В рассматриваемой ситуации раскрывается не вся норма, а лишь оценочное понятие, содержащееся в ней. Например, при применении основания увольнения, содержащегося в п. 5 ст. 42 ТК (прогул) конкретизации требует лишь понятие «уважительная причина», которая в каждом конкретном случае определяется поразному, на основе усмотрения правоприменителя.

Судебное толкование практики увольнений работников по инициативе нанимателя по основаниям, содержащим оценочные понятия, описывает не все возможные случаи их применения. При рассмотрении конкретного дела суд определяет соответствует ли имеющая место ситуация указанному оценочному понятию. Например, законно ли увольнение за прогул работника, отсутствовавшего на работе 4 часа в связи походом к врачу в частный медицинский центр без острой на то необходимости?

При обобщении практики суды выявляют те случаи конкретизации, которые являются актуальными и типичными. Эти результаты конкретизации могут получить закрепление в разъяснениях Пленума Верховного Суда. Они отличаются большей степенью новизны, поскольку концентрируют опыт судейского усмотрения, направляют практику в целом, в том числе судебную. При решении вопроса увольнения по инициативе нанимателя по основаниями с оценочными понятиями необходимо в первую очередь обратиться к таким разъяснениям.

Заключение. Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы. Понятия «толкование» и «конкретизация» норм, содержащих оценочные понятия обозначают не тождественные явления. Толкование нормы, содержащей основания увольнения по инициативе нанимателя предполагает использование различных способов и в первую очередь системного толкования. В свою очередь конкретизация, как правило, затрагивает лишь отдельные понятия, в частности оценочные, содержащиеся в норме права. Следовательно необходимость конкретиза-

ции возникает не во всех случаях применения нормы, содержащей основания увольнения по инициативе нанимателя.

Список цитированных источников

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах. - М.: Рус. яз.,-Т. IV : Р-V. – 1980. – 683 с.

3. Словарь русского языка: В 4-х т. / Акад. наук СССР. Ин-т русского языка; [Ред. коллегия: чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударов.., д-р филол. наук А. П. Евгеньева (пред.) и др.]. - М. : ГИС, 1958.- Т.II. К-О.

4. Пиголкин А.С. Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения // Закон: создание и толкование: Сб. / под ред. А.С. Пиголкина. – М.: Спарк, 1998. – 283 с.

5. Малиновская Н.В. Интерпретация в праве: генезис, эволюция актуализация: Автореф.дис. … докт.юрид.наук. М., 2010. – 30 с.

6. Шмелева Г.Г. Конкретизация социалистического права как фактор совершенствования правового регулирования: автореф. дис. … канд.юрид.наук. – Харьков, 1982. – 16 с.

7. Рабинович П.М., Шмелева Г.Г. Конкретизация правовых норм: общетеоретические проблемы // Правоведение. 1985. № 6. – с. 31-39

УДК 343.13

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА

Т.А. Савчук, доцент кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук

О.В. Дудко, студентка III курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь

Аннотация. В статье рассматривается сущность оправдания и нормативная регламентация постановления оправдательного приговора в Республике Беларусь, Российской Федерации и Украины; исследуются данные судебной статистики о вынесении оправдательных приговоров, обзоры Генеральной прокуратуры Республики Беларусь о причинах постановления таких приговоров; формулируются выводы и предложения по рассматриваемым вопросам.

Введение. Охрана прав и законных интересов личности всегда являлась и является приоритетной задачей государства, о чем свидетельствует законодательство Республики Беларусь и ратифицированные ею международные правовые акты, а также то, чтоуважение личности, охрана ее прав и свобод возведены в ранг конституционных принципов. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК), регулируя деятельность по раскрытию преступлений,преследованию, изобличению и наказанию виновных в их совершении лиц, предусматривает широкий комплекс мер по охране прав и законных интересов личности в уголовном процессе (ст. 2 УПК). В этом контексте оправдание выступает право-

вым средством реабилитации лица, подвергнутого уголовному преследованию, и основанием для восстановления необоснованно обвиненного и преданного суду лица в нарушенных правах.

Основная часть. Неотъемлемое свойство уголовно-процессуальной деятельности на всех этапах ее развития заключалось в сочетании функций поизобличению виновных и недопущению наказания невинных, оправдание всегда сопутствовало осуждению, его призванием было служить защите интересов личности от необоснованного уголовного преследования. Осуждение и оправдание неразрывно связаны между собой в процессе реализации задач уголовного процесса и забвение любой из этих функций неотвратимо породит ущербность всей уголовно-процессуальной деятельности [1].Оправдательный приговор – основной акт правосудия, обладающий свойствами обязательности, исключительности, неизменности, истинности, завершающий стадию судебного разбирательствав частности и уголовное судопроизводство в целом, сущность которого состоит в установлении судом невиновности лица в совершении преступления, инкриминируемого ему органами предварительного расследования[2].Значительный вклад в разработку вопросов, связанных с оправданием в уголовном процессе, внесли российские ученые, в то же время проблемы института оправдания не находят широкого отклика среди белорусских правоведов. Это отчасти связано с незначительной долей оправдательных приговоров в системе актов правосудия и устоявшимся законодательным подходом в определении оснований для их постановления, которые не вызывают дискуссий в их интерпретации. Между тем анализ судебной практики демонстрирует ряд проблем, связанных с оправданием лиц не по основаниям, предусмотренным уголовно-процессуальным законом, а по причинам некачественной работы следствия, государственного обвинения и судов. Сложившаяся ситуация требует внимания со стороны законодателя в части определения направлений развития института оправдания, повышения качества работы правоприменительных органов с целью обеспечения эффективности постановления оправдательных приговоров.

Ю.Ю. Чурилов справедливо указывает на двухаспектный характер оправдания как правового института, определяя его, во-первых, как совокупность процессуальных норм, регламентирующих основания, порядок и последствия вынесения оправдательного приговора, и, во-вторых, как вынесение и иных уголовно-процессуальных решений о невиновности лица [3]. Развивая эту мысль, А.В. Абрамов отмечает, что оправдание – это судебный порядок установления оправдательных оснований и вынесения оправдательного приговора, которым признается невиновность лица и закрепляется право оправданного на реабилитацию [1]. Приговор как управленческое решение государственных органов правосудия имеет колоссальное значение в общественной и государственной жизни [4, с. 205], является важным социально-политическим, правовым, воспитательно-нравственным элементом правосудия.

Приговор суда постановляется от имени Республики Беларусь (ст. 349 УПК), из чего следует, что государство, наделяя судебную систему правом рассмотрения и разрешения уголовных дел по существу, берет на себя ответственность за законное, всестороннее и объективное их рассмотрение. Такой подход выражается в предъявлении законодателем специальных требований к приговору, его свойствам и уголовно-процессуальному порядку постановления и провозглашения. Согласно ст. 350 УПК приговор суда, как обвинительный, так и оправдательный, должен быть законным, обоснованным, мотивированным и справедливым.Онтологические аспекты оправдательного и обвинительного приговоров имеют одинаковую природу, так как в основе принятия того или другого процессуального решения лежат материалы предварительного расследования, устанавливающие пределы судебного разбирательства. Иная ситуация обстоит с гносеологическими аспектами данных процессуальных актов, поскольку психолого-правовые механизмы постановления оправательного и обвинительного приговоров существенно отличаются друг от друга, и связано это с отказом государства от обвинения на судебных стадиях[2].

Изучение практики судов предопределило суждение о наличии тенденции к снижению оправданных по сравнению с количеством лиц, преданных суду. Такая тенденция – закономерное явление в процессе развития и совершенствования практики уголовного процесса, поэтому в настоящее время вынесение оправдательного приговора, скорее, исключение, чем сложившаяся практика.Так, в 2008 г. судами Республики Беларусь был оправдан 191 чел., в 2010 г. – 217 чел. [5], в 2011 г. было вынесено 382 оправдательных приговора [6], в 2012 г. – 184 таких приговоров в отношении 241 лица [7, с. 268], в 2013 г. судами были оправданы 172 обвиняемых (0,44 % от общего числа приговоров) [8], в 2014 г. – 99 [9], а в первом полугодии 2016 г. – 44 [10].

Как отмечает М. И. Пастухов, судьи при невосполнимой недоказанности обвинения предпочитают возвратить дело для проведения дополнительного расследования, чем оправдать обвиняемого.Цитируемый автор указывает, что проведенное анкетирование судей по вопросам, связанным с оправданием и реабилитацией граждан показывает, что большинство из них (255 чел.) при недостаточности доказательств виновности лица направляет дела на доследование, а не выносит оправдательный приговор [11, с. 171].По мнению В.В. Вандышева, основанием постановления оправдательного приговора является совокупность исследованных в судебном разбирательстве доказательств, достаточных для однозначного вывода о наличии оснований для оправдания обвиняемого либо признания того, что доказательств недостаточно для констатации участия обвиняемого в совершении преступления [12, с. 629].

УПК Республики Беларусь (ст. 357) основаниями постановления оправдательного приговора называет случаи, когда: отсутствует общественное опасное деяние, предусмотренное уголовным законом; в деянии

обвиняемого отсутствует состав преступления; не доказано участие обвиняемого в совершении преступления. Отметим, что многие государства постсоветского пространства содержат аналогичные основания для оправдания.

Так, например, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК Российской Федерации) выделяет похожие основания для оправдания, а именно: не установление события преступления; непричастность подсудимого к совершению преступления; отсутствие состава преступления в деянии подсудимого; вынесение оправдательного вердикта коллегией присяжных заседателей. Анализ законодательных норм позволяет выделить ряд различий в регламентации оправдания в Беларуси и России. Во-первых, это процессуальный статус лиц, в отношении которых выносится оправдательный приговор: в Республике Беларусь это обвиняемый, а в России – подсудимый, обретаемый лицом после назначения судебного разбирательства. Во-вторых, в УПК Российской Федерации в качестве самостоятельного основания предусмотрено вынесение оправдательного вердикта коллегией присяжных заседателей. Отметим, что данное основание в отличие от других имеющихся в законе обоих государств не имеет в своей основе предпосылок уголовного и (или) уголовно-процессуального характера. Примечательно, что в Республике Беларусь на государственном уровне неоднократно обсуждалось введение суда присяжных в уголовный процесс, но его введение признано нецелесообразным, хотя данный институт находит широкую поддержку общественности.

В Уголовно-процессуальном кодексе Украины (далее – УПК Украины) также содержатся похожие основания для оправдания лица, к которым относятся следующие правовые обстоятельства: а) не доказано, что совершенно уголовное правонарушение, в котором обвиняется лицо; б) не доказано, что в деянии обвиняемого есть состав уголовного правонарушения; в) не доказано, что уголовное правонарушение совершенно обвиняемым (ст. 373 УПК Украины). Исследование уголовно-процессуальных норм Республики Беларусь и Украины, регулирующих основания постановления оправдательного приговора, указывает на наиболее правильный подход белорусского законодателя, употребляющего термин «отсутствие», а не «недоказанность», что придает правильное смысловое восприятие цитируемой нормы, соответствует принципу презумпции невиновности, и, как следствие, приводит к снижению судебных ошибок при вынесении оправдательных приговоров.

В соответствии со ст. 362 УПК в описательно-мотивировочной части оправдательного приговора излагаются сущность предъявленного обвинения, обстоятельства уголовного дела, установленные судом; доказательства, послужившие основанием для оправдания обвиняемого; мотивы, объясняющие, почему суд признает недостоверными или недостаточными доказательства, на которых было основано утверждение о виновности обвиняемого в совершении преступления; мотивы решения в от-

ношении гражданского иска.В резолютивной части оправдательного приговора необходимо точно указывать основания оправдания, изложенные в ст. 357 УПК. Причем выводы, сделанные в описательно-мотивировочной части приговора, должны соответствовать основанию для оправдания обвиняемого[13, с. 14]. Анализ судебной практики показывает, что среди оснований постановления судами оправдательных приговоров доминирует недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления (в 2012 г. этот показатель составил 69 %). При этом по 48 % таких дел судами ранее постановлялись обвинительные приговоры, т.е. в отношении каждого второго оправданного ранее принималось противоположение решение, что указывает на изменение подходов судами к оценке доказательств [7, с. 269]. Причинами постановления оправдательных приговоров по данному основанию являются некачественно проведенное следствие, низкий уровень государственного обвинения, ошибки судов в результате одностороннего исследования материалов дел. Как указывает Пленум Верховного Суда Республики Беларусь, суды при постановлении оправдательных приговоров в отдельных случаях неправильно устанавливают основания для оправдания, в нарушение ч. 2 ст. 362 УПК в тексты приговоров включают формулировки, ставящие под сомнение невиновность оправданных, а в резолютивной части не всегда содержится решение о признании лица невиновным. При этом в правосознании отдельных судей сохраняются проявления обвинительного уклона, ими не в полной мере обеспечивается соответствие приговоров требованиям общей и юридической грамотности[14].

На одной из встреч руководящего состава судов общей юрисдикции Глава государства А.Г. Лукашенко отметил, что от эффективности правосудия во многом зависит стабильность в стране и обществе, без него невозможно обеспечить надлежащую защиту прав человека и интересов государства. Опираясь на результаты социологического опроса о судебных ошибках, где большинство граждан (73,5 %) считают, что хуже осудить невиновного, чем позволить виновному уйти от наказания [15, с. 66], считаем постановление законных и обоснованных оправдательных приговоров важным средством судебной защиты личности от неосновательного уголовного преследования.

Как указывалось выше, одной из причин постановления оправдательных приговоров в отечественной судебной практике является низкий уровень предварительного расследования преступлений, поэтому каждый факт постановления оправдательного приговора требует тщательной проверки и рассматривается Генеральной прокуратурой Республики Беларусь как чрезвычайное происшествие. В связи с этим органами прокуратуры уделяется повышенное внимание качеству предварительного расследования и своевременному устранению ошибок следствия средствами прокурорского надзора. Каждый случай постановления оправдательного приговора анализируется в прокуратурах, в том числе с приглашением представителей правоохранительных ведомств, а о требо-

вательности и принципиальности прокуроров при осуществлении надзора в уголовном процессе свидетельствует значительное привлечение сотрудников правоохранительных органов к дисциплинарной ответственности. В Следственном комитете Республики Беларусь также осуществляется работа по устранению ошибок следствия, ставших причиной постановления оправдательных приговоров, проводятся служебные расследования по данным фактам, принимаются меры, направленные на устранение таких причин. Ежегодно проводятся заседания коллегии Следственного комитета Республики Беларусь, на которых рассматриваются причины постановления судами оправдательных приговоров, незаконного привлечения граждан к уголовной ответственности, продления процессуальных сроков по уголовным делам. В заседании коллегий принимает участие руководящий состав правоохранительных органов Республики Беларусь: Генеральный прокурор, Председатель Комитета государственной безопасности, заместитель председателя Верховного Суда, заместитель Государственного секретаря Совета Безопасности. Несмотря на проделываемую работу, прокуратура настаивает, что в большинстве случаев оправдательный приговор – это результат некачественной работы органов предварительного расследования, выражающийся в доказательственной несостоятельности обвинения, невосполнимой недостаточности доказательств.

По данным аналитического обзора Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, недоработками следствия чаще всего являются следующие:

1) несвоевременные возбуждение уголовных дел, осмотр места происшествия, проведение других неотложных следственных действий;

2) неисполнение требований ст. 18 УПК о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств уголовного дела, неоправданное игнорирование ходатайств обвиняемого и его защитника, противоречивость и чаще всего невосполнимая в суде недостаточность доказательственной информации;

3) нарушение конституционных и процессуальных прав подозреваемого, обвиняемого и иных участников процесса, в том числе права не свидетельствовать против себя и близких родственников;

4) нарушение установленного порядка производства следственных действий, а также наличие иных процессуальных упущениях, влекущих признание доказательств недопустимыми;

5) непринятие следователями исчерпывающих мер к закреплению доказательств, даже в предвидении того, что обвиняемые и свидетели могут в судебном заседании изменить свои показания, сославшись на незаконные методы воздействия или неточное воспроизведение их пояснений[7, с. 269–270]. При этом отметим, что отказ участников уголовного процесса от прежних показаний нередко связан с поверхностными допросами, предшествующими и сопутствующими расследуемому преступлению, которые могли быть известны только очевидцу и лицу, совершившему преступле-

ние, а также пренебрежением проверкой достоверности этих сведений путем проведения дополнительных следственных действий.

Кроме вышеназванных причин, влекущих постановление оправдательных приговоров, можно назвать еще и односторонний подход в расследовании, ошибки в квалификации преступлений, поверхностную оценку доказательств и непрофессиональный подход при осуществлении процессуальной деятельности в целом. Как показывает практика, в некоторых случаях доказательства признаются недопустимыми из-за отсутствия понятых при производстве следственных действий, когда их участие по закону является обязательным, либо привлечения в качестве понятых лиц, не отвечающих предъявляемым требованиям. Иногда такими причинами является несоблюдение правил предъявления для опознания, а также собирание доказательств должностным лицом, не уполномоченным на данное процессуальное действие.

В качестве недопустимых доказательств, влияющих на правильное постановление приговора, в уголовных делах нередко фигурируют письменные объяснения: «чистосердечное признание» и «явка с повинной» (которые фактически таковыми не являются), полученные оперативными работниками от подозреваемых после задержания. Последним при этом не разъясняются их права, что является прямым нарушением уголовно-процессуального закона. Также в следственной практике имеют место случаи допроса задержанных по обстоятельствам совершенных ими преступлений в качестве свидетелей. Суды справедливо признавали такие действия незаконными в связи с нарушением права лица на защиту. Ведь при наличии достаточных данных для подозрения лица в совершении преступления, его фактическом задержании и не разъяснении прав как подозреваемого, допрос в качестве свидетеля является существенным нарушением его законных прав и интересов. Причинами постановления оправдательных приговоров также были просчеты органов предварительного расследования в юридической оценке фактических обстоятельств дела. Безусловно, самым опасным явлением остается завышенная оценка доказательной силы признательных показаний – пресловутой «царицы доказательств». В результате следствие делает акцент на добывании, а порой и «выбивании» признания в совершении преступления. Изучение ряда таких дел показало, что лежащее в его основе признание обвиняемого было неоправданно кратким, не содержало подробностей, которые обязательно знал бы обвиняемый, если бы действительно совершил преступление. Примерами могут служить некоторые дела о хищениях, по которым в признании обвиняемого на следствии не было никаких сведений о судьбе похищенного или содержались явно надуманные объяснения. Однако сегодня суды довольно принципиально относятся к случаям отказа обвиняемых от ранее данных показаний, требуя представить и другие доказательства.

Заключение. Подводя итог, отметим, что низкое качество предварительного расследования – одна из причин постановления оправдательных

приговоров. Для устранения этой причины требуется повысить профессиональный отбор кадров в следственные органы и органы дознания, а именно: пересмотреть требования для лиц, впервые поступающих на службу в органы, осуществляющие предварительное следствие и дознание; осуществлять систематическую оценку действующего состава следственных органов и органов дознания на предмет знания уголовного и уголовно-процессуального законодательства. В целях повышения уровня и качества постановления оправдательных приговоров, по нашему мнению, требуется пересмотреть существующую позицию Пленума Верховного Суда Республики Беларусь по вопросам постановления таких приговоров, а также, разделяя мнение председателя Верховного Суда Республики Беларусь В. О. Сукало, разработать методические рекомендации о применении положений УПК по вопросам постановления оправдательных приговоров[16, с. 8].

Список цитированных источников

1. Абрамов, А. В. Оправдание в уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. В. Абрамов. – Нижний Новгород, 2005.– [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.dissercat.com. – Дата доступа: 22.11.2016.

2. Александрова, О. Ю. Оправдательный приговор в уголовном процессе: теоритические основы и правоприминительная практика : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.Ю. Александрова. – Омск, 2005. –[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lawtheses.com/jreader/153421/a?#?page=1. – Дата доступа: 19.02.2017.

3. Чурилов, Ю. Ю. Оправдательный приговор в российском судопроизводстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ю. Ю. Чурилов. – Воронеж, 2009. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dissercat.com. – Дата доступа: 21.11.2016.

4. Ольков, С. Г. О справедливом приговоре / С. Г. Ольков // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 2. – С. 203–209.

5. Оправдательный приговор не всегда обусловлен недостатками предварительного расследования уголовных дел [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://prokuratura.gov.by. – Дата доступа: 21.11.2016.

6. Почему в Беларуси мало оправдательных приговоров? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aif.by/ru/social/item/20364-prig.html. – Дата доступа: 18.02.2017

7. Практика прокурорского надзора: Поддержание государственного обвинения и надзор за законностью судебных решений по уголовным делам: сб. норм. актов и документов / Генер. прокуратура Респ. Беларусь ; сост. А.К. Стук [и др.] ; под общ. ред. А.В. Конюка. Минск : Белорус. Дом печати, 2013. –432 с.

8. Оправдательный приговор – как игра в лотерею [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://protivpytok.org/opravdatelnyj-prigovor-kak-igra-v-lotereyu.html. – Дата доступа: 20.11.2016.

9. По материалам пресс-конференции заместителя Председателя Верховного Суда Республики Беларусь В.Л. Калинковича[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.court.by/justice/press_office/. – Дата доступа: 22.11.2016.

10. Информация о статистических данных за первое полугодие 2016 года по лицам, оправданным судами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.court.by/justice/press_office/.– Дата доступа: 22.11.2016.

11. Пастухов, М.И. Реабилитация невиновных: Основы правового института / М. И. Пастухов. – Минск : Университетское, 1993. – 176 с.

12. Вандышев, В. В. Уголовный процесс. Курс лекций / В. В. Вандышев. – СПб. : Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2004. – 997 с.

13. Радюк, И. Вопросы применения законодательства при постановлении оправдательных приговоров / И. Радюк // Судовы веснік.– 2005. – № 3. – С. 13–15.

14. О выполнении судами постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сент. 2001 г. № 9 «О приговоре суда» (с изм. от 22.12.2005 г.) и от 28 сент. 2006 г. № 8 «О практике постановления судами оправдательных приговоров» [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 19 дек.2008 г.,№ 10 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

15. Акуленко, А. Н. Преступление и наказание: восприятие, оценки, отношение общества : социологич. исследов. / А. Н. Акуленко, О. Н. Фаблинова, М. В. Чернявская. – Минск : «Альтиора – Живые краски», 2013. – 96 с.

16. Сукало, В. Задачи общих судов по реализации положений Послания о перспективах развития системы общих судов Республики Беларусь / В. Сукало // Судовы веснік. – 2012. – № 1. – С. 8.

УДК 343.222.5:340.115.7

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НЕВИННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА (СЛУЧАЯ)

С.В. Сазонова, помощник прокурора Чашникского района, прокуратура Витебской области, магистр юридических наук

Аннотация. Современное общество поддерживает принцип привлечения к уголовной ответственности лишь за виновное причинение вреда: принцип вины является одним из центральных в науке уголовного права и уголовном законодательстве.

Введение. Совершение невиновного деяния не влечет за собой применения мер уголовно-правового воздействия. Привлечение к уголовной ответственности за деяния, общественную опасность которых лицо не должно было или не могло сознавать или предвидеть, приводило бы к нарушениям законности со стороны правоприменителя.

В соответствии со ст. 26 Конституции Республики Беларусь "никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность" [1, ст.26].

Статья 26 Уголовного Кодекса Республики Беларусь гласит: "Деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не сознавало и по обстоятельствам дела не должно было или не могло сознавать общественную опасность своего действия или бездействия либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть" [2, ст. 26].

Основная часть. Немаловажную роль играет анализ зарубежного опыта правовой регламентации невиновного причинения вреда, так как

именно он дает возможность определить связь между законодательствами разных стран, выделить правовые системы, найти более совершенные модели развития тех или иных институтов права.

Традиционно выделяются две основные правовые системы в современных развитых странах: континентального и общего права. В странах общего права, как в США, так и в Англии, нет общего понятия состава преступления. Поэтому достаточно трудно говорить о понимании субъективной стороны преступления (в привычной для нас форме) в этих законодательствах. Вместо состава преступления в доктрине этих правовых систем говориться о двух элементах преступления - «actusreus» и «mensrea». Первый элемент – материальный (объективный), второй – психический (субъективный). Один из принципов английского уголовного права гласит: «Лицо не может быть осуждено за преступление, если обвинение безо всяких сомнений не сможет доказать существование этих двух элементов, являющихся неприменеными атрибутами преступления».

Можно предположить, что эти положения базируются на латинском выражении «Actusnonfacitreusnisimenssitrea», означающем, что не может быть уголовной ответственности без единения виновной воли и виновного действия. Второй элемент преступления «mensrea» - это, по сути дела, аналог понятия вины в современном уголовном праве Беларуси и России. Но проводить строгую параллель, безусловно, не следует, так как слишком сильно отличаются правовые системы наших стран.

Более последовательно немецкое законодательство. Исходя из буквального толкования положений § 12 УК ФРГ, преступное деяние – это противоправное, виновное и находящееся под угрозой наказания деяние.

Четко определены умысел и неосторожность. Хотя в законодательстве нет понятия невиновного причинения вреда, но все-таки понятие «невиновно» используется в некоторых статьях УК ФРГ. Например, в § 17 УК ФРГ определено, что деяние, содержащее состав закона, только тогда не является противоправным, когда у лица отсутствует понимание того, что оно действует противоправно, если оно не могло избежать этой ошибки. Ошибка в запрете (ошибка в отношении того, что лицо действует противоправно), как правило, влечет за собой признание невиновности лица.

Также интересно положение доктрины о том, что «действие должно быть осознанным, то есть не являются деянием в уголовно-правовом смысле слова рефлекторные действия или телодвижения».

Статья 28 «Невиновное причинение вреда» Уголовного Кодекса Российской Федерации гласит: «1. Деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия) либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть.

2. Деяние признается также совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам» [3, ст.28].

Данная формулировка включает в себя три ситуации, когда, несмотря на наличие причинной связи между поведением лица (его действием или бездействием) и наступившими вредными последствиями, деяние будет считаться совершенным невиновно, что исключает уголовную ответственность.

Первая ситуация заключается в том, что лицо, совершившее деяние, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия).

Характерным примером является случай так называемой мнимой обороны, когда субъект причиняет вред другому лицу, ошибочно воспринимая его поведение как общественно опасное посягательство на охраняемые законом права и интересы, т.е. полагая, что он правомерно защищается от такого общественно опасного посягательства.

Вторая ситуация невиновного причинения вреда имеет место, когда лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть.

Непредвидение возможности наступления общественно опасных последствий своего действия (бездействия) исключает умышленную вину и неосторожную вину в виде легкомыслия. Отсутствие у лица обязанности предвидения общественно опасных последствий или же возможности предвидения таких последствий исключает неосторожную вину в виде небрежности.

Наиболее сложна третья ситуация невиновного причинения вреда, когда лицо, совершившее деяние, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам.

Заключение. В уголовном законодательстве Республики Беларусь в отличии от российского законодательства наличие нервно-психических перегрузок и действие в экстремальных условиях прямо не закреплены как условие освобождения от уголовной ответственности.

Однако как следует из существа данных понятий, они охватываются сферой действия понятия невиновного причинения вреда. Следовательно, специального закрепления в Уголовном Кодексе Республики Беларусь не требуют.

Однако, в целях единообразного понимания и применения данных понятий, необходимо закрепление определений нервно-психических пе-

регрузок, действий в экстремальных условиях, а так же изучение студентами в рамках уголовного права, как данных понятий, так и понятия рефлекторных телодвижений.

Список цитированных источников

17. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 7-е изд., стер. – Минск :Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – 64 с.

18. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : с изм. и доп. : текст по состоянию на 10 дек. 2016 г. // ЭТАЛОН / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016. – Дата доступа: 10.02.2017.

19. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: в редакции Федерального Закона от 30.03.2015 N 67-ФЗ // Консультант Плюс: Россия. [Электронный ресурс]. – 1997. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/ukrf/. – Дата доступа: 12.02.2017 г.

20. Бабий, Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: учебник / Н.А. Бабий. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 400 с.

УДК 343(476)

ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ В ОТНОШЕНИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ («ОТМЫВАНИЯ») МАТЕРИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ, ПРИОБРЕТЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А.И. Сафонов, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы предупреждения легализации преступных доходов в Российской Федерации и Республике Беларусь. Легализация («отмывание») преступных доходов является одним из основных направлений деятельности организованных групп и преступных сообществ, имеющих транснациональный характер. Проблема борьбы с отмыванием грязных денег стала актуальной во многих странах мира еще в начале XX столетия. Довольно справедливо отмечают специалисты, что борьба с отмыванием «грязных» денег - один из самых эффективных механизмов противодействия криминальной экономической системе, наносящей значительный ущерб здоровой экономике и подрывающей финансовую стабильность любого государства, в том числе России и Беларуси. Именно легализованный теневой капитал позволяет организованной преступности скупать все виды собственности, устанавливать контроль над экономической, а далее и над политической системой государства.

Введение. Острота проблемы противодействия легализации преступных доходов, и финансированию терроризма не только не снижается, а наоборот, в сложный финансово - экономический период, как в мире, так и в отдельном государстве многократно возрастает. Для финансово-

правовой сферы легализация доходов, полученных преступным путем, негативно отражается на финансовой деятельности государства в виде сокращения доходной части бюджетов всех уровней бюджетной системы, увеличения расходной части для финансирования правоохранительного блока, бюджетного дефицита, невозможности проведения сбалансированной государственной денежно-кредитной политики. Как итог, легализация преступных доходов становится препятствием для дальнейшего поступательного социально-экономического и политического развития союзного государства Беларуси и России.

Основная часть. Как отмечается, мировой опыт в области противодействия легализации «преступных» доходов насчитывает около трех десятилетий.

Для решения данных правовых вопросов необходимо осуществлять правовой анализ категорий «финансовый мониторинг», «система финансового мониторинга», «легализация доходов, полученных преступным путем», «финансирование терроризма», «национальная система противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», «наднациональная система противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Исходя из наличия основополагающих элементов системы финансового мониторинга следует провести сравнительно-правовой анализ существующих систем, выделить общие и особенные элементы и признаки функционирования национальных систем финансового мониторинга.

Правовое регулирование деятельности органов и агентов финансового мониторинга должно основываться на результатах сравнительно-правового анализа и комплексного исследования вопросов противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма, как в союзном государстве Беларуси и России, так и в других зарубежных государствах

Противодействие данному виду преступления не может быть результативной не только без глубокого знания международного опыта в данной сфере, но и без исследования того, кто и почему совершает преступления. Исследование личности осужденного за преступления, предусмотренные ст. 174, 1741 УК РФ, ст. 235 УК Республики Беларусь, позволяет выявить типичные особенности субъектов и ситуаций совершения преступлений, которые необходимо знать для организации предупредительной работы на уровне рассматриваемого вида преступности и категорий преступников.

Выявление личностных особенностей осужденных за легализацию («отмывание») доходов, приобретенных преступным путем, помогает с высокой степенью вероятности выявлять лиц, склонных к совершению преступлений, разрабатывать меры по их предупреждению и определять средства правового профилактического воздействия на конкретного осужденного. Выявление лиц, потенциально способных совершить дан-

ные преступления, а также их учет позволяет выделить категории осужденных, нуждающихся в специальном профилактическом воздействии, с целью недопущения совершения преступлений.

Тем не менее, по сей день, не разрешен ряд трудностей, возникающих в предупредительной деятельности правоохранительных органов Российской Федерации и Республики Беларусь в борьбе с этим видом преступлений.

Отмеченные обстоятельства обусловили актуальность темы данного исследования.

Характеристика личности осужденного преступника за преступления, совершенные в сфере легализации («отмывания») преступных доходов: это, как правило, лица в возрасте 25 - 49 лет, мужчины, руководители юридических лиц различных организационно-правовых форм (к ним относятся в большинстве случаев общества с ограниченной ответственностью и акционерные общества) или индивидуальные предприниматели, граждане Российской Федерации и Республики Беларусь, имеющие среднее или высшее образование, женатые, корыстолюбивые, не судимые.

Легализацию преступных доходов, как правило, связывают с действиями, прямо или косвенно направленными на придание правомерности фактическим отношениям получения, пользования, владения, распоряжения доходами от преступной деятельности, либо действиями, связанными с сокрытием их преступного происхождения.

В России в юридический оборот указанный термин введен Уголовным кодексом Российской Федерации в 1996 г. (ст. 174). Легализация (лат. legalis - законный) означает узаконение, придание законной силы чему-либо, переход на легальное положение.

Необходимо отметить, что единообразного понимания понятия «отмывание денег» среди ученых России и Беларуси не выработано. Даже рекомендации международных организаций по этому вопросу вряд ли могут быть однозначно приняты в наших государствах, а также членах СНГ.

Следует определить легализацию («отмывание») доходов в двух аспектах: социальном и правовом. При данном подходе, понятие «отмывания» доходов как социального феномена может быть раскрыто через содержание и структуру процесса легализации доходов.

Легализация («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем, - это общественно опасное деяние, направленное на совершение гражданско-правовой сделки с имуществом, заведомо приобретенным преступным путем, или использование такого имущества в легальной экономической деятельности, вследствие чего придается видимость законного происхождения имущества.

Усиление международного сотрудничества между РФ, Республикой Беларусь, странами СНГ, Великобританией, Германией, Швейцарией, Францией, Польшей, Чехией, США и КНР, обмен информацией и правовая помощь в сфере борьбы с отмыванием денег должны сыграть важную

роль в ликвидации транснациональной преступной деятельности, особенно организованной преступности и коррупции.

При рассмотрении легализации преступных доходов можно говорить о преступном профессионализме. Преступный профессионализм лиц, осуществляющих отмывание материальных ценностей, - это разновидность преступного занятия, приносящая для его субъектов наряду с законными и преступные средства.

Специальные меры предупреждения включают в себя: качественное улучшение индивидуально-воспитательной работы с осужденными в целом и с лицами, склонными к совершению преступлений экономической направленности, в частности; максимальный учет при этом особенностей их характеристики; целенаправленную работу с вновь прибывшими в исправительную колонию осужденными по их квалифицированному психодинамическому и медицинскому обследованию, составлению криминологического портрета осужденного; заведение дел предварительной оперативной проверки; разработку дополнительных планов проведения профилактических мероприятий с учетом личности осужденного.

Заключение. Таким образом, меры индивидуального предупреждения, реализуемые в отношении личности осужденных, склонных к совершению преступлений, предусмотренных ст. 174, 1741 УК РФ, ст. 235 УК Республики Беларусь играют роль такого социального инструмента, который призван нейтрализовать или устранить внутренние негативные черты их личности, их общественно опасное поведение.

УДК 351: 347.77/78(476)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И ИСТОЧНИКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Т.В. Сафонова, старший преподаватель кафедры истории и теории права Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые теоретико-методологические вопросы формирования государственной информационной политики Республики Беларусь, анализируются ее конституционно-правовые основания, структура источников государственной информационной политики. Предложено к источникам государственной информационной политики Республики Беларусь относить послания Президента Республики Беларусь, стратегии, государственные программы и концепции.

Введение. Вопрос конституционно-правовых оснований и источников государственной информационной политики не рассматривался ранее в трудах отечественных исследователей, что обуславливает актуальность выбранной темы.

Основная часть. Источники и основания государственной политики на концептуальном уровне образуются посредством принятия (утвер-

ждения) документов программного характера (посланий, стратегий, национальных (государственных) программ, концепций, и т. п.), которые принимаются главой государства, правительством и другими органами государственной власти.

Анализу источников и оснований государственных политик посвящено исследование авторского коллектива под руководством российского политического деятеля, генерального директора Центра научной политической мысли и идеологии, доктора физико-математических и доктора политических наук, профессора Сулакшина С.С.

Так к источникам государственной политики Сулакшин С.С. относит документально воплощенное содержание государственной политики, различные виды соответствующих политических и правовых документов.

По мнению С.С. Сулакшина, основания государственной политики – это идейные и ценностные исходные установки, социальные, экономические и иные внешние условия, которые объективно вызывают необходимость принятия управленческих решений, изменения как отдельных политических и правовых документов, так и политической и правовой системы в целом [1, с.33].

Основанием государственной информационной политики в Республике Беларусь, на наш взгляд, должны являтьсянормы Конституции Республики Беларусь, закрепляющие информационные права и свободы.

Полагаем, к информационным правам и свободам, закрепленным Конституцией Республики Беларусь, относятся: право на информацию - право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды (ст. 34); свобода мнений, убеждений и их свободное выражение (ст. 33);право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство (ст. 28).

К источникам государственной политики Сулакшин С.С. относит послания, доктрины, государственные программы, концепции, стратегии и др.

Источниками государственной информационной политики Республики Беларусь могут являться послания Президента Республики Беларусь, государственные программы, концепции, стратегии. Следует отметить, что порядок принятия подобных актов в действующем законодательстве Республики Беларусь не закреплен.

По сложившейся в Республике Беларусь практике, решающая роль в формировании и реализации государственной политики во всех областях принадлежит Президенту Республики Беларусь. Ежегодно глава государства обращается с посланиями к белорусскому народу и Национальному Собранию.Обращение с посланиями к народу Республики Беларусь о положении в государстве и об основных направлениях внутренней и внешней политики и к Парламенту предусмотрено п.13 и п.14 ст. 84 Конституции Республики Беларусь.

По мнению Сулакшина С.С., Погорелко М.Ю., Репина И.В. к источникам государственной политики относят доктрины[1]. Авторы полагают, что роль доктрин заключается в обеспечении прозрачности и предсказуемости государственной политики.

В Республике Беларусь не сложилась практика принятия (утверждения) доктрин. Так, в настоящее время утверждена единственная доктрина – Военная доктрина Республики Беларусь, в основных положениях которой преобладают нормы-программы, нормы-принципы, нормы-цели, что в свою очередь характерно для норм конституционного права.

Источником государственной политики в Республике Беларусь являются стратегии и государственные программы. Так источниками государственной информационной политики Республики Беларусь является Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016 - 2022 года (далее-Стратегия)[2]и разработанная в соответствии с ней Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016 - 2020 годы[3].

Несомненно, источником государственных политик выступают концептуальные документы (концепции). В Республике Беларусь сформировалась практика принятия (утверждения) Концепций в различных сферах (Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная указом Президента Республики Беларусь 9 ноября 2010 г. № 575, Концепция борьбы с терроризмом в Республике Беларусь, утвержденная Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 июля 2013 г. № 658 и др.). Однако концептуальные основы государственной информационной политики на государственном уровне до сих пор не сформированы.

Автором исследования разработан проект Концепции государственной информационной политики Республики Беларусь. Ряд положений указанного проекта, по мнению Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь (далее - ОАЦ) заслуживает внимания государственных органов, ответственных за реализацию информационной политики, а сам проект Концепции государственной информационной политики Республики Беларусь направлен ОАЦ в Администрацию Президента Республики Беларусь для возможного использования в ходе проработки соответствующих мероприятий.

Заключение. Таким образом, конституционно-правовые источники и основания государственной информационной политики Республики Беларусь представляют собой совокупность конституционно-правовых норм, на основании которых она формируется и реализуется.

Конституционно-правовое основание государственной информационной политики Республики Беларусь должны образовывать нормы ст. 28, 33, 34 Конституции Республики Беларусь.

Источниками государственной информационной политики Республики Беларусь, на наш взгляд, должны являться послания Президента Республики Беларусь, стратегии, государственные программы и концепции.

Источники государственной информационной политики являются основой формирования и совершенствования законодательства Республики Беларусь в информационной сфере.

Требует исследования вопрос о возможности отнесения доктрин к источникам государственной информационной политики Республики Беларусь.

Список цитированных источников

1. Сулакшин, С.С. Источники и основания государственных информационных политик в России. Монография/ С.С. Сулакшин, М.Ю. Погорелко, И.В.Репин–М.: Научный эксперт, 2010.-224 с.
2. Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016-2002 годы [Электронный ресурс]: утв. Президиумом Совета МинистровРесп. Беларусь 3 нояб.2015 г., №26//Режим доступа: http://e-gov.by/zakony-i-dokumenty/strategiya-razvitiya-informatizacii-v-respublike-belarus-na-2016-2022-gody.-Дата доступа:10.03.2017.
3. Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016 - 2020 годы[Электронный ресурс]: утв. постановлением Совета МинистровРесп. Беларусь, 23 марта 2016 г., № 235//ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 347.77

ВИДЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДОМЕННЫХ ИМЕН

Т.В. Семенова, старший преподаватель кафедры гражданского права Полоцкого государственного университета, магистр юридических наук

Аннотация. В настоящей статье исследуются сущностные характеристики и правовая природа доменных имен верхнего уровня, второго и последующих уровней; обосновывается, что правоотношения по регистрации, администрированию, делегированию и трансферу доменных имен второго и последующего уровней являются по своей правой природе гражданско-правовыми; проводится классификация правоотношений, связанных с использованием доменных имен второго и последующего уровней.

Введение. В настоящее время в Республике Беларусь заложена правовая основа информатизации, что позволяет оказывать новые телекоммуникационные и информационные услуги, а также регулировать оказание данных услуг. На сегодняшний день Республика Беларусь обладает достаточно развитой информационной индустрией, комплексом средств вычислительной и телекоммуникационной техники, а также программного обеспечения собственной разработки. Однако успешное развитие информационного общества в Беларуси сдерживается некоторыми факторами, для устранения которых необходимо внести изменения в существующую государственную систему управления процессом информатизации, а также обеспечить эффективное взаимодействие государства и бизнеса в сфере информатизации путем внедрения новых нормативных актов в нормативную правовую базу

в области правоотношений, возникающих в сфере информатизации в целом и в области сети Интернет в частности.

Основная часть. Вопросы отсутствия необходимой и достаточной правовой регламентации правоотношений, связанных с приобретением и использованием доменных имен, являются предметом многолетнего научного обсуждения, как и вопросы определения места доменного имени в системе объектов гражданских прав.

В юридической литературе правоотношение определяется двояко:

– фактическое общественное отношение, которое урегулировано нормой права,

– общественное отношение, которое возникает в результате воздействия нормы права на фактическое общественное отношение.

Правоотношения в отрыве от норм права не существуют. Нормы права не регулируют правоотношения. Они регламентируют фактические отношения и тем самым порождают правовые.

Основная часть. В Республике Беларусь отношения, связанные с функционированием доменных имен, регулируются Инструкцией «О порядке регистрации доменных имен в пространстве иерархических имен национального сегмента сети Интернет» (утверждена Приказом Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь от 18 июня 2010 г. № 47 (с изменениями и дополнениями от 26 февраля 2015 г.) (далее – Инструкция) [1].

Данным документом предусмотрены следующие юридические действия относительно доменных имен: регистрация, делегирование, трансфер, администрирование.

Под администрированием доменного имени подразумевается определение порядка использования домена.

Делегирование доменного имени – это занесение регистратором в национальную доменную зону информации о домене и серверах доменных имен (DNS), обеспечивающих его функционирование, их сетевых адресах, указанных администратором, и (или) занесение в реестр данных о новом администраторе.

Сведения, необходимые для делегирования доменного имени, заносятся в реестр на основании информации, предоставленной администратором регистратору, осуществившему регистрацию доменного имени, а администратор, в свою очередь, вправе в любое время направлять регистратору заявки на прекращение или возобновление делегирования доменного имени, за исключением периодов, когда делегирование приостановлено администратором национальной доменной зоны.

Трансфер доменного имени – это организационные и технические мероприятия по смене регистратора доменного имени. Трансфер доменного имени осуществляется на основании заявок администратора о намерении произвести трансфер, направленных регистратору, с которым заключен договор, и регистратору, с которым предполагается заключение договора. При трансфере администратор осуществляет оплату новому ре-

гистратору за продление регистрации доменного имени сроком на один год. При этом срок продления регистрации доменного имени исчисляется с момента окончания текущего срока его регистрации.

В Республике Беларусь органом, занятым в регистрации и делегировании доменных имен в зоне .BY и БЕЛ является Государственный центр безопасности информации при Президенте Республики Беларусь. В соответствии с международным стандартом ISO3166-1 домен .BY является двухбуквенным доменом верхнего уровня Республики Беларусь. Администратором доменов .BY и .БЕЛ является Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь. Технический администратор белорусской доменной зоны УП «Надежные программы» стал членом организации ccNSO (Country Code Names Supporting Organization.

Гражданско-правовые отношения, связанные с использованием доменных имен возникают, изменяются и прекращаются на основании актов административного характера: соглашении о взаимодействии Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь и регистратора при осуществлении деятельности по регистрации доменных имен в национальной доменной зоне, публичном договоре на оказание услуг по регистрации (продлению регистрации) доменных имен в пространстве иерархических имен национального сегмента сети Интернет. Данные договоры публичной оферты, имеющие типовой характер, оказывают непосредственное влияние на правоотношения, связанные с использованием доменных имен.

Стоит отметить, что доменные мена верхнего уровня и доменные имена второго и последующих уровней, не обладая существенными отличиями с технической точки зрения, имеют разную правовую природу.

Данное различие возникает в силу того, что право администрирования доменных имен верхнего уровня, т.е. возможность определять правила регистрации, порядок делегирования и функционирования доменной зоны, затрагивает не только частные, но и публичные интересы. Так, правительственный консультационный комитет при ICANN (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers) в руководящих принципах отметил, что национальные доменные имена верхнего уровня управляются исходя из публичных интересов, включающих интересы Интернет-сообщества и действующих от его лица правительств соответствующих государств [2].

Доменные имена верхнего уровня в отличие от доменных имен второго и последующих уровней, играют более значимую роль для обеспечения стабильного функционирования системы адресации в сети Интернет.

Так в обязанности администратора национального доменного имени верхнего уровня (Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь) входят:

– обеспечение технологического развития инфраструктуры вверенный ему доменных зон (.BY и .БЕЛ);

– обеспечение процедуры регистрации доменных имен второго уровня, в том числе разработка правил регистрации;

– аккредитация регистраторов;

– разработка политики по разрешению споров;

– иные функции, связанные с технической и информационной поддержкой вверенной ему доменной зоны [3].

От того, какой субъект контролирует доменные имена верхнего уровня, зависит, не только насколько стабильно будет функционировать система адресации в целом, но также соблюдение прав и законных интересов администраторов доменных имен второго уровня.

Целесообразно отметить, право администрирования доменных имен верхнего уровня не может рассматриваться как имущественное, а представляет собой полномочие, предоставленное в рамках соглашения и необходимое для выполнения взятых на себя в рамках такого соглашения обязательств.

Ни ICANN, ни администратор национального доменного имени верхнего уровня (Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь) не обладают имущественным правом в отношении родовых доменных имен верхнего уровня, не являются собственником указанных доменных имен, но обладают полномочиями по их администрированию.

Соглашение, заключенное между администратором национального доменного имени верхнего уровня (Оперативно-аналитическим центром при Президенте Республики Беларусь) и ICANN в рамках которого администратор национального доменного имени верхнего уровня наделяется полномочием администрирования соответствующей доменной зоны (.BY и .БЕЛ), представляет собой вовсе не договор оказания услуг, а соглашение о сотрудничестве, потому что в рамках него каждая из сторон обязуется совершить определенные действия, целью которых является обеспечение надлежащего функционирования адресации в рамках доменной зоны.

Полномочия в отношении администрирования доменных имен верхнего уровня (.BY и .БЕЛ) возникли:

– у ICANN, первоначально в силу соглашения между корпорацией и министерством торговли США, а в последующем в силу принятых на себя обязательств в рамках устава.

– у администратора национального домена верхнего уровня (Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь) в силу соглашения между ним и ICANN.

Можно сделать вывод, что доменные имена верхнего уровня (.BY и .БЕЛ) не являются объектами гражданских прав и не способны к гражданскому обороту.

Возвращаясь к вопросу классификации правоотношений, связанных с использованием доменных имен, на основании юридически значимых действий относительно доменных имен в соответствии с руководящими принципами ICANN и Инструкцией в отношении доменных имен следует выделить правоотношения:

1. по регистрации и администрированию родовых (тематических) доменных имен;

2. по регистрации и администрированию географических (а также псевдо-тематических) доменных имен верхнего уровня;

3. по регистрации, администрированию, делегированию и трансферу доменных имен второго и последующего уровней.

Администратор национального доменного имени (Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь) самостоятельно выбирает обозначение, которое будет зарегистрировано в качестве доменного имени, а также самостоятельно определяет порядок его использования, исходя из возможностей технологии адресации. Роль регистратора (ICANN) в данном случае сводится лишь к проверке возможности зарегистрировать указанное обозначение, потому что доменное имя является абсолютно уникальным в рамках сети Интернет, и два одинаковых доменных не могут быть зарегистрированы. Несмотря на то, что договором предусмотрена обязанность администратора использовать доменное имя не нарушая права третьих лиц, регистратор (ICANN) фактически не контролирует исполнение этой обязанности. Он не вправе требовать предоставление отчетности об использовании доменного имени, а также разрешать споры об использовании доменного имени между администратором (Оперативно-аналитическим центром при Президенте Республики Беларусь) и третьими лицами. От того субъекта, который контролирует доменное имя верхнего уровня, зависит, не только насколько стабильно функционирует система адресации Интернета, но соблюдение прав и законных интересов администраторов доменных имен второго уровня.

Целесообразно отметить, что администратор национального доменного имени (Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь) не обладает в отношении вверенных ему доменных имен имущественным правом, но обладает полномочием по администрированию данных доменных имен, необходимых для выполнения возложенных на него обязанностей. Как уже было выше сказано, доменные имена верхнего уровня не являются объектами гражданских прав и не способны к гражданскому обороту.

Так, различают общие (другие названия – родовые, тематические), и национальные домены верхнего уровня (ccTLD), управление которыми делегировано соответствующим национальным регистраторам, которые устанавливают правила регистрации в них либо сами, либо согласно указаниям органов власти соответствующих государств.

В свою очередь, тематические домены подразделяются на спонсируемые и неспонсируемые. Выделяют также домены ограниченного пользования, домены для инфраструктуры Интернета, а также зарезервированные домены, имеющие преимущественно технический характер.

Существенным пробелом в регулировании тематических доменов является то, что при регистрации соответствующих доменных имен зачастую не предъявляются требования к сфере деятельности. Данный факт приводит к неопределенности. Так, на Интернет-сайте, который идентифицируется доменным именем окончанием «.com», можно найти инфор-

мацию некоммерческого характера. В настоящее время в связи с нехваткой доменных имен обсуждается вопрос о введении в действие еще нескольких тематических доменов первого уровня.

Географические домены первого (верхнего) уровня соответствуют двухбуквенным кодам согласно стандарту ISO 3166 Международной организации по стандартизации. Это, в частности, .RU(для Российской Федерации), .BY (для Республики Беларусь), .EU (для ЕС). Доменная зона .EU предусматривается Регламентом Европейского парламента и Совета от 22 апреля 2002 г. № 733/2002.

Также интерес вызывает проблема так называемых псевдотематических доменов, так как они представляют собой географические домены, которые используются в качестве тематических юридическими и физическими лицами, не являющимися резидентами государств – владельцев данных доменных зон.

Правоотношения, связанные с регистрацией и администрированием родовых (тематических) доменных имен, географических (а также псевдо-тематических) доменных имен и доменных имен верхнего уровня, являются публично-правовыми, ввиду того, что администратор национального доменного имени не обладает в отношении вверенных ему доменных имен имущественным правом.

В противовес данным правоотношениям, право регистрации и администрирования доменных имен второго и последующих уровней не обременено публичными интересами и не связано с выполнением со стороны администратора каких-либо обязательств по обеспечению стабильности функционирования адресного пространства в сети Интернет. Доменные имена второго и последующих уровней как объекты гражданских прав представляют собой имущественное право, заключающееся в возможности управления определенной областью адресного пространства сети Интернет, извлечении и присвоении благ, связанных с использованием данного пространства.

Регистрация, администрирование, делегирование и трансфер доменных имен второго и последующего уровней в Ресублике Беларусь согласно Инструкции может осуществляться юридическими лицами, аккредитованными техническим администратором национальной доменной зоны (ООО «Надежные программы»). В настоящее время аккредитованными регистраторами являются 6 компаний: общество с ограниченной ответственностью «Открытый контакт»; общество с ограниченной ответственностью «Надежные программы»; общество с ограниченной ответственностью «Экстмедиа»; белорусско-английское совместное предприятие общество с ограниченной ответственностью «Деловая сеть»; общество с ограниченной ответственностью «Активные технологии», общество с ограниченной ответственностью «ТриИнком». Гражданско-правовые отношения, связанные с использованием доменных имен второго и последующих уровней возникают, изменяются и прекращаются на основании публичного договора на оказание услуг по регистрации (про-

длению регистрации) доменных имен в пространстве иерархических имен национального сегмента сети Интернет. Данные договоры публичной оферты, имеющие типовой характер, оказывают непосредственное влияние на правоотношения, связанные с использованием доменных имен.

Заключение. В соответствии с вышеизложенным, на основании юридически значимых действий относительно доменных имен можно выделить три вида правоотношений, связанных с использованием доменных имен: по регистрации и администрированию родовых (тематических) доменных имен; по регистрации и администрированию географических (а также псевдо-тематических) доменных имен верхнего уровня; по регистрации, администрированию, делегированию и трансферу доменных имен второго и последующего уровней. Обосновано, что правоотношения первых двух видов имеют публично-правовой характер. Научный интерес в рамках проводимого исследования составляют правоотношения по регистрации, администрированию, делегированию и трансферу доменных имен второго и последующего уровней, которые по своей правовой природе являются гражданско-правовыми.

Список цитированных источников

1. Инструкция о порядке регистрации доменных имен в пространстве иерархических имен национального сегмента сети Интернет: утв. Оперативно-аналитическим центром при Президенте Республике Беларусь 06.03.2012. текст по состоянию на 10 апр. 2016 г [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016. – Режим доступа: http://www.pravo.by. –Дата доступа: 10.02.2017

2. GAC Statements Concerning ccTLDs – [Electronic resource]. – Mode of access: http://archive.icann.org/en/cctlds/gac-statements-concerning-cctlds-16dec01.htm – Date of access: 04.12.2015.

3. ICANN Board/Staff Materials ccTLDs – [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.icann.org/resources/pages/background-2012-02-25-en – Date of access: 04.12.2015.

УДК 340.013

АБ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ СІСТЭМЫ САЦЫЯЛЬНАГА КІРАВАННЯ

М.У. Сільчанка, прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар юрыдычных навук, прафесар

Анатацыя. Сістэма сацыяльнага кіравання выконвае місію па кіраванню працэсамі ў эканамічнай і сацыяльнай сістэмах грамадства, уплывае насістэму сацыяльнага рэгуліравання і духоўную сістэму. Яна мае сваю адметную будову, складваецца з асноўных і дадатковых элементаў. Асноўныя элементы утвараюць каркас сістэмы сацыяльнага кіравання, а праз дадатковыя элементы сістэма сацыяльнага кіравання ўзаемадзейнічае з іншымі сістэмамі грамадства.

Увядзенне. Сістэма сацыяльнага кіравання наўпрост ці ўскосна аказвае ўплыў на ўсе працэсы, якія працякаюць у грамадстве, але механізм яе

ўздзеяння на іншыя сацыяльныя сістэмы, як і іх зваротнае ўздзеянне на сістэму сацыяльнага кіравання немагчыма высветліць без структурна – функцыянальнага аналізу сістэмы сацыяльнага кіравання, г.зн. без выдзяленняасобных элементаў сістэмы сацыяльнага кіравання і вывучэнняіх функцыянальных сувязяў унутры сістэмы сацыяльнага кіравання і з элементамі іншых сацыяльных сістэм.

Асноўная частка. У сістэмы сацыяльнага кіравання мы можам выдзеліць, па – першае, элементы, якія ўласцівы толькі гэтай сістэме, а, па – другое, элементы, якія ўваходзяць у склад іншых сістэм, але ў функцыянальным аспекце яны неабходны для сістэмы сацыяльнага кіравання і павінны быць уключаны ў яе змест. Першая група элементаў складае аснову сістэмы сацыяльнага кіравання, без іх янане можа існаваць і аказваць уздзеянне на іншыя сістэмы. Праз другую групу элементаўажыццяўляецца ўздзеянне іншых сістэм грамадства на сістэму сацыяльнага кіравання. Напрыклад, праз нарматыўны элемент сістэмы сацыяльнага рэгуліравання забяспечваецца замацаванне структурных элементаў сістэмы сацыяльнага кіравання, адбываецца фармалізацыя сувязяў як у сістэме сацыяльнага кіравання, так і ў іншых сістэмах грамадства. У сваю чаргу, у сістэме сацыяльнага кіравання, як будзе паказана ніжэй, маецца такі структурны элемент, праз які яна аказвае ўздзеянне на іншыя сістэмы грамадства.

Да элементаў сістэмы сацыяльнага кіравання, якія належаць толькі сістэме сацыяльнага кіравання адносяцца: 1) элемент станаўлення і самаўзнаўлення; 2) камунікатыўна – інфармацыйны элемент; 3) арганізацыйны (суб'ектна – аб'ектны) элемент; 4) элемент сацыяльнага кантроля, які ўключае кантрольна наглядныя механізмы і механізмы прымусу і карэкцыі сістэмы сацыяльнага кіравання. Да элементаў сістэмы сацыяльнага кіравання, якія ўваходзяць у склад іншых сацыяльных сістэм, адносяцца: 1) нарматыўны элемент – належыць сістэме сацыяльнага рэгуліравання; 2) мэтава – праграмны элемент – належыць духоўнай (ідэалагічнай) сістэме; 3) рэсурсны элемент – належыць эканамічнай сістэме грамадства. Элементы сістэмы сацыяльнага кіравання, якія ўваходзяць у склад іншых сістэм грамадства, выконваюць інтэгратыўную функцыю, яны забяспечваюць адзінства сістэмы сацыяльнага кіравання з астатнімі сацыяльнымі сістэмамі.

Ахарактарызуем напачатку элементы сістэмы сацыяльнага кіравання, якія належаць уласна ёй і толькі ей, а затым –інтэгратыўныя элементы.

1. Элемент станаўлення і самаўзнаўлення сістэмы сацыяльнага кіравання.

Кожная з існуючых сістэм грамадства – эканамічная, сацыяльная, духоўная (ідэалагічная) і г.д. мае свой адметны элемент станаўлення і самаўзнаўлення. У склад гэтага элемента уключаюцца працэсы ў грамадстве, якія абумоўліваюць фарміраванне і самаўзнаўленне самастойнай сістэмы. Калі размова ідзе аб сістэме сацыяльнага кіравання, то да такіх працэсаў мы

павінны аднесці ўсе фактары, пад уздзеяннем якіх у грамадстве сфарміравалася і функцыяніруе сацыяльная ўлада – аснова сацыяльнага кіравання – і найперш яе суб'ектна – аб'ектны элемент. У складзе гэтага элемента асобнае роля належыць розным формам легітымацыі і легалізацыі ўлады (выбары, рэферэндум, наследаванне, прызначэнне і г.д.), праз якія забяспечваецца адзінства суб'ектаў і аб'ектаў сацыяльнага кіравання.

2. Камунікатыўна – інфармацыйныэлемент сацыяльнага кіравання.

Без камунікацый немагчыма функцыяніраванне сістэмы сацыяльнага кіравання, як дарэчы і любой іншай сацыяльнай сістэмы. Чаму камунікатыўны элемент уваходзіць у склад менавіта сістэмы сацыяльнага кіравання, а не нейкай іншай сацыяльнай сістэмы? Таму што каналы, сродкі сувязі, механізмы і сістэмы перадачы інфармацыі не могуць быць створаны без арганізацыйных высілкаў з боку суб'ектаў кіравання. У сучаснай юрыдычнай навуцы стварэнне сістэмы камунікацый разглядаецца ў якасці адной з мінімальных функцый, якія абавязана выконваць дзяржава – асноўны суб'ект сістэмы сацыяльнага кіравання [1, с. 561]. Доўгі час у сацыяльнай сістэме асноўнымі камунікацыямі валодала менавіта дзяржава, яна ж адказвала за стварэнне камунікацый і падтрыманне іх у належным стане. У эпоху глабалізацыі сітуацыя мяняецца. Узніклі вельмі моцныя наднацыянальныя сродкі камунікацый (напрыклад, інтэрнэт), а разам з гэтым і паўстала праблема забеспячэння суверэнітэту дзяржавы над гэтым сегментам камунікацый. Бо калі дзяржава страчвае магчымасць самастойна і незалежна выконваць хаця б адну з мінімальных функцый, яна губляе статус суверэннай дзяржавы. Разважанні пра вольны інтэрнэт не вартыя ўвагі. Над гэтай сістэмай перадачы інфармацыі павінен быць усталяваны суверэнітэт дзяржавы.

Дадзены элемент сістэмы сацыяльнага кіравання называецца не проста камунікатыўным, але яшчэ і інфармацыйным таму, што без выпрацоўкі, захавання і перадачы сацыяльнай інфармацыі не мае ніякага сэнсу ніводная сістэма камунікацый. Увогулле сацыяльная інфармацыя з'яўляецца скразным складнікам кожнай з сістэм грамадства, як, дарэчы, і такі складнік, як грамадская думка, якая з'яўляецца ўніверсальным сродкам індывідуальнага рэгуліравання.

3. Арганізацыйны (суб'ектна – аб'ектны) элемент сістэмы сацыяльнага кіравання.

Падобна таму, як у сістэме сацыяльнага рэгуліравання нарматыўны элемент разам з элементам індывідуальнага рэгуліравання з'яўляецца сістэмай сацыяльнага рэгуліравання ў вузкім сэнсе слова, суб'ектна – аб'ектны элемент у сістэме сацыяльнага кіравання з'яўляецца асновай, каркасам сістэмы сацыяльнага кіравання і таксама можа разглядацца як сістэма сацыяльнага кіравання ў вузкім сэнсе слова. Менавіта праз гэты элемент сістэмы сацыяльнага кіравання аказвае уздзеянне на іншыя сістэмы грамадства і без гэтага элемента сістэмы сацыяльнага кіравання ніводная з іншых сістэм грамадства функцыяніраваць не можа.

У склад дадзенага элемента ўваходзяць найперш органы, арганіза-

цыі, установы, сацыяльныя аб'яднанні, якія ажыццяўляюць уладу. Гэта – суб'екты сістэмы сацыяльнага кіравання. Важны складнік дадзенага элемента – аб'екты сістэмы сацыяльнага кіравання. Пад аб'ектам сацыяльнага кіравання таксама разумеюцца органы, арганізацыі, установы і сацыяльныя аб'яднанні, адносна якіх ажыццяўляецца ўлада. Д.Н. Бахрах, адзін з стваральнікаў тэорыі сацыяльнага кіравання пісаў: "Социальное управление имеет место там, где люди управляют людьми. Иными словами – это управление, субъектом и объектом которого являются люди"[2, с.6]. Такім чынам, маецца структурнае і функцыянальнае адзінства паміж суб'ектам і аб'ектам сацыяльнага кіравання, бо у самым шырокім сэнсе слова сацыяльнае кіраванне – гэта "воздействие субъекта (субъектов) на объект (объекты), изменяющее положение, поведение или свойства объекта (объектов)[3, с. 11–12]."Суб'ект і аб'ект сацыяльнага кіравання – гэта не асобныя элементы сістэмы сацыяльнага кіравання, а адзін элемент, бо няма суб'екта кіравання без аб'екта, як і аб'ект кіравання нельга вызначыць без указання на тое, хто адносна яго выступае суб'ектам кіравання.Асобнае месца ў складзе дадзенага элемента належыць прадметнаму складніку – тыпам і відам грамадскіх адносінаў, на якія ўздзейнічаюць суб'екты сацыяльнага кіравання. Але тыпы і віды грамадскіх адносінаў – гэта не нейкі асобны аб'ект сацыяльнага кіравання, а менавіта тое "поле грамадскіх адносінаў", дзе адбываецца ўзаемадзеянне суб'екта і аб'екта сацыяльнага кіравання.

4. Элемент сацыяльнага кантролю. Увогуллесацыяльны кантрольуяўляе "совокупность процессов в социальной системе…посредством которых обеспечивается следование определенным "образцам" деятельности, а также соблюдение ограничений в поведении, нарушение которых отрицательно сказывается на функционировании системы"[4, с. 639]. Адносна сістэмы сацыяльнага кіравання элемент сацыяльнага кантролю увасабляецца найперш у наяўнасцікантрольна – наглядных механізмаў і механізмаў сацыяльнага прымусу, а таксама механізмаў карэкцыі. Гэты элемент забяспечвае належнае функцыяніраванне сістэмы сацыяльнага кіравання, а таксама яе адаптацыю да патрабаванняў эканамічнай, сацыяльнай, духоўнай сістэм і сістэмы сацыяльнага рэгуліравання.

Інтэгратыўныя элементы сістэмы сацыяльнага кіравання.

1. Нарматыўны элемент сістэмы сацыяльнага кіравання.

Дадзены элемент уваходзіцьу склад сістэмы сацыяльнага рэгуліравання, але ў функцыянальным плане сістэму сацыяльнага кіравання без нарматыўнага элемента ўявіць цяжка.У яго склад, як вядома, уваходзяць усе віды нарматыўныхрэгулятараў – нормы права і прынцыпы маралі, этычныя і палітычныя нормы і г.д. Праз гэты элемент найперш адбываецца замацаванне сістэмы сацыяльнага кіравання і з яго дапамогай забяспечваецца функцыяніраванне сістэмы сацыяльнага кіравання. Калі права разглядаецца менавіта ў такім ракурсе, то найлепшым чынам высвечваюцца яго асобныя бакі [5, с. 50].Увогулле нарматыўны элемент сістэмы сацыяльнага рэгуліравання з'яўляецца неад'емнай складовай

часткай кожнай з сацыяльных сістэм, у тым ліку эканамічнай і духоўнай (ідэалагічнай) сістэмы.

2. Мэтава – праграмны элемент сістэмы сацыяльнага кіравання.

Вузлавым элементам у сістэме сацыяльнага кіравання, як дарэчы і ў сістэме сацыяльнага рэгуліравання, іншых сацыяльных сістэмах з'яўляецца мэтава – праграмны элемент, які «аб'ядноўвае» рознародныя суб'екты і аб'екты сацыяльнага кіравання ў адзінае цэлае, у сістэму сацыяльнага рэгуліравання, забяспечвае функцыянальнае адзінства і мэтанакіраванасць сістэмы сацыяльнага кіравання. Мэтанакіраванасць сістэмы сацыяльнага кіравання першапачаткова забяспечвалі рэлігійныя культы, затым – сусветныя рэлігійныя сістэмы, у большасці сучасных дзяржаў за фармуліраванне мэтаў сістэмы сацыяльнага кіравання адказвае свецкая ідэалогія, а ў тэакратычных дзяржавах – прыярытэт па – ранейшаму застаецца за рэлігіяй. Разам з тым, усе элементы сістэмы сацыяльнага кіравання маюць зваротныя сувязі з мэтава – праграмным элементам і аказваюць уздзеянне на яго.

Мэтава – праграмны элемент найперш з'яўляецца асноўным элементам духоўнай (ідэалагічнай) сістэмы грамадства, але без яго не ў стане функцыяніраваць ніводная з сістэм грамадства і таму ён адначасова ўваходзіць у склад іншых сістэм, у тым ліку ў склад сістэмы сацыяльнага рэгуліравання і сістэмы сацыяльнага кіравання.

3. Рэсурсавы элемент сістэмы сацыяльнага кіравання.

Пад рэсурсамі, якія ўваходзяць у склад гэтага элемента сістэмы сацыяльнага кіравання можна разумець самы шырокі спектр матэрыяльных, фінансавых, інтэлектуальных, інфармацыйныхздабыткаў грамадства, каштоўнасцяў, без наяўнасці якіх сістэма сацыяльнага кіравання дзейнічаць не ў стане. Рэсурсы неабходны складнік сістэмы сацыяльнага кіравання, таму што без іх суб'екты сацыяльнага кіравання не ў стане забяспечыць мэтанакіраванае і эфектыўнае ўздзеянне на аб'екты кіравання. У кожнага суб'екта сацыяльнага кіравання маюцца свае адметныя рэсурсы.

Заключэнне. Такім чынам, сістэма сацыяльнага кіравання – адна з падсістэм грамадства, яна выконвае місію па кіраванню працэсамі ў эканамічнай і сацыяльнай сістэмах грамадства, аказвае ўздзеянне на сістэму сацыяльнага рэгуліравання,духоўную (ідэалагічную) і эканамічную сістэму.Сістэма сацыяльнага кіравання мае адметную структуру. Да элементаў, якія належаць толькі сістэме сацыяльнага кіравання адносяцца: 1) элемент станаўлення і самаўзнаўлення; 2) камунікатыўна - інфармацыйны элемент; 3) арганізацыйны (суб'ектна – аб'ектны) элемент; 4) элемент сацыяльнага кантроля, які ўключае кантрольна - наглядныя механізмы, механізмы прымусу і карэкцыі. Узаемадзеянне сістэмы сацыяльнага кіравання з іншымі сістэмаміадбываецца праз асобныя элементы. Праз мэтава – праграмны элемент, які з'яўляецца прыналежнасцю духоўнай (ідэалагічнай) сістэмы грамадства, яна ўзаемадзенічае з духоўнай (ідэалагічнай) сістэмай. Праз нарматыўны элемент, які з'яўляецца элементам сістэмы сацыяльнага рэгуліравання, адбываецца яе ўзаемадзеянне з дадзенайсацыяльнай

сістэмай. Рэсурсавы элемент – вузлавы элемент эканамічнай сістэмы, без якога сістэма сацыяльнага кіравання існаваць не можа. У сваю чаргу сістэма сацыяльнага кіравання аказвае ўздзеянне на іншыя сацыяльныя сістэмы праз суб'ектна – аб'ектны элемент.

Спіс цытаваных крыніц

1. Четвернин, В.А. Функции государства / В.А. Четвернин // Проблемы общей теории права и государства: учебник / Под общ. ред. В.С.Нерсесянца. – 2-е изд., пересмотр. - М.: Норма : ИНФРА. М, 2010. – с. 561 – 571.
2. Бахрах, Д.Н. Основные понятия теории социального управления/Д.Н. Бахрах// Учебное пособие по спецкурсу. Пермский ун-т, 1978. – 102 с.
3. Чиркин, В.Е. Основы публично – правового управления: учеб.пособие / В.Е. Чиркин. – М.: Изд-во МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2016. – 488 с.
4. Философский энциклопедический словарь/ Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов– М.: Сов. Энциклопедия,1983.– 840 с.
21. Бочков, А.А. Актуальные проблемы правопонимания / А.А. Бочков // Вестник Витебского государственного университета. – 2001. - № 2. – с. 49 - 54.

УДК 347.9

ПРЕИМУЩЕСТВА ИСКОВЫХ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВ

Е.В. Синюк, магистрант юридического факультета Белорусского государственного университета

Аннотация. В статье анализируются последствия введения института административного иска в Российской Федерации. Рассматриваются особенности исковой формы обращения в суд за защитой субъективного публичного права. Делается вывод, что для судебной защиты субъективных публичных прав административный иск и исковая форма производства могут использоваться с учетом особенностей, связанных со спецификой рассмотрения и разрешения дел публично-правового характера.

Введение. Учреждение института административного иска с принятием Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) актуализировало вопрос совершенствования правовых средств защиты публичных прав в нашей стране.

В силу действующего Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) рассмотрение дел, связанных с защитой субъективных публичных прав, осуществляется в рамках искового, особого производства, а чаще – производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений. Формы обращения в суд в указанных производствах называются соответственно исковым заявлением, заявлением и жалобой.

Существует мнение, что культура жалобы, преобладающая в странах Восточной Европы, отличается от западной правовой культуры, стержнем которой является вера в фундаментальные понятия гражданского достоинства, основанные на правах и законности, средством защиты которых служит иск. [1] Однако большинство ученых все же считают, что неиско-

вая форма производства по делам публично-правового характера не позволяет в полной мере обеспечить защиту субъективных публичных прав, поскольку в силу неисковой природы заявления значительно ограничивает права граждан и иных субъектов публичных правоотношений.

Основная часть. Применение исковой формы обращения в суд за защитой субъективного публичного права предполагает использование общих для искового производства правил. Однако особенности, связанные с предметом судебной деятельности в производстве по делам публично-правового характера, должны определять специфику их рассмотрения и разрешения.

Предметом судебной деятельности в производстве по делам публично-правового характера является проверка законности и обоснованности оспариваемых актов (действий) административного правоприменения, затрагивающих субъективные права и интересы граждан, юридических лиц, либо оснований удовлетворения заявлений государственных органов об ограничении прав и свобод граждан, юридических лиц.

Отметим, что специфика споров, связанных с защитой субъективных публичных прав, связана с неравным положением сторон спора: участниками судебного разбирательства с одной стороны выступают гражданин или юридическое лицо, с другой – государственные органы и должностные лица, наделенные публичными полномочиями. Данный факт необходимо учитывать для устранения процессуального неравноправия сторон. Так, КАС РФ, закрепляя принцип состязательности и равноправия сторон административного судопроизводства, подчеркивает активную роль суда (п. 7 ст. 6, ст. 14 КАС РФ). Данная особенность нашла отражение в праве суда по своей инициативе истребовать доказательства (ч. 1 ст. 63, п. 6 ч. 3 ст. 135 КАС РФ), назначать экспертизу (ч. 2 ст. 72 КАС РФ),вызвать свидетеля в судебное заседание (ч. 4 и ч. 6 ст. 69 КАС РФ), а также возможности выйти за пределы заявленных требований (ч. 1 ст. 178КАС РФ).

В развитие темы об активной роли суда при рассмотрении дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, можно отметить нормы КАС РФ, предусматривающие контроль суда за реализацией прав сторон в процессе.[3] Это проявляется, в частности, в полномочиях суда по утверждению заключаемого сторонами соглашения о примирении (ст. 137 КАС РФ), принятию отказа административного истца от административного иска и признанию административного иска (ст. 46 КАС РФ), принятию встречного административного искового заявления (ст. 131 КАС РФ).

Таким образом, с помощью указанных выше положений создается необходимая предпосылка для равенства процессуально-правовых статусов участников административного спора и их независимости друг от друга.

Следует обратить внимание на п. 4 ч. 1 ст. 128 КАС РФ, согласно которому суд отказывает в принятии административного искового заявления об оспаривании нормативных правовых актов, решений, действий (бездействия), нарушающих права, свободы и законные интересы не-

определенного круга лиц, если имеется вступившее в законную силу решение суда, принятое по административному иску о том же предмете. По всей видимости, рассматриваемая норма нацелена на исключение рассмотрения судами тождественных дел и применение уже принятого по такому делу судебного решения ко всем однородным публично-правовым спорам. Однако в данном случаеможно констатировать факт ограничения граждан (юридических лиц) в возможности судебной защиты нарушенных прав в том случае, когда имеются основания, не указанные административным истцом при рассмотрении дела, и, следовательно, не учтенные судом при вынесении судебного решения по ранее рассмотренному делу, либо возникли новые основания.Некоторые российские процессуалисты придерживаются мнения, что в целях недопущения подобного ограничения прав участников публичных отношений следует связывать отказ в принятии административного искового заявления по указанной категории дел с тождеством как предмета, так и оснований административного иска.[2] С другой стороны, установление обязанности суда проверить законность и обоснованность оспариваемого акта (действия) в полном объеме вследствие отказа от права многократного обращения в суд по разным мотивам оправдывает существование данного правила.

Также при обращении в суд за защитой субъективных публичных прав особое значение имеет срок, в течение которого может быть подано административное исковое заявление. По общему правилу, установленному в ч. 1 ст. 219 КАС РФ, он составляет три месяца со дня, когда гражданину, организации, иному лицу стало известно о нарушении их прав, свобод и законных интересов. В ряде случаев могут устанавливаться как более длительные, так и сокращенные сроки.При этом пропуск срока не является основанием для отказа в принятии заявления: на сроки обращения в суд с административным исковым заявлением распространяются положения, касающиеся исчисления, окончания и восстановления процессуальных сроков. По общему правилу, если суд выяснит, что срок на обращение в суд пропущен по уважительной причине, он может быть восстановлен (ч. 5-7 ст. 219 КАС РФ).

Таким образом, введение института административного иска определило момент начала исчисления сроков по аналогии с порядком исчисления сроков исковой давности. Соответственно, правовые последствия его несоблюдения носят материально-правовой характер (отказ в удовлетворении заявления).

Сокращение сроков, в свою очередь, позволяет учесть специфику обращения за защитой определенных публичных прав и обусловлено значимостью споров, а также характером публичных правоотношений и наличием возможности суда своевременно вмешаться в урегулирование возникшего спора и предотвратить наступление неблагоприятных последствий для участников публичных правоотношений.[2]

Представляется верным мнение авторов, считающих, что рассмотренные особенности обеспечивают возможность своевременного и всестороннего рассмотрения административных дел и способствуют повы-

шению эффективности судопроизводства и обеспечению его задач с учетом интересов участников публичных правоотношений.[3]

Заключение. Таким образом, административный иск и исковая форма производства могут использоваться для судебной защиты субъективных публичных прав с учетом особенностей, связанных со спецификой рассмотрения и разрешения дел публично-правового характера: активная роль суда в процессе, в том числе по полной проверке законности и обоснованности оспариваемых актов (действий), введение различных, в том числе сокращенных сроков исковой давности на обращение в суд и др.

Список цитированных источников

1. Шайо А. Нестерпимая правота прав. Право посткоммунистических обществ // Российский бюллетень по правам человека.–1995. –Вып. 5. – С. 13.
2. Торопов А.В. Исковая форма в административном судопроизводстве: новое в законодательстве / А.В. Торопов // Административное и муниципальное право. – 2014. –№ 4. – С. 360 –366.
3. Степанян Ш.У. Особенности административного судопроизводства как самостоятельной формы осуществления судебной власти / Ш.У. Степанян // Российский судья – 2015. – № 11. –С. 44 – 47.

УДК 343.97

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ЖЕРТВ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.Г. Стаценко, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы совершенствования правового обеспечения защиты жертв преступной деятельности, даётся анализ действующего законодательства в указанной сфере, формулируются предложения, по совершенствованию норм законодательства.

Введение. Проведенное сравнительное исследование законодательства Республики Беларусь в части обеспечения необходимой защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений, свидетельствует о необходимости его совершенствования и разработки системы правовых и организационно-профилактических мер предупреждения развития криминальной виктимности в Республике Беларусь.

Основная часть. Более одиннадцати лет прошло со времени утверждения (2006 год) Советом Министров Республики Беларусь Концепции защиты жертв преступной деятельности. Необходимость ее разработки и принятия была обусловлена, как это определялось в самом документе, «негативными тенденциями в развитии преступности и органически связанной с ней криминальной виктимизации населения в период перехода страны к рыночным отношениям, а также необходимостью противопо-

ставить им комплекс системных мер по защите жертв преступной деятельности»[1].

Концепцией предусматривалось, с учетом зарубежного опыта, а также норм ряда международно-правовых актов, совершенствование национального законодательства о защите потерпевших от преступной деятельности; усиление эффективности деятельности органов, ведущих уголовный процесс, по возмещению потерпевшим от преступлений физического, имущественного и морального вреда; выработка оптимальных подходов к оказанию потерпевшим от преступлений правовой, социальной, медицинской, финансовой, психологической и иной помощи со стороны государства и общества.

Для конкретной реализации этих целей предлагалось, в частности, разработать проект Закона Республики Беларусь "О правовом статусе жертв преступной деятельности", внести необходимые дополнения в Уголовно – процессуальный кодекс и другие правовые акты, в которых нашли бы свое выражение такие, например, требования международно-правовых стандартов в области защиты прав жертв преступлений, как:

- возмещение ущерба жертвам насильственных преступлений за счет государства, если оно не может быть обеспечено из других источников, для лиц, которым нанесен серьезный урон физическому состоянию и здоровью или которые находились на иждивении погибших в результате таких преступлений в порядке реституции или компенсации;

- введение в законодательство норм, предусматривающих возможность бесплатного выделения адвокатов для потерпевших от преступлений при желании последних, которые бы выступали в уголовном процессе в качестве их представителей, т.е. уравнивание в этом смысле потерпевших с подозреваемыми и обвиняемыми в процессуальных правах;

- организация социальной защиты и реабилитации потерпевших от преступной деятельности соответствующими местными исполнительными и распорядительными органами и выделение для этих целей необходимых материальных средств;

- создание специального подразделения, осуществляющего функции обеспечения безопасности участников уголовного процесса, создание для обеспечения безопасности таких лиц в судах безопасных комнат ожидания для потерпевших и свидетелей обвинения, оснащение залов судебных заседаний необходимым оборудованием для допроса защищаемых лиц с использованием аудиовидеотехнических средств, обеспечивающих их неузнаваемость преступниками, и др.

Сегодня приходится с сожалением констатировать, что все эти предлагаемые мероприятия, так и остались нереализованными, что, очевидно, негативно сказывается на эффективности работы по предупреждению преступности и воздействия последствий преступной деятельности на население.

Хотя криминальная ситуация в стране за последние 10 лет существенно улучшилась, тем не менее, объем преступности и коэффициент виктимности (число потерпевших на 100 тысяч населения) сохраняются

на достаточно высоком уровне начала 2000-х годов. Так, если в 2001 году было зарегистрировано 114.177 преступлений и 75.229 лиц, потерпевших от преступлений, а коэффициент виктимности составил 757, то в 2017 году – зарегистрировано 92.943 преступления и 65.130 потерпевших или 684 потерпевших на 100 тыс. населения страны [2].

Следует учитывать, к тому же, весьма высокий уровень виктимной латентности. Так, проведенный нами в 2013 году опрос населения Витебска показал, что жертвами различных преступлений в течение жизни становились среди витебчан - 10% неоднократно и 24% единожды. В течение последних трех лет жертвами преступлений становились, согласно опросу, 15 % витебчан. По официальным же данным, потерпевшими за последние три года было признано в Витебской области – около 20 тыс. человек или около 2% населения [3, с.171]. Даже с поправкой на возможные погрешности репрезентативности опроса, разница, как мы видим, шестикратная

Серьезную проблему, по прежнему, представляет пассивное поведение потерпевших в уголовном процессе. По данным указанного виктимологического опроса, 60% потерпевших, обратившихся в правоохранительные органы, в судебном разбирательстве по факту совершения в отношении их преступления не участвовала. Среди тех, кто принимал участие в судебном разбирательстве, удовлетворенными его результатами оказалось лишь 32 %. Причиненный преступлением вред не был возмещен в рамках рассмотренных уголовных дел в отношении 37% потерпевших [4, с.196, 198].

Очевидно, что преступности и виктимизации, как массовым антиобщественным явлениям, общество должно противопоставить эффективно действующую систему социального контроля преступности и обеспечения прав потерпевших от преступлений

Законодательное обеспечение прав потерпевших от преступлений в Республике Беларусь далеко не в полной мере соответствует по ряду позиций нормам международного права и уступает в своем «качестве» законодательству ряда постсоветских стран - Российской Федерации, Молдовы, Казахстана, Литвы и др.

Так, например, законодательство Республики Молдова в рассматриваемой сфере правоотношений представляет собой систему взаимосвязанных правовых актов: Закон «О реабилитации жертв преступлений» 2016 года, Закон «О предупреждении и пресечении насилия в семье», принятый в 2007 году, Закон "Об особой защите детей, находящихся в ситуации риска, и детей, разлученных с родителями» 2013 года (в редакции Закона от 12.04.2015 г.), Постановление Правительства Республики Молдова "Об утверждении Типового положения об организации и функционировании центров реабилитации жертв насилия в семье»2010 года и ряд других. Нормы этих и ряда других подзаконных актов позволяют в достаточно полной мере обеспечивать права потерпевших.

Заключение. В Республике Беларусь по прежнему актуальной является реализация мер, определенных Концепцией 2006 года по совершенствованию законодательства, регулирующего вопросы обеспечения прав

потерпевших, создания специального Фонда компенсаций жертвам насильственных преступлений, разработки и принятия правовых норм, регулирующих его деятельность, основания, размер компенсаций и их виды, методику расчета нанесенного вреда здоровью, морального вреда и т.д.; принятия соответствующих поправок в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы. Назрела необходимость принятия Закона "О правовом статусе жертв преступной деятельности", который, наряду с иным специальным виктимологическим законодательством, обеспечил бы эффективную защиту жертв преступлений.

Список цитированных источников

1. Концепция защиты жертв преступной деятельности. Утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь, 20.01.2006 № 74 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Общая статистика за 2016 год / Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http: // mvd.gov.by / ru / main.aspx?guid=342713/- Дата доступа: 05.03.2017
4. Криминальная виктимизация населения приграничных районов России и Беларуси (Смоленская и Витебская области): результаты компаративистского виктимологического исследования: Монография / Под ред. Муллахметовой Н.Е. и Бочкова А.А. - Смоленск: Изд-во «Универсум», 2014. - 396 с.
5. Там же.

УДК 159.9:347.157

НАУЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДЕТЕРМИНАЦИИ КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

А.А. Сухарев, доцент кафедры истории и теории права Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук, доцент

Аннотация. Недостаточность знаний о психологических механизмах преступного поведения затрудняет его квалификацию, а также его предупреждение и профилактику. В обобщённом виде обусловленность криминального поведения обозначают как социопсихобиологическую детерминацию.

Введение. Белорусские и российские учёные среди важнейших социальных факторов выделяют социализацию личности. Процесс социализации осуществляется, главным образом, в следующих институтах: семье, школе и референтных группах сверстников. Российская учёная О.А. Гулевич подчёркивает, что социализация в этих институтах может носить характер эксплицитный и имплицитный. Социализация личности в зависимости от того была она успешной или неуспешной обеспечивает формирование соответствующей направленности личности, её ценностных ориентаций, мировоззрения.

Основная часть. Оценивая весомость социальных факторов следует обратить внимание на один из немногих в истории человечества масштабный социальный эксперимент, проведённый английским социалистом-утопистом Р. Оуэном в XIX веке. Результаты этого эксперимента он изложил в своём труде «Новый взгляд на общество или опыты об образовании человеческого характера». Также заслуживает внимания исследование взаимосвязи социальных факторов и преступного поведения, осуществлённое французским социологом права Э. Дюркгеймом.

Чтобы лучше сориентироваться в разнообразии объяснений детерминации преступного поведения «внутренними» факторами можно обратиться к их дифференциации, выполненной белорусским учёным А.Н. Пастушеней. Он разделил все концепции следующим образом: объясняющие преступное поведение как детерминированное генотипическими факторами; определяющие в качестве внутренних причин криминального поведения психические аномалии; основанные на раскрытии личностных предпосылок мотивации преступного поведения; построенные на выделении ведущего криминогенного психического образования; истолковывающие детерминанты криминального поведения как комплекс психологичесих свойств личности; раскрывающие личность преступника через структуру её психологических свойств; рассматривающие внутренние детерминанты криминального поведения как зависимые от внешних факторов при преобладании внешнего воздействия в регуляции поведения.

Исследованиями учёных-психологов установлено, что все поведенческие акты индивида имеют личностную обусловленность. Так, В.М. Бехтерев определил принцип внутреннего опосредования внешних явлений: «наблюдения показывают, что процесс введения представлений в сферу ясного сознания зависит только частично от внешних условий, иначе говоря, от объективных качеств подействовавшего на нас внешнего впечатления, главнейшим же образом – от внутренних условий»[1 С. 26]. К внутренним условиям человека относят: систему ценностей, особенности целеполагания, обобщённые способы поведения, психодинамические особенности саморегуляции.

Эту точку зрения разделяет известный российский учёный в области юридической психологии М.И. Еникеев. Он, в частности, рассматривает механизм бидоминанты, с помощью которого сознание реализуется через внутриличностную коммуникацию путём общения индивида с самим собой. При этом «явления действительности отражаются сознанием индивида интенционально-пристрастно-избирательно в зависимости от их значимости в практике данного человека» [2 С. 29].

В своё время П.К. Анохин назвал первоначальную стадию формирования любого поведенческого акта афферентным синтезом, что означает в переводе с латинского «соединение приносимого». Это начальный этап в нейрофизиологическом механизме принятия поведенческого решения. Афферентный синтез позволяет выполнить предварительный анализ прошлого опыта по удовлетворению данной потребности и определяет наиболее рациональный способ действия. Также в нейрофизиологиче-

ском механизме принятия решения различают механизм акцептора результатов действия. Данный механизм даёт возможность оценивать возможные результаты будущего действия на основе обобщения ранее полученных итогов аналогичных действий. На данной основе создаётся программа действия и только затем реализуется само действие.

Основателем теории, объясняющей преступное поведение генотипическими факторами, является итальянский врач-психиатр Чезаре Ломброзо. В своей книге «Преступный человек, изученный на основе антропологии, судебной медицины и тюрьмоведения» (1876) он обосновывает тезис, что определённые люди имеют врождённую предрасположенность к антисоциальному поведению. Он также считал, что «врождённого преступника» в силу его природных особенностей нельзя исправить, как нельзя приручить и сделать домашним животным хищника.

Британский психолог бихевиоритского направления, создатель трёхфакторной теории личности Г. Айзенк направил свои усилия на поиск индивидуально-типологических особенностей регулятивного механизма криминального поведения. Он считал, что преступное поведение является результатом взаимодействия определённых условий окружения и свойств нервной системы. Г. Айзенк опытным путём доказывал, что склонность к преступному поведению главным образом определяется факторами темперамента – высокой экстраверсией, нейротизмом и, особенно, психотизмом.

Исследованием значения мотивации в регулятивном механизме противоправного поведения занимались учёные Ю.М. Антонян, В.В. Гульдан, В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунеев, В.В. Романов, Е.Г. Самовичев, А.М. Яковлев. Они трактуют мотив как модус личности – систему свойств, проявляемых ею в определённых состояниях. При этом конкретные мотивы преступления обуславливаются системой ведущих мотивов личности преступника. Данный подход нашёл свою реализацию в составлении психологического профиля неизвестного преступника.

Заслуживает внимания исследования английского учёного Рона Блэкборна в сфере криминальной психологии. Он изучил теоретические концепции и исследования, связанные с насилием, разработал связи между психическими расстройствами и преступлениями, выявил оценку эффективности психологического вмешательства.

Исследование механизма преступного деяния невозможно осуществлять вне рассмотрения закономерностей формирования мотивации поведения. Известно, что мотивация поведения может быть как сознательной, так и бессознательной. З. Фрейд к бессознательным явлениям относил потребности, инстинкты, желания, намерения, мысли. А так как потребности индивида стоят на первом месте в ценностной иерархии мотивации поведения, то представляется актуальным исследование и учёт роли бессознательного наряду с сознательным в преступном поведении лиц. В то же время современная психология установила, что потребности могут быть как осознанные, так и не осознанные.

Заключение. Личность и ситуация создают единицу взаимодействия и взаимного обусловливания. Главными понятиями со стороны личности выступает потребность, со стороны ситуации – давление.

Г. Мюррей считал, что потребность – это конструкт, олицетворяющий силу, которая обеспечивает восприятие, апперцепцию, интеллект, волю и действие таким образом, чтобы изменить существующую неудовлетворительную ситуацию. Он разделил потребности на первичные (висцерогенные), вторичные (психогенные): позитивные (поиск), негативные (избегание, агрессивность).

Профессор Калифорнийского университета Т. Шибутани считает, что человеческое поведение – это ряд приспособлений к изменяющемуся пониманию ситуаций.

А. Маслоу с позиции гуманистической психологии утверждает, что поведение человека зависит от степени удовлетворения потребностей. Неудовлетворение метапотребностей приводит к патопсихологическим расстройствам: апатия, отчуждение, цинизм, депрессия. Данная точка зрения весьма актуальна при исследовании программ безопасного поведения среди подростков. Для подростков особенно характерно стремление к актуализации, ориентированное движение к привлекательным целям, но только при условии одобрения этих действий со стороны непосредственного социального окружения.

Список цитированных источников

1. Бехтерев, В.М. Сознание и его границы / В.М. Бехтерев. – Казань, 1888. - С. 26.
2. Еникеев, М.И. Юридическая психология с основами общей и социальной психологии / М.И. Еникеев. – М.: Норма-М, 2006. - С. 29

УДК 347.93

СУДЕБНАЯ МЕДИАЦИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Т.С. Таранова, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета, доктор юридических наук, доцент

Аннотация. В статье даётся анализ действующего гражданского законодательства в сфере альтернативных способов досудебного урегулирования споров, формулируются предложения, по совершенствованию норм законодательства.

Введение. В силу новизны процедуры медиации, с одной стороны, и неготовности в большинстве случае у сторон конфликта к обращению к данной процедуре для урегулирования возникшего спора по причине недостатка осведомленностии опыта, с другой стороны, прочно занявшая свое место в зарубежной и международной практике альтернативного урегулирования споров, медиация в настоящее время еще не стала способом, соответствующим потребностям современной практики. Как представля-

ется, стимулом для ее развития могла бы стать медиация, проводимая в качестве обязательной досудебной процедуры по назначению суда.

Основная часть. Дополнение законодательства на предмет введения процедуры медиации по назначению суда по делам, возбужденным в суде в порядке гражданского судопроизводства представляется юридически возможным и не противоречит нормативным правовым актам, содержащим положения о медиации. Согласно ст. 2 Закона Республики Беларусь «О медиации» [1] медиация может быть проведена как до обращения сторон в суд в порядке гражданского или хозяйственного судопроизводства, так и после возбуждения производства по делу в суде. Особенности проведения медиации после возбуждения производства по делу в суде определяются процессуальным законодательством. Гражданское процессуальное законодательство предоставляет право сторонам, третьим лица, не заявляющим самостоятельных требований на предмет спора, окончить дело мировым соглашением, в том числе, путем проведения медиации, которую стороны вправе проводить на любой стадии судебного разбирательства в срок, установленный судом (ст. 61, 68, 160, 285, 262, 285-1 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь[2]).

Необходимо отметить, что иной подход применяет законодатель относительно медиации в экономическом суде. В соответствии со ст. 40-1Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь [3] по письменному соглашению сторон хозяйственный (экономический) спор, возникающий из гражданских правоотношений и подведомственный суду, рассматривающему экономические дела, до начала рассмотрения дела по существу может быть передан для урегулирования сторонами с участием медиатора (медиаторов). Таким образом, в отличие от правил гражданского процессуального законодательства, предоставляющего сторонам право на проведение медиации на любой стадии судебного разбирательства, в хозяйственном процессе право сторон на проведение медиации может быть реализовано до окончания стадии подготовки дела к судебному разбирательству и завершается с началом рассмотрения судом дела по существу. В случае передачи спора для урегулирования сторонами с участием медиатора (медиаторов) согласно ст. 40-1 ХПК суд, рассматривающий экономические дела, выносит определение об оставлении искового заявления (заявления, жалобы) без рассмотрения. По сути, обращение сторон к медиации препятствует дальнейшему рассмотрению дела в экономическом суде и выводит спор за рамки хозяйственного судопроизводства. В этом аспекте возникают противоречия не только гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства, но и последнего с Законом Республики Беларусь «О медиации», который предусматривает право сторон на проведение медиации после возбуждения производства по делу в суде. В связи с чем в условиях реформирования процессуального законодательства представляется необходимым урегулировать имеющиеся противоречия в процессуальных нормах и их соответствие нормам материального права.

Следует также отметить, что проведение процедуры медиация по назначению суда не противоречит международным стандартам. О назначении медиации судом указывается в Директиве N 2008/52/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О некоторых аспектах посредничества (медиации) в гражданских и коммерческих делах», принятой в г. Страсбурге 21 мая 2008 г. (п. 13 преамбулы, ст. 2, 3, 5 данной Директивы) [4].

Процессуальное законодательство многих стран наделяет судей правом проявлять инициативу и давать рекомендацию сторонам обратиться к медиатору. Такие рекомендации даются судьями Нидерландов, Болгарии, Словении, Румынии, Польши, Англии [5]. Английские суды рассматривают лишь 20% дел. В оставшихся случаях суд рекомендует провести переговоры с использованием посредников. В результате истец убеждается, что он не прав и забирает исковое заявление, или наоборот [6].

В США при добровольной медиации судьи и должностные лица суда предлагают сторонам обратиться к медиации, но не принуждают их на основании приказа суда участвовать в этой процедуре. Если медиация является обязательной, суд приказывает сторонам и представляющим их интересы адвокатам обратиться к процедуре медиации. В то же время некоторые акты содержат положения, которые позволяют сторонам не принимать участия в медиации. Например, ряд рекомендаций относительно медиации в семейном праве содержат специальные положения о том, что дела сопряженные с бытовым насилием не должны рассматриваться в процедуре медиации. Если это предусматривается положениями законодательства, стороны могут просто информировать суд, что они не желают участвовать в медиации. Однако в некоторых случаях, несмотря на поданные возражения, выбор между тем, проводить или не проводить медиацию, остается за судом [7, с. 89-90,100-103].

Вопрос о течении срока исковой давности в связи с назначением медиации судом, по всей вероятности, не будет иметь существенного значения, поскольку дело уже находится на рассмотрении и в соответствии со ст. 204 Гражданского кодекса Республики Беларусь [9], течение срока исковой давности было прервано в связи с предъявлением иска в суд. После перерыва течение срока исковой давности начинается заново.

Процессуальное оформление назначения судом медиации могло бы найти в судебном документе – определении суда о назначения судом медиации, устанавливающим срок проведения медиации и приостанавливающим производство по делу в связи с назначением медиации судом.

Заключение. В заключении можно указать, что в белорусском гражданском процессе медиация в качестве обязательной досудебной процедуры могла бы назначаться судом исходя из наличия совокупности условий:

1. урегулирование спора посредством медиации не противоречит требованиям законодательства о категории споров, которые могут рассматриваться в процедуре медиации;

2. сложившиеся между сторонами отношения имеют (имели) длительный характер (данное обстоятельство не исключает ситуаций вос-

становления нормальных отношений сторон после урегулирования возникшего между ними конфликта);

3. стороны не испытывают враждебных отношений друг к другу и заинтересованы в участии в разрешении возникшего конфликта;

4. гражданское процессуальное законодательство предусматривает возможность приостановления производства по делу в связи с проведением медиации не только в связи с заключением сторонами соглашения о применении медиации, но и в случае назначения медиации судом.

Список цитированных источников

1. О медиации: Закон Республики Беларусь от 12.07.2013 № 58-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – .2013. – 2/2056.

2. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Республики Беларусь от 11.01.1999 N 238-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 18-19. – 2/13.

3. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь Кодекс Республики Беларусь от 15.12.1998 № 219-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 138-139. – 2/1064.

4. Директива N 2008/52/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О некоторых аспектах посредничества (медиации) в гражданских и коммерческих делах» (Принята в г. Страсбурге 21.05.2008) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:/// http://www.mediacia.com/files/Documents/Directive_2008_rus.pdf. – Дата доступа: 15.02.2017.

5. Аболонин, В.О. Судебная медиация: теория, практика, перспективы. / В.О. Аболонин. – М.: Инфотропик Медиа, 2014. Кн. 6. 408 с. // Справ.-правовая система. – КонсультантПлюс: Россия. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. – М., 2017.

6. Яковлев, В.Ф. Избранные труды. Т. 3: Арбитражные суды: становление и развитие / В.Ф. Яковлев. М.: Статут, 2013. 749 с.// Справ.-правовая система КонсультантПлюс: Россия. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. – М., 2016.

7. Kovach, Kimberlee K. Mediation / Kimberlee K. Kovach. –THOMSON WEST. - 2003. – 355 p.

8. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 N 218-З // Ведамасці Нац. сходу Рэсп. Беларусь. – 1999. – № 7-9. – ст. 101.

УДК 316.75(476):340.134

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

С.А. Трахимёнок, профессор институт национальной безопасности, доктор юридических наук, профессор

Аннотация. В статье рассматриваются содержательные аспекты взаимодействия национальной идеи и её правовое регулирование.

Введение. В 1988 году в журнале «Коммунист» была опубликована статья В.Рубанова «Демократия и безопасность страны», в которой излагалась иная, чем прежде, концепция обеспечения безопасности данного геополитического пространства. В ней подвергалась критике система обеспечения безопасности СССР, и предлагались новые теоретические основы обеспечения безопасности, калькой которых была концепция наци-

ональной безопасности США. Данная публикация положила начало формирование новых моделей обеспечения безопасности бывших союзных республик, будущих независимых государств, основанных на концепции, взросшей на иной цивилизационной почве.

Фундаментом данной концепции был тезис о том, что существование нации предполагает наличие национальных интересов и необходимость их защиты. Однако в современных государствах нации четко разделяется на две неравные группы: социум и элиты. А их интересы в современных обществах, могут быть диаметрально противоположными.

Еще более парадоксальная ситуация с национальными интересами имеет место быть в США, поскольку американцы не свободны в обеспечении собственной безопасности. Америка, точнее США, образно говоря, играют роль некоего тела мирового финансового мозга. А мозжечком, звеном связующим тело и мозг является уникальный в своем роде орган ФРС. Отсюда и специфика конструкции национальной безопасности США. Она представляет собой некий вызов всему миру, в ней зафиксированы некие образцы и антиобразцы поведения других государств, а также прописана возможная негативная реакция Соединенных Штатов Америки в отношении вторых.

Основная часть. С 2002 года стратегия национальной безопасности, по сравнению с девяностыми годами кардинальной изменилась. Это было связано с политикой Российской Федерации уйти от навязанной ей роли кладовки мирового капиталистического хозяйства и вернуться на свое место в иерархии ведущих государств мира. В последующих стратегиях национальной безопасности 2010 и 2015 годов основной постулат её «Америка находиться в состоянии войны» подтверждается и детализируется. В них по-прежнему отмечается, что главной целью государственной политики США в области обеспечения национальной безопасности является создание мирового устройства, предполагающего наличие совокупности демократических, «хорошо управляемых» (well-governed) государств, отвечающих интересам их граждан и ответственных перед мировым сообществом, что является лучшим путем обеспечения безопасности американского народа» [1].

США по-прежнему борются с так называемыми тираническими режимами, к которым, по мнению авторов документа, отнесены: КНДР, Иран, Сирия, Куба, Беларусь, Бирма и Зимбабве. Трудно говорить обо всех перечисленных государствах, но включение в этот перечень Беларуси, недостаточно обосновано и некорректно.

В тексте данной концепции Америка как бы говорит, играйте по правилам, которые вам установлены, в противном случае вы станете жертвами или изгоями. Данные правила касаются не только типичных рыночных ориентиров и ценностей, которые необходимы для свободного перемещения капитала через границы национальных государств. Эти правила касаются, в том числе, и образа жизни, а также ориентации на ценности которые не свойственны, в частности, русской цивилизации или русскому миру.

Нам не стоит бояться принадлежности к русскому миру. Это не мир русских людей. Это мир, где народы ориентируются на одни и те же цивилизационнные ценности. А сами ценности определяют основную направленность регулирования социальных отношений, в том числе и в сфере права.

Принятая классификация существующих на Земле цивилизаций не выдерживает критики, по формально логическим основаниям, поскольку одни цивилизации названы так по месту их расположения, а другие в основе деления имеют иным признаки.

Если же в основу классификации положить некие религиозно философские основы выживания и образа жизни, то мы увидим следующие цивилизации: католико-протестантскую, классическую протестантскую, мусульманскую, славяно-православную, индуистскую, конфуцианская и пр.

Еще более крупное основание – квинтэссенция цивилизационных ценностей даст нам три группы цивилизаций:

1. Цивилизации Выгоды и Прибыли;
2. Цивилизации Долга;
3. Цивилизация Справедливости или Правды.

Почему мы так подробно останавливаемся на этом? Дело в том, что все социальные регуляторы в определенном смысле подчинены главным цивилизационным ценностям и ориентирам. Пример этому являются США. Эту страну называют страной ста конфессий, но правовое регулирование там монопольно задается нормами классического протестантизма.

Цивилизационные ценности феномен трудноуловимый в рамках логического мышления. Он к счастью или сожалению проявляется только тогда, когда на эти ценности происходит либо посягательство, либо переоценка ценностей.

Другое дело, что сформулированная на их основе их национальная идея позволяет видеть эти ориентиры с одной стороны, а с другой видеть и учитывать национальную специфику, не выпадая из одного цивилизационного образования, нормы которого обеспечивают его выживание.

Поэтому не надо ломать копья, утверждая, что у нас есть национальная идея построения правового или социального правового государства. Такое государство лишь инструмент реализации определенной политики, в том числе с помощью такого инструментария как право.

Здесь следует отметить что, потеряв большие долгосрочные наднациональные ориентиры, мы, да и не только мы, а все постсоветские государства впали в другую крайность, законодательство их приобрело четко выраженную фискальную направленность [2].

Потому еще раз хочется отметить, что правовое регулирование определяется цивилизационными ценностями и ориентирами. Вне ее рамок оно обречено на бездействие или протест [3].

Заключение. Именно на основе квинтэссенции цивилизационных ценностей формулируется национальная идея. И звучит она очень коротко: мы – белорусы. Отсюда – образ жизни, отсюда – выбор союзников, отсюда не возможность отвлечения на второстепенные моменты взаимодействия, отсюда и основа правового регулирования.

Список цитированных источников
1. Стратегия национальной безопасности США // Электронный ресурс. – Режим доступа http://ru.wikipedia.org/wiki/. – Дата доступа: 01.03.2017.
2. А.П. Кузнецов. Пути совершенствования налогового законодательства РФ. http//www.yandex.ru=bukyi/ru
3. Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» от 10 января 2000 года с последующими изменениями дополнениями. Эталон Беларуси. Национальный центр правовой информации.

УДК 340.114.5:316.627-053.6

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ

Л.Ф. Трацевская, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат экономических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты формирования правовой культуры молодежи в Республике Беларусь как важнейшего элемента ее культурно-образовательного потенциала. Отмечается, что белорусское государство и общество проводят активную деятельность по борьбе с антиобщественными явлениями, основной целью которой является создание экономических, социальных, культурных и нравственно-правовых условий для гармоничного развития личности, слияния образа ее жизни с общепринятыми нормами морали и права, лишения преступности питательной среды. Особенно значимо решение этой проблемы для молодого поколения.

Цель статьи - выявление места правовой культуры в системе культурно-образовательного потенциала молодежи Беларуси на современном этапе.

Введение. Принципиальная новизна современной экономики заключается в том, что фактором социально-экономического развития становятся не просто любые знания, а знания и информация, способные в дальнейшем помочь сориентироваться в конкретной жизненной ситуации. Вследствие этого изменяется сам подход к сущности, смыслу и способам их приобретения и отбора. Новая парадигма образования состоит в том, чтобы не просто передавать обучающимся соответствующие знания, а научить их умению адаптироваться к качественно иным условиям хозяйствования и жизнедеятельности в целом, встраиваться в постоянно изменяющуюся социальную, экономическую и прочую среду [1, с. 11]. Фактически речь идет о том, что в XXI веке системе образования, в том числе и правового, предстоит выполнять особую миссию: подготовить молодое поколение к пониманию относительности имеющихся знаний и необходимости их непрерывного получения и пополнения с целью современной адаптации к быстро изменяющемуся внешнему миру.

Основная часть. Как показало исследование, переход к постиндустриальной, информационной, стадии развития человеческой цивилизации из всех социальных институтов на первое место выдвигает те образовательные институты, в рамках которых обеспечивается социализация людей, приобщение их к общественно значимым ценностям и практикам. Таким образом, задача институтов образования состоит в формировании, укреплении и развитии культуры общества, в передаче ее последующим поколениям. Особое значение в связи с этим приобретает формирование правовой культуры молодежи.

Современная молодежь Беларуси проходит свое становление в очень сложных условиях создания и развития новых социально-экономических отношений, в которых особую остроту обретает проблема правового образования и воспитания. Правовое воспитание – не только фактор социального поведения современного молодого человека, но и важный компонент его общей культуры, без высокого уровня которой немыслима «новая экономика». От того, насколько грамотна молодежь в правовом отношении, насколько подготовлена она к восприятию правовых знаний, на какие нравственные и духовные ценности она ориентируется, зависит ее будущее.

В свою очередь, устойчивое социально-экономическое развитие Беларуси во многом зависит от уровня и качества знаний ее молодыми гражданами правовых норм, регулирующих отношения человека и общества, от их умения учитывать эти знания в повседневной и профессиональной деятельности. Кроме того, повышение правовой культуры молодежи позволит, по нашему мнению, активизировать борьбу с антиобщественными явлениями, будет способствовать повышению эффективности работы правоохранительных органов [2, с. 83].

Создание экономических, социальных, культурных и нравственно-правовых условий для гармоничного развития личности молодых людей, слияния их образа жизни с общепринятыми нормами морали и права, лишения преступности питательной среды должно обеспечиваться решением следующих целевых задач:

- формирование ценностных ориентаций на социально позитивное поведение и здоровый образ жизни;
- смягчение, нейтрализация и постепенное преодоление основных социальных и личностных причин антиобщественных явлений;
- повышение эффективности работы государственных органов и общественных организаций по выявлению и преодолению основных экономических, социальных, культурных и других причин и условий, порождающих антиобщественные явления в молодежной среде;
- расширение нравственно-правового, криминологического и виктимологического просвещения и воспитания молодежи, использование с этой целью учреждений образования, культуры, здравоохранения, средств массовой информации, общественных организаций и движений, нравственно-воспитательного потенциала семьи, религии и т.п.

Практическая реализация выше обозначенного невозможна на современном этапе без повышения интеллектуального и культурно-правового потенциала белорусской молодежи.

В связи с этим представляется необходимым осуществить следующие мероприятия:

- совершенствование нормативно-законодательных основ правового образования, воспитания и просвещения молодежи;
- включение вопросов формирования правовой культуры, правовой подготовки и просвещения в республиканские, региональные и местные программы социально-экономического развития, в том числе в целевые программы;
- разработка механизма взаимодействия и координации деятельности всех участников системы правового образования с учетом требований современного социально-экономического развития: учреждений образования, правоохранительных органов, органов управления образованием, других учреждений законодательной и исполнительной власти, общественных организаций;
- организация работы по созданию единого правового информационного пространства, обеспечивающего более свободный доступ к необходимой правовой информации;
- усиление роли средств массовой информации в правовом просвещении;
- совершенствование научного, информационного и учебно-методического обеспечения правового образования и просвещения;
- создание сети центров правового просвещения и информирования во всех административно-территориальных единицах, в том числе и на некоммерческой основе, способствующих обеспечению широкого выбора и доступности правовой информации для решения социально-экономических проблем;
- формирование эффективного трансферта правовой информации;
- более широкое использование эффективного зарубежного опыта правового образования, воспитания и информирования.

Заключение. Проведенное исследование позволило установить, что реальное становление белорусской государственности, построение гражданского правового общества на принципах демократии, реформирование экономики невозможно без воспитания современной молодежи на исторических, культурных, трудовых и патриотических традициях белорусского народа, без решения проблемы формирования образовательного потенциала молодых людей и повышения их правовой культуры как важнейшего его компонента.

Список цитированных источников

1. Мясникович, М.В.Республика Беларусь на пути к новой экономике / М.В. Мясникович. – Мн.: Беларус. навука, 2009. – 292 с.

2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Национальная комиссия по устойчивому развитию Респ. Беларусь; Редколлегия: Я.М. Александрович и др. – Мн.: Юнипак, 2004. – 200 с.

УДК 347.9

ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО УНИФИКАЦИИ УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

М.С. Трофимова, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация: статья посвящена анализу последних изменений гражданского процессуального и арбитражного процессуального кодексов РФ, направленных на унификацию правил упрощенного производства по гражданским делам. Автором проведен сравнительно-правовой анализ категорий дел, рассматриваемых по правилам упрощенного производства, особенности вынесения и обжалования решения по делу упрощенного производства. Сформулированы некоторые проблемы применения норм об упрощенном производстве в гражданском и арбитражном процессе России, предложены пути их решения.

Введение. Согласно тексту Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации одобренной решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 08.12.2014 рассмотрение дел в порядке упрощенного производства доказало свою эффективность [1]. И в последние годы, упрощенное производство постоянно находится под пристальным вниманием законодателя.

Так, упрощенное производство в арбитражном процессе коренным образом было модернизировано с принятием Федерального закона от 25.06.2012 N 86-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием упрощенного производства» [2]. С 24 сентября 2012 года в арбитражных судах введена процедура рассмотрения так называемых малых исков в порядке упрощенного производства.

В связи с принятием Федерального закона от 25.06.2012 N 86-ФЗ "О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием упрощенного производства" (далее – АПК РФ), внесшего существенные изменения в правила рассмотрения арбитражными судами дел в порядке упрощенного производства, Пленумом Высшего арбитражного суда РФ было принято Постановление от 08.10.2012 N 62 «О некоторых вопросах рассмотрения арбитражными судами дел в порядке упрощенного производства» (которое актуально даже после упразднения указанного судебного органа) [3].

Следующих этап реформирования цивилистического процессуального законодательства в части регулирования упрощенного производства, в большей степени, был связан с преобразованиями в Гражданском процес-

суальном кодексе РФ (далее – ГПК РФ). Федеральным законом от 02.03.2016 N 45-ФЗ "О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" упрощенное производство было включено в текст ГПК РФ [4]. Введена новая глава 21.1. «Упрощенное производство», правила которой вступили в силу с 1 июня 2016 года.

Таким образом, к настоящему моменту сложились материально-правовые, процессуальные и организационные предпосылки для широкого применения судами общей юрисдикции и арбитражными судами первой инстанции упрощенных процедур рассмотрения дела. В 1 полугодии 2016 года Арбитражным судом Новгородской области вынесено 2790 решений в порядке упрощенного производства, что составляет 55% от заявлений, принятых к производству [5]. Следует обратить внимание на активное использование упрощенной процедуры и судами общей юрисдикции. Поскольку глава 21.1. ГПК РФ действует меньше года, официальными статистическими данными суды еще не обладают. Однако в ГАС «Правосудие» можно встретить тысячи судебных актов, вынесенных по новым правилам.

Основная часть. Упрощенные производства в гражданском и арбитражном процессе, несомненно, имеют огромный положительный потенциал применения. Они обеспечивают доступность правосудия, и способствуют совершенствованию общеисковых правил рассмотрения дел, и упрощению процедур обжалования. Упрощенные процессуальные правила позволяют гражданину самостоятельно представлять свои интересы и свое дело в суде, без представителя, обладающего специальными познаниями. Еще одно направление упрощения судопроизводства – уменьшение издержек обращения в суд поскольку, очевидно, что любые издержки должны быть соразмерны затраченным на исполнение решения ресурсам.

Одновременно, упрощенные производства, имея упомянутый положительный эффект не должны быть использованы недобросовестными участниками процесса. С этой точки зрения, в законодательстве является важным установление упрощенных процессуальных правил, обеспечивающих противодействие злоупотреблению процессуальными правами.

Перечень дел, подлежащих рассмотрению в порядке упрощенного производства в гражданском и арбитражном процессе, в общем, схож. Однако, в соответствии со ст. 227 АПК РФ он сформулирован более широко, поскольку в него включены еще и дела, имеющие публичную окраску. А, как известно, с 15 сентября 2015 года, дела, вытекающие из публичных правоотношений, и подведомственные судам общей юрисдикции, подлежат рассмотрению и разрешению в порядке, предусмотренном Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации [6].

Так, согласно ст. 232.2 ГПК РФ [7] и ст. 227 АПК РФ [8] в упрощенном порядке разрешаются дела по исковым заявлениям о взыскании денежных средств. Однако, цена иска разнится: для граждан она не должна превышать сто тысяч рублей, для юридических лиц - пятьсот тысяч рублей, для индивидуальных предпринимателей - двести пятьдесят тысяч рублей.

Следует обратить внимание, что в гражданском процессе, в отличие от арбитражного, предусмотрена возможность не только взыскания денежной суммы по упрощенным правилам, но и истребование любого имущества при его стоимости до ста тысяч рублей. Поскольку законодатель не уточняет характеристики имущества, можно сделать вывод о том, что по правилам главы 21.1. может быть истребовано как движимое, так и недвижимое имущества.

К примеру, правила приказного производства, также предусматривают возможность вынесения судебного постановления в режиме процессуальной экономии без судебного разбирательства, но, только в отношении движимого имущества (ст. 121 ГПК РФ). Статья 229.1 АПК РФ вообще не предусматривает возможность истребования имущества (кроме денежных средств) в приказном производстве.

В ГПК РФ также предусмотрена возможность признания права собственности на имущество до ста тысяч рублей.

И в ГПК РФ и в АПК РФ также указана категория, которая подлежит рассмотрению в порядке упрощенного производства независимо от цены иска. Это иски, основанные на представленных истцом документах, устанавливающих денежные обязательства ответчика, которые ответчиком признаются, но не исполняются, и (или) на документах, подтверждающих задолженность по договору, за исключением дел, рассматриваемых в порядке приказного производства. В АПК РФ этот перечень дополнен также исками по требованиям, основанным на совершенном нотариусом протесте векселя в неплатеже, неакцепте и недатировании акцепта (за исключением дел, рассматриваемых в порядке приказного производства). В гражданском процессе указанные требования рассматриваются по правилам приказного производства при размере требования до пятисот тысяч рублей, в остальных случаях – в исковом порядке.

Как упоминалось выше, арбитражные суды рассматривают в порядке упрощенного производства дела, имеющие публично-правовое содержание, в частности:

- об оспаривании ненормативных правовых актов, решений органов власти и должностных лиц, если в акте или решении содержится требование об уплате денежных средств или обращении взыскания на иное имущество в случае если указанные акты или решения оспариваются заявителем именно в части требования об уплате или взыскании денежных средств, либо обращения взыскания на иное имущество и при этом оспариваемая заявителем сумма не превышает сто тысяч рублей;

- о привлечении к административной ответственности, а также об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности, если административное наказание за правонарушение предусмотрено только в виде административного штрафа и его максимальный размер не превышает сто тысяч рублей.

Следует отметить, что и в ГПК РФ и в АПК РФ перечни дел, рассматриваемых по упрощенной процедуре, не носят исчерпывающий характер (п. 2. ст.232.2 ГПК РФ и п.3. ст. 227 АПК РФ).

Как в ГПК РФ, так и в АПК РФ есть перечень дел, которые ни при каких условиях не подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства дела. В гражданском процессе это дела, возникающие из административных правоотношений, дела, связанные с государственной тайной, дела по спорам, затрагивающим права детей и дела особого производства (п. 3. ст. 232.2 ГПК РФ).

В п. 4.ст.227 АПК РФ перечень таких исключений более узкий: дела по корпоративным спорам и дела о защите прав и законных интересов группы лиц.

Однако, следует отметить, что процессуальное законодательство содержит и возможность перехода из упрощенного производства к общим правилам, к примеру, если удовлетворено ходатайство третьего лица о вступлении в дело, принят встречный иск, который не может быть рассмотрен по правилам упрощенного производства и др. Однако, в АПК РФ этот перечень дополнен еще и случаями, когда порядок упрощенного производства может привести к разглашению государственной тайны (п. 1, ч.5, ст. 227 АПК РФ).

Порядок упрощенного производства и в гражданском и в арбитражном процессе основан на общих правилах искового производства с особенностями, установленными главами 21.1. ГПК РФ и 29 АПК РФ.

Вполне логично, что исследуемые категории дел рассматриваются судьей единолично, что также является важным элементом процессуальной экономии.

И ГПК РФ и АПК РФ допускают возможность рассмотрения в порядке упрощенного производства дел с участием иностранных лиц, однако с применением правил раздела V АПК РФ и раздела V ГПК РФ (Производство с участием иностранных лиц).

Правила определения сроков рассмотрения дела в процессуальных кодексах также не унифицированы. Так, п. 2. ст. 226 АПК РФ говорит о рассмотрении дел в порядке упрощенного производства в срок, не превышающий двух месяцев со дня поступления заявления в арбитражный суд.

В ГПК РФ нет отдельной нормы, которая регулирует срок рассмотрения дела в упрощенном порядке, поскольку, как известно, согласно ст. 154 ГПК РФ в судах общей юрисдикции устанавливаются разные сроки рассмотрения гражданских дел в зависимости от родовой подсудности дела.

Суть упрощенного производства в процессуальном законодательстве схожа: суд выносит определение о принятии заявления к производству, указывая в нем на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства. Если основания для использования упрощенного производства возникли после принятия заявления, судья выносит определение о переходе к рассмотрению дела в порядке упрощенного производства.

В любом случае сторонам устанавливается срок для представления суду и направления друг другу доказательств и возражений относительно предъявленных требований. Этот срок в двух процессах должен составлять не менее пятнадцати дней со дня вынесения соответствующего

определения. В определениях суды могут предложить сторонам урегулировать спор самостоятельно, указав на возможность примирения.

Следует обратить внимание на то, что стороны и в гражданском и в арбитражном процессе вправе представить в суд и направить друг другу дополнительные документы, содержащие их объяснения по существу заявленных требований и возражений. Такие дополнительные материалы согласно п.3. ст .228 АПК РФ и п.3. ст. 232.2. ГПК РФ могут быть представлены в срок, не менее чем тридцать дней со дня вынесения определения о принятии заявления к производству или определения о переходе к рассмотрению дела в порядке упрощенного производства из общих правил. Стороны не могут ссылаться на доказательства, которые не были раскрыты на предыдущем этапе. Такая норма-ограничение по раскрытию доказательств позволяет сориентировать стороны на активное добросовестное поведение, в случае, если они заинтересованы в быстром рассмотрении дела без проведения судебного заседания.

Таким образом в процессуальном законодательстве два разных срока:

1) пятнадцать рабочих дней или более - для представления ответчиком отзыва на исковое заявление и представление любой из сторон доказательств, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений;

2) тридцать рабочих дней или более - для представления дополнительных документов в обоснование заявленных требований и возражений после истечения первого срока с учетом доказательств, которые были представлены на первом этапе.

Следует отметить, что предварительное судебное заседание по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства, не проводится, что само по себе является важным элементом упрощения.

Согласно п.5. ст. 232.2. ГПК РФ и п.5. ст. 228 АПК РФ суды рассматривают дело в порядке упрощенного производства без вызова сторон после истечения сроков, установленных судом для представления доказательств и иных документов. Фактически судья исследует изложенные в представленных сторонами документах объяснения, возражения и (или) доводы лиц, участвующих в деле, и принимает решение на основании доказательств, представленных в срок.

При рассмотрении дела, и судья арбитражного суда и судья общей юрисдикции не использует правила о ведении протокола. Не применяются также нормы об отложении разбирательства по делу (п.6. ст. 232.2. ГПК РФ и п.6. ст. 228 АПК РФ).

ГПК РФ и АПК РФ содержат, в принципе, единообразные правила вынесения решения по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства. В частности, п. 1. ст .232.4 ГПК РФ и п. 1. ст .229 АПК РФ говорят о том, что решение принимается путем вынесения судом резолютивной части и размещается на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет". ГПК РФ, в дополнение, еще устанавливает обязанность суда общей юрисдикции выслать копию ре-

шения лицам, участвующим в деле, не позднее следующего дня после дня его принятия.

Процессуальное законодательство содержит важное императивное правило: по заявлению лица, участвующего в деле, суд составляет мотивированное решение. В гражданском процессе мотивированное решение составляется еще и в случае подачи апелляционных жалобы, представления по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства.

Заявление о оставлении мотивированного решения подается в или суд общей юрисдикции в течение пяти дней со дня подписания резолютивной части решения суда по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, а в арбитражный суд в течение пяти дней со дня размещения решения, принятого в порядке упрощенного производства, на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" (п. 3. ст .232.4 ГПК РФ и п. 2. ст. 229 АПК РФ).

Мотивированное решение принимается по общим правилам процессуальных кодексов, установленных для принятия судебного решения в полном объеме, но в течение пяти дней со дня поступления от лица, участвующего в деле или его представителя соответствующего заявления или со дня подачи апелляционной жалобы. Полномочия представителя на подачу такого заявления должны быть специально оговорены в доверенности.

ГПК РФ и АПК РФ регламентируют одинаковый срок для вступления решения, принятого в порядке упрощенного производства, в законную силу - оно вступает в законную силу по истечении пятнадцати дней со дня его принятия, если не подана апелляционная жалоба (представление).

Однако в п. 3. ст. 229 АПК РФ есть важное отличие, в частности, указано, что решение арбитражного суда по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, подлежит немедленному исполнению. ГПК РФ такого указания не содержит, более того в ст. 211 ГПК РФ решение, принятое в упрощенном порядке в списке решений суда, подлежащих немедленному исполнению, не названо.

АПК РФ и ГПК РФ не исключают возможность подачи апелляционной жалобы на резолютивную часть судебного решения. При этом суд общей юрисдикции после подачи такой апелляционной жалобы обязан изготовить мотивированный акт, в то время как у арбитражного суда подобная обязанность отсутствует.

Законодатель не пошел по пути единообразного регулирования полномочий судов апелляционной инстанции. Если арбитражный апелляционный суд установит наличие безусловных оснований для отмены решения или придет к выводу о том, что требование подлежало рассмотрению в порядке искового производства, то он самостоятельно рассмотрит иск по правилам суда первой инстанции (п.п. 27, 28 Постановление Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 N 62). В гражданском судопроизводстве апелляционная инстанция в аналогичной ситуации должна отменить принятое

решение и направить дело в суд первой инстанции для рассмотрения по общим правилам искового производства (ч. 3 ст. 335.1 ГПК РФ).

В заключение следует обратить внимание на тот факт, что глава 29 АПК РФ, ни глава 21.1. ГПК РФ, ни статья 333.19 или 333.21 Налогового кодекса РФ не устанавливают каких-либо исключений для определения размера госпошлины в упрощенном производстве. Госпошлина такая же, как и для обычного производства. Учитывая меньшие затраты государства на отправление правосудия по делам, рассматриваемым в упрощенном порядке, по аналогии с зарубежным опытом и практикой российского приказного производства необходимо минимизировать судебные расходы при подаче заявления в порядке упрощенного производства. Так, логично включить в ст. 333.19 и ст. 333.21. Налогового кодекса РФ положения, согласно которым при подаче заявления о рассмотрении дела в порядке упрощенного производства государственная пошлина составляет 50 процентов размера государственной пошлины, уплачиваемой за подачу заявлений имущественного характера.

Подводя итог сравнительно-правовому исследованию необходимо констатировать, что правила упрощенного производства, закрепленные современным российским гражданским и арбитражным процессуальным законодательством существенно различаются как по составу категорий дел, которые рассматриваются в упрощенном порядке, так и по содержанию самой процедуры рассмотрения заявления и вынесения решения.

Заключение. Таким, образом, меры законодателя по унификации правил ГПК РФ и АПК РФ требуют дальнейшей корректировки и доработки с учетом потребностей правоприменителей и складывающейся судебной практики, для обеспечения единообразного понимания сущности и правил упрощенного производства.

Список цитированных источников

1. «Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 N 124(1)) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ - Дата обращения 27.02.2017 г.

2. Федеральный закон от 25.06.2012 N 86-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием упрощенного производства» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ - Дата обращения 27.02.2017 г.

3. Постановление Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 N 62 «О некоторых вопросах рассмотрения арбитражными судами дел в порядке упрощенного производства» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ - Дата обращения 27.02.2017 г.

4. Федеральный закон от 02.03.2016 N 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ - Дата обращения 27.02.2017 г.

5. Отчеты о работе Арбитражного суда Новгородской области // Сайт арбитражного суда Новгородской области [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www. novgorod.arbitr.ru/about/work_reportru/ - Дата обращения 27.02.2017 г.

6. «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации" от 08.03.2015 N 21-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ - Дата обращения 27.02.2017 г.

7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ - Дата обращения 27.02.2017 г.

8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ - Дата обращения 27.02.2017 г

УДК 343.9

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПРАВОВОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

В.М. Хомич, доктор юридических наук, профессор, НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Заслуженный юрист Республики Беларусь

Аннотация. Рассматриваются базовые социологические и правовые модули формирования социальной ответственности индивида в обществе в контексте теоретической и правовой модели института уголовной ответственности, нормативно закрепленной в Уголовном кодексе Республики Беларусь. Раскрывается система построения элементов содержания уголовной ответственности и дифференциация уголовно-правовых мер воздействия, ее составляющих.

Введение. Впервые в мировой практике правовая конструкция системы правообразующих элементов и мер, составляющих и относительно адекватно выражающих объективную реальность уголовной ответственности, была реализована в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК). Она доказала свою функциональную и правовую работоспособность, определенность в практическом применении, универсальность в совершенствовании мер и форм ее реализации с учетом современной типологии преступности и преступников. Наконец, внесла правовую и практическую определенность в понимание и применение материально-правовых и процессуально-правовых форм выражения уголовной ответственности во времени и пространстве, дифференциацию и разграничение институтов освобождения от уголовной ответственности и освобождения от наказания [1, с. 4-36].

Введение. К числу основных теоретических недоразумений, не позволявших выйти на приемлемое с позиций права формирование института ретроспективной правовой ответственности, является весьма упрощенное понимание соотношения правовой ответственности с феноменом социальной ответственности. Кроется оно в идеализированном преувеличении возможностей объективного права, в том числе уголовного, как фактора упорядочения (регулирования) общественных отношений с ориентацией

на желаемо-позитивные (ответственные) поступки субъектов социальной деятельности. В контексте сказанного это привело к формированию теоретической конструкции позитивной (перспективной) юридической (уголовной) ответственности. Правовая суть позитивной уголовной ответственности в самом общем виде основана на постулировании такого правового состояния социального взаимодействия людей, при котором они добровольно и сознательно выполняют возложенные на них в системе правового регулирования обязанности, обусловленные установлением под угрозой уголовной ответственности запретов в целях обеспечения необходимых стандартов безопасности в общественно-организованном социуме. К сожалению, ничего конструктивного в систему оценки и идентификации правовых компонентов такое или схожее понимание позитивного аспекта механизма реализации правовой ответственности не внесло и не могло внести, если не считать, что оно позволило обратить внимание на позитивно-перспективную направленность содержания и применения собственно ретроспективной уголовной ответственности. В этом и состояла задача принятой в 2010 г. Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения.

Исходящая от общества и государства ретроспективная ответственность – вынужденная и социально оправданная мера в отношении нарушителя социальных требований, которая перспективно нацелена (должна быть нацелена по направленности и содержанию мер) на актуализацию внутренних способностей человека сознавать значимость самоконтроля своего поведения с учетом предвидения его негативных последствий для себя и социума.

Уголовная (ретроспективная) ответственность (как и иные виды правовой ответственности) является внешним социально-правовым фактором воздействия на правонарушителя (человека) в целях формирования его внутреннего (личностного) механизма социальной ответственности в условиях существующей возможности отклонения человека от социальных (правовых) требований в условиях его относительной свободы выбора. Как правильно подметил К. Муздыбаев, «в переходе ответственности от ретроспективного плана к перспективному как раз и проявляется прогрессивная» социальная сущность и тенденция ее эволюции, нацеленная на актуализацию внутренних способностей человека сознавать значимость самоконтроля за своим поведением с учетом предвидения его негативных последствий для социума [2, с. 14-15].

Уголовно-правовые запреты, обязывающие субъекта не совершать «недолжное», как и сама уголовная ответственность, под угрозой которой они устанавливаются, не имеют правовых механизмов реализации. Из этого вовсе не следует, что правовые установления (правовые обязанности должного поведения), заложенные в нормах права, не формируют (не воспитывают) социально-ответственное состояние личности. Но утверждать с позиций объективного права, что человек, соблюдающий на основе осознаваемо-свободного выбора уголовно-правовые запреты или

иные правовые обязанности, реализует позитивную уголовную ответственность правового свойства, – это не более как правовой миф.

Во-первых, сама правовая обязанность независимо от уровня ее значимости и средств обеспечения не выражает даже феномен ретроспективной уголовной ответственности, тем более, – на личностном уровне реализации социальной ответственности, когда выбор ответственного или безответственного поведения определяется самим субъектом выбора. Этот выбор формируется на личностном уровне свободы человека и определяется достаточно сложным психологическим механизмом социализации и воспитания ответственного индивида по отношению к себе и обществу.

Во-вторых, правовая обязанность сама по себе не выражает императив правового состояния позитивной социальной ответственности. Нет оснований усматривать ее функциональность и в осознанном следовании субъекта в своем поведении требованиям правовой обязанности. Личностный уровень социальной ответственности (выбор поведения, в том числе в соответствии с ожидаемыми правовыми требованиями) не означает, что правомерное поведение состоялось благодаря «правопринуждению» правовой обязанности. Здесь мы имеем дело с проявлением социальной ответственности личности перед собственной свободой и требованиями общественной необходимости. В своем содержательном и функциональном состоянии социальная ответственность на личностном уровне всегда позитивна, поскольку это ожидаемая презумпция должного поведения социализированного индивида в соответствии с общественными требованиями социума, в том числе, предусмотренными нормами объективного права. Позитив социальной ответственности, реализуемой исключительно на личностном уровне, состоит в том, что в ней аккумулируется потенциал разумного человека как социального индивида, способного в едином комплексе в условиях естественной свободы воспринимать общественные (и правовые) требования как социальную необходимость своего безопасного сосуществования в обществе.

Механизм социальной ответственности заложен в самом человеке и реализуется исключительно на индивидуальном уровне посредством сложного, но потенциально ориентированного на социальный позитив механизма выбора (самоопределения) поведения в условиях свободы. Это своего рода социальная презумпция не опровергаемого основания для свободного бытия человека в обществе.

При таком подходе хорошо просматривается двухуровневый формат обеспечения позитивно-ориентированной социальной ответственности субъекта правового поведения **(**личностный и институциональный) в контексте осуществления охранительно-регулятивной функции уголовного права.

Институциональный уровень формирования и обеспечения социальной ответственности осуществляется посредством внешних по отношению к человеку институциональных установлений и требований к его поведению, в том числе посредством функционально-предметного правового ре-

гулирования (запрещения, дозволения поощрения и т.д.). Конечно, правовое регулирование по механизму влияния на формирование позитивного контекста социальной ответственности на личностном уровне ее реализации в любом случае более актуализировано, поскольку выполнение правовых требований обеспечивается общим принудительным механизмом их исполнения, а в случае их невыполнения – применением ретроспективной и негативной для правонарушителя правовой ответственности. Личностный уровень формирования и реализации социальной ответственности находится в системе постоянного взаимодействия с обязывающими нормами правового регулирования и правовой ответственностью за невыполнение требований правовых норм. Но от этого личностный уровень реализации социальной ответственности, проявившейся в соблюдении субъектом правовых обязанностей (уголовно-правовых запретов) не становится правовым по механизму реализации, поскольку в любом случае и в конечном итоге реализуется самим субъектом социальной ответственности.

Правовой характер социальная ответственность приобретает только на институциональном уровне, как по характеру ее установления, так и по правовым основаниям, механизму реализации и правовым последствиям ее применения для субъекта социальной ответственности.

Правовую обязанность любого уровня и свойства не следует рассматривать в качестве самой ответственности, поскольку она лишь обусловливает необходимость проявления социальной ответственности человека на его личностном выборе. Благодаря сознанию человек способен управлять своей внутренней свободой на основе познания и принятия общественной необходимости. Конечно, он не всегда реализует личностный позитив социальной ответственности, вследствие чего и поступает социально безответственно. В этом случае возникает необходимость ретроспекции ответственности, которая реализуется посредством осуществления мер ответственности институционального характера. Возложением ретроспективной (институциональной) ответственности общество стремится воспроизвести (восстановить) состояние ответственности на личностном уровне. И в этом смысле ретроспективная ответственность, хотя и негативна по своему характеру, однако перспективно позитивна, поскольку ставит своей целью предупредить в будущем проявление безответственности на личностном уровне со стороны данного субъекта.

Ретроспективная ответственность выступает как внешний принудительный фактор воздействия по отношению к личностному механизму саморегуляции поведения. Поэтому возлагается и поддерживается ретроспективная ответственность государством, другими социальными формированиями общества, выражается в осуждающих мерах воздействия на нарушителя, причиняет ему страдания морального, материального и иного характера. Социальным результатом применения ретроспективной ответственности является целевая установка перенести в перспективе инстанцию (момент реализации) ответственности человека с внешнего уровня на внутренний мир саморегуляции (социальной ответственности).

Таким образом, уголовная ответственность является разновидностью социальной ответственности только на институциональном (внешнем по отношению к субъекту) уровне ее формирования, возложения и применения, реализуется посредством правового принуждения на основе норм уголовного права.

Уголовная ответственность рассматривается как реальное применение уголовно-правовой санкции, которое выражается в назначении и исполнении наказания. Вряд ли можно найти возражения такому подходу, поскольку ответственность, как и акт ее реализации, самым непосредственным образом связаны с правовой нормой (санкцией правовой нормы). Однако концепция «ответственность – реализация санкции» лишь в системно-нормативном аспекте определяет суть ответственности, она далеко не вскрывает ее современное социальное содержание как акта (скорее системы актов) осуждающего, карательно-исправительного воздействия на преступника. По своему содержанию воздействующие факторы (меры) уголовной ответственности сегодня не сводятся и не должны сводиться только к применению наказания, предусмотренного санкцией. Сейчас это настолько очевидно, что даже трудно предположить обратное.

Задача криминологической науки состоит в том, чтобы находить нормативно-приемлемые формы трансформации сугубо карательных элементов уголовной ответственности, сформулированных в санкции, в стройную систему мер уголовно-правового воздействия, неоднозначных по характеру, но в комплексе выражающих содержание системы мер данного вида ответственности. Уголовно-правовая санкция не ограничивается словами «наказывается...», в ее основе лежит уголовно-правовой запрет, то есть необходимость осуждения лица, его нарушившего как преступника, что имманентно следует из запрещающего (осуждающего) характера уголовно-правовой нормы. Только таким образом можно найти приемлемое и эффективное взаимодействие личностного и институционального уровней социальной ответственности как за обеспечение человеком собственной безопасности, так и безопасности социума.

В УК Беларуси ответственность связывается с фактом осуждения лица, совершившего преступление. Официальное осуждение по приговору суда лица как преступника и есть изначальный момент (результат) изменения правового статуса правонарушителя, введение для него режима осуждения и применения на его основе определяемых судом в соответствии с уголовным законом мер воздействия уголовной ответственности индивидуально-определенного характера.

Видение сущности уголовной ответственности в осуждающем акте совершенного преступления и самого преступника неизбежно ставит вопрос о соотношении «ответственности – осуждения» с наказанием, иными реальными мерами уголовно-правового воздействия.

Уголовное наказание – категории взаимосвязанные структурно и функционально – наказание содержательно выражает одну из возможных форм проявления ответственности, причем в наиболее репрессивной ее

форме. Осуждение с применением наказания, безусловно, усиливает уголовную ответственность, в том числе и состояние осуждения, однако последнее никогда не сливается с наказанием, поскольку в каждом таком случае осуждение исходит не от наказания. Осуждение выражает и определяет сущностную основу уголовной ответственности и мер, ее реализующих (в том числе наказания), как целостного и содержательно-определенного вида юридической ответственности. Оно может дополняться наказанием, принудительными мерами воспитательного характера, запретами и ограничениями профилактического и испытательного характера. Если эти меры воздействия применяются на основе осуждения и в связи с ним, то они выражают в себе меры возложенной и реализуемой уголовной ответственности.

Взаимоприемлемое применение указанных мер воздействия на преступника возможно и необходимо в рамках конструирования различных комбинаций и форм уголовной ответственности на основе установления единого правового режима ее осуществления. В режиме осуждения претерпевание любой меры ее воздействия становится обязательным для осужденного, трансформируется в воздействие уголовной ответственности.

На этих принципах и подходах и выстраиваются в УК Беларуси допустимые в рамках осуждения правовые формы реализации уголовной ответственности, альтернативные реальному применению наказанию (так называемые в УК «Иные меры уголовной ответственности» - ст. 77-81).

Заключение. К сожалению, уголовно-правовая политика в республике с момента введения в действие УК 1999 г. не восприняла прогрессивные начала института уголовной ответственности. Ориентация судебной практики на реальное применение наказания оставалась и остается преобладающей, в том числе на протяжении шести лет реализации упомянутой Концепции. Так, по итогам 2016 г. более чем в 90 % случаев суды назначали осуждаемым за преступления реальное наказание, при этом 30 % - лишение свободы , более 17% - арест. Применение иных мер уголовного уголовной ответственности пробационного (испытательного и исправительного) характера уже многие годы не превышает 8 %. В отношении несовершеннолетних лишение свободы применялось в 17 % случаев. В силу указанных причин сохраняется высокий уровень применения наказания в виде лишения свободы за нетяжкие преступления и в целом уголовно-правового рецидива (38 %). Более 20 % составляет так называемый пенальный рецидив лиц, осуждаемых за уклонение от отбывания таких наказаний как ограничение свободы, исправительные работы и общественные работы. Сохраняется пока низкий предупредительный эффект в организации применения и исполнения указанных наказаний. Поэтому существенных изменений в уголовно-правовой политике в рамках поставленных Концепцией задач не произошло. Есть основания к тому, чтобы вернуться к серьезному анализу причин не реализации базовых положений Концепции, которые были направлены на рациональное и эффективное применение мер уголовной ответственности.

Список цитированных источников
1. Хомич, В.М. Теоретические проблемы уголовной ответственности (Теоретическая концепция и правовая модель института уголовной ответственности): автореф. дисс. доктора юрид. наук / В.М. Хомич. – Минск, 1997. – 42 с.
2. Муздыбаев, К. Психология ответственности / К. Муздыбаев. – Ленинград: Наука, 1983 – 186 с.

УДК 347.469.1

ВОПРОСЫ ИСПОЛНЕНИЯ СОГЛАШЕНИЯ О ПРИМЕНЕНИИ МЕДИАЦИИ

Е.В. Чичина, доцент Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье глубокому анализу подвергается природа соглашения о применении медиации. Автор приходит к выводу о том, что соглашение о применении медиации в части передачи спора на урегулирование посредством процедуры медиации не предполагает возможности понуждения к его исполнению, поскольку не порождает взаимного обязательства у спорящих сторон.

Введение. Проведенный ранее автором настоящей статьи теоретический анализ соглашения о применении медиации позволил сделать вывод о том, что оно является двух предметным. Согласно первому предмету стороны достигли соглашения о передаче спора (споров) на урегулирование посредством медиации; согласно второму предмету стороны и медиатор достигли соглашения о порядке урегулирования конкретного спора посредством проведения процедуры медиации. Рассмотрим более подробно связи, возникающие в результате их согласования (с точки зрения исполнения).

Основная часть. Первым предметом «консолидируется» воля участников спорного правоотношения по реализации права на урегулирование спора посредством проведения процедуры медиации, которое не может быть реализовано ими изолированно. То есть спорящие стороны, заключая соглашения по данному аспекту, не имеют автономного, противоположно направленного интереса, что в целом характерно для межотраслевого понятия «соглашение» (а не «договор»).

Договор, в отличие от соглашения, стороны заключают, чтобы согласовать встречные действия в целях удовлетворения своих интересов. То есть, как указывает Л.А. Чеговадзе (применительно к гражданско-правовому договору), у каждой стороны договора есть своя собственная цель – стать собственником определенного имущества, получить услугу и пр. Результатом исполнения договорного обязательства должна быть та польза, которую «выговорила» для себя каждая сторона [1, с. 74]. То есть, если при заключении договоров стороны преследуют свой собственный интерес, то стороны иных соглашений идут к единой общей цели, без создания самостоятельного (отдельного) правоотношения. Стороны договора решают общую задачу, но каждая для своей собственной пользы, а

стороны иных соглашений решают одну и ту же задачу в пределах уже состоявшегося правоотношения [2, с. 85-86].

Таким образом, белорусский законодатель очень точно обозначил термином «соглашение» результат волевых действий спорящих сторон, который заключается в выработке и фиксации обоюдной и общей для них цели – урегулировать спор определенным правовым средством, а именно – посредством применения процедуры медиации.

Исходя из того, что «слияние общих воль» сторон любого соглашения, в том числе и соглашения о применения медиации (в части обращения к этой процедуре), не порождает обязательства – не устанавливает взаимных прав и обязанностей, то невозможна сама постановка вопроса об исполнении ими данного соглашения по отношению друг к другу.

Однако, данное обстоятельство не исключает постановки вопроса внешней стороной (законодателем, судом, медиатором и пр.)о наличии консолидированной обязанности сторон исполнить заключенное соглашение о применении медиации. В этой связи, полагаем возможным опереться на базовый принцип медиации – принцип добровольности. Содержание данного принципа нормативно закреплено. В частности, в региональном международном акте – Директиве 2008/52/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 21 мая 2008 г. относительно некоторых аспектов медиации в гражданских и коммерческих делах (Далее – Директива 2008/52/ЕС) [3] – содержится указание наименования, а также объем содержания принципа добровольности медиации. Так в соответствии с п. 13 преамбулы Директивы 2008/52/ЕС медиация (применительно к Директиве 2008/52/ЕС) должна представлять собой добровольную процедуру в том смысле, что стороны сами несут ответственность за проведение данной процедуры и могут организовывать ее в соответствии с собственными пожеланиями, а также прерывать ее в любой момент. То есть добровольность медиации трактуется как право сторон свободно определять порядок ее проведения (в т.ч. нести бремя и риски, связанные с ее организацией), а также право «выхода» из данной процедуры в любой момент.

В Законе Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» (далее – Закон о медиации) [4] содержится отдельная статья, закрепляющая принципы медиации, в т.ч. и принцип добровольности (ст. 3). При этом раскрытие содержания и пределов действия данного принципа приводится в п. 5 Правил этики медиатора, утвержденных постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 17 января 2014 г. № 15 (далее – Правила этики медиатора) [5]. В частности, принцип добровольности заключается в праве медиатора, сторон (представителей сторон) отказаться от участия в медиации на любой стадии ее проведения.

Более того, процессуальное законодательство Республики Беларусь (Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь, Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь) не содержат в качестве основания для отказа возбуждении производства по делу или оставления искового заявления без рассмотрения факт наличия заключенного

сторонами соглашения о применении медиации. То есть, иначе говоря, заключение соглашения о применении медиации по законодательству Республики Беларусь не влечет за собой дерогационного эффекта (т.е. исключение юрисдикции государственного суда), что по нашему мнению, в полной мере согласуется с положениями указанной выше Директивы ЕС.

Таким образом, в силу правовой природы соглашения как результата согласования общего интереса сторон, а также в силу базового принципа добровольности процедуры медиации, который не просто декларируется, но согласуется с положениями процессуального законодательства Республики Беларусь, постановка вопроса об обязательном исполнении данного соглашения невозможна как одной из сторон по отношению к другой, так и со стороны носителя публичного или частного интереса по отношению к спорящим сторонам.

Следовательно, в настоящее время соглашение о применении процедуры медиации можно в этой части можно отнести к т.н. фактическим договорам – «дозволяемых законодательством соглашений, не подлежащих государственно-властной защите вследствие неюридического характера опосредуемых ими общественных отношений, либо в результате отсутствия подходящих юридических мер принуждения» [6, с. 20].

Заключение. В качестве методологической основы была выработана позиция, согласно которой соглашение о применении медиации по законодательству Республики Беларусь является двух предметным. Согласно первому предмету стороны достигли соглашения о передаче спора (споров) на урегулирование посредством медиации; согласно второму предмету стороны и медиатор достигли соглашения о порядке урегулирования конкретного спора посредством проведения процедуры медиации.

Первым предметом «консолидируется» воля участников спорного правоотношения по реализации права на урегулирование спора посредством проведения процедуры медиации, которое не может быть реализовано ими изолированно (по отдельности).А поскольку «слияние общих воль» сторон любого соглашения, в том числе и соглашения о применения медиации (в части обращения к этой процедуре), не порождает обязательства – не устанавливает взаимных прав и обязанностей, то сама постановка вопроса об исполнении ими данного соглашения по отношению друг к другу невозможна.

Список цитированных источников

1. Чеговадзе, Л.А. Кондратьева Е.А. Действия по исполнению договорных обязательств / Л.А. Чеговадзе, Е.А. Кондратьева // Вестник Пермского университета. –2008. – Выпуск 1 (1). – С. 73-78

2. Ильюшина, М.Н. Новое законодательство о договорном регулировании отношений по залогу движимого имущества / М.Н. Ильюшина // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 3. – С. 84-88

3. Директива N 2008/52/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О некоторых аспектах посредничества (медиации) в гражданских и коммерческих делах» // Справ.-правовая система КонсультантПлюс: Россия. ВерсияПроф[Электронный ресурс]. – М., 2016.

4. О медиации: Закон Республики Беларусь от 12.07.2013 № 58-З // Нац. правовой Интернет-порталРесп. Беларусь. – 2013. – 2/2056.

5. Правила этики медиатора: постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 17 января 2014 г. № 15// Нац. правовой Интернет-порталРесп. Беларусь. – 2014. – 8/28273.

6. Корецкий, А.Д. Теоретико-правовые основы учения о договоре / А.Д. Корецкий. / Отв. ред. заслуженный деятель науки РФ, докт. юрид. наук, проф., акад. РАЕН П.П. Баранов – СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 211 с.

УДК 343.4

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЧЕЛОВЕКА ОТ ЭКСПЛУАТАЦИИ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Е.А. Шантырева, старший преподаватель кафедры истории и теории права Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Аннотация. Особую тревогу в условиях, когда общество приходит в чувство от последствий мирового экономического кризиса, вызывают такие проявления преступности, которые ставят под угрозу основные конституционные права и свободы человека и гражданина. К числу подобного рода преступных посягательств можно отнести эксплуатацию человека.

Введение. В данной работе использовался Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказание за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Методы его исследования и оценка – юридическая техника, конкретно-исторический, сравнительный, метод анализа и синтеза.

Основная часть. Известно, что социальное явление «эксплуатация человека» насчитывает не одно тысячелетие. История развития цивилизаций знает достаточно продолжительный период времени, когда эксплуатация человека рассматривалась в качестве института социально-экономического развития общества и государства. В современном мире можно усмотреть различные формы существования данного явления в модифицированном виде.

Хотя проблема противодействия эксплуатации человека как преступления международного характера отслеживается мировым сообществом более двух столетий, категория «эксплуатация человека» для отечественного законодательства и юридической науки стала известна не так давно. Как следствие уголовно-правовая категория эксплуатация человека до сих пор остается малоизученной в теории и практике уголовного права.

В правовой литературе высказано мнение, что юридическая ответственность за эксплуатацию человека связана с противодействием рабству и работорговле. Современное состояние защиты прав и свобод человека свидетельствуют, что рабство это не единственная форма эксплуатации человека, и в современном мире распространены многие другие не

менее опасные проявления эксплуатации человека (подневольное состояние, сексуальная эксплуатация, эксплуатация детского труда и пр.). В силу сказанного становится важным определить основные черты изучаемого явления для того, чтобы не только иметь четкое представление об уголовно-правовой категории «эксплуатация человека», но и с учетом этого выработать стратегию и план противодействия эксплуатации человека.

Специфика современного общественного развития основывается на постулате приоритета общечеловеческих ценностей как универсальной категории в обществе. Именно приоритет общечеловеческих ценностей, прав и свобод человека и гражданина должен лежать в обосновании концепции уголовно-правовой защиты человека от эксплуатации.

Наиболее четко эксплуатация человека употребляется исключительно к торговле людьми. Именно поэтому анализ категории «эксплуатация человека» требует учета содержания уголовно-правового понятия «торговля людьми».

Под торговлей людьми понимается купля-продажа человека, иные сделки в отношении человека, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получения. Эксплуатация является ключевым понятием в понимании феномена торговля людьми. Таким образом, определение эксплуатации человека раскрывается через описания ее форм, в числе которых называются:

1) проституция;

2) иные формы сексуальной эксплуатации;

3) рабский труд (услуги);

4) подневольное состояние.

Согласно статье 3 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, под торговлей понимается осуществление в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы, силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. Эксплуатация включает, как минимум, эксплуатацию проституции другими лицами или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов. Кроме того «торговлей людьми» считается вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение ребенка для целей эксплуатации [1].

Заключение. Подводя итог рассуждениям об эксплуатации человека как уголовно-правовой категории можно сформулировать следующие выводы, которые должны быть учтены при дальнейшем изучении и противодействии данному преступному феномену:

1) рассматривая соотношение эксплуатации и торговли людьми как уголовно-правовых категорий, можно сделать вывод о том, что эти понятия, хотя и взаимосвязаны, но не тождественны;

2) в настоящее время возникла настоятельная потребность в научном осмыслении эксплуатации человека как уголовно-правового и криминологического феномена, так и разработки системы мер по ее предупреждению.

Список цитированных источников

1. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказание за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеей ООН от 15 ноября 2000 года) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – №40. – Ст.38

УДК 340.113

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ И СОСТАВА

Е.Н. Швед, аспирант Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Аннотация. В статье делается вывод о прямой зависимости того или иного набора инструментов юридической техники от объема понятия юридической техники.

Введение. Развитие национальной правовой системы и разработка базовых направлений совершенствования системы законодательства Республики Беларусь невозможны без всестороннего изучения и использования юридической техники. Проблемы данного института права основательно прорабатывались в российской и белорусской юридической науке, особенно в последние 10–20 лет, однако, до настоящего времени остаются мало изученными вопросы, касающиеся определения состава и содержания юридической техники, природы, особенностей и специфики ее элементов.

Что же следует считать элементами юридической техники? С помощью какого набора инструментов обеспечивается достижение целей юридической деятельности?

Основная часть. Одним из важнейших аспектов, влияющих на состав юридической техники,являетсяпонимание юридической техники вообще, определение ее понятия, которое достаточно широко используется в современной юридической литературе.При этом единый, общепринятый подход к данному понятию пока не выработан.

В юридической науке сформировались два наиболее распространенных подхода к определению понятия «юридическая техника» – узкий (документальный) и широкий (деятельностный). Представители узкого подхода (С.С. Алексеев [1], В.С. Нерсесянц [2], Ю.А. Тихомиров [3] и др.) считают, что юридическая техника – это совокупность средств и приемов, используемых в процессе подготовки и принятия нормативных правовых актов.

Весьма четко этотподход представлен С.С. Алексеевым, который по-

лагает, что при теоретическом истолковании юридической техники необходимо выдвинуть ее субстат, «так сказать, субстанциональную сторону – средства, а вслед за тем и приемы…». То есть по содержанию юридическая техника складывается из двух элементов: а) технических средств (в первую очередь имеются в виду специально-юридические средства – юридические конструкции, термины и т.д.); б) технических приемов – пути и способы использования средств [1, с. 288].Ю.А. Тихомиров юридическую технику понимает как систему правил, предназначенных и используемых для познавательно-логического и нормативно-структурного формирования правового материала и подготовки текста закона. В таком определении можно выделить шесть взаимосвязанных элементов: познавательно-юридический, нормативно-структурный, логический, языковой, документально-технический, процедурный [3, с. 113].

Группа же ученых, рассматривающих юридическую технику в широком смысле (Н.А. Власенко [4], М.Л. Давыдова [5], В.Н. Карташов [6], С.В. Поленина[7] и др.), кроме средств и приемов создания юридических документов включают организационные либо процедурные правила юридической техники.

В.Н. Карташов, говоря о юридической технике, в качестве ее элементов называет исключительно средства юридической практики. Автор предложил для характеристики правил выполнения юридической работы использовать термин «юридическая технология» [6, с. 24].

Следует отметить, что такая категория юридической науки, как юридическая технология, и ее соотношение с юридической техникой, стали отдельными направлениями исследований ряда ученых. Во многом это было обсуловленорасширением объекта понятия юридической техники:наряду с правовыми актами объектом сталапрофессиональная юридическая деятельность. В белорусской юридической науке данную особенность отметил профессор Н.В. Сильченко, который подробно исследовал точки пересечения категорий «юридичекая техника» и «юридическая технология» и доказал их самостоятельность в понятийном аппарате юридической науки [8, с. 49].

Юридическая технология, по В.Н. Карташову, состоит из трех частей: юридической техники – средств достижения практических целей; юридической тактики – совокупности интегрированных приемов, способов и методов юридической практики или основы ее организации и планирования; юридической стратегии – способах достижения главных, наиболее существенных и окончательных целей [6, с. 24].Не соглашается с мнением В.Н. Карташова Т.В. Кашанина, полагая, что: 1) не следует включать в одну группу технические и интеллектуальные средства проведения юридической работы; 2) юридическая тактика и юридическая стратегия – приницпиально другие явления по сравнению со средствами, составляющими юридическую технику [9, с. 90].

Кроме этого, встречаются компромиссные позиции некоторых авторов, которые видят решение вопроса о конструировании понятия «юри-

дическая техника» где-то посредине узкого и широкого подходов. Так, уже упомянутая нами Т.В. Кашанина выделяет структурные элементы с помощью материального критерия, или характера выраженности вовне того или иного юридического инструментария. По мнению автора, материальное выражение имеют только средства юридической техники, то есть то, что делается руками человека. Все остальные аспекты юридической работы имеют нематериальный характер и относятся к умению (искусству) проводить эту сложную работу. Все это правильнее называть юридической технологией [9, с. 91].

Согласимся с Н.В. Сильченко, который, рассматривая узкий и широкий подходы к определению понятия юридической техники, утверждает, что отдельные расхождения между ними можно сблизить, в первую очередь, через совершенствование юридического инструментария, который используется при создании правовых актов [10, с. 15].

Заключение. Проблема выделения элементов юридической техники во многом зависитот того, как понимается в целом юридическая техника. Учитывая, что между учеными существуют принципиальные разногласия по этому вопросу, то взгляды на набор структурных элементов, ее составляющих, также будут отличны друг от друга.Понимание юридической техники в узком смысле порождает выделение таких структурных частей, как средства и приемыюридической техники. Рассматрение же юридической техники в широком смысле позволяет включить в набо ее элементов наряду со средствами и приемами построения норм права организационные либо процедурные правила.

Список цитированных источников

1. Алексеев, С.С. Общая теория права: в 2 т. / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1982. – Т. 2. – 360 с.

2. Нерсесянц, В. С. Философия права : учебник для вузов / В. С. Нерсесянц. – М. : Норма, 1997. – 652 с.

3. Тихомиров, Ю.А. О правилах законодательной техники / Ю. А. Тихомиров // Журнал российского права. – 1999. – № 11. – С. 110–116.

4. Власенко, Н. А. Законодательная технология: Теория. Опыт. Правила : учеб. пособие / Н. А. Власенко. – Иркутск : Восточно-Сибирская издат. компания, 2001. – 144 с.

5. Давыдова, М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии : монография/ М. Л. Давыдова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – 318 с.

6. Карташов, В.Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования / В. Н. Карташов // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 16–24.

7. Поленина, С. В. Юридическая техника: социальный аспект / С. В. Поленина // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 4. Правазнаўства. – 2011. – № 3. – С. 3–9.

8. Сільчанка, М. У. Аб змесце паняцця “юрыдычная тэхніка” і яго суадносінах з паняццем “юрыдычная тэхналогія” / М. У. Сільчанка // Право.by. – 2015. – № 2. – С. 45–50.

9. Кашанина, Т.В. Юридическая техника: учебник / Т.В. Кашанина. – 2-е изд. пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 496 с.

10. Сільчанка, М. У. Юрыдычная тэхніка: асноўныя контуры паняцця і праблемы нарматыўнага замацавання / М. У. Сільчанка // Право и демократия: сб. научных трудов. – Вып. 26, редкол.: В.Н. Бабило (гл. ред.) и [и др.]. – Минск: БГУ, 2015. – С. 5–22.

УДК 347.777

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КАТЕГОРИИ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

П.Г. Шеленговский, доцент кафедры истории и теории права Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье описываются наиболее важные вопросы правовой охраны и использования интеллектуальной собственности в сфере рекламы. Описываются проблемы недобросовестной конкуренции на рынке рекламных услуг.

Введение. В условиях мировой глобализации, роста мировой торговли и мирового рекламирования продукции – вопросы охраны и использования интеллектуальной собственности приобретают мировое значение для России. Особенно это свойственно для предприятий и организаций, задействованных в коммерческой, предпринимательской и производственных сферах.

В настоящее время в ФЗ «О рекламе»[2] не рассматриваются напрямую аспекты охраны и использования интеллектуальной собственности в рекламе, что усложняет регулирование. Однако само регулирование данной сферы описано в части 4 ГК РФ[1] должны быть перенесены в ФЗ «О рекламе» и систематизированы.

Основная часть. При производстве рекламного продукта в рекламном бизнесе, возникают несколько актуальных проблем. Первой из них является проблематика, включающая в себя неопределенность по поводу принадлежности авторских прав на рекламный продукт. Второй и самой важной проблематикой является использование в рекламном продукте чужих произведений и иных объектов ИС (фирменное наименование, товарный знак и т.д.).

Касаемо первой проблематики, то результаты рекламного творчества в данной ситуации могут являться объектами смежных (театральные постановки, видеозаписи, фонограммы и т.д.), авторских (произведения искусства, литературы и т.д.) прав и иных исключительных прав. В данной ситуации необходимо правильно решить вопрос, о том кому принадлежат права на рекламный объект и под какую категорию исключительных прав подпадает данный результат рекламного бизнеса. На этой почте возникают двоякого рода вопросы, связанные: с правильной передачей прав на сам рекламный объект заказчику, с правильной и юридически грамотно составленной документацией и отношениями между рекламодателем и рекламопроизводителем.

Проанализировав законодательство можно выделить продукты рекламы, обладающие после своего создания авторскими правами:

1) Рекламные билборды (рекламные афиши, щиты, печатная продукция), этикетки, логотипы, знаки, фотографии и иные;

2) Рекламные видеоролики и аудиролики;

3) Рекламные статьи;

4) Рекламная музыкальная продукция, слоганы, рекламные позывные, «рингтоны», голограмма и т.д.

В отношение последних постоянно возникают проблемы. К примеру, рекламный лозунг, который содержит в себе сжатую информацию формулировки рекламной идеи, ведь в законодательстве прямо не указано что данный объект рекламной деятельности относятся к объектам правовой охраны, несмотря на мнения специалистов в этой области, которые признают их таковыми. [5, С. 120 - 128]

В рекламном бизнесе – конкуренция рождает рекламный продукт, который соответствует признакам творческого труда: неповторимости и оригинальности. При этом необходимо разграничить понятия «интеллектуальная деятельность» и «реклама». В результате этого разграничения можно понять, что «реклама» – выражается в виде произведения, а «интеллектуальная деятельность» и средства индивидуализации могут входить в рекламу как ее элемент[4 С. 120]. Если же смотреть на объекты, такие как место происхождения товара, товарный знак – то можно увидеть, что в них имеется рекламная цель и поэтому они будут являться частью и функцией рекламы.

Рассмотрим теперь вторую проблему рекламного бизнеса – нарушение авторских прав при изготовлении и распространении рекламного продукта. Можно выделить основные проблемы данной сферы:

1) Нарушение прав авторства работника рекламного агентства (права на имя).

2) Использование произведения без согласия правообладателя (автора).

3) Нарушение способов использования произведения (размеров тиража и условий договора).

4) Несогласованная переработка произведения.

5) Нарушение личных неимущественных прав автора.

Часть 4 ГК РФ регулирует право использования чужих объектов интеллектуальной собственности. Рекламное произведение согласно норме закона, подпадает под охраняемый результат интеллектуальной деятельности и его возможно использовать только:

а) в режиме служебного произведения,

б) на основании договора с автором (договор заказа) – наиболее предпочтителен.

В рекламном бизнесе ошибочно полагают, что к объекту авторского права относится отдельное произведение, но на самом деле самостоятельные части произведения являются тоже объектами авторского права. В итоге происходит нарушение ст. 1259 ГК РФ (нарушение прав авторства части произведения) Например: используют имя персонажа произведе-

ния, его черты в рекламном продукте. Частичное использование произведения тоже необходимо согласовать с автором и узаконить в форме договора или соглашения.

Если в настоящее время взглянуть на рекламный бизнес, а точнее на видеохостинг «YouTube» – то можно увидеть что в большинстве случаях нарушаются авторские права в рекламных роликах (накладывают авторскую музыку, вставляют в ролик авторские произведения искусства и т.д. без разрешения правообладателя). В данном случае необходимо получить согласие от автора (автор сценария – в данном случае будет автор вставленной картинки, отрывка из кинокартины, фразы) и получить право на переработку той или иной части произведения автора сценария, если такая переработка будет производиться. По итогу получиться сложный объект – аудиовизуальное проведение, подпадающее под особый правовой режим ст.1263 ГК РФ. Авторами аудиовизуального произведения будут: режисер-постановщик, автор сценария, композитор и т.д. Все они в равной мере обладают частью авторского права на произведение. Их мнения должны быть учтены.

Заключение. Приведенные в настоящей статье примеры нарушения ИС в рекламном бизнесе, показывают, что законодательство в данной сфере несовершенно и требует крупных изменений (в подходе охраны ИС, в регламентации особенностей использования ИС). Необходимы изменения ФЗ «О рекламе», который нужно дополнить дополнительной ответственностью за нарушение в рекламе норм гражданского законодательства, регламентирующие вопросы охраны ИС. Необходимо дополнить формы недобросовестной рекламы и добавить такую, как нарушение исключительных прав при распространении и изготовление рекламы и авторского права. Так же необходимо объяснить авторам произведений, что существует охрана авторского права и своего произведения – поскольку исходя из практики, большинство авторов не знали, что их права нарушаются.

Список цитированных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. от 13.12.2016)(с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Сбор. законодательства Рос. Федерации. – 25.12.2006 – N 52 (1 ч.) – ст. 5496.

2. Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 05.12.2016) "О рекламе" // Сбор. законодательства Рос. Федерации. – 20.03.2006 – N 12, – ст. 1232.

3. Выгодин, Б.А. О защите рекламного слогана / Б.А. Выгодин // Новости интеллектуальной собственности. – 2007. – N 3. – С. 17 - 18;

4. Силонов, И.А. Авторское право в рекламе / И.А. Силонов // Хозяйство и право. – 2000. – N 5. – С. 120 – 128.

5. Шеленговский, П.Г. Гражданско-правовая роль интеллектуальных прав в контексте экономического и политического развития современного государства / П.Г. Шеленговский // сборник научных статей: Молодой ученый – Казань, – 2016. – С.720-723.

6. Карпычев, М.В., Хужин, А.М. Правовые проблемы использования объектов интеллектуальной собственности в рекламе / М.В. Карпычев, А.М. Хужин // Реклама и право. – 2005. – N 2. – С.56-58.

УДК 34-347

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Е.А. Шерашенкова, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Филиала НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права» в Смоленской области, кандидат педагогических наук

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые аспекты регулирования несостоятельности (банкротства) физических лиц по законодательству зарубежных стран: США, Германии, Австрии, Франции, в том числе основные виды процедур, участники в деле о банкротстве, удовлетворение требований кредиторов.

Введение. В современном мире наблюдается значительное увеличение объемов потребительского кредитования, в следствии чего у граждан зачастую возникают задолженности, вызванные различными причинами, например, потеря работы, болезнь, финансовый кризис в целом.

Основная часть. Надо отметить, что под термином «банкротство» в зарубежных странах понимается неплатежеспособность должника, т.е. толкование аналогично содержащемуся в российском праве. Законодательство о банкротстве является важнейшей составляющей системы права любого развитого государства, но круг лиц и процедура в разных странах неодинакова.

Процедура банкротства граждан в Австралии, США, Японии, Германии, Великобритании, Франции, Испании и т.д. отличается жестокостью по отношению к должнику. Например, помимо имущества, которое теряет гражданин – банкрот, он может лишиться и некоторых гражданских прав.

В США закон о банкротстве имеет сложную структуру. Надо отметить, что для жителей США банкротство физических лиц обычное явление. Кредиты в США получить несложно, что и обеспечивает им большую популярность. И, все же, некоторые требования банки клиентам предъявляют. Для больших займов является обязательным первоначальный взнос. Его размер напрямую зависит от кредитной истории.

Гражданин, не выплачивающий долги по кредиту, признается банкротом, для чего предусмотрена специальная юридическая процедура. Государство при этом списывает с него все имеющиеся долги. Тюремное заключение за это правонарушение не предусмотрено. Однако на протяжении определенного законом времени банкрот не только не может взять кредит, но и делать большие покупки за наличные средства. Для тех, кто не смог выплатить кредит по уважительным причинам, предусмотрена государственная поддержка. Еще одной особенностью является, то что должник может объявить себя банкротом и пройти процедуру банкротства не чаще чем один раз в восемь лет.

Банкротами американцев признают в специальных судах, в которые могут обратиться сами должники или кредиторы. Процесс немного схож с российским. До признания должника банкротом может быть заключено мировое соглашение, составляется план погашения суммы. Если суд все же объявил человека таковым, тогда погашение долга осуществляется за

счет реализации имущества банкрота. Тем, кто скрывает имущество и рассчитывает на фиктивное банкротство, грозит уголовное наказание. В каждом случае назначается федеральный управляющий, этот человек курирует и контролирует весь процесс процедуры признания несостоятельности, реализации имущества и списания долгов. Надежно и, как показывает зарубежная практика, весьма эффективно.

Надо отметить, что в США одно из самых "мягких" отношений к должникам. Однако в странах, как Германия, Великобритания, Испания, страны Балтии, Финляндия и других, целью процедуры банкротства физического лица является полный возврат должником денежных средств кредитору.

В Германии и Австрии конечная цель процедуры банкротства – выплата долга через обязательный план погашения. Там процедура банкротства начинается с долга, превышающего тысячу евро. Процедура банкротства начинается в случае если гражданин не в состоянии удовлетворить требования кредитора в течении длительного периода. Временные трудности, связанные с задержкой оплаты от четырех до шести недель, не трактуются законом как доказанная неплатежеспособность.

Заявление на открытие конкурсного производства вносится в компетентный суд с требованием об освобождении долга. Как и в российском законодательстве приветствуется досудебный1 порядок. Должник и кредитор изначально пытаются договориться о снижении долга или его реструктуризации. В случае если сторонами соглашение не достигнуто, то происходит опись имущества должника. Что примечательно в Германском законодательстве, это то, что при описи имущества защищены законом о потреблении и не подлежат изъятию и оценке личные вещи, домашняя обстановка, бытовая техника, вещи первой необходимости и предметы роскоши с определенным процентом износа. Так, в немецком законодательстве автомобиль относится к предмету роскоши в случаях если он не используется для рабочих целей. Что касается объектов недвижимости, то должник владеющий на правах частной собственности квартирой или домом обязан продать данное имущество в счет погашения долга. Далее наступает «период контроля» который длиться около 6 лет. За этот период все доходы, имущество передаются доверенному лицу по управлению имуществом для распределения между кредиторами. В случае если к концу шестого года платежеспособность должника осталась прежней, то дело закрывается и присваивается статус «банкротство физического лица», а все остаточные долговые требования аннулируются.

Во Франции перед началом процедуры банкротства физического лица принимаются меры, направленные на недопущение банкротства. Специальная комиссия по задолженности составляет план – график выплат кредиторам. Однако, в большинстве случаев такая практика не приносит должного результата, поэтому наступает следующий этап – восстановление.

Этот этап является добровольным, длиться 12 месяцев и подразумевает самостоятельную продажу имущества, движимого и недвижимого, с целью выплаты долгов. В других государствах, в том числе и России этим занимаются арбитражные управляющие. Если комиссия по задолженно-

сти усмотрит добросовестность должника, а именно оплата долга, то по истечении годового периода остаток задолженности может быть списан.

Сразу же надо отметить, что банкроты попадают в черный список Банка Франции и впоследствии им будет сложно получить новый кредит. Во многих государствах такая норма присутствует, в том числе и в Российской Федерации. Особенностью законодательства о банкротстве физических лиц во Франции является, то что должник имеет право выбора. Он может продать имеющее имущество в счет долга или же если тон этого не хочет, то он может заключить соглашение с кредиторами, в рамках которого все доходы, в том числе и заработная плата автоматически перечисляется кредиторам. Таким образом у должника имеется возможность сохранить в первую очередь недвижимое имущество. Однако, в силу закона кредиторы имеют право с таким вариантом не согласиться и обязать должника к продаже недвижимых объектов.

Заключение. В России не утихают споры, чьи интересы призван защитить закон о банкротстве физлиц. Считается, что зарубежная практика процесса признания должника банкротом поможет в построении эффективного и справедливого института личного банкротства в нашей стране. Однако отличия нашей системы от иностранных имеются, и это также повлияет на формирование российского варианта. Можно выделить следующие различия:

- российский вариант закона призван учитывать интересы как кредиторов, так и должников;

- отсутствует специальное ведомство, рассматривающее дела о банкротстве. В зарубежной практике это специальные суды, у нас — арбитражные;

- отличия в контроле благосостояния должника.

Также отличаются сроки признания банкротом, стоимость процедуры, порядок реализации имущества и погашения долгов.

Однако опыт зарубежных стран может помочь в дальнейшем развитии законодательства в России о банкротстве физических лиц.

УДК 347.6

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В.В. Шилко, аспирант юридического факультета Белорусского государственного университета

Аннотация. В статье анализируется правовое регулирование суррогатного материнства в законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации. Автором исследуются различия в регламентации субъектного состава и формы договора суррогатного материнства, правил установления материнства.

Введение. Законодательство различных стран расходится в принципах регулирования правоотношений в области вспомогательных репро-

дуктивных технологий (далее – ВРТ), что предопределяет существование различных моделей правового регулирования отношений, складывающихся при их применении. Республика Беларусь и Российская Федерация являются представителями постсоветской модели правового регулирования возникающих правоотношений, о чем свидетельствует законодательное разрешение достаточно широкого круга методов ВРТ (прежде всего, следует отметить легализацию суррогатного материнства и отсутствие запрета на его коммерческий характер, в отличие от стран европейской модели) и возможность их использования лишь лицами, состоящими в гетеросексуальном браке и одинокими лицами, которые в силу имеющихся противопоказаний не могут естественным путем завести ребенка. Вместе с тем, несмотря на общность основных принципов регулирования отношений по применению ВРТ, в белорусском и российском законодательстве существуют вопросы, которые кардинально различаются в своем правовом регулировании.

Основная часть. В Республике Беларусь исследование договора суррогатного материнства с иностранным элементом представлено в диссертации Н.С. Байбороши, работах В.П. Рагойши, З.А. Севковской. В Российской Федерации исследованию вопросов применения ВРТ и суррогатного материнства посвящены работы С.П. Журавлевой, Е.Г. Малиновской, Е.С. Митряковой.

Основными источниками правового регулирования суррогатного материнства в Республике Беларусь выступают Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 09.07.1999 № 278-З (далее – КоБС), Закон Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» 07.01.2012 № 341-З (далее – Закон о ВРТ), постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 01.06.2012 № 54 «О некоторых вопросах применения вспомогательных репродуктивных технологий» и другие нормативные правовые акты.

Правовому регулированию суррогатного материнства в Российской Федерации посвящены отдельные положения Семейного Кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон об основах охраны здоровья), Приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению».

Согласно п. 10 ст. 1 Закона о ВРТ суррогатное материнство – это вид вспомогательных репродуктивных технологий, заключающийся в соединении сперматозоида и яйцеклетки, изъятой из организма генетической матери, или донорской яйцеклетки вне организма женщины, развитии образовавшегося в результате этого соединения эмбриона, дальнейшем переносе данного эмбриона в матку суррогатной матери, вынашивании и рождении ею ребенка. И белорусское, и российское законодательство предоставляет возможность использования при применении данного ме-

тода ВРТ не только яйцеклетки генетической матери, но и донорской яйцеклетки.

Основным отличием в правовом регулировании договора суррогатного материнства в Республике Беларусь и Российской Федерации выступает субъектный состав договора суррогатного материнства. Пункт 1 ст. 21 Закона о ВРТ допускает заключение рассматриваемого договора между суррогатной матерью и генетической матерью или женщиной, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой (если они состоят в браке, требуется письменное согласие супругов).

Российский законодатель в п. 9 ст. 55 Федерального закона об основах охраны здоровья указывает, что заключение договора суррогатного материнства возможно между потенциальными родителями либо одинокой женщиной, рождение ребенка для которой невозможно по медицинским показаниям, с одной стороны, и суррогатной матерью с другой стороны. Представляется, отличие данных подходов обусловлено разницей в правилах приобретения лицами статуса родителей ребенка, рожденного суррогатной матерью.

Часть 5 ст. 52 КоБС закрепляет, что матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается женщина, заключившая с суррогатной матерью договор суррогатного материнства. В Российской Федерации действует презумпция материнства женщины, родившей ребенка, в рассматриваемом случае – суррогатной матери, что, на наш взгляд, предопределяет использование термина «потенциальные родители» применительно к контрагентам суррогатной матери. Абзац 2 п. 4 ст. 51 СК РФ закрепляет, что лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери). Таким образом, приобретение лицами, прибегнувшими к данному методу ВРТ, статуса родителей ставится в зависимость от согласия суррогатной матери на это.

На практике подобный подход вызывает немало споров, которые становятся предметом судебных разбирательств. 15 мая 2012 года было вынесено определение Конституционного суда Российской Федерации [1], связанное с жалобой на то, что суррогатная мать отказалась давать согласие на запись заявителей генетическими родителями ребенка. Конституционный Суд Российской Федерации счел, что нормы СК РФ, предусматривающие обязательное согласие суррогатной матери на регистрацию генетических родителей в качестве таковых, не нарушили конституционных прав заявителей, в связи с чем в рассмотрении жалобы им было отказано.

В связи с этим существующий в настоящее время в России подход критикуется и предлагается пересмотреть принципы регулирования отношений суррогатного материнства исходя из приоритета прав потенциальных родителей [2, с. 10], а также изменить конструкцию возникающих договорных отношений. В целях исключения непосредственного контак-

та сторон рассматриваемого договора некоторыми авторами обосновывается целесообразность заключения двух договоров: первый договор – между потенциальными родителями и медицинским учреждением, которое сопровождает реализацию суррогатного материнства, второй договор – между суррогатной матерью и этим же медицинским учреждением. По мнению авторов данного подхода, наличие двух договоров минимизирует возможность суррогатной матери злоупотреблять своими правами на отказ от передачи ребенка потенциальным родителям [2, с. 9].

Полагаем, с учетом достаточного объема судебной практики в Российской Федерации по данным спорам, а также необходимости обеспечения баланса интересов сторон договора и ребенка, рожденного суррогатной матерью, представляется целесообразным пересмотр подхода к регулированию отношений суррогатного материнства в пользу нормативно установленного правила об установлении материнства генетической матери либо женщины, использовавшей донорскую яйцеклетку, в отношении ребенка, рожденного суррогатной матерью.

Правовое регулирование формы договора суррогатного материнства в законодательстве Республики Беларусь и в Российской Федерации также разнится. В соответствии с п. 1 ст. 21 Закона о ВРТ договор суррогатного материнства заключается в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению. Такой подход законодателя обеспечивает прозрачность, предсказуемость и однозначность отношений между генетической матерью, суррогатной матерью и их супругами на основе всеобъемлющего и легального договора. В Российской Федерации отношения суррогатного материнства предполагают заключение письменного договора, не требующего нотариального удостоверения.

Полагаем, что обязательность нотариальной формы договора суррогатного материнства служит охране прав и интересов как генетических (потенциальных) родителей, так и суррогатной матери, а также будущего ребенка. Нотариус, удостоверяя договор суррогатного материнства, проверяет возможность сторон быть участниками суррогатного материнства, а также разъясняет им их права и обязанности, т.е. нотариальное удостоверение способствует выполнению охранительной функции формы договора. В силу этого следует согласиться с авторами, высказывающими идею о необходимости закрепления в российском законодательстве правила об обязательности нотариальной формы договора суррогатного материнства как наиболее оптимального способа оформления рассматриваемого договора [3].

Заключение. Таким образом, несмотря на принадлежность Республики Беларусь и Российской Федерации к одной модели правового регулирования отношений, возникающих при применении ВРТ, правовое регулирование отдельных вопросов договора суррогатного материнства существенно различается. Полагаем, для достижения основной цели суррогатного материнства и обеспечения прав и законных интересов не только генетических (потенциальных) родителей и суррогатной матери,

но и рожденного ею ребенка, оптимальным подходом к регулированию установления происхождения ребенка является нормативно закрепленное правило об установлении материнства генетической матери либо женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой. Требование о письменной нотариальной форме договора суррогатного материнства предопределяется необходимостью охраны прав и интересов как генетических (потенциальных) родителей, так и суррогатной матери.

Список цитированных источников

1. Определение Конституционного суда Российской Федерации № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» // Консультант Плюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Лазовская С. В., Шодонова М. Э. Субъектный состав договора суррогатного материнства / С.В. Заловская, М.Э. Шодонова // Семейное и жилищное право. - № 3. – 2016. – С. 7-10.
3. Борисова Т. Е. Суррогатное материнство в Российской Федерации. Проблемы теории и практики / Т. Е. Борисова. – Москва: Проспект, 2013. – 143 с.

УДК 347.7:339.18(476)

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЛОГИСТИКИ В БЕЛАРУСИ

И.И. Шматков, заведующий кафедрой гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В настоящее время ситуация на мировых рынках характеризуется значительным ростом конкуренции. Продавцы вынуждены снижать наценку на реализуемые ими товары, чтобы оставаться на плаву в такой конкуренции, и в то же время они пытаются заставить производителя товаров снизить уровень отпускных цен. Производители же, в свою очередь, ищут пути снижения производственных издержек. Если не удается снизить затраты на производство того или иного товара, то необходимо уделить внимание на путь прохождения как готового товара, так и поставляемого для этого товара сырья, на путь проходимый товаром между производителем и продавцом.

Введение. Одним из наиболее действенных инструментов сокращения издержек и затрат на всех этапах передвижения товаров и сырья является логистика. Именно поэтому интерес к данной науке и деятельности сейчас только возрастает. Важность и актуальность логистики и логистической деятельности в улучшении экономического положения в стране и, в целом, развития государства, высоко оценивается и воспринимается в любой стране. Можно даже предположить, что в скором будущем логистика будет

определяющим фактором, влияющим на конечную стоимость товаров, что будет, в свою очередь, определять лидеров на экономической карте мира.

Основная часть. В начале XXI в. процессу логистизации уделяется много внимания. В Швейцарии был создан Европейский центр по логистике. В настоящее время в мире образовано большое количество различных организаций в области логистики, таких как Европейская логистическая ассоциация (EuropeanLogisticsAssociation – ELA, Швейцария), Совет профессионалов в области управления цепями поставок (TheCouncilofSupplyChainManagementProfessionals, США), Совет по цепям поставок (TheSupply-ChainCouncil, Англия), Европейский сертификационный комитет по логистике (ECBL), Совет логистического менеджмента США (CLM), Всемирное общество инженеров-логистов (SOLE).[1]

Каждый год проводятся международные симпозиумы, конференции и конгрессы, на которых обсуждаются научные, законодательные и практические проблемы логистики, в которых принимают участие и специалисты из Республики Беларусь. Например, для повышения международной конкурентоспособности транспортно - логистической системы Республики Беларусь проводится ежегодная Международная специализированная выставка и конгресс «Транспорт и логистика», которая проходит в Минске в рамках Белоруской транспортной недели (в 2015 г. приняли участие более 80 организаций из 9 стран мира.)

Актуальной задачей в сфере логистической деятельности в Республике Беларусь является формирование национальной нормативной правовой базы. Одним из первых законодательных шагов было принятие Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 04.11.2006 г. № 1475 «Об утверждении Основных направлений социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006 – 2015 годы» предусматривалось на втором этапе развития транспортной отрасли внедрение логистических технологий и систем доставки грузов.[7] Основными моментами которой являлись: разработка основных направлений развития логистической системы Республики Беларусь; создание организационной схемы размещения логистических центров в стране и за рубежом; формирование благоприятных условий для привлечения инвестиций в создание объектов и инфраструктуры логистической системы и т.д. Начиная с 1 января 2011 г. в Беларуси введены в действие новые государственные стандарты.[2]

Программу развития логистической системы в Республике Беларусь до 2015 года сменила Республиканская программа развития логистической системы и транзитного потенциала на 2016 – 2020 годы[6] Целью новой программы определено: совершенствование условий логистической деятельности, повышение эффективности использования инфраструктуры, необходимой для оказания логистических услуг, и транзитного потенциала Республики Беларусь. В данной программе уделено внимание таможенной логистике.[3]

Логистическая деятельность изначально предполагает, что товары и транспортные средства будут пересекать таможенную границу Республи-

ки Беларусь, как отечественные товары, так и импортные. Следовательно, место таможенных органов и таможенная логистика в логистическом направлении страны, касающееся перемещения товаров и транспортных средств имеет важное значение. Таможенная логистика базируется на системе тарифного и нетарифного таможенного регулирования и представляет собой особый круг мероприятий в области таможенного дела, направленный на решение вопросов, непосредственно связанных с регулированием и организацией международных поставок товаров, находящихся под таможенным контролем.[4]

Таможенная логистика как наука и практика управления экспортно-импортными товарными потоками включает в себя финансовую логистику таможенных платежей, информационную логистику таможенного регулирования, логистику таможенных услуг и так далее.

Целью её является повышение эффективности таможенного администрирования и создание благоприятных условий для участников внешнеторговой деятельности, за счет повышения качества предоставляемых услуг.

При условии выполнения поставленной цели будет достигнуто ускорение товарооборота и расширение внешнеторговых связей Республики Беларусь, таможенный контроль за товарами, перемещаемыми через таможенную границу, а также своевременное и полное наполнение доходной части государственного бюджета страны

Исследуя место таможенных органов в логистической деятельности в Республике Беларусь, стоит обратить внимание на таможенные услуги, предоставляемые ими.

Таможенные услуги относятся к сфере услуг, обслуживающих внешнеторговую деятельность. Они несут вспомогательную роль по отношению к транснациональному движению товаров и неизбежно становятся международными по масштабу. В настоящее время услуги различных видов транспорта способствуют расширению международной торговли, что является предпосылкой для развития, в том числе таможенных услуг.

Под таможенной услугой понимается результат действий и мер в сфере таможенного регулирования, направленных на удовлетворение потребностей участников внешнеторговой деятельности в ускоренном и эффективном проведении выпуска товара в соответствии с выбранной таможенной процедурой при обеспечении экономической безопасности и пополнении государственного бюджета.

Принципом таможенной логистики является оптимизация временных и финансовых затрат на осуществление той или иной процедуры, связанной с перемещением товара через государственную границу Республики Беларусь и его дальнейшее вовлечение в экономический оборот в интересах всех участников экономической деятельности.

Для правильного и беспрепятственного перемещения товаров через государственную границу в ходе осуществления логистической деятельности, таможенные органы консультируют заинтересованных лиц по во-

просам, касающимся таможенного законодательства таможенного союза, и по иным вопросам, входящим в компетенцию таможенных органов.[5]

Консультирование таможенными органами осуществляется в устной и письменной формах бесплатно.

Заключение. Исследуя правовые особенности осуществления логистической деятельности необходимо учитывать, что Республика Беларусь обладает уникальным географическим положением, так как через ее территорию проходят важнейшие торговые пути соединяющие Европу с Россией, странами СНГ и Китая. Для того чтобы данная система эффективно работала необходимо построить законодательно обеспеченную, крепкую и устойчивую логистическую систему не только на республиканском уровне, но и на международном, чтобы извлекать прибыль в государственную казну Республики Беларусь, за счет обеспечения всеми видами услуг и сервиса субъектов экономических правоотношений.

Географическое расположение Республики Беларусь раскрывает ряд возможностей для реализации имеющихся у страны преимуществ в осуществлении международных перевозок грузов, создание центров, осуществляющих международное перемещение товаров, наращивание объемов перемещаемых товаров и т.д.

Для увеличения товарооборота через таможенную границу Республики Беларусь, мы предлагаем, упростить систему перевозок транзитных товаров, уменьшив пошлины и иные выплаты, что по нашему мнению увеличит поток иностранных товаров и будет привлекателен для международный перевозчиков.

Список использованных источников

1. Об утверждении Республиканской программы развития логистической системы и транзитного потенциала на 2016-2020 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 18 июля 2016 г. № 560 // [Электронный ресурс] ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2017.

2. Журавлев, В.А. Основы логистики: конспект лекций / В.А. Журавлев, А.В. Сак. – Мн.: Право и экономика, 2010. – 164 с.

3. Довнар, В.В. // Логистическая деятельность в правовом поле // Транспортный вестник. 2011. № 47. – С. 31

4. Пелих, С.А. Логистика : учеб.пособие для вузов / С.А. Пелих, Ф.Ф. Иванов. – Мн.: Право и экономика, 2007. – 556 с.

5. "Договор о Таможенном кодексе таможенного союза" 27.11.2009 (ред. от 08.05.2015) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017

6. Об утверждении Республиканской программы развития логистической системы и транзитного потенциала на 2016-2020 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 18 июля 2016 г. № 560 // [Электронный ресурс] ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2017.

7. О Программе развития логистической системы Республики Беларусь на период до 2015 года: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 августа 2008 г. № 1249 (в редакции Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 28 апреля 2014 г. № 402) // [Электронный ресурс] ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 343:347.77/78(476.5)

СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ

Г.А. Яблонский, начальник отдела по расследованию преступлений в сфере высоких технологий криминальной милиции УВД Витебского облисполкома, подполковник милиции
Т.В. Сафонова, старший преподаватель кафедры истории и теории права Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Аннотация. В статье анализируется состояние преступности в сфере высоких технологий в Витебской области, ее динамика за 2015–2016 годы и основные тенденции.

Введение. В последние годы в Витебской области, как и по республике в целом, наблюдается устойчивая динамика роста преступлений против информационной безопасности, а также преступлений в сфере высоких технологий. Кроме того, возрастает количество преступлений по линиям других служб криминальной милиции, совершенных с использованием компьютерной техники и сети Интернет. Выявляются «новые» преступления, совершенные с использованием компьютерной техники и сети Интернет.

В 2016 году выявлено 2471 преступление, что на 31 больше, чем в 2015 году (рисунок 1).

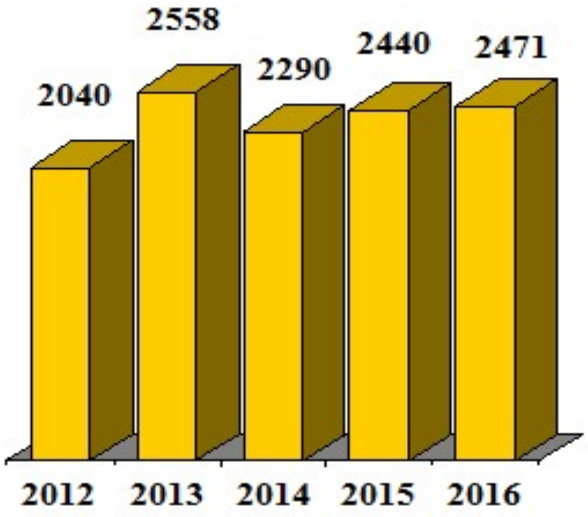

Рисунок 1. Динамика преступлений в сфере высоких технологий в Республике Беларусь за период с 2012 по 2016 гг.

В 2016 году на территории Витебской области в сфере высоких технологий зарегистрировано 286 преступлений, что на 43 преступлений больше, чем в 2015 г. (рисунок 2)

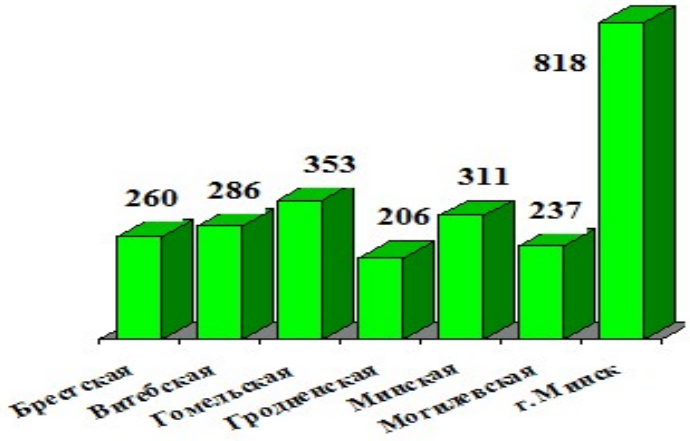

Рисунок 2. Количество выявленных преступлений
в сфере высоких технологий по регионам в 2016 году

Рост преступлений в сфере высоких технологий достигнут увеличением выявленных преступлений против информационной безопасности сотрудниками подразделений по расследованию преступления в сфере высоких технологий области 2016 году – 71 преступление (за 2015 год – 41 (+42,2%)), по которым установлено 22 подозреваемых, окончено расследованием 20 уголовных дел, приостановлено – 40, процент раскрываемости составил 33,3% (в 2015 году – 36,0 %, средний по республике – 36,7%).

Сложившаяся ситуация обусловлена несколькими причинами. Одна из них - рост преступлений по фактам несанкционированного доступа к страницам социальных сетей. В текущем году по 11 преступлениям неустановленны подозреваемые лица, однако, установлены IP-адреса преступников, которые, как правило, находятся за пределами Республики Беларусь.

Кроме того, наблюдается рост преступлений связанных с шифрованием данных на серверах и компьютерах с требованием перечисления денежных средств с использованием платежных систем иных государств. Так, в 2016 году по 22 преступлениям не представилось возможным установить подозреваемых лиц. Причина не установления лиц, совершивших преступления та же: преступления совершены не с территории Республики Беларусь.

К сожалению, важнейшие следы совершения преступлений (IP-адреса доступа к страницам сайтов, почтовых серверов, пользования услугами различный сервисов и т.д.) могут храниться непродолжительное время и часто находятся за пределами Республики Беларусь. Зачастую требуется немедленный доступ к данным и их фиксирование, что в большинстве случаев не возможно.

Значительная часть высокотехнологичных преступлений совершается лицами, умышленно использующими как различного рода сервисы, затрудняющие установление их местонахождения (прокси-сервера, системы типа TOP, программные средства подмены заголовков писем, СМС и т.д.), так и пробелы законодательства, в том числе международного. Так, например, чтобы получить принадлежность IP адреса США требуется

разрешения американского суда, что делает практически невозможным получение этих сведений правоохранительными органами Беларуси. Преступник может воспользоваться сервисом зарегистрированным в США, а сам находиться с потерпевшим в соседней квартире.

Из 71 выявленного преступления против информационной безопасности 24 преступления выявлены по ст. 349 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее -УК) - «Несанкционированный доступ к компьютерной информации»; 1 преступление выявлено по ст. 350 УК («Модификация компьютерной информации»); 40 преступлений - по ст. 351 УК («Компьютерный саботаж»); 6 преступлений - по ст. 354 УК («Разработка, использование либо распространение вредоносных программ») – см. рисунок 3.

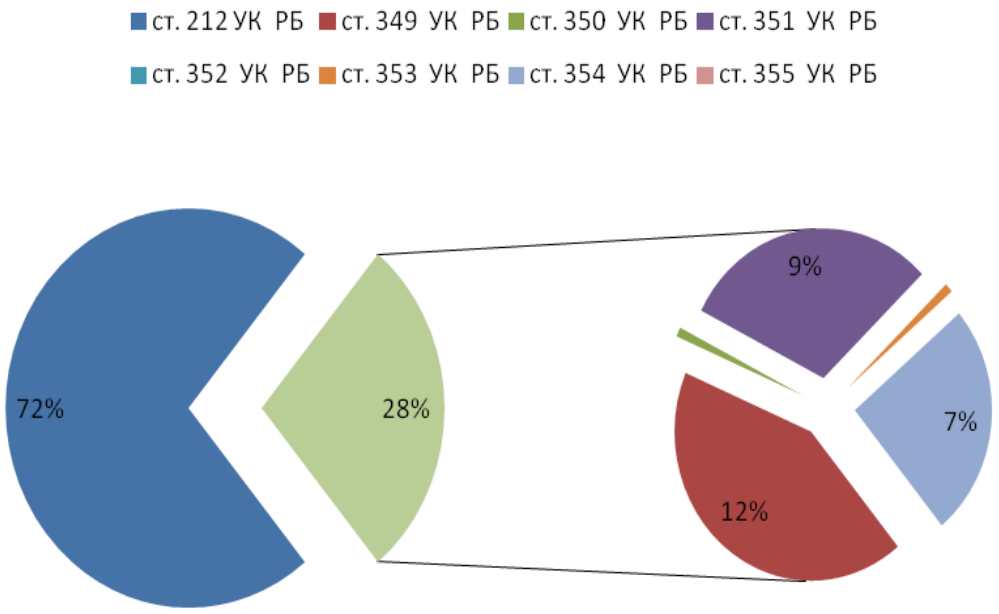

Рисунок 3. Структура преступлений в сфере высоких технологий в 2016 г.

В 2016 году по сравнению с 2015 годом возросло количество преступлений по линиям других служб криминальной милиции, совершенных с использованием компьютерной техники и сети Интернет. Так в 2016 году выявлено 188 преступлений, совершенных с помощью компьютерной техники и сети Интернет, что на 64 больше, чем в 2015 году.

Так, из 188 преступлений, совершенных с помощью компьютерной техники и сети Интернет в 2016 году, 120 преступлений совершено по ст. 343 УК («Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера»); 26 - по ст. 328 УК (« Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов»); 15 – по ст. 209 УК («Мошенничество»); 9 – по ст. 210 УК («Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями»); 5 – по ст. 380 УК («Подделка, изготовление, использование либо сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков»), 3 – по ст. 130 УК («Разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социаль-

ной вражды или розни»); по 2 преступления совершены по ст. 171 УК («Организация и (или) использование занятия проституцией либо создание условий для занятия проституцией») и 221 УК («Изготовление, хранение либо сбыт поддельных денег или ценных бумаг»); по 1 преступлению выявлено по ст. ст. 401 «Заведомо ложное показание», 424 «Злоупотребление властью или служебными полномочиями», 427 «Служебный подлог», 189 «Оскорбление», 208 «Вымогательство», 296 «Незаконные действия в отношении холодного оружия» Уголовного кодекса Республики Беларусь (см. рисунок 4).

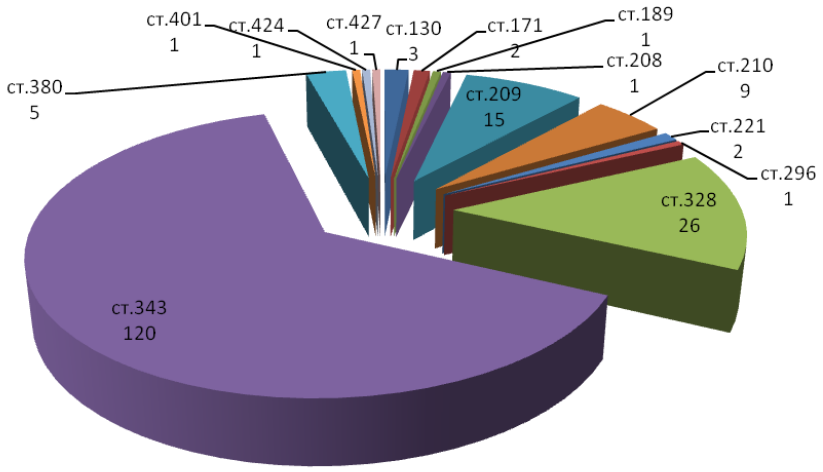

Рисунок 4. Структура преступлений, совершенных с помощью компьютерной техники и сети Интернет в 2016 году

Всего выявлено 14 различных составов преступлений, которые не относятся к преступлениям против информационной безопасности, их нельзя отнести к преступлениям, совершаемым в сфере высоких технологий, однако были совершены с помощью компьютерной техники и сети Интернет (что на 4 больше, чем в 2015 году). Структуру преступлений, совершенных с помощью компьютерной техники и сети Интернет в 2015 году представим на рисунке 5.

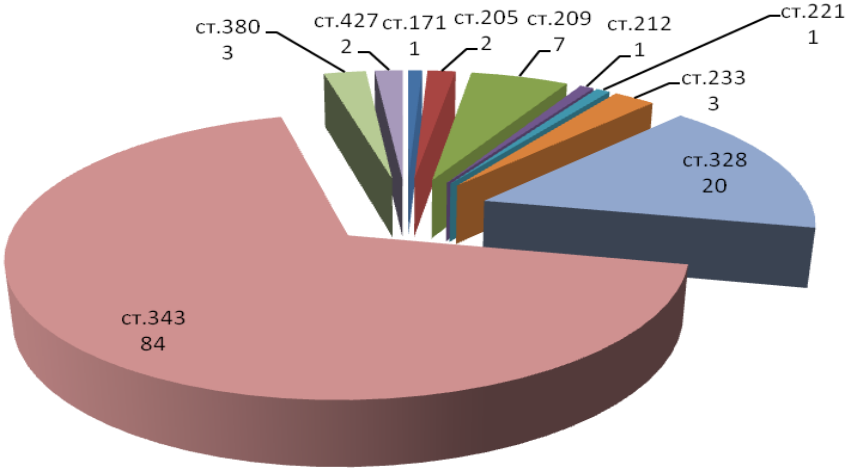

Рисунок 5. Структура преступлений, совершенных с помощью компьютерной техники и сети Интернет в 2015 году

Таким образом, в ходе проведенного исследования можно обозначить некоторые тенденции преступности в сфере высоких технологий в Витебской области.

Наблюдается устойчивая тенденция увеличения количества преступлений против информационнй безопасности (глава 31УК) и хищений с использованием компьютерной техники (ст. 212 УК), так и иных преступлений, совершенных с использованием компьютерной техники и сети Интернет.

Очевидно, что количество зарегистрированных преступлений в сфере высоких технологий не отражает реальную картину. Крайне высоким остается уровень латентности таких преступлений. Причиной этому может являться незнание потерпевших о существовании ответственности за те или иные противоправные действия, совершенные в информационной среде; о том, в какой орган они могут обратиться за защитой своих прав; нежеланием сообщать о преступных посягательствах.

Так, например, сотрудниками подразделений раскрытия преступлений в сфере высоких технологий Витебской области в 2016 году выявлена международная преступная группа лиц, состоящая из граждан Беларуси и России, занимающихся блокированием компьютерной информации от имени МВД Республики Беларусь на компьютерных устройствах пользователей и выставлением требования об уплате штрафа от имени МВД. От деятельности данной группы пострадало более 1000 граждан Республики Беларусь. Вместе с тем, в ходе работы по разоблачению данной преступной группы установлено, что в милицию за период действия преступной группы по данным фактам обратилось не более 60 граждан, а около 900 потерпевших, перечисливших преступникам по 500-600 тыс. неденоминированных рублей в счет уплаты штрафа, в органы внутренних дел не обращались. Следовательно, факты совершения противоправных деяний в отношении них в статистике количества преступлений просто не отражены.

Заключение. В 2017 году можно прогнозировать изменение структуры преступлений, совершенных с помощью компьютерной техники и сети Интернет, а именно расширения видов преступлений, которые могут быть совершены при помощи компьютерной техники, информационных технологий и сети Интернет.

Сложившаяся ситуация может привести к существенному увеличению нагрузки на сотрудников профильных подразделений УВД и ГОРОВД области, что потребует принятия необходимых мер по недопустимости снижения эффективности работы указанных подразделений.

Несовершенство законодательной базы, отсутствие международных договоров по борьбе с киберпреступлениями, затрудняет процесс их раскрытия и расследования в Республике Беларусь.

23 ноября 2001 г. в Будапеште была подписана Конвенция о киберпреступности (1 июля 2004 г. вступила в силу). Вопрос о ратификации этой конвенции Республикой Беларусь неоднократно обсуждался, однако

до сих пор остается открытым. Ратификация Республикой Беларусь Конвенции о киберпреступности позволила бы ускорить процесс получения оперативной информации о совершенных преступлениях в сфере высоких технологий, полноценно сотрудничать с другими государствами в области борьбы с киберпреступлениями, эффективно реагировать на вызовы, которые киберпреступность сегодня создает для правоохранительной системы Республики Беларусь

УДК 34.04

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В.В. Янч, заместитель декана по учебной работе юридического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент

Аннотация. Правовая глобализация – это процесс развития национальных правовых систем, который характеризуется усилением взаимодействия национального и международного права. Результатом процессов глобализации применительно к праву являются как интеграция, так и интернационализация правовых систем. Она затрагивает сегодня как сферу публичного права, так и частное право (торговое, договорное право).

Введение. Развитие национальных правовых систем сегодня проходит под влиянием детерминирующих процессов глобализации. В «Социологической энциклопедии» глобализация понимается как «спонтанный, отчасти управляемый процесс все возрастающего действия различных факторов международного значения (экономические, политические связи, культурный и информационный обмен, международные организации, транснациональные корпорации) на социальную действительность в отдельных странах…» [1, с.65]. Такое влияние проявляется в формировании надгосударственных структур, утрате национальными государствами элементов суверенитета, в усилении экономической взаимозависимости, углублении процессов интернационализации капитала и иных сфер жизни, в том числе и правовой сферы.

Основная часть. Правовую глобализацию можно определить как процесс развития национальных правовых систем, который характеризуется усилением взаимодействия национального и международного права. Результатом процессов глобализации применительно к праву являются как интеграция, так и интернационализация правовых систем. Глубина проникновения процессов глобализации в национальное право зависит от места государств в системе международных отношений, от их активности в интеграционном взаимодействии. Понятие «правовая глобализации» отражает ту степень, в которой весь мир живет по единому набору правовых норм. Такой единый набор правил может быть создан международными органами, может быть результатом глобального консенсуса,

либо являться итогом параллельного правового развития в различных частях земного шара. В современном мире растущей международной торговли и взаимозависимости потребность в наличии транснациональных норм постоянно возрастает.

Среди важнейших правовых тенденций в эпоху глобализации И.И. Лукашук называет: интернационализацию внутреннего права государств; конституционализацию международного права (закрепление в национальных конституциях, особенно в новых, положений о международном праве) и, как следствие, конституционализацию внешней политики; доместикацию (или интернетизацию) международного права — инкорпорирование международного права во внутреннее; глобализацию правового регулирования [2, с.122].

В наши дни в правовой сфере мы можем наблюдать несколько тенденций глобализации. Глобализация частного права. В данном аспекте правовую глобализацию можно рассматривать как процесс, сопутствующий глобализации рынков и бизнес-практики транснациональных корпораций, которые работают на рынках различных государств. В основе международного торгового права лежит договор, который определяет взаимные права и обязанности участников торговых правоотношений. Две и более договаривающиеся стороны правомочны создать набор правил, регулирующих их отношения, как это предусмотрено условиями их соглашения. В международной торговле договаривающиеся стороны, как правило, согласны подчиняться неправительственным механизмам арбитража или суда того или иного национального государства для решения споров по контрактам. Они также могут по взаимному согласию выбрать право, по которому любой возникший спор между ними может быть разрешен.

В современном мире взаимозависимости и международной торговли растет значение гармонизации международного торгового права. Большинство стран уже признали необходимость единой, предсказуемой и прозрачной правовой системы для поощрения иностранных инвестиций и международной торговли с другими государствами и экономическими объединениями. В результате этого, суды и законы большинства стран признают и обеспечивают исполнение постановлений других государств. Следовательно, сегодня существует движение в направлении разработки транснационального коммерческого и договорного права. В глобальном контексте, в связи со своим мощным экономическим потенциалом, США и некоторые страны Европы существенно влияют на процесс глобализации торгового и договорного права. Причина этого в том, что они осуществляют значительный объем иностранных инвестиций в других частях мира, а также имеют сильное влияние на международную торговлю. Помимо американской экономической мощи, еще одной причиной для этого является восприимчивость общего права к договорному праву.

Глобализация публичного права. Во многих странах, особенно начинающих строить рыночные отношения, велика роль государственного регулирования экономических отношений. С одной стороны, государство,

осуществляя сильную социальную политику, стремится нивелировать имущественное расслоение в обществе, заботится о благосостоянии своих граждан. С другой стороны, в таких государствах наблюдается тенденция ко все возрастающему администрированию различных сфер жизни общества. Это порождает потребность в установлении контроля за правительством со стороны гражданского общества во избежание злоупотребления властными полномочиями. Сегодня мировое сообщество признало необходимость прозрачности и повышения общественного участия в принятии бюрократических решений. Для этого в США, большинстве европейских стран, некоторых других странах мира создана необходимая законодательная база. Поэтому сегодня можно говорить о повышении степени участия общества в контроле над государственной властью как о глобальной тенденции в сфере публичного права. Такой контроль невозможен и без сильной и независимой судебной системы.

Глобализация публичного права проявляется также в защите конституционных прав и свобод человека и гражданина, в защите прав инвесторов, в развитии природоохранного законодательства и других сферах. На глобальном уровне осуществляется деятельность по повышению правовой защиты от негативных последствий явлений технического, экономического и социального характера. Особенно ярко глобальные процессы видны на примере развития природоохранного права. Сегодня деградация окружающей среды пересекает национальные границы, а это, в свою очередь, требует усиления международного природоохранного законодательства. Существующая однородность промышленных и сельскохозяйственных технологий порождает универсальные факторы загрязнения окружающей среды, а следствием такой однородности является однородность, универсальность национальных и межнациональных природоохранных норм и стандартов безопасности.

Основными механизмами правовой глобализации являются правовая интеграция и правовая имплементация. Правовая интеграция выражается в объединении усилий национальных государств, направленных на противодействие глобальным вызовам (борьба с международным терроризмом, защита окружающей среды, пресечение международного наркотрафика и торговли людьми и др.). Правовая интеграция в свою очередь стимулирует процессы правовой имплементации, под которой следует понимать включение в национальное право как норм международного права, так и норм, правовых институтов, способов организации юридической практики других государств.

Заключение. Несмотря на позитивные аспекты, правовая глобализация, как составной элемент глобализационных процессов, может быть новым источником социальных конфликтов, конфликтов культур и цивилизаций. Ведь она затрагивает не только внутригосударственное право, но и национальное самосознание, правовую психологию и идеологию. Помимо этого, глобализационные процессы затрагивают и преступный мир. Создаются новые пути совершения преступлений и ухода от ответ-

ственности. Международная торговля такими запрещенными товарами как наркотики, оружие, люди, органы, произведения искусства становится все более и белое распространенной и хорошо организованной.

Список цитированных источников

1. Социологическая энциклопедия / под общ. ред. А.Н. Данилова. – Мн.: БелЭн, 2003. – 453 с.
2. Лукашук, И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации / И.И. Лукашук // Журнал российского права. – 2002. – №3. – С. 122-129.

УДК 346.52:347

ПО ПОВОДУ КЛАССИФИКАЦИИ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ В ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ (на примере Республики Беларусь)

В.А. Янчук, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат экономических наук, доцент

Л.А. Леонова, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат экономических наук, доцент

Введение. В тезисах доклада рассматриваются классификации форм собственности в Республике Беларусь в условиях переходной экономики. Анализируется концепция множества прав собственности Р. Коуза и А. Оноре. Авторы приходят к выводу о том, что правовая и экономическая эффективность классификации форм собственности определяется социальной ориентацией национальной экономики и оптимальным распределением прав и ответственности экономических субъектов.

Основная часть. Актуальность нашего исследования состоит в том, что в условиях трансформации экономической, социальной и политической систем определяющую роль играет реформа отношений собственности на основные ресурсы общества. Поэтому целью исследования является выяснение оптимальной структуры форм собственности в переходной экономике.

В системе социально-экономических отношений институт собственности является основополагающим элементом, поэтому любая реформа в экономике начинается с изменения форм собственности на основные ресурсы общества.

Собственность как экономическая категория выражает отношения между экономическими субъектами по поводу присвоения условий и результатов производства. Правовое же содержание собственности состоит в юридически закреплённом присвоении субъектами каких-либо объектов. В СССР, например, основу экономической системы составляла социалистическая собственность на средства производства в форме государ-

ственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности[1, с. 8]. Предполагалось, что государственная собственность на средства производства выражает общенародный экономический интерес и поэтому является общенародной.

В Республике Беларусь в период формирования национального государства 11 декабря 1990 года сессией Верховного Совета Республики Беларусь бы принят Закон Республики Беларусь О собственности в Республике Беларусь, где в ст. 9 выделены три формы собственности: частная, коллективная и государственная [2,с. 54].

В Конституции Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями) в ст. 13 представлены уже только две формы собственности: частная и государственная [3]. При этом заметим, что в Конституции Российской Федерации в ст. 8 приводится более гибкая классификация форм собственности: частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Здесь, правда, не расшифровывается такая категория общего права, как иные формы собственности. Кроме того, возникает естественный вопрос: является муниципальная собственность государственной?

Трехэлементная классификация форм собственности, на наш взгляд, является более обоснованной, нежели двухэлементная, так как выделяет собственность физического лица как частную, коллективную и государственную формы собственности. Вместе с тем в современных условиях реальностью стала смешанная форма собственности, в которой переплетаются в различные комбинации частная (физических лиц), коллективная (юридических лиц) и государственная формы собственности, и, следовательно, актуальной стала четырехэлементная классификация форм собственности.

С целью повышения эффективности применения классификаций форм собственности на практике, на наш взгляд, необходимостью является четкое выделение прав и ответственности собственников, ибо противном случае, если права собственности и ответственность не установлены, то неэффективной будет любая форма собственности, как государственная, так и частная.

В современных условиях в развитых странах в хозяйственной практике используется экономическая теория прав собственности, возникновение которой было детерминировано развитием процессов деперсонификации, распыления отношений собственности в условиях преобладания и усиления роли акционерной собственности.

Развитие в работах Р. Коуза[4,р. 1-44] и А. Оноре [5, р. 112-128]основного методологического положения теории прав собственности, реализующегося в новой характеристике объекта собственности, в качестве которого выступает не ресурс, а "пучок прав и ответственности по использованию ресурса" привело к выделению прав собственности. По А. Оноре «полный пучок» включает, прежде всего, такие права на блага, как: владение (контроль над благами); управление или распоряжение (определение кто и как будет использовать благо); использование (применение полезных

свойств блага для себя); на доход (владение результатами от использования благ);на капитальная ценность вещи, или право суверена (на отчуждение, потребление, изменение, уничтожение блага); на безопасность (защита, иммунитет против экспроприации благ или вреда со стороны внешней среды);на завещание и наследование (передача благ в наследство); на бесспорное владение благом; остаточный характер (обязательность возврата переданных кому-либо правомочий по истечении срока).

В полный пучок также входят два вида ответственности за использование какого-либо блага: ответственность за вредное использование (то есть способом, который наносит ущерб внешней среде); ответственность в виде взыскания (возможность изъятия блага в уплату долга).

Заключение. Таким образом, очевидным является вывод о том, что экономические субъекты должны быть не только наделены соответствующими правами, но и должны нести ответственность за использование ресурсов, наносящих ущерб иным экономическим субъектам, населению страны и государству в целом.

При этом исследователи способов рационального использования ограниченных ресурсов не всегда принимают во внимание детерминированность форм и видов собственности соответствующими экономическими интересами (физических лиц, семей, юридических лиц, социальных групп, национальных). Оптимизация форм и видов собственности на ограниченные ресурсы, на наш взгляд, достигается только при гармонизации многообразия интересов. Доминирование же того или иного интереса определяется степенью социальной ориентации национальной экономики.

В целом, проведенное нами исследование позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, для применения на практике в современных условиях наиболее обоснованной является четырехэлементная классификация форм собственности на ограниченные ресурсы, включающая такие формы собственности, как частную (физических лиц), коллективную (юридических лиц), государственную и смешанную.

Во-вторых, эффективность в использовании ограниченных ресурсов в национальных экономиках может быть достигнута только в том случае, если четко определены права и ответственность экономических субъектов по использованию ресурсов.

В-третьих, оптимизация структуры форм и видов собственности на ограниченные ресурсы достигается при гармонизации многообразия интересов. Доминирование того или иного интереса определяется степенью социальной ориентации национальной экономики.

Список цитированных источников

1. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. – М.: Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР», 1988. – 64 с.

2. Закон Республики Беларусь О собственности в Республике Беларусь. – Ведомости Верховного Совета БССР. – 1991. – № 2.

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятая на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: «Амалфея», 2005. – 48с.

4. Конституция Российской Федерации: принята все нар. голосованием12 дек. 1993 г. : офиц. текст. – М. : Юрист, 2005. – 56 с.

5. Coase Ronald H. The Problem of Social Cost / Coase Ronald H. // Journal of Law and Economics. –1960. – P. 1–44.

6. Honore A.M. “Ownership”. In Oxford essays in jurisprundence / A.M. Honore; ed. by Guest A.W. – Oxford, 1991. – P. 112–128.

УДК 343.851.5(476)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Д.С. Ястреб, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы административно-деликтного законодательства в профилактике правонарушений несовершеннолетних, даётся анализ действующего законодательства в указанной сфере, формулируются предложения, по совершенствованию норм законодательства исходя из анализа правоприменительной практики.

Введение. Наблюдение автора за происходящими процессами в сфере практики применения уголовного и административно-деликтного законодательства привели к убеждению, что в значительной степени можно снизить «вредность» правонарушающих поступков со стороны несовершеннолетних. При этом значительный резерв, скрытый в применении административно-деликтного законодательства в полном объеме не используется.

Основная часть. Не говоря о преимуществах той или иной законодательной системы, необходимо обратить внимание на имеющиеся и до сих пор неиспользованные в полной мере резервы в профилактике правонарушений несовершеннолетних, активизировать которые возможно, внеся изменение в административно-деликтное законодательство и которые, к сожалению, не были учтены при подготовке и принятии действующего Кодекса об административных правонарушениях (далее КоАП).

Принимая во внимание тесную взаимосвязь и взаимное влияние преступности и административной деликтности, КоАП нужно рассматривать с позиции профилактики преступлений. Учитывая то, что административные правонарушения в Беларуси сегодня превратились в одно из самых типичных криминогенных явлений, представляется необходимым статью 1.2. «Задачи законодательства об административных правонару-

шениях» после слов «направлен на предупреждение административных правонарушений», дополнить словом «и преступлений».

К сожалению, при подготовке КоАП законодатель не учел реалий времени. За ряд уголовно-наказуемых деяний уголовная ответственность наступает с четырнадцати лет, за административные правонарушения, которые зачастую являются первым шагом к совершению преступлений, ответственность наступает с шестнадцати лет.

Уже давно назрела необходимость снизить возраст, с которого наступает ответственность за административные правонарушения. Несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет вправе самостоятельно, без согласия родителей, усыновителей и попечителей распоряжаться своими заработком, стипендией и иными собственными доходами, вносить вклады в кредитные учреждения и распоряжаться ими, совершать мелкие бытовые сделки... (ст. 25 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее ГК), то есть фактически вести самостоятельный, не зависимый от родителей образ жизни.

Рядом статей Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее УК), в том числе ст.340 (Заведомо ложное сообщение об опасности) и ст. 341 (Осквернение сооружений и порча имущества), предусмотрено наступление уголовной ответственности с 14-летнего возраста. Объектом данных преступлений является общественный порядок. Общественный порядок является также объектом мелкого хулиганства (ст. 17.1 КоАП). Причем мелкое хулиганство имеет место и в том случае, когда лицо сделало непристойные надписи на заборе в отсутствие людей. Таким образом, «осквернение сооружений и порча имущества» и «мелкое хулиганство» имеют пограничные составы. Административная ответственность за заведомо ложное сообщение (ст. 17.6 КоАП) наступает с шестнадцатилетнего возраста. Таким образом, применение административного законодательства в данных случаях не служит профилактике преступлений, так как уголовная ответственность наступает одновременно с административной либо ранее ее.

Проявляя нетерпимость к нарушителям законодательства, в том числе и административно - деликтного, государство выражает решительность и волю в защите законных интересов как собственно государственных, так и граждан, а также способствует воспитанию несовершеннолетних в духе уважения закона. В связи с этим, как уже отмечалось выше, привлечение к административной ответственности с шестнадцатилетнего возраста, тогда как уголовная ответственность по ряду статей УК наступает с четырнадцати лет, теряет смысл.

Необходимо признать и соответственно устранить нелогичность (по отношению к УК и ГК), допущенную при подготовке КоАП, предусмотрев наступление ответственности за все административные правонарушения с четырнадцатилетнего возраста, за отдельные - с двенадцатилетнего возраста, что, в свою очередь, окажет положительное влияние на состояние правопорядка.

Социальные и нравственные навыки, заложенные в детстве и юности, влияют на дальнейшую судьбу подростка и взрослого человека, поэтому необходимо, ограничить применение мер уголовного воздействия к подросткам, особенно связанных с лишением свободы, при этом расширив использование административно-деликтного законодательства. В связи с этим, представляется целесообразным четко регламентировать правовые последствия привлечения подростка к административной ответственности. Так, если в течение одного года после совершения административного правонарушения подростком не допущены нарушения закона (уголовного, административного и т.д.), то никаких правовых ограничений не возникнет. В случае допущения повторного нарушения закона в течение одного года должны наступать определенные ограничения. Например, при поступлении в специфический (юридический, дипломатический, системы МВД и т.д.) ВУЗ, при устройстве на работу или рассмотрении вопроса о стажировке за рубежом.

Развивая идею восстановительного правосудия и учитывая интересы пострадавших от противоправных действий, особенно по делам, где нарушителями являются несовершеннолетние, наряду со своевременным реагированием государства на противоправные поступки, представляется важным также и восстановление справедливости. В связи с этим, действия нарушителя (в частности административного законодательства), направленные на снижение или ликвидацию вредных последствий, возникших в результате его противоправного поведения, рассматривать как обстоятельства, исключающие правовые последствия, вызванные привлечением к административной ответственности, но только единожды в течение года. При этом подросток, совершивший правонарушение, принимая меры по ликвидации или снижению вредных последствий, может устранять их различными способами, вплоть до выполнения каких-либо работ (уборка помещения, территории и т.д.) не только в пользу государства, но и частного лица, чьи интересы были затронуты противоправным поведением.

Заключение. Снижая возрастной порог, с которого наступает административная ответственность и, внеся изменения в административно - деликтное законодательство, с одной стороны, усилив правовые последствия, связанные с применением административно-правовых мер в отношении несовершеннолетнего нарушителя, а с другой стороны, создавая условия для устранения вредных последствий и тем самым, давая возможность несовершеннолетнему правонарушителю прочувствовать всю остроту и негативность своих действий, достигается цель – воспитание подрастающего поколения с позиции уважительного отношения к закону, что в свою очередь будет способствовать профилактике правонарушений несовершеннолетних.

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамович О.А. Классификация бесхозяйных вещей в гражданском праве 3
Алексеенко С.М. Рецепция римского права 5
Алхимина И.А. Технико-криминалистическое обеспечение обыска .. 8
Барышев В.А. Государство как субъект промышленной собственности 11
Басалай Е.И. Презумпция отцовства как способ защиты прав и законных интересов ребенка 13
Бочков А.А. Методология юридической науки 16
Бошукова Е.В. Ответственность за приготовление к преступлению .. 20
Василевич Г.А. К вопросу о совершенствовании проекта Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» 23
Василевич С.Г. Об административной ответственности за длящееся правонарушение 29
Вегера И.В. Конституционные права и свободы в ценностной парадигме основного закона Республики Беларусь 31
Веташкова Т.В. Право на юридическую помощь 34
Виницкий Л.В., Бурносова Ю.Л. Закон следует изменить 37
Глинда А.И. Состав функций института юридической ответственности 43
Губаревич А.В., Федосова А.А. Медиация как альтернативный способ внесудебного урегулирования споров 46
Гуминский М.Н. Состояние преступности в Витебской области в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков 51
Гурщенков П.В. Инкубаторы малого предпринимательства: сравнительно-правовой анализ договорных отношений 54
Демичев Д.М. Местное самоуправление в конституционном строе Республики Беларусь 57
Дмитриева Т.Ф. Криминалистическая технология организационного компонента системы криминалистического обеспечения осмотра места происшествия 62
Дорогова Л.Н. Деятельность публичных центров правовой информации Витебской области 65
Дорошенко Т.Н. Актуальные проблемы, связанные с формами воспитания детей, оставшихся без попечения родителей по российскому законодательству 68
Дубовицкий В.Н. Вопросы методологии и методики в сравнительном правоведении 75
Егоров А.В. Сравнительное правоведение как самостоятельное направление правовых исследований 78
Егорова А.Г. Реализация иностранного правового элемента в условиях национальной правовой системы 81

Елисеев В.С. О развитии сельского хозяйства России: правовой аспект 85
Ермакович С.Л. О соотношении понятий «Антимонопольное законодательство» и «законодательство о конкуренции» 91
Запрудская М.С. Отдельные аспекты прокурорского надзора за исполнением инвестиционного законодательства 96
Здрок О.Н. Сравнительно-правовое исследование альтернативных способов урегулирования частноправовых споров 100
Зиновик М.Н. Повышение эффективности координации прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией 104
Иванцова Ю.Г. Источники правового регулирования международных информационных отношений публичного характера 113
Ивашкевич Е.Ф. Современные конституционные процессы в государствах на постсоветском пространстве 116
Калпинская О.Е. Сравнительно-правовой анализ особенностей уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в России и Белоруссии 123
Кирякова И.Н. Особенности делегированного законодательства в семье общего права 129
Козак М.А. О процессе избрания депутатов Палаты Представителей Национального собрания Республики Беларусь 132
Козловская В.В. Критерии неправомерного использования товарных знаков в сети Интернет 135
Конопелько С.П. О некоторых аспектах практической деятельности органов юстиции в Республике Беларусь и Республике Грузия ... 138
Котенков Е.А. О нравственности в праве (на примере норм уголовного закона Республики Беларусь) 148
Куницкая О.М. Понятие и правовой статус субъектов инновационной деятельности в структуре национальной инновационной системы 156
Куракин Ф.В. Правовое регулирование цифровых валют в Республике Беларусь и за рубежом: сравнительный анализ 159
Лобацкая Т.В. Особенности установления факта получения заработной платы за конкретный период в определенном размере 162
Макарова Е.А. Некоторые теоретические аспекты алиментных обязательств: сравнительный анализ 165
Максименюк В.В. Заказчики по гражданско-правовому договору на оказание услуг по оздоровительному туризму 170
Малиновская А.И. Лицензирование деятельности в сфере использования атомной энергии в Республике Беларусь 173
Маркина Н.А., Акулинский П.В. Правовое регулирование отдельных механизмов обращения с отходами 177
Михайлова О.П., Беленькая-Гордонова Е.А. Сравнительно-правовой анализ дисциплинарной ответственности по трудовому законодательству Республики Беларусь и Туркменистан 180

Мороз Н.В. Содержание объекта коммерческой тайны в законодательстве различных стран 183
Мороз О.Л. Сравнительный анализ участия несовершеннолетних свидетелей в гражданском процессе зарубежных стран 186
Муслимов Ш.Р. К вопросу совершенствования информационного законодательства Кыргызстана 189
Невмержицкий Н.И. Генезис наказания в виде ограничения свободы 192
Новик О.О. О новом подходе к правилам назначения наказания при повторности преступлений 200
Новик О.О., Ананенко А.А. О субъективной связи между участниками преступления 202
Петров А.П. Некоторые аспекты соподчинения источников конституционного права 205
Петров А.П., Ананенко А.А. Сравнительно-правовой анализ альтернативной службы в Республике Беларусь и Российской Федерации 208
Плоскунов Д.В. Сравнительный анализ обоснованного риска в уголовном праве на примере законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации 212
Преснякова Т.В., Шашкова И.М. Признание брака недействительным в Республике Беларусь и за рубежом: сравнительно-правовой анализ 216
Пугачев А.Н. Источники конституционного права в зарубежных странах (сравнительный анализ) 218
Рудис А.С. К вопросу об экологическом контроле 223
Савкина Ю.М. Соотношение толкования и конкретизации при применении оценочных понятий в основаниях увольнения по инициативе нанимателя 226
Савчук Т.А., Дудко О.В. Проблемы и перспективы правового регулирования постановления оправдательного приговора 229
Сазонова С.В. Сравнительно-правовой анализ отечественной и зарубежной регламентации невинного причинения вреда (случая) 237
Сафонов А.И. Превентивные меры в отношении легализации («отмывания») материальных ценностей, приобретенных преступным путем в Российской Федерации и Республике Беларусь 240
Сафонова Т.В. Конституционно-правовые основания и источники государственной информационной политики Республики Беларусь .. 243
Семенова Т.В. Виды правоотношений, связанных с использованием доменных имен 246
Сільчанка М.У. Аб структурных элементах сістэмы сацыяльнага кіравання 252
Синюк Е.В. Преимущества исковых средств защиты публичных прав 257

Стаценко В.Г. О совершенствовании правового обеспечения защиты жертв преступной деятельности 260
Сухарев А.А. Научные представления о детерминации криминального поведения 263
Таранова Т.С. Судебная медиация по гражданским делам 266
Трахимёнок С.А. Национальная идея и правовое регулирование: содержательные аспекты взаимодействия 269
Трацевская Л.Ф. Правовая культура как важнейший элемент культурно-образовательного потенциала современной молодежи Беларуси 272
Трофимова М.С. Опыт Российской Федерации по унификации упрощенного производства в гражданском и арбитражном процессе 275
Хомич В.М. Уголовная ответственность: правовое и социальное содержание 282
Чичина Е.В. Вопросы исполнения соглашения о применении медиации 288
Шантырева Е.А. Уголовно-правовая защита человека от эксплуатации как криминологический феномен 291
Швед Е.Н. Юридическая техника: подходы к определению понятия и состава 293
Шеленговский П.Г. Правовое регулирование рекламной деятельности в контексте категории «интеллектуальная собственность в Российской Федерации» 296
Шерашенкова Е.А. Сравнительно-правовой анализ банкротства физических лиц в зарубежных странах 299
Шилко В.В. Правовое регулирование договора суррогатного материнства в Республике Беларусь и Российской Федерации: сравнительно-правовой аспект 301
Шматков И.И. Перспективы и правовые основы становления логистики в Беларуси 305
Яблонский Г.А., Сафонова Т.В. Состояние и тенденции преступности в сфере высоких технологий в Витебской области 309
Янч В.В. Основные тенденции развития правовой глобализации 314
Янчук В.А., Леонова Л.А. По поводу классификации форм собственности в переходной экономике (на примере Республики Беларусь) 317
Ястреб Д.С. Актуальные проблемы административно-деликтного законодательства в профилактике правонарушений несовершеннолетних 320

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Сборник научных статей

Технический редактор *Г.В. Разбоева*
Компьютерный дизайн *Т.Е. Сафранкова*

Подписано в печать .2017. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 19,00. Уч.-изд. л. 20,82. Тираж экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.